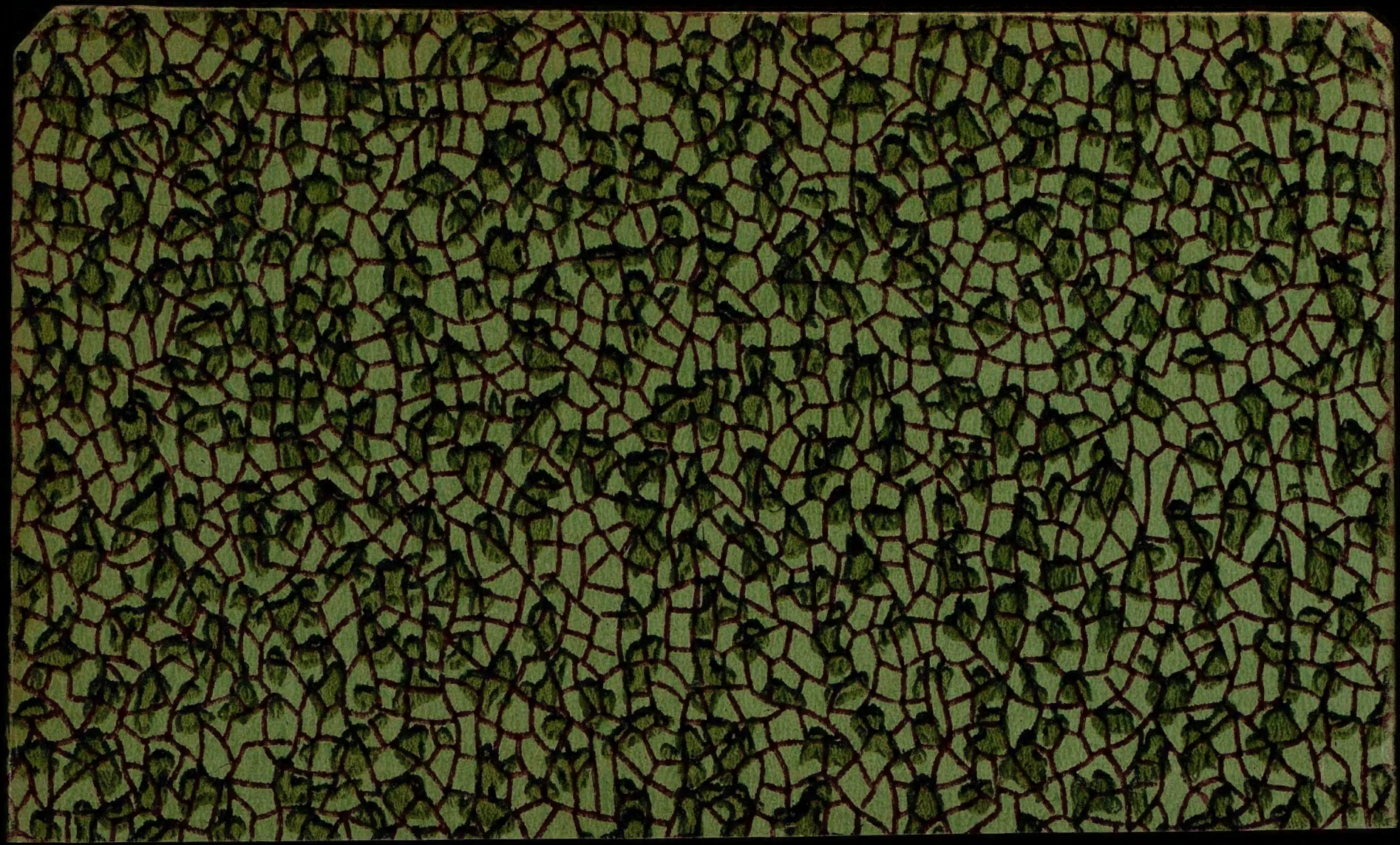


А28-1/190
107/1927г.

Д. Каррутерсъ.

„Невѣдомая Монголія“.

Томъ I.

УРЯНХАЙСКІЙ КРАЙ.

Переводъ съ англійскаго Н. В. Турчанинова.

Изданіе Переселенческаго Управленія
Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

ПЕТРОГРАДЪ.
1914.

В библиотеку Географического общества. От Н. В. Турчанинова.

Д. Каррутерсъ.

„Невѣдомая Монголія".

Томъ I.

УРЯНХАЙСКІЙ КРАЙ.

Переводъ съ англійскаго Н. В. Турчанинова.

6507

А28-1/190

Изданіе Переселенческаго Управленія
Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

ПЕТРОГРАДЪ.
1914.

Я 4 25/10

Екатерининская типографія, Звенигородская ул., с. д. № 30.

Отзывъ о трудѣ Д. Каррутерса лорда Керзона.

Авторъ настоящаго труда, не желая пользоваться обычными, проторенными современными путешественниками путями, избралъ ареной для своихъ научныхъ изслѣдованій совершенно малоизвѣстную часть Центральной Азіи. Если взять по 45 параллели точку, отстоящую отъ Каспійскаго и Японскаго морей приблизительно на равныхъ разстояніяхъ, то и намѣтится центральный пунктъ того района, который былъ пройденъ,—изученъ и заснятъ на карту нашимъ изслѣдователемъ въ теченіе 1910 и 1911 годовъ, съ присущими истому географу терпѣніемъ и основательностью.

Пространства, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, граничатъ на сѣверѣ съ сибирскими владѣніями Россіи, заключаютъ въ себѣ малоизвѣстный бассейнъ Верхняго Енисея, изслѣдованный и описанный авторомъ съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, охватываютъ обиталища западно-монгольскихъ племенъ и равнины Джунгаріи и замыкаются на югѣ длиннымъ барьеромъ Тянь-Шаня или Небесныхъ Горъ. Съ востока эти пространства отрѣзаны отъ внѣшняго міра и застывшаго Китая обширной пустыней Гоби; къ западу отъ нихъ лежатъ населенныя области Русскаго Туркестана.

Эти районы интересны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ ихъ предѣлахъ сталкиваются между собою различныя соперничающія племена, вѣрованія и политическія силы. Мы встрѣчаемъ здѣсь и предпріимчиваго, испытаннаго русскаго переселенца, влекомаго сюда обиліемъ минеральныхъ богатствъ, рыбы и мѣховъ, переселенца, проявляющаго спокойную увѣренность, что будущее здѣсь принадлежитъ только одному ему. Видимъ въ этомъ районѣ и монголовъ, наслѣдниковъ могущественнаго прошлаго, долгое время находившихся подъ истощающимъ и растлѣвающимъ вліяніемъ вырождающагося ламаизма, но теперь жадно обращающихъ свои взоры къ восходящему

солнцу Россіи, въ надеждѣ обрѣсти здѣсь теплоту и защиту, чего не сумѣлъ имъ обезпечить Китай. Здѣсь же, на равнинахъ Джунгаріи, служащихъ крайними восточными аванпостами ислама, мы обнаруживаемъ наличіе тюркскихъ племенъ, до сихъ поръ тяготѣющихъ къ Меккѣ и представляющихъ изъ себя полное романтизма зрѣлище, въ многихъ частяхъ Центральной Азіи когда то ласкавшее еще взоры Марко Поло. Тутъ же даетъ о себѣ знать, въ одно и то же время возрождающійся и ослабѣвающій Китай, который въ предѣлахъ этихъ пространствъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ „Новыхъ Владѣній“ проявляетъ замѣтные энергію и активность, въ остальныхъ мѣстахъ совершенно у него уже атрофированные. Затаенный вопросъ неуклонно сопровождаетъ всѣ пытливыя изысканія и размышленія Каррутерса: кому принадлежитъ будущее въ этихъ загадочныхъ районахъ, игравшихъ когда то такую выдающуюся роль въ міровой исторіи и которые несомнѣнно обнаруживаютъ всѣ признаки своего возможнаго возрожденія? Тотъ, кто сумѣетъ прочесть эту книгу между строкъ, усмотритъ въ ней и единственно возможный отвѣтъ на этотъ пытливый вопросъ.

Нашего путешественника можно смѣло назвать такимъ именно географомъ, который вооруженъ продолжительнымъ опытомъ въ дѣлѣ изслѣдованій и изысканій. Онъ не отважился бы на изумительно смѣлое предпріятіе, не сталъ бы подвергаться огромному риску и переносить невѣроятныя опасности, если бы обладалъ только храбростью, которая составляла отличительную черту всѣхъ изслѣдователей Центральной Азіи и первой половины минувшаго столѣтія. Въ совершенствѣ изучившій труды всѣхъ своихъ предшественниковъ — европейцевъ, совершавшихъ путешествія въ предѣлы районовъ, куда онъ самъ рѣшилъ направиться, будучи спеціалистомъ по нанесенію на карты изслѣдуемыхъ пространствъ, сопровождаемый свѣдущими товарищами, снабженный въ полной мѣрѣ средствами для наиболѣе успѣшнаго изученія и коллекціонированія образцовъ флоры и фауны, геологіи и зоологіи страны и слѣдуя въ сопутствіи тщательно оборудованнаго каравана, онъ поставилъ себѣ цѣлью внести и свою посильную дань въ сокровищницу человѣческихъ знаній и написалъ книгу, которая въ теченіе долгаго времени будетъ служить классическимъ трудомъ по затрагиваемой въ ней темѣ. Насколько успѣшно выполнено имъ задуманное предпріятіе, видно изъ того, что въ 1912 году за его путешествіе и отчетъ о немъ, Каррутерсу была присуждена Королевскимъ Географическимъ Обществомъ золотая медаль.

Тѣ, кто представляетъ себѣ Центральную Азію въ видѣ безграничной сплошной пустыни, испещренной безпорядочными и мощными горными хребтами и отличающейся полнѣйшимъ безлюдіемъ, вѣроятно, будутъ поражены, слѣдуя мысленно шагъ за шагомъ за авторомъ и

постепенно усваивая себѣ результаты его изысканій. Онъ переноситъ насъ то въ страну кустарниковой чащи и болотъ, кишащихъ насѣкомыми, то въ первобытные лѣса, то вдругъ на уединенные луга и богатыя травянымъ покровомъ возвышенности, то, наконецъ, въ ущелья, затерявшіяся среди скалъ, съ ихъ ледниками и моренами. Иногда онъ заставляетъ насъ плыть съ нимъ на плоту или въ лодкѣ по широкой озерной глади, или плескаться въ челнокѣ по свободному простору какой нибудь рѣки. Онъ поперемѣнно ѣдетъ то на верблюдѣ, то на пони, то на ослѣ. Иногда мы видимъ его трясущимся въ китайской повозкѣ, или въ русскомъ тарантасѣ. Вотъ онъ, спящій въ угрюмомъ и грязномъ каравансараѣ, нѣмомъ свидѣтелѣ незапамятныхъ прошедшихъ временъ. А вотъ онъ же—гость хановъ-номадовъ, охотящихся съ дорогими орлами и соколами и живущихъ въ богато-расшитыхъ войлочныхъ хижинахъ.

При всемъ этомъ ему приходится преодолѣвать всевозможныя затрудненія и переживать разочарованія, что, конечно, требуетъ отъ человѣка неистощимаго запаса энергіи. Но авторъ этой книги—истый азіатскій путешественникъ и мы рѣшительно можемъ удостовѣрить, что въ книгѣ этой описываются два самыхъ счастливыхъ года его жизни.

Хотя настоящіе тома [1]) только въ цѣломъ рисуютъ широкую картину и подчеркиваютъ общую мысль сочиненія, о которой я говорилъ выше, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя главы въ нихъ, заслуживаютъ особо быть отмѣченными. Таковы: главы, представляющія тщательные, научно-обоснованные очерки о туземномъ урянхайскомъ племени, уединенно живущемъ смежно съ собственно Сибирью, съ его стадами прирученныхъ оленей, на которыхъ они ѣздятъ и катаются верхомъ, которыхъ доятъ и которыми при случаѣ питаются; глава о монголахъ, въ которой кратко, но живописно рисуется исторія этого необыкновеннаго народа,—когда-то дававшаго повелителей, возсѣдавшихъ на пекинскомъ тронѣ, опустошившаго и почти завоевавшаго всю Европу, создавшаго изумительную, но не долговѣчную имперію, простиравшуюся отъ Франціи до Китая, завѣщавшаго Индіи монгольскую династію, оставившую такой глубокій слѣдъ на архитектурѣ и исторіи этой страны и выдвинувшаго ужасную фигуру Чингисъ-Хана, который, пожалуй, превзошелъ всѣхъ людей, когда либо жившихъ, количествомъ пролитой имъ человѣческой крови и который до настоящаго времени неизмѣнно почитается божествомъ среди монгольскихъ племенъ; глава—рисующая, блещущую разнообразіемъ, картину жизни кирейцевъ-киргизъ, тоже давшихъ средневѣковаго героя,

---

[1]) Трудъ Каррутерса изданъ въ двухъ томахъ, изъ коихъ переведенъ пока только одинъ первый томъ. *(Примѣч. перев.).*

въ лицѣ полу-исторической, полу-миѳической личности Престеръ Джона, которые, хотя и состоятъ частью въ русскомъ, и частью въ пекинскомъ подданствѣ, все же до сихъ поръ продолжаютъ духовно тяготѣть къ Стамбулу; описаніе незначительнаго магометанскаго ханства Хами или Кумула, расположеннаго по западной границѣ пустыни Гоби и, наконецъ, описаніе интересной научной поѣздки на Карликъ-Тагъ. Къ изложенному можно присовокупить, что г. Каррутерсъ — мастеръ чистѣйшаго, вполнѣ выдержаннаго научнаго стиля. Его имя будетъ вполнѣ достойнымъ добавленіемъ къ немногочисленному списку англійскихъ изслѣдователей, работавшихъ въ этихъ частяхъ Центральной Азіи, которыя ознаменованы именами Енгезбанда, Нью-Елліаса и Штейна, и вмѣстѣ съ именами замѣчательныхъ русскихъ людей — Пржевальскаго, Козлова, Потанина, Сѣверцова и прочихъ изслѣдователей, чьи самобытные труды, даже и по прошествіи ряда лѣтъ, приносятъ такіе обильные плоды ихъ родной странѣ, имя Каррутерса будетъ всегда пользоваться заслуженнымъ имъ уваженіемъ.

Керзонъ Кедлстонскій.

Отъ автора.

Цѣль настоящей книги—дать представленіе о тѣхъ районахъ Верхней Азіи, которые до сихъ поръ не были еще описаны. Разсказъ о совершенномъ путешествіи переплетается въ ней съ отчетомъ о произведенныхъ географическихъ изслѣдованіяхъ, полнымъ историческимъ очеркомъ и описаніемъ расъ и физическихъ особенностей страны, взятой въ цѣломъ. Объемъ работы изложенъ ниже во введеніи.

Затруднительность согласованія строго научныхъ наблюденій и отчетныхъ данныхъ о своеобразномъ районѣ съ повѣствованіемъ о пережитыхъ нами лично испытаніяхъ, заставили насъ исключить всякія техническія подробности и мы останавливаемся на нихъ лишь тамъ, гдѣ это безусловно необходимо; научные результаты, добытыя экспедиціей, были отдѣльно опубликованы въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ журналахъ.

Долженъ прежде всего отмѣтить, что настоящая экспедиція обязана исключительно частной иниціативѣ; она была задумана и осуществлена усиліями частныхъ лицъ. Свою личную благодарность, а равно благодарность отъ имени всѣхъ географовъ, я долженъ прежде всего принести моимъ товарищамъ г. Ж. Х. Миллеру и г. М. П. Прайсу, которые охотно приняли участіе въ необходимой для осуществленія подобнаго начинанія подпискѣ и неослабѣвающей энергіи и рвенію которыхъ, всецѣло обязана экспедиція достигнутымъ ею успѣхомъ. Мой отчетъ объ этой экспедиціи и о произведенныхъ ею работахъ, дополняютъ три, написанныя Миллеромъ, главы—объ охотѣ за крупной дичью и о забавахъ (спортѣ), которымъ предается населеніе въ районахъ, нами посѣщенныхъ. Прайсъ, въ свою очередь, опубликовалъ свои впечатлѣнія касательно политическихъ и соціальныхъ условій приграничныхъ Сибирскихъ земель въ особой книгѣ [1]).

---

[1]) „Сибирь“ М. П. Прайсъ. Метуэнъ 1912.

Королевскому географическому обществу я обязанъ признательностью за оказанную мнѣ имъ поддержку, выразившуюся въ выработкѣ первоначальнаго плана экспедиціи и въ одолженіи научныхъ инструментовъ. Я считаю себя также обязаннымъ засвидѣтельствовать постоянную готовность оказывать мнѣ великодушно помощь со стороны библіотекаря и его помощниковъ въ теченіи моихъ изыскательныхъ кабинетныхъ работъ, продолжавшихся многіе мѣсяцы. Равнымъ образомъ я не могу умолчать также и о вниманіи, съ которымъ картографы отнеслись къ своей работѣ по воспроизведенію для меня географическихъ картъ.

Долгомъ своимъ почитаю я выразить также мою благодарность и лорду Керзону за его оцѣнку моей работы, которая приведена выше и служитъ вступленіемъ къ настоящему труду.

Иллюстраціи, помѣщенныя въ книгѣ, за исключеніемъ двухъ, имена авторовъ которыхъ особо оговорены въ приложенномъ спискѣ, сдѣланы съ нашихъ собственныхъ снимковъ. Я долженъ еще поблагодарить г. Ж. Д. Коббольда и г. Т. П. Миллера за любезное одолженіе ими фотографій, Г. Ж. Г. Миллэ я обязанъ за оригиналъ рисунка дикой овцы, который онъ былъ такъ любезенъ нарисовать мнѣ, несмотря на переобремененность своей личной работой. Три раскрашенныя карты были воспроизведены съ благосклоннаго разрѣшенія Королевскаго Географическаго Общества, подъ чьимъ покровительствомъ онѣ и были составлены на основаніи добытыхъ нашей экспедиціей межевыхъ данныхъ; карты эти уже были помѣщены въ географическихъ журналахъ въ Іюнѣ 1912 и въ Апрѣлѣ 1913 годовъ.

Я долженъ еще засвидѣтельствовать, что огромную помощь мнѣ въ отношеніи антикварномъ оказалъ г. Адріановъ, сотрудникъ Томскаго Университета. Пріятно мнѣ также выразить благодарность и капитану Эрнесту Разону за содѣйствіе по переводу нѣсколькихъ русскихъ трудовъ. Въ заключеніе благодарю также за многія цѣнныя литературныя указанія и считку полностью нѣсколькихъ корректуръ г-жъ Оуэнъ-Макензи и Холденъ, чьи просвѣщенные совѣты въ отношеніи порядка распредѣленія матеріала и техники набора книги принесли мнѣ неоцѣнимыя услуги.

Д. Каррутерсъ.

Лондонъ 1913.

НЕВѢДОМАЯ МОНГОЛІЯ.

Введеніе.

Внимательное изученіе трудовъ всѣхъ путешественниковъ, ранѣе насъ посѣщавшихъ отдаленныя части Центральной Азіи, убѣдило насъ въ томъ, что здѣсь остался еще одинъ, по крайней мѣрѣ, районъ, который заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія.

Районъ этотъ составляютъ земли омываемыя истоками рѣки Енисея, Сѣверо-Западная Монголія и Джунгарія, ознакомленіе съ которыми даетъ богатый матеріалъ для научныхъ работъ.

Все это огромное пространство представляетъ изъ себя одинъ изъ тѣхъ немногихъ районовъ, въ изученіи котораго англичане не принимали до сихъ поръ никакого участія, предоставивъ въ этомъ отношеніи первенство русскимъ. Обстоятельство это, а также невозможность пользованія для изслѣдователей, незнающихъ русскаго языка, русскими источниками, изъ которыхъ многіе не только остаются до настоящаго времени совершенно неизвѣстными широкой публикѣ, но даже и неопубликованными, заставили насъ заняться подробнымъ описаніемъ этихъ, въ большинствѣ случаевъ остающихся совершенно невѣдомыми англійскому читателю земель.

Въ наши дни въ книгѣ описанія путешествія читатель ищетъ всегда чего либо новаго, такого, что составляло бы несомнѣнный вкладъ въ сокровищницу знанія. Въ то же время для добросовѣстнаго изслѣдователя становится съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе удовлетворять этому желанію, такъ какъ пробѣлы на географическихъ картахъ быстро заполняются. Несмотря на то мы полагаемъ, однако, что посѣщенныя нами мѣстности, а именно — бассейнъ Верхняго Енисея, Сѣверо-Западная Монголія и нѣкоторыя части Джунгаріи, еще такъ мало изучены предыдущими путешественниками, что наше описаніе этихъ мѣстностей не будетъ лишено извѣстнаго интереса.

Мѣстность, гдѣ беретъ свое начало одна изъ величайшихъ рѣкъ Азіи, Енисей, до сихъ поръ ускользала отъ проницательнаго взора и на нее рѣдко ступала нога пытливаго путешественника. Карты этой страны полны ошибокъ, а нѣкоторыя части ея и вовсе на нихъ не показаны; не было даже попытокъ описанія какъ дикой чащи лѣсовъ, наполняющихъ эти пространства такъ и своеобразныхъ племенъ, населяющихъ ихъ— боязливыхъ „лѣсныхъ жителей“—урянхайцевъ.

Главной своей задачей мы поставили себѣ изучить, съ возможною полнотою, районъ, охватывающій малоизвѣстные доселѣ истоки рѣки Енисея, верховья котораго омываютъ сѣверныя части великаго монгольскаго плоскогорья. Здѣсь, въ окруженномъ горами бассейнѣ, совершенно отрѣзанный какъ отъ долинъ, такъ и отъ мрачныхъ нагорій Монголіи, защищенный отъ вторженія людей поясомъ дремучаго лѣса и суровыхъ приграничныхъ вершинъ, расположенъ районъ, крайне интересный какъ для географа, такъ и для натуралиста. Онъ представляетъ изъ себя послѣднее крѣпкое убѣжище туземныхъ племенъ Южной Сибири—племенъ, оттиснутыхъ въ глубины лѣсного уединенія. Здѣсь, въ бассейнѣ верхняго Енисея, живутъ урянхайцы, эти дикіе „лѣсные обитатели“, ведущіе еще и въ настоящее время жизнь весьма близкую къ окружающей ихъ природѣ.

Проникнувъ въ предѣлы этого района лѣтомъ 1910 года и пройдя бассейнъ Енисея отъ сѣверо-восточнаго до юго-

западнаго краевъ, мы затѣмъ вышли изъ него, переваливъ хребетъ Танну-ола, служащій водораздѣломъ системъ рѣкъ Сѣвернаго Ледовитаго океана и материковаго бассейна и вступили въ Монголію. Въ сѣверо-западной Монголіи мы продолжали нашу работу,—посѣтили замѣчательную группу Тергенскихъ или Кунделунскихъ горъ, служащую мѣстообиталищемъ дюрбетскимъ племенамъ и познакомились съ современнымъ внутреннимъ бытомъ когда то могущественныхъ монголовъ.

До насъ посѣщали районъ истоковъ Енисея лишь немногіе русскіе путешественники, Гораздо многочисленнѣе группа путешественниковъ, посѣщавшихъ обширное монгольское плоскогорье. Среди нихъ только Аткинсонъ, Нью-Элліасъ и Енгезбандъ—британцы, тогда какъ русскіе и здѣсь составляютъ весьма значительную группу изслѣдователей, среди которыхъ встрѣчаются блестящія имена Пржевальскаго, Козлова, Потанина, Пѣвцова и Матуссовскаго. Мы надѣемся сдѣлать существенныя добавленія къ сообщеніямъ послѣднихъ о горахъ, озерахъ и пастбищахъ, а также о бродячихъ номадахъ этихъ, открытыхъ вліянію вѣтровъ, пустырей. Путь нашъ лежалъ не по протореннымъ предшествующими путешественниками путямъ, такъ какъ тщательное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ путей дало намъ возможность придерживаться въ предѣлахъ нагорій Монголіи совсѣмъ новаго направленія.

Нашъ путь шелъ къ западу, къ мѣстообитанію кирейцевъ, этого замѣчательнаго скотоводческаго племени, которое, ведя свое происхожденіе отъ народа когда то непосредственно находившагося подъ главенствомъ извѣстной въ исторіи личности Престеръ Джона, составляетъ крайне любопытную этнографическую загадку.

Джунгарія, подъ которой подразумѣвается пространство, охватывающее весь внутренній Алтайско-Тянь-Шанскій районъ, также заслуживаетъ систематическаго и подробнаго описанія, и эта задача явилась для насъ очередной послѣ прохода черезъ сѣверную Монголію.

Свѣдѣнія, которыя намъ удалось раздобыть въ теченіе десятимѣсячнаго пребыванія нашего въ приграничныхъ ея хреб-

тахъ и при переходахъ по ея негостепріимнымъ пустынямъ, въ связи съ наблюденіями величайшихъ изъ русскихъ піонеровъ, совершившихъ до насъ поѣздки въ эти предѣлы, дали намъ возможность выяснить границы древней земли Джунгаровъ.

Мы прослѣдовали вдоль русско-китайской границы отъ Алтая до Кульджи, въ предѣлы Илійской долины, гдѣ Прайсъ покинулъ насъ, предпринявъ поѣздку по русскому Туркестану и Кавказу, прежде чѣмъ отправиться домой въ Англію. Послѣ его отъѣзда мы съ Миллеромъ оставались здѣсь еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ наши планы входило при выступленіи повернуть отсюда на востокъ, пройти вдоль южныхъ границъ Джунгаріи, на Урумчи и Кумулъ, затѣмъ пересѣчь великую Гоби въ направленіи на Гоангъ-Го и идти далѣе до Пекина.

Чтобы болѣе тщательно заняться изслѣдованіемъ Джунгаріи, отъ выполненія послѣдней части нашей задачи пришлось, однако, отказаться. Подробно занеся на карту группы Карликъ-Тагскихъ (Karlick Tagh), горъ, расположенныхъ къ сѣверо-востоку отъ Кумула, мы повернули обратно и снова пересѣкли Джунгарію. На этотъ разъ мы посѣтили Богдо-ола, священное озеро, расположенное на югѣ Джунгаріи, Барликскія горы, тянущіяся къ сѣверу и Боротальскую долину—на западѣ и снова прибыли въ Кульджу въ Іюлѣ 1911 года; послѣ этого мы перевалили Тянь-Шань и, вступивъ въ предѣлы китайскаго Туркестана, черезъ Кашгаръ, Яркендъ и хребетъ Каракорумъ, а затѣмъ черезъ Ле, Кашмиръ и Бомбей, возвратились въ Англію.

Всю эту работу удалось совершить лишь цѣною большихъ лишеній и запасшись предварительно терпѣніемъ. Быстрые переходы по такой странѣ невозможны. Медленное шествіе за ползущимъ по безконечнымъ степямъ караваномъ верблюдовъ, короткіе перегоны въ китайскихъ повозкахъ, въ теченіе еще болѣе короткихъ зимнихъ дней, по китайской императорской большой дорогѣ, или передвиженіе со скоростью пяти миль въ сутки по густому лѣсу, растущему вдоль сибирской границы, свидѣтельствуютъ о томъ, что наше путешествіе было весьма и весьма не изъ легкихъ и что оно сравнительно быстро осуществлено въ теченіе 20 мѣсяцевъ. Особенности климата

Центральной Азіи также сильно затрудняли выработку надлежащаго маршрута, такъ какъ приходилось учитывать зимніе мѣсяцы, которые исключали возможность производства какихъ-либо географическихъ работъ, а о составленіи въ это время коллекцій нечего было и думать.

Въ настоящемъ повѣствованіи описываются картины тѣхъ районовъ, по которымъ мы проходили,—разнообразныхъ въ лѣсахъ, скрывающихъ Енисей, и монотонныхъ въ степяхъ Монголіи и Джунгаріи. Въ наши описанія, говоримъ ли мы о мрачномъ лѣсѣ, о туманномъ плоскогоріи, о мчащейся рѣкѣ, или о знойной пустынѣ, сознаемся, вложена извѣстная доля непосредственнаго чутья. Такова ужъ атмосфера этой страны, жизненный ключъ этого огромнаго уединеннаго пространства, о которомъ мы и хотимъ дать представленіе, въ то же время не опуская подробностей нашего путешествія, трудностей межевыхъ работъ и радостей, испытанныхъ нами, когда намъ удавалось открыть что либо новое.

Настоящій трудъ представляетъ изъ себя отчетъ о путешествіи, совершенномъ на протяженіи пяти тысячъ миль по Азіи, на пространствѣ между желѣзными дорогами Сибири и Индіи, то въ кибиткѣ, то въ челнокѣ, на плоту, на ослѣ, или верблюдѣ и вьючномъ пони, по такимъ странамъ, представленіе о которыхъ должно возбудить интересъ даже въ самомъ закоренѣломъ горожанинѣ; достаточно только упомянуть, что мы прошли по древней землѣ монголовъ, черезъ малоизвѣстныя пустыни Джунгаріи, по богатому песками Туркестану, съ его старинной культурой и сонными оазисами, и перевалили черезъ выдающіяся высоты Гималаевъ.

Монголія и Джунгарія представляются европейцу странами полными таинственности и романтизма. Расположенныя вдали отъ путей сообщенія, между Сибирью съ одной стороны и Китаемъ (Cathy)—съ другой, онѣ отличаются отъ обѣихъ изъ названныхъ огромныхъ странъ характерными особенностями, составляя самую восточную часть, тянущейся полосою вдоль всего Стараго свѣта пустыни, подъ послѣдовательными наименованіями: Туркестана, Закаспійской впадины, Персіи, Аравіи и Сахары. Великіе торго-

вые пути Азіи проходятъ мимо Монголіи и Джунгаріи, не прорѣзая ихъ. Ареной торговли и транспорта древняго міра, которые когда то объединяли востокъ съ западомъ, служило пространство, расположенное къ югу отсюда, тогда какъ новый міровой путь проходитъ теперь по Сибири—на сѣверѣ; Монголія и Джунгарія, лежащія изолированно между этими двумя направленіями, остаются до настоящаго времени непріобщенными къ культурѣ. Энергичные путешественники, пытавшіеся разгадать тайны Китая, едва могли распространить свои изслѣдованія за предѣлы Великой стѣны; изслѣдователямъ Китайскаго Туркестана также недалеко удалось проникнуть въ мрачныя пустыни Монголіи и Тяньшанскія горы, которыя оказались самой сѣверной границей ихъ путешествій. Истые піонеры-путешественники по этимъ районамъ пришли сюда съ сѣвера; отважные колонисты Сибири, ученые ея высшихъ школъ и солдаты русскихъ гарнизоновъ явились тѣми немногими лицами, которыя своими работами въ этой неизвѣданной мѣстности оставили исторіи цѣнное наслѣдство.

Это вторженіе Европы въ Азію сознаменовалось приходомъ сюда лучшихъ изъ русскихъ людей, прирожденныхъ искателей приключеній и неустрашимыхъ, горящихъ страстнымъ намѣреніемъ присоединить къ государственной территоріи своей родной страны новыя земли, раздвинуть рамки торговыхъ вліяній Россіи и обогатить ея національныя научныя коллекціи. Ихъ сопровождали передовыя части солдатъ, купцовъ и ученыхъ; Козловъ и Пржевальскій—изслѣдователи, Сѣверцовъ—натуралистъ, Радловъ и Адріановъ—антикваріи, всѣ они стяжали себѣ лавры въ этихъ пустыняхъ азіатскаго материка. Какія ощущенія должны были они переживать, когда передъ ихъ глазами раскрывалась вся Азія за передовою линіей запыленныхъ пригранычныхъ столбовъ. Нечего удивляться тому, что люди преисполняются гордости при видѣ цѣлыхъ материковъ, лежащихъ распростертыми передъ ними.

Россія изливала избытокъ своего населенія въ Сибирь, Сибирь же поглощала каждаго человѣка, котораго высылала Россія. По странному стеченію обстоятельствъ, Китай, въ

свою очередь, предпочиталъ выбрасывать избытки своего населенія въ чужеземныя страны—въ Америку и Австралію, вмѣсто того, чтобы заниматься систематической колонизаціей своихъ приграничныхъ провинцій. По этой причинѣ земли эти лежатъ и доселѣ нераспаханными и пустынными, служа лишь пастбищемъ табунамъ дикихъ лошадей, стадамъ боязливыхъ дикихъ горныхъ овецъ и убѣжищемъ кочующимъ толпамъ номадовъ.

Монголія оставалась почти невѣдомою на протяженіи ряда вѣковъ. Она и до настоящаго времени считается лишь родиной величайшаго мірового бича, котораго когда либо производилъ свѣтъ, монгольскаго полубога—Чингисъ Хана.

Эта дикая страна занимаетъ огромныя пространства; здѣсь можно путешествовать безпрерывно въ теченіе недѣль и все время не терять изъ виду однѣхъ и тѣхъ же снѣжныхъ вершинъ. Ландшафтъ ея суровъ, а климатъ негостепріименъ, хотя, несмотря на суровость зимы, лѣто наполняетъ эту землю звуками пѣсни и покрываетъ ея равнины травою. Но расположенныя смежно съ Сибирью пространства Монголіи таковы, что могутъ удивить любого географа и побудить добросовѣстнаго путешественника пуститься странствовать по ея дикимъ, но зато и очаровательнымъ землямъ. Здѣсь, на окраинѣ Китая—на краю пустыни Гоби, раскинулась исключительная по своей красотѣ мѣстность, гдѣ встрѣчаются горы, лѣса, озера и рѣки, луга сочной высокорослой травы, дикіе, въ изобиліи растущіе цвѣты, темные, тѣнистые лѣса лиственницы и сосны и быстрины ручьевъ чистѣйшей воды—поистинѣ Новая Монголія.

Эта часть страны, исключительная по своимъ физическимъ условіямъ, служитъ мѣстомъ происхожденія многихъ расъ, растекавшихся отсюда затѣмъ въ разныя стороны. Этотъ районъ—родина такого большого числа народовъ, что люди не безъ основанія назвали эту часть земного шара „колыбелью человѣчества“. Изъ этихъ степей и плоскогорій въ давно прошедшія времена вышли различныя кочующія племена и многія міровыя передвиженія людей получили здѣсь свое начало, что обусловливаетъ трудность изученія исторіи населенія этой страны. Этотъ районъ—древнѣйшая родина крупнѣйшихъ азіат-

скихъ народностей—монголовъ и тюрковъ, предки которыхъ повелѣвали Пекиномъ и Стамбуломъ. Установлено, что даже и такіе далеко разъединенные народы, какъ финны сѣверной Европы, мадьяры Венгріи и краснокожіе индѣйцы Америки, не говоря уже о самоѣдахъ и эскимосахъ, ведутъ свое происхожденіе изъ этихъ районовъ.

Эта своеобразная страна, которая въ настоящее время такъ мало извѣстна, оказала свое глубокое вліяніе на весь ходъ міровой исторіи. Здѣсь, безконечное число лѣтъ тому назадъ, возникло то Уйгурское государство, происхожденіе котораго окутано мракомъ таинственности и теряется въ глубокой древности. Исторія этого государства уходитъ настолько вглубь вѣковъ, что даже и наиболѣе просвѣщенные ученые отказываются въ настоящее время разъяснить ея проблемы. Съ незапамятныхъ временъ страна эта никогда не знала покоя: по этимъ плоскогорьямъ, открытымъ дѣйствію вѣтровъ, бродили когда то гунны, которые затѣмъ, внезапно нахлынувъ, опустошили Европу. Эти пространства служили родиной дикимъ номадамъ, образовавшимъ впослѣдствіи, сохранявшую за собой власть до очень недавняго времени, династію въ Китаѣ, создавшимъ Индійскую Имперію, номадамъ, которые, благодаря своимъ безмѣрнымъ завоеваніямъ въ Азіи, занимали одно время фактически такое положеніе, что могли диктовать свои условія Европѣ; здѣсь, наконецъ, родился монгольскій предводитель—Чингисъ-Ханъ, имя котораго до настоящаго времени чтутъ всѣ тюрко-татарскія скотоводческія племена, а самая личность его всегда почиталась облеченной сверхъестественными силами.

Особенный интересъ представляетъ изученіе крупныхъ передвиженій человѣческихъ массъ по этимъ обширнымъ пространствамъ внутренней Азіи на пути въ Сибирь и Китай, а также уясненіе, почему сперва безцѣльныя блужданія и изумительныя военныя экспедиціи мало по малу повлекли къ болѣе систематическимъ завоеваніямъ, съ помощью еще большихъ воинскихъ силъ, и все необозримое пространство это въ концѣ концовъ было захвачено только двумя великими народами.

Не лишено также интереса изслѣдованіе приграничныхъ русско-китайскихъ земель, отличающихся необычайнымъ сочетаніемъ естественныхъ условій. Развитіе Сибири представляетъ само по себѣ поразительную страницу исторіи. Сибирь—это Канада Азіи и ея колонизація имѣетъ великое будущее. Съ другой стороны, Монголія является страною съ богатымъ прошлымъ, способной къ дальнѣйшему развитію, но невыгодно отличающуюся отъ Сибири, такъ какъ населена она древней и не очень мужественной расой. Джунгарія, должна быть отнесена къ категоріи такихъ странъ, которыя могутъ улучшить свое положеніе лишь при болѣе благопріятныхъ политическихъ условіяхъ и подъ властью болѣе культурнаго правительства. Наконецъ, китайскій Туркестанъ—парадоксъ; онъ представляетъ изъ себя наиболѣе плодородную изъ всѣхъ тѣхъ странъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Каждый полезный акръ земли здѣсь уже использованъ; населеніе фактически превышаетъ то количество, которое страна можетъ безъ ущерба для себя содержать и состоитъ изъ инертныхъ, погруженныхъ въ летаргію народовъ, которые будучи достаточно обезпеченными, довольствуются тѣмъ, что имѣютъ. На эти земли, въ приграничныхъ частяхъ, вливаются за послѣдніе годы два, имѣющихъ несомнѣнное будущее, народа: съ сѣвера и запада—русскіе, а съ юга и востока—китайцы. Кто сумѣетъ-предсказать будущее поступательныхъ движеній этихъ народовъ изъ Сибири и Китая?

Если, какъ думаютъ нѣкоторые, Азіи предстоитъ разрѣшить вопросъ о міровыхъ судьбахъ, то, конечно, каждая составная ея часть пріобрѣтаетъ особый интересъ и, въ особенности, любопытными являются тѣ ея пространства, гдѣ Азія, принадлежащая исключительно азіатамъ, граничитъ съ Азіей—занятой европейцами, тѣ ея мѣста, гдѣ востокъ и западъ сталкиваются лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, тѣ мѣстности, о судьбахъ которыхъ можно въ настоящее время только гадать.

Со времени нашего возвращенія изъ Монголіи, страна эта, которая еще наканунѣ была почти неизвѣстной, благодаря любопытному стеченію обстоятельствъ, вдругъ выступила на свѣтъ

Божій. Земля монголовъ снова появилась на міровой сценѣ послѣ восьми-вѣкового застоя и неизвѣстности. Воспользовавшись тѣмъ, что Китай переживаетъ муки революціи, Монголія рѣшила сбросить съ себя манжурское иго, вслѣдствіе чего свыше милліона квадратныхъ миль оказались пріобщенными міровому рынку. Важное значеніе этого событія нельзя даже въ достаточной мѣрѣ точно учесть, такъ какъ Монголія служитъ для Китая естественными путеводными воротами; черезъ Монголію и Джунгарію тянутся пути изъ Китая въ Сибирь и западную Азію. Между отдаленнымъ востокомъ единственнымъ путемъ, непрерываемымъ природными преградами, является путь черезъ Джунгарію. Безъ сомнѣнія недалекъ тотъ день, когда свистокъ паровоза начнетъ пугать дикихъословъ джунгарскихъ равнинъ, а въ дальнѣйшемъ тяжеломъ выступаніи каравановъ верблюдовъ не будетъ болѣе представляться надобности. Однако, въ настоящее время земли эти обрѣтаются въ вѣковомъ застоѣ и воистину представляютъ изъ себя „Невѣдомую Монголію“.

Наши предшественники.

Нѣтъ никакой возможности заглянуть въ тѣ отдаленныя времена, которыя предшествуютъ открытію Монголіи. Едва-ли когда нибудь удастся установить дату „открытія“ этой части азіатскаго материка, которая какъ будто и не переживала такого момента, когда была неизвѣстной западу. Она одна изъ тѣхъ странъ, о которыхъ знала Европа еще въ самыя отдаленныя времена; будучи затѣмъ лишь забыта, на много столѣтій Монголія исчезла съ міровой арены, съ тѣмъ, чтобы быть вновь открытой въ теченіе второй половины послѣдняго вѣка.

Мы должны мысленно перенестись къ пятому столѣтію, въ которомъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, были установлены впервые сношенія Монголіи съ Западомъ. Верхняя половина Азіи, называвшейся тогда Татаріей, впервые въ это время вошла въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, при посредствѣ несторіан-

скихъ миссіонеровъ, которые въ эти раннія времена проникли въ отдаленные уголки Востока, оставивъ, однако, очень мало свѣдѣній, касающихся этихъ крайне отдаленныхъ земель. Въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ, послѣдовательныя волны азіатскихъ завоевателей, а именно гунновъ, — этихъ дикихъ пастуховъ — воиновъ Востока, существенно повліявшія на измѣненіе всей Европейской исторіи, ринулись на западъ.

Реальное представленіе о Татаріи сложилось на Западѣ не ранѣе XII столѣтія. Первыя, дошедшія до насъ, свѣдѣнія о Монголіи и населявшемъ ее народѣ, крайне романтичны: Европа къ этому времени была взбудоражена достигшими до нея слухами о тріумфахъ и мощи полу-миѳической личности „Престеръ-Джона", Хана Кератскаго и о его предполагаемомъ переходѣ въ христіанство. Дворы Европы начали съ этого времени усиленно обмѣниваться посольствами съ Ханомъ Кератскимъ. Въ виду этого въ воображеніи народовъ Запада начала широко вырисовываться картина Азіи. Извѣстно, напримѣръ, что къ богатырю открытыхъ степей центральной Азіи, для передачи ему грамотъ, снаряжались миссіи—отъ папы, короля Франціи и христіанскаго Константинопольскаго императора. „Престеръ Джонъ" произвелъ несомнѣнно сильное возбужденіе въ Европѣ.

Затѣмъ послѣдовало монгольское нашествіе, которое дало возможность западному міру впервые ознакомиться съ характеромъ и бытомъ „татаръ", такъ какъ только это изумительное передвиженіе, зародившееся въ Монголіи въ началѣ тринадцатаго столѣтія, заставило Европу придти въ непосредственное сношеніе съ монголами. Представляется страннымъ, что мы, жители Запада, никогда ранѣе не соприкасались съ этими грубыми, но удачливыми воинами, до тѣхъ поръ пока они сами не соблаговолили посѣтить насъ въ Европѣ. Въ теченіе всего тринадцатаго вѣка, Европѣ приходилось имѣть самое близкое дѣло съ Татаріей, правда, въ началѣ по преимуществу, воюя и спасаясь отъ ея нашествій, но впослѣдствіи также и путемъ посылокъ въ ея предѣлы просвѣтительныхъ миссій, которымъ поручалось обращать въ христіанство варваровъ; этими

миссіями и составлены первыя настоящія описанія Монголіи и монголовъ.

Послѣ удаленія монголовъ изъ Польши и Венгріи, когда страсть ихъ къ завоеванію, достигнувъ своей кульминаціонной точки, начала ослабѣвать, послѣдовалъ періодъ болѣе миролюбивыхъ сношеній между Европой и Средней Азіей. Правители Европы начали посылать къ монгольскимъ ханамъ развѣдчиковъ, а папа, въ свою очередь, благословлялъ миссіи проповѣдывать христіанскую религію и распространять цивилизацію среди варваровъ, руководясь при этомъ скрытымъ намѣреніемъ обратить свирѣпыхъ „татаръ“ въ кроткій и миролюбивый народъ.

Изъ этихъ развѣдчиковъ двое — Джонъ де Карпини (John de Carpini) и Вильямъ Ребрекъ (William of Rubruck), оба францисканскіе монахи, оставили потомству великолѣпныя описанія своихъ представленій о монголахъ того времени и я неоднократно буду приводить выдержки изъ повѣствованій этихъ раннихъ западно европейскихъ путешественниковъ по глубинамъ Азіи. Карпини пріобрѣлъ извѣстность перваго западно-европейскаго путешественника, который узналъ о существованіи монгольской столицы Каракорума, а Ребрекъ былъ первый изъ путешественниковъ, который посѣтилъ ее. Кромѣ того мы имѣемъ еще повѣствованія Марка Поло, который включаетъ въ свои объемистыя описанія намеки на нѣкоторыя части сѣверной Монголіи и приводитъ описаніе ея древней столицы.

Засимъ снова наступаетъ періодъ, о которомъ мы имѣемъ теперь лишь самыя скудныя представленія. Три послѣдующихъ столѣтія составляютъ новый пробѣлъ въ исторіи сношеній Монголіи съ Западомъ. Монголъ былъ низвергнутъ съ своего высокаго пьедестала; его могущество уже не удивляло болѣе западный міръ и не служило послѣднему предметомъ ужаса. Весь интересъ сосредоточился съ этого времени на Китаѣ (Cathy), а происходившія въ этомъ культурномъ государствѣ событія заставили европейцевъ даже забыть ихъ прежнія представленія о дикихъ монгольскихъ степяхъ и о населяющихъ

эти степи варварахъ-номадахъ. Раньше къ татарамъ можно было пробираться только сушей: посольства и миссіи, чтобы достигнуть Каракорумскаго двора, должны были храбро проходить тысячи миль разстояній по безплодной Центральной Азіи; впослѣдствіи глубины Татаріи были забыты, такъ какъ открылась возможность совершать путешествія морскимъ путемъ къ крупнымъ портамъ Китая. Такимъ образомъ, послѣ паденія могущества монголовъ и отступленія ихъ полчищъ во внутреннія степи, Татарія была снова забыта и на время всякія сношенія между нею и Западомъ прекратились. Мы очень мало знаемъ теперь о Татаріи и только въ самое недавнее время, когда вѣчно мятущееся, ненасытное честолюбіе европейскихъ правительствъ внезапно стало лицомъ къ лицу съ пустынными границами Китая, а Россійской Имперіи пришлось разверстываться съ нимъ вдоль весьма неопредѣленной границы, Монголія снова стала занимать какъ ученыхъ, такъ равно и политиковъ, а также и торговцевъ.

Какъ было уже упомянуто выше, представителямъ русской націи выпало на долю впервые заняться изслѣдованіемъ этихъ районовъ. Огромная неизвѣстная страна, которая лежитъ смежно съ сибирской границей, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сдѣлалась „путеводной звѣздою“ для русскихъ піонеровъ, которые неудержимымъ потокомъ устремились изъ предѣловъ только что Россіей пріобрѣтенныхъ территорій, въ тѣ мѣста, въ которыхъ, по ихъ представленіямъ, имѣлись еще болѣе богатыя земли. Мало-по-малу толпы европейцевъ начали просачиваться въ предѣлы внутренней Азіи. Россія съ сѣвера, Великобританія—съ юга изъ Индіи, а на востокѣ—обѣ эти націи соперничали съ прочими великими націями въ борьбѣ за причитающуюся каждой изъ нихъ часть при возможномъ раздѣлѣ Китая. Благодаря быстрому росту русской колонизаціи въ Сибири, русскимъ первымъ удалось достигнуть границъ Монголіи, владѣнія которой упирались въ линію древней китайской границы.

Уже на зарѣ семнадцатаго столѣтія Россія начала серьезно стремиться завязать сношенія своихъ новыхъ Сибирскихъ вла-

дѣній съ Китаемъ. На протяженіи всего семнадцатаго и послѣдующаго столѣтій мы наблюдаемъ безпрестанныя снаряженія миссій, которыми обмѣниваются Дворы Пекина и Россіи, причемъ промежуточнымъ землямъ Монголіи удѣляется при этомъ сравнительно ничтожное вниманіе, какъ правительствомъ, такъ и участниками миссій. Китай, а не Монголія, интересовалъ въ это время Россію.

Монголія не представляла изъ себя такую страну, которая могла бы возбудить желаніе поспѣшно ее изслѣдовать. Ея торговля находилась также не въ такомъ состояніи, чтобы быстро могли ею заинтересоваться купцы и торговцы; наконецъ, на лицо не имѣлось и стратегическихъ соображеній, которыя бы натолкнули на мысль о военной оккупаціи Монголіи какой либо чужеземной властью. Съ другой стороны и широкія народныя массы въ Европѣ не проявляли того интереса, который бы могъ способствовать скорѣйшему изученію Монголіи, какъ это можно наблюдать, напримѣръ, теперь въ отношеніи Африки или полюсовъ. Путешественнику, который предпринялъ бы трудное странствованіе по этой отдаленной странѣ, послѣднее не было бы поставлено въ особую заслугу, а расплата за труды при такихъ условіяхъ должна всегда казаться весьма проблематичной. Только благодаря историческому значенію Монголіи, какъ родины монголовъ, мѣсторожденію величайшихъ міровыхъ бичей, которыми провидѣнію угодно было время отъ времени наказывать Западъ, послѣдняя и имѣетъ право занять въ настоящее время мѣсто въ ряду наиболѣе интересныхъ районовъ міра. Людямъ науки обязаны мы, главнымъ образомъ, фактомъ новаго открытія Монголіи [1]).

---

[1]) Ссылаясь на труды болѣе раннихъ путешественниковъ въ тѣ районы, которые мы посѣтили, я употребляю выраженіе „Монголія“ въ самомъ широкомъ его смыслѣ, а именно, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ пространство открытыхъ земель, лежащихъ вдоль сѣверныхъ приграничныхъ округовъ Китайской имперіи на протяженіи отъ Туркестана до Манчжуріи. Въ отдаленныя времена районъ этотъ назывался „Татаріей“; но это названіе распространялось также и на другія части Центральной Азіи, которыя тогда были захвачены монголами. Согласуясь же съ большинствомъ современныхъ изслѣдованій, я пріурочиваю понятію Монголіи лишь тотъ районъ, который управляется наслѣдственными монгольскими ханами, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ Монголію. Джунгарія составляетъ западную часть этого района, тогда какъ бассейнъ верхняго Енисея заключаетъ въ себѣ про-

Въ срединѣ XIX столѣтія первые ученые піонеры рискнули заглянуть за границу этого края и, съ жаждой по отношенію къ „невѣдомому", которая вполнѣ естественно обуреваетъ всякаго ищущаго знаній человѣка, ринулись впередъ изучать тѣ пустыни, которыя лежатъ между ними и Великой Стѣной Китая. Въ ряду повѣствованій объ изслѣдованіяхъ не имѣется болѣе захватывающей главы, нежели повѣствованіе о русскомъ проникновеніи въ Центральную Азію и самую западную часть Китая. Это было величайшимъ предпріятіемъ, оказавшимся вполнѣ по плечу московитамъ. Русскій привыкъ все дѣлать въ крупномъ масштабѣ. Его путешествія чаще всего являются колоссальными предпріятіями. Пржевальскій, піонеръ русскихъ путешественниковъ, покрылъ, напримѣръ, 19½ тысячъ миль пути и употребилъ на это 9 лѣтъ и 4 мѣсяца своей жизни, а Козловъ пересѣкъ Великую Гоби 5 разъ въ трехъ различныхъ направленіяхъ.

Русскія изслѣдованія во внутренней Азіи были систематическимъ предпріятіемъ, частью того огромнаго плана, который былъ задуманъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ высокоодареннаго его вице-президента П. П. Семенова [1]). Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ маленькой группѣ топографовъ удалось занести эту обширную страну на карту, а ученые описали ея

странство, омываемое истоками этой великой сибирской рѣки. Изъ всѣхъ частей, по которымъ мы проходили, послѣдній районъ является единственнымъ, о которомъ намъ почти не удалось отыскать даже и скудныхъ свѣдѣній въ прошломъ. Безспорно то, что районъ этотъ оставался въ совершенной неизвѣстности вплоть до 1860 года, когда новѣйшіе путешественники открыли его. Рашидъ (Raschid), написавшій исторію племенъ Азіи въ XIV-мъ столѣтіи, дѣлаетъ слабый намекъ на какихъ-то оленеводовъ верхняго Енисея, упоминая при этомъ тунгусовъ южной Сибири, а фактически, судя по описанію, урянхайцевъ. Его описаніе, несомнѣнно касается послѣднихъ, ибо онъ изображаетъ этихъ дикарей—одѣвающимися въ оленьи шкуры, содержащими въ хозяйствѣ какъ быковъ, такъ и овецъ, живущими въ берестяныхъ (березовыхъ) хижинахъ и употребляющими лыжи. Марко Поло также сообщаетъ скудныя свѣдѣнія о какомъ-то оленеводческомъ народѣ, похожемъ на обитателей бассейна верхняго Енисея, причемъ описываетъ этотъ народъ принадлежащимъ къ „весьма дикой расѣ" и увѣряетъ насъ въ томъ, что „народъ этотъ живетъ своимъ скотомъ, большую часть котораго составляютъ олени; послѣднихъ народъ этотъ употребляетъ для ѣзды". Однако, эти раннія упоминанія о племенахъ южной Сибири слишкомъ ужъ смутны, чтобы можно было усмотрѣть въ нихъ прямую связь съ райономъ верхняго Енисея.

[1]) Въ подлинникѣ авторомъ поставлено „А. М. Семенова" (Примѣч. переводчика).

отличительныя особенности. Вся энергія русскихъ путешественниковъ была сосредоточена на этомъ районѣ. Великая Имперія, простирающаяся непрерывно на протяженіи $3^1/_2$ тысячъ миль вдоль всего Азіатскаго материка, казалось бы, имѣла достаточно работы по обмежеванію своихъ собственныхъ земель, не удѣляя вниманія землямъ чужимъ; тѣмъ не менѣе она нашла время, въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, не только изслѣдовать свою собственную территорію, но и принять участіе въ трудѣ другихъ націй, и совершила колоссальную работу по воспроизведенію на географической сѣткѣ огромныхъ по величинѣ пространствъ Монголіи, Восточнаго Туркестана, Сѣвернаго Тибета и Западнаго Китая. Русская „сорокаверстная“ карта [1]) является образцовой картой, охватывающей около 8.761.000 квадратныхъ миль пространства въ предѣлахъ Азіи. Правда, это пространство представляетъ одну компактную массу, отличающуюся почти одинаковыми физическими особенностями и, что еще важнѣе, большею частью сосредоточенную подъ управленіемъ одного правительства, чѣмъ, конечно и была обезпечена возможность эти изслѣдованіе и изысканіе произвести исчерпывающе.

По мѣрѣ того, какъ города Южной Сибири, и именно города Семипалатинской области и Енисейской губерніи, пріобрѣтали все большее и большее значеніе, торговцы мало-по-малу начали пускаться все далѣе и далѣе къ югу и предпринимать долгія экспедиціи въ предѣлы Монголіи, съ цѣлью эксплоатировать богатства этой страны. Эти піонеры приносили обратно первыя свѣдѣнія объ огромной странѣ плоскогорій, о бродящихъ тамъ номадахъ и о ихъ безчисленныхъ стадахъ. Достойно особаго упоминанія, что, тогда какъ наши самыя раннія свѣдѣнія, касающіяся Монголіи, были получены при посредствѣ ревностныхъ миссіонеровъ тринадцатаго вѣка, піонерами, вторично открывшими Монголію въ XIX-мъ вѣкѣ, оказались торговцы и ученые.

Изъ картографическихъ работъ, выполненныхъ при предыдущихъ изслѣдованіяхъ, мы использовали только тѣ, которыя были

[1]) Опубликована Топографическимъ Отдѣломъ Русскаго Генеральнаго Штаба въ С.-Петербургѣ.

совершены въ предѣлахъ района, въ настоящее время насъ занимающаго. Большинство же вышеупомянутыхъ путешественниковъ выходили за предѣлы тѣхъ пространствъ, которымъ мы теперь только и удѣляемъ вниманіе. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и прошли маршрутной съемкой вдоль всей Монголіи, на пути къ Тибету и Туркестану, а также маршрутно засняли на карты, по пути къ Китаю, Тяньшанскіе хребты, но не смотря на это, мы все же находимъ здѣсь еще совершенно малоизвѣстныя пространства, расположенныя почти смежно съ Сибирской границей. Повидимому эти изслѣдователи, въ стремленіи къ крупнымъ предпріятіямъ, игнорировали земли, которыя ближе всего лежали къ нимъ и предпочитали пускаться въ болѣе отдаленныя „неизвѣданныя“ области.

Вплоть до самаго послѣдняго времени карты обнаруживали лишь поразительную—въ отношеніи знакомства съ истинной топографіей Монголіи и Джунгаріи, неосвѣдомленность составителей. Благодаря этому, не мудрено, что карты ихъ сильно расходятся съ дѣйствительностью. Напримѣръ, фантастическія озера закрашены голубой краской на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ теперь доказана наличность сухой степи и, наоборотъ, „Гоби“ (пустыня) широко показывалась, захватывая и тѣ неизвѣстныя пространства, которыя, какъ теперь обнаружилось, представляютъ изъ себя очаровательныя всхолмленныя мѣстности, служащія пастбищами, гдѣ перекочевываютъ скотоводческія племена и находятъ себѣ обильную пищу цѣлые табуны дикихъ животныхъ. Карты верхняго Енисея, Саянскаго и Танну-ольскаго хребтовъ до сихъ поръ весьма бѣдны подробностями, главнымъ образомъ изъ-за недоступности этихъ районовъ, гдѣ съемочныя работы представляютъ неимовѣрныя трудности. Монголія болѣе легка для съемки, однако, даже и здѣсь чувствуется большая практическая надобность въ болѣе точномъ производствѣ съемочныхъ работъ, въ особенности въ горахъ. То же самое можно сказать и объ Алтаѣ и о восточномъ Тянь-Шанѣ. Нижеслѣдующая сводка имѣетъ цѣлью дать представленіе о предшествующихъ произведенныхъ въ этомъ районѣ работахъ, а также выяснить, кѣмъ эти работы были исполнены.

05987

2 БИБЛИОТЕКА

Несмотря на то, что русскіе оказались первыми въ этихъ мѣстахъ и что имъ принадлежитъ первенство по обслѣдованію этого края, самымъ раннимъ путешественникомъ, о которомъ я только могъ получить свѣдѣнія, проникшимъ въ эти глубины Монголіи, былъ англичанинъ. Томасъ Уитламъ Аткинсонъ (Thomas Whitlam Atkinson) — по профессіи художникъ, совершилъ такой невѣроятный путь въ предѣлахъ этой части Азіи и притомъ въ наиболѣе интересный періодъ времени, между 1853 и 1860 годами [1]), что его сообщеніе на первыхъ порахъ было встрѣчено съ большимъ недовѣріемъ. Репутація Аткинсона какъ путешественника покоится исключительно на громадности того пути, который онъ прошелъ во время своихъ странствованій (39½ тысячъ миль пути въ теченіе семилѣтняго странствованія). Его заслуги на этомъ, однако, и кончаются. Онъ не сдѣлалъ никакого вклада въ науку: повѣствованія его настолько фантастичны, что ихъ почти невозможно провѣрить, а при разсмотрѣніи съ научной точки зрѣнія совершенные имъ открытія оказываются вовсе неимѣющими никакого практическаго значенія. Помимо того существенныя сомнѣнія вызываетъ и самое его утвержденіе, что онъ въ дѣйствительности выполнилъ тѣ маршруты, которые описываетъ. Кромѣ описанія путешествія по Сибири, Аткинсонъ включаетъ въ свой маршрутъ еще странствованіе верхомъ черезъ всю Джунгарію до сѣверо-западной Монголіи, а затѣмъ обратно въ предѣлы русскаго Алтая. Самъ онъ считаетъ себя первымъ европейцемъ, взорамъ котораго открылись горы Тянь-Шаня и бассейнъ верхняго Енисея, но это не помѣшало ему ограничиться только простымъ наброскомъ своего пути на карту. Путешествіе Аткинсона, по его словамъ, захватываетъ огромный районъ отъ Кульджи и долины Или, до окрестностей Омска, Иркутска и Баркуля.

---

[1]) Что эти предѣлы посѣщались учеными изслѣдователями и ранѣе, свидѣтельствуетъ намъ опубликованный въ 1845 году П. Чихачевымъ докладъ, въ которомъ авторъ описываетъ путешествіе, предпринятое по повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ „Восточный Алтай и смежные съ нимъ районы на границѣ Китая". Внѣ сомнѣнія были и другія, но изъ литературы вопросъ этотъ выяснить крайне затруднительно, къ тому же доклады болѣе раннихъ путешественниковъ, не предназначались къ обращенію среди широкой публики.

Первымъ истиннымъ изслѣдователемъ края былъ русскій ученый — Матуссовскій, давшій первую прекрасную работу о сѣверо-западной Монголіи и Джунгаріи. Его труды начаты были въ 1870 году и продолжались въ теченіе пяти лѣтъ. Сперва подъ руководствомъ Павлинова, онъ былъ въ Улясутайскомъ районѣ и въ бассейнѣ верхняго Енисея, являясь первымъ настоящимъ изслѣдователемъ, о которомъ я могъ найти достовѣрное свидѣтельство, какъ о посѣтившемъ этотъ районъ. Позднѣе, въ 1872—3 годахъ, съ двумя товарищами, Матуссовскій проникъ до самыхъ восточныхъ оконечностей Тянь-Шаня, куда прошелъ, пересѣкши пустыню отъ города Улясутая. Во время этого путешествія имъ посѣщены Гюшенъ (Guchen) и Баркуль и впервые прекрасно произведено обслѣдованіе рѣки Урунги, отъ ея истоковъ вплоть до впаденія въ озеро Улунгуръ, а также попутно изслѣдованъ, путемъ замѣчательнаго по выполненію, проѣзда вверхъ и внизъ по южнымъ покатостямъ, Монгольскій Алтай. Въ 1875 году Матуссовскій снова вернулся къ конечному пункту своего продолжительнаго путешествія изъ предѣловъ Китая, — Баркулю, на этотъ разъ подойдя къ послѣднему съ южной стороны. Путешествія эти поистинѣ изъ ряда вонъ выходящія и въ большей своей части онѣ представляются путешествіями піонера. На долю Матуссовскому выпало первому произвести обслѣдованіе глубинъ Монголіи и его энергіи мы обязаны тѣмъ, что впервые былъ пролитъ свѣтъ на эту уединенную страну, расположенную вдоль русской границы.

Въ то же самое время заполненіемъ крупныхъ пробѣловъ на картѣ занимался другой русскій же піонеръ. Я имѣю въ виду Потанина — казачьяго офицера, молодого, увлекающагося полной романтизма жизнью изслѣдователя, только что пережившаго тяжелыя испытанія разочарованій и ссылки за свои политическія убѣжденія. Онъ выполнилъ большія и трудныя маршрутныя съемки, отмѣчая на картѣ красными линіями свой путь, на протяженіи тысячъ миль, въ предѣлахъ невѣдомой страны; но что болѣе всего существенно — это то, что онъ далъ намъ нѣсколько огромныхъ томовъ, съ подробными описаніями тѣхъ районовъ, которые имъ были посѣщены. Потанинъ

еще живъ; онъ теперь 75-ти лѣтній ветеранъ, величайшій изъ здравствующихъ авторитетовъ по вопросамъ изученія Монголіи, до сихъ поръ сохранившій способность заниматься обработкой результатовъ своихъ путешествій. Ими онъ и занимается сейчасъ въ своемъ домѣ въ городѣ Омскѣ [1]). Въ 1876—77 г.г. Потанинъ прошелъ по странѣ, лежащей между такими удаленными одна отъ другой мѣстностями, какъ Зайсанъ, Кобдо, Баркуль, Улясутай и озеро Коссоголъ. Въ 1879 году онъ посѣтилъ бассейнъ верхняго Енисея и Тергенскія горы. Нѣсколько лѣтъ спустя совершилъ дальнѣйшія продолжительныя путешествія, но уже въ предѣлахъ районовъ, расположенныхъ внѣ того пространства, о которомъ идетъ рѣчь у насъ, а именно на Ордосъ, Коконоръ и въ центральныя части Гоби.

Въ 1872 году была предпринята нѣсколько необычная экспедиція, которая наглядно иллюстрируетъ трудолюбивые и піонерскіе инстинкты русскихъ, замѣчательныя изслѣдованія которыхъ въ Центральной Азіи можно развѣ сопоставить съ знаменитыми „подвигами“ бурскихъ торговцевъ въ отдаленныя времена, въ Южной Африкѣ. Одинъ русскій купецъ изъ г. Зайсана, расположеннаго на сибирской границѣ Джунгаріи, возымѣлъ идею снарядить и отправить торговую экспедицію въ отдаленные углы сѣверной Монголіи. Была образована партія, которая въ концѣ концовъ и прошла болѣе 1700 миль по совершенно неизвѣстной странѣ; она посѣтила Кобдо, Улясутай, Баркуль, Гюшенъ, прежде чѣмъ возвратиться обратно въ Сибирь. Эта экспедиція была выполнена послѣ заключеннаго Россіей съ Китаемъ торговаго договора, открывшаго доступъ въ предѣлы Монголіи и Джунгаріи русскимъ торговцамъ.

Въ слѣдующемъ (1873) году англичанинъ—Нью-Эліасъ, прошелъ маршрутной съемкой отъ Пекина до верховьевъ рѣки Оби въ Сибири и пересѣкъ сѣверо-западную часть Монголіи, причемъ имъ составлено первое точное описаніе сѣверной Монголіи.

Такимъ образомъ, Потанину съ его товарищами—Рафаиловымъ, Матуссовскимъ, Сосновскимъ, а также Пѣвцовымъ,

---

[1]) Г. Н. Потанинъ живетъ въ Томскѣ (примѣч. переводчика).

работавшимъ на Алтаѣ, въ восточной Джунгаріи и Монголіи и ботаникомъ Регелемъ, обязаны мы картами разсматриваемаго нами района, пріуроченными ко времени не позднѣе 1879 года.

Къ этому времени появляется знаменитый Пржевальскій, который и принимаетъ участіе въ составленіи всѣхъ картъ, касающихся русско-китайскихъ приграничныхъ областей и который совершаетъ блестящую серію географическихъ открытій. Его труды до этого времени большею частью охватывали отдаленныя южныя части, расположенныя на границахъ Тибета и южныхъ частей Гоби; но въ 1879 году, на своемъ пути въ Тибетъ, онъ пересѣкъ пустыни Джунгаріи и посѣтилъ восточный Тянь-Шань.

Пржевальскій, благодаря своей исключительной подготовкѣ къ путешествіямъ, въ качествѣ солдата, географа и натуралиста, оставилъ намъ исключительныя по своему очарованію отчеты о путешествіяхъ, содержащіе цѣлый кладезь свѣдѣній и массу подробныхъ изысканій.

Въ восьмидесятыхъ годахъ намъ приходится отмѣтить пятерыхъ путешественниковъ, работавшихъ въ весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого районахъ. Въ 1881 году Адріановъ, который только что закончилъ свою практическую подготовку подъ руководствомъ Потанина, совершивъ вмѣстѣ съ послѣднимъ второе изъ его путешествій, посѣтилъ районъ Кемчика въ предѣлахъ Верхне-Енисейскаго бассейна, хребетъ Танну-Ола и Коссогол. Послѣ этого онъ написалъ серьезное изслѣдованіе о древностяхъ, найденныхъ имъ въ предѣлахъ означенныхъ пространствъ.

Четыре года спустя Клеменцъ также работалъ надъ древностями и геологіей сѣверной Монголіи, причемъ его обслѣдованію подверглись очень большія пространства; онъ совершилъ крупныя путешествія въ предѣлахъ сѣверо-западной Монголіи въ теченіе промежутка времени отъ 1885 до 1897 годовъ, отчасти самостоятельно, отчасти же подъ руководствомъ профессора Радлова. Клеменцемъ было пройдено очень большое пространство страны; онъ первый занялся изслѣдованіемъ истоковъ Кемчика и верхняго Енисея, посѣтилъ также истоки

Куа-Кема и дважды пересѣкъ „водораздѣлъ“ между верхнимъ Енисеемъ и озеромъ Коссоголомъ. Позднѣе, принимая участіе въ экспедиціи, снаряженной Академіей Наукъ въ С.-Петербургѣ, съ цѣлью изслѣдовать развалины древняго Каракорума, ему представилась возможность попутно совершить также рядъ огромныхъ путешествій за свой собственный счетъ въ предѣлахъ пространства, расположеннаго между Ургой и Алтаемъ. При этомъ его маршрутами въ нѣсколькихъ направленіяхъ пересѣчены бассейны Кобдо и Убсы и захвачены поперечные хребты Танну-Ола и восточнаго Алтая, что свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ занимался изученіемъ истоковъ Чернаго Иртыша, Саксая и Джаганъ-Гола, истоковъ рѣки Кобдо, а также обошелъ Ашитъ-Норъ и побывалъ на Тергенскихъ горахъ. Здѣсь мы не упоминаемъ еще объ отдаленныхъ путешествіяхъ Клеменца на востокъ, въ районы, лежащіе внѣ тѣхъ пространствъ, которыя составляютъ предметъ нашихъ описаній.

Въ 1887 году два англичанина посѣтили южныя части нашего района—капитанъ (теперь Сэръ Франсисъ) Енгезбандъ и полковникъ Маркъ Беллъ (Mark Bell). Первый пересѣкъ сѣверную Гоби отъ Пекина до Гами, и въ концѣ концовъ добрался до Китайскаго Туркестана, а затѣмъ и Индіи. Второй предпринялъ южный маршрутъ черезъ Китай по направленію къ Гами и прошелъ до Баркуля и Гюшена. Труды этихъ двухъ путешественниковъ до послѣдняго времени были единственными оригинальными, написанными на англійскомъ языкѣ (если не считать недавно опубликованной работы доктора Штейна), описаніями лежащихъ въ сторонѣ отъ дороги отдаленныхъ частей Центральной Азіи, а именно частей извѣстныхъ подъ названіемъ Гами и Баркуль. Другая экспедиція, достойная упоминанія, прослѣдовала по тому же пространству два года спустя. Она была выполнена братьями Грумъ-Гржимайло, натуралистами, опубликовавшими впослѣдствіи результаты своего путешествія въ трехъ прекрасныхъ томахъ, въ которыхъ они удѣляютъ много мѣста отдаленнымъ частямъ восточнаго Тянь-Шаня, гдѣ они работали въ теченіе нѣкотораго времени на своемъ пути къ западному Китаю.

Въ 1892 году мы можемъ упомянуть о посѣщеніи районовъ истока верхняго Енисея ботаникомъ Крыловымъ; но его отчетъ представляетъ лишь тщательно выполненный дневникъ. Въ то же самое время работалъ на пространствѣ между Ургою и Кобдо—Позднѣевъ, студентъ, посвятившій себя изученію антропологіи и археологіи. Въ слѣдующемъ году появляется на сцену Козловъ, впослѣдствіи крупный изслѣдователь. Служа подъ начальствомъ Роборовскаго, Козловъ занялся между прочимъ картографическими работами въ районѣ Гами, на своемъ обратномъ пути послѣ тяжелыхъ трудовъ, понесенныхъ въ западномъ Китаѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ снова предпринялъ путешествіе, въ теченіе котораго завершилъ составленіе карты, изображающей высоты восточнаго Алтая, а затѣмъ пустился въ дальнѣйшій путь, рѣшивъ совершить переходъ по центральнымъ частямъ великой Гоби. Эти послѣднія путешествія продолжались въ теченіе 1899—1900 годовъ; послѣ этого, въ 1908—09 годахъ Козловъ снова работалъ въ центральной Гоби и въ южной Монголіи.

Приблизительно около этого же времени (въ 1895 году) Бородель (Borodaile), чиновникъ индійской гражданской службы, первый изъ англичанъ посѣтилъ мѣсторасположеніе древняго Каракорума и, пройдя отъ Пекина до Кобдо, далъ намъ нѣкоторое понятіе объ этой части Монголіи. Въ 1898—1899 г.г. былъ опубликованъ Островскихъ трудъ, озаглавленный: „Значеніе Урянхайской земли для южной Сибири", заключающій въ себѣ изслѣдованіе экономическихъ условій бассейна верхняго Енисея. Другое общее описаніе этого, расположеннаго въ сторонѣ отъ дороги, района было опубликовано Пайковымъ. Послѣднимъ посѣтителемъ этихъ районовъ былъ Павелъ Шалонъ (Paul Chalon), который въ 1904 году проѣхалъ изъ Минусинскихъ степей въ долину Кемчика, расположеннаго въ западной части бассейна.

Въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, работа приняла характеръ болѣе сосредоточенный и ограничивалась тщательнымъ нанесеніемъ на карту деталей пространствъ, которыя въ прежнія времена были засняты лишь въ общихъ чертахъ. Обручевъ, послѣ

крупныхъ подвиговъ въ южной Гоби и Ала-Шанѣ, въ 1905—1906 годахъ занялся работой по исчерпывающему обслѣдованію сѣверныхъ приграничныхъ частей Джунгаріи, а также Барликской (Barlik) и Серской (Sair) группъ, а въ 1909 году Сапожниковъ изучилъ Алтай, въ районѣ расположенія истоковъ Чернаго Иртыша и рѣки Кобдо.

Высоты Алтая въ теченіе долгаго времени привлекали вниманіе путешественниковъ и изъ нихъ, пожалуй, самымъ почтеннымъ ветераномъ является профессоръ Сапожниковъ, который на протяженіи 15-ти лѣтъ произвелъ не мало серьезныхъ изслѣдованій въ предѣлахъ этихъ альпійскихъ районовъ въ области геологической, ботанической и физической географіи. До 1905 года онъ работалъ исключительно въ предѣлахъ русскаго Алтая, но между 1905—1909 годами, занялся также обслѣдованіемъ длинной горной цѣпи, которую онъ называетъ монгольскимъ Алтаемъ (но которая обычно неправильно называется на нашихъ картахъ „Великимъ Алтаемъ"), тянущейся въ юго-восточномъ направленіи, въ предѣлы китайской территоріи. Результаты его путешествій были недавно опубликованы въ Томскѣ, причемъ они охватываютъ такое количество различныхъ отраслей знанія, что книгу эту поистинѣ можно назвать образцовымъ трудомъ о монгольскомъ Алтаѣ. Этотъ хребетъ отдѣляетъ Монголію отъ Джунгаріи, а исторію его изслѣдованія намъ остается лишь дополнить упоминаніемъ о томъ, что и мы, поохотившись въ теченіе нѣкотораго времени, по сѣверо-восточнымъ склонамъ, перевалили его затѣмъ въ самой его центральной части и вступили въ Джунгарію.

Древностямъ сѣверо-западной Монголіи и бассейна верхняго Енисея было удѣлено исчерпывающее вниманіе со стороны М. Грено (M. Gräno) въ 1906 году. Послѣ того спеціалисты высшихъ школъ Сибири занимались тщательной разработкой матеріаловъ, собранныхъ въ этихъ мѣстахъ различными путешественниками.

Особнякомъ стоятъ два очень важныхъ путешествія, совершенныхъ въ предѣлы сѣверныхъ частей Монголіи—маіоромъ де-Лакоста (Major de Lacoste), посѣтившимъ интересную

долину Тесса, на пути изъ Урги въ Кобдо и доктора Пакэ, (Dr. Paquet), который прошелъ въ 1908 году отъ Кобдо до озера Коссогола. Это были безспорно самые послѣдніе путешественники по сѣверной части нашего района. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, нѣсколько изслѣдователей побывало еще только въ южныхъ его частяхъ. Изъ нихъ докторъ Орель Штейнъ (Dr. Aurel Stein) и г. Клементи (Clementi) заслуживаютъ вниманія въ первую очередь, благодаря основательности написанныхъ ими работъ. На Гами и на южныхъ покатостяхъ Карликъ-Тагскихъ горъ (Karlik Tagh) наши карты и описанія совпадаютъ съ работой Штейна, въ томъ видѣ, какъ она изложена имъ въ главѣ XXXI недавно вышедшей книги, озаглавленной „Развалины Китайской пустыни (Cathy)". Работа Клементи отразилась на нашей работѣ только въ томъ отношеніи, что мы можемъ предложить считать ее для Гами, въ числѣ серій астрономическихъ наблюденій, систематически выполненныхъ авторомъ на всемъ пространствѣ Китая отъ Кашгара до Коолуна (Kowloon-Гонъ Конга), наиболѣе надежной и вѣрной работой.

Зимой 1909 года лейтенантъ Этертонъ (Lieut Etherton) проѣхалъ вдоль сѣверо-западной границы Джунгаріи между Кульджей и Алтаемъ и уже во время нашего путешествія мы повстрѣчались съ полковникомъ Перейра (Colonel Pereira), который также пересѣкалъ этотъ районъ передъ тѣмъ, чтобы отправиться производить дальнѣйшія изслѣдованія въ предѣлахъ западнаго Китая. Что касается южныхъ пограничныхъ хребтовъ, Тянь—Шаня и Богдо—Ола, то здѣсь мы обязаны подробнымъ и тщательно выполненнымъ изслѣдованіемъ доктору Мерцбахеру (Dr. Merzbacher), который занимался изученіемъ альпійскаго района восточнаго Тянь—Шаня въ 1909 году.

Изъ этого бѣглаго обзора предшествующихъ научныхъ изслѣдованій, можно усмотрѣть, что страна эта посѣщалась многими путешественниками, огромное большинство которыхъ были русскими. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ путешественниковъ опубликовали свои отчеты (большинство, однако, этого не сдѣлало), причемъ изъ этихъ только отчетовъ, несмотря на то, что они представляютъ изъ себя въ большинствѣ

случаевъ не полно написанные дневники, намъ приходилось извлекать всѣ необходимыя справки. Кромѣ тѣхъ мѣстностей, о которыхъ мы упомянули, нашъ районъ остается вовсе незатронутымъ пока обслѣдованіемъ и неописаннымъ. Для того, чтобы придать нашему отчету о районѣ возможную полноту и дать истинное представленіе объ этихъ обширныхъ пространствахъ страны, которыя представляются, какъ бы то ни было, до настоящаго времени большой загадкой каждому англійскому читателю, я привожу въ этой книгѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать, какъ изъ собственныхъ тщательно веденныхъ дневниковъ, такъ и изъ записей предыдущихъ путешественниковъ.

Наше путешествіе было закончено, и большая часть этого отчета была уже напечатана до провозглашенія независимости Монголіи. Положеніе бассейна верхняго Енисея описано здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ его можно было наблюдать въ 1910 году, но необходимо отмѣтить, что предчувствіе грядущей перемѣны проникаетъ все наше повѣствованіе. Въ началѣ этой книги я не дѣлалъ никакихъ ссылокъ на новыя вѣянія, но въ послѣднихъ частяхъ и главнымъ образомъ въ главѣ X-й, я изложилъ свои наблюденія надъ явленіями, свидѣтельствовавшими о грядущихъ событіяхъ. Въ цѣломъ, на этотъ отчетъ надлежитъ смотрѣть какъ на описаніе положенія дѣлъ въ краѣ въ томъ видѣ, въ какомъ его можно было наблюдать вплоть до 1911 года.

ГЛАВА I.

По Сибири къ границамъ Монголіи.

„Въ Азіи, гдѣ все необычайно, гдѣ лѣса покрываютъ цѣлыя государства, гдѣ рѣки прокладываютъ себѣ дорогу зачастую на протяженіи цѣлыхъ странъ, человѣкъ чувствуетъ все свое ничтожество, подавляемый постояннымъ сознаніемъ, что мѣстная природа черезчуръ мощна и что онъ лишь ничтожная песчинка по сравненію съ нею". Безразлично съ какой бы стороны въ Азію мы ни въѣхали, наличіе этихъ силъ подѣйствовало бы на насъ одинаково и мы испытали бы непреодолимое ощущеніе безграничнаго простора, мощи развернувшейся здѣсь колоссальнымъ размахомъ природы. Бросили ли бы мы свой первый взоръ на Азію изъ какого либо Индійскаго порта, гдѣ наткнулись бы лицомъ къ лицу на милліоны дельтъ, или же наше вступленіе въ предѣлы великаго континента совершено было бы на протяженіи тысячъ миль вдоль какой либо изъ китайскихъ рѣкъ, лежалъ ли бы нашъ путь по неизмѣримымъ степямъ Сибири, или пескамъ Персидской пустыни, впечатлѣніе, которое на насъ Азія произвела бы, было бы несомнѣнно однимъ и тѣмъ же—впечатлѣніемъ огромности. Азія вся сотворена въ преувеличенномъ масштабѣ: въ ней, въ предѣлахъ нѣкоторыхъ пространствъ, можно встрѣтить самое плотное, считая на одну кв. милю, въ свѣтѣ населеніе, и въ то же время въ другихъ ея мѣстностяхъ нерѣдки безграничныя пространства бѣдныхъ земель, совершенно еще необитаемыхъ.

Говоря объ Азіи, нельзя особо не упомянуть Китая, такъ какъ эта Небесная имперія, хотя и занимаетъ только одинъ уголъ Азіи, заключаетъ въ себѣ третью часть всего наличнаго населенія земного шара. Трудно повѣрить, что Персія, Японія, Монголія и Аравія являются составными частями одного и того же континента, настолько онѣ отличаются одна отъ другой, какъ населяющими ихъ народностями, такъ и климатомъ, обстановкой и религіями. Кого не удивитъ здѣсь такое близкое сосѣдство и въ то же время такое различіе между арійской, семитической и желтой расами? Какимъ образомъ, вѣрующаго во единаго Бога безстрашнаго араба, обитателя залитой солнцемъ пустыни, сравнить съ робкимъ шаманистомъ, поклонникомъ природы, живущимъ въ мрачныхъ Сибирскихъ лѣсахъ? Страннымъ кажется, какъ это одинъ и тотъ же континентъ могъ послужить мѣстомъ рожденія Христу, Магомету и Гватамѣ (Буддѣ) и до сихъ поръ въ состояніи культивировать ученія Конфуція и Зороастра.

На этомъ континентѣ, являющемъ собой парадоксъ и предметъ удивленія, человѣческая мысль не только могла погружаться въ неизвѣдомыя глубины, но и обнаруживать свою исключительную оригинальность и безконечную изобрѣтательность. Физическія и этнографическія особенности, которыя можно наблюдать на протяженіи всего континента, не менѣе разнообразны и отличаются такими же парадоксальными признаками; поразительная игра соотношеній, какъ бы охватываетъ всю Азію. Ея несчастья и катастрофы соотвѣтствуютъ ея огромной величинѣ, а слѣды работы природы здѣсь отличаются широчайшимъ размахомъ и такъ называемыя, „творенія божества“ здѣсь развертываются съ несравненной и неумолимой жестокостью. Ея войны и передвиженія, разрушенія и убійства въ отдаленныя времена принимали такія ужасныя формы и такъ подавляли, что имъ едва вѣрили на Западѣ.

Внѣшній ея видъ, во всѣхъ отношеніяхъ, производитъ впечатлѣніе чего-то громаднаго, что въ равной мѣрѣ выражается какъ въ наружномъ видѣ ея рѣкъ и горъ, такъ и въ массѣ населяющихъ ея народовъ, въ разнообразіи и стой-

кости ея религій, въ ея радостяхъ и горестяхъ, подобныхъ которымъ трудно встрѣтить гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Азія является континентомъ крайностей: „никакой контрастъ не можетъ показаться въ ней страннымъ, никакой антитезисъ слишкомъ глубокимъ". Холодныя, блѣдныя пустоты Монголіи странно сочетаются здѣсь съ полными испареній джунглями Бирмы, а песчаныя пустыни Закаспійскаго плато рѣзко противостоятъ тропической Индіи и плодородной Сибири. Распространеніе по ея поверхности населяющихъ ее народовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ особенностямъ ея физіографіи и порой обнаруживаетъ исключительные примѣры прихотливости расоваго распространенія. Одно и то же скотоводческое племя, напримѣръ, фактически владѣетъ пространствомъ, охватывающимъ половину континента отъ Каспійскаго моря до Алтайскихъ горъ, и въ то же время можно встрѣтить здѣсь представителей совершенно различной расы, вкрапленными въ предѣлахъ любой изъ долинъ Западнаго Китая.

Азія способна также задавать исключительныя задачи и будить напряженную работу мысли политическихъ дѣятелей. Китай, старѣйшая изъ націй, который и до настоящаго времени остается только націей, стоитъ передъ нами въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ стоялъ въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ и до самаго послѣдняго времени держится въ сторонѣ отъ всѣхъ интригъ Запада. Въ то же время расчлененныя Государства полуденной Индіи, въ цѣломъ объединены и составили часть одной Западной Имперіи. Жадныя руки со всѣхъ сторонъ простираются сюда съ Запада, въ надеждѣ захватить какую-нибудь подходящую территорію и тѣмъ не менѣе, независимыя туземныя государства до настоящаго времени еще существуютъ здѣсь, полныя самобытности и неприкосновенныя.

Западъ всегда жадно прислушивался ко всякому полезному, съ его точки зрѣнія, сообщенію, касающемуся Азіи, причемъ ея особенное очарованіе и неизученная загадочность представляли всегда большую приманку для настроеннаго прозаически европейца. Неизвѣданный просторъ для изслѣдованія здѣсь все еще налицо, а неописанныя части Азіи попрежнему ожидаютъ своихъ истол-

кователей—путешественниковъ; изъ нихъ одна, маленькая частица Азіи, а именно внѣшняя Монголія, извѣстна всего менѣе. Занимаемое ею, сравнительно, незначительное пространство, правда, охватываетъ все же 650 тысячъ квадратныхъ миль и заключаетъ въ себѣ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ горы и пустыни, плоскогорія, лѣса и песчаныя дюны; она представляетъ изъ себя страну, отличающуюся безконечнымъ разнообразіемъ, ласкающими красотою ландшафтами и въ то же время отталкивающимъ однообразіемъ. Описаніемъ этого района я и намѣренъ въ дальнѣйшемъ заняться.

Мы впервые увидѣли лицомъ къ лицу Азію съ водораздѣла Уральскихъ горъ, раздѣляющихъ Востокъ отъ Запада. Здѣсь мы вступили въ долину, по площади равную почти цѣлой Европѣ, которую и пересѣкли въ роскошномъ вагонѣ Сибирскаго экспресса. Это было первымъ этапомъ, нашего путешествія, этапомъ, по которому мы быстрѣе всего могли достигнуть центра континента. Мы начали свое путешествіе съ Сибири и черезъ пять дней слѣдованія по низменнымъ равниннымъ землямъ, тянущимся отъ Риги, расположенной на берегу бурнаго Балтійскаго моря, вступили, наконецъ, въ волнообразную страну, усѣянную залѣсенными холмами, въ страну ласкающаго взоръ ландшафта, и остановились на берегу Великаго Енисея.

Мы съ безпокойствомъ ждали того момента, когда, наконецъ, намъ удастся бросить свой первый взглядъ на этотъ огромный водный путь, имѣя тайное намѣреніе использовать его для проѣзда на протяженіи сотенъ миль вверхъ по теченію... Но, увы!—Мы застали его еще прочно скованнымъ ледянымъ покровомъ. Даже несмотря на сравнительно позднее время (23 Апрѣля) [1]) и на то, что сибирскія рѣки обычно открываются для сообщенія въ серединѣ Апрѣля—мы были непріятно поражены, увидѣвъ какъ повозки все еще продолжали бороздить его замерзшую поверхность. Мы думали, что застанемъ въ Сибири уже весну въ полномъ ея разгарѣ послѣ долгой свирѣпой

---

[1]) По нашему стилю—10 Апрѣля. (Прим. переводчика).

зимы, но были жестоко разочарованы въ нашихъ надеждахъ. Покидали мы Англію въ тотъ моментъ, когда деревья уже выкидывали свои первые листья въ скверахъ Лондона; проѣзжая по Россіи мы были увѣрены, что намъ не придется болѣе возвращаться въ обстановку зимы; но здѣсь, въ серединѣ континента, удаленнаго отъ умѣряющаго вліянія моря, земля все еще оставалась въ желѣзныхъ оковахъ зимы.

23 Апрѣля, стоя на берегахъ Енисея и наблюдая за переправами въ обоихъ направленіяхъ по льду, мы не замѣчали ни малѣйшихъ признаковъ навигаціонной работы на рѣчныхъ пароходахъ, услугами которыхъ надѣялись воспользоваться для проѣзда до города Минусинска, расположеннаго въ 250 миляхъ отсюда вверхъ по теченію. Пароходы эти безпомощно стояли возлѣ набережныхъ, скованные льдомъ, въ ожиданіи вскрытія рѣки. Къ сѣверу открывался видъ на открытыя и почти безснѣжныя степи, къ югу тянулась всхомленная страна, съ лежащимъ все еще между лѣсныхъ колковъ снѣгомъ. При такихъ условіяхъ выяснилась необходимость прибѣгнуть какъ для перевозки самихъ себя, такъ и нашего снаряженія, къ сухопутному транспорту по этимъ, открывшимся нашему взору, холмамъ до степей Минусинска.

Озабоченные полученіемъ свѣдѣній о наиболѣе доступномъ пути изъ Сибири въ Урянхайскій край, къ истокамъ Верхняго Енисея, мы сочли благоразумнымъ предварительно изслѣдовать весь районъ, расположенный между русскимъ Алтаемъ и озеромъ Байкаломъ. На протяженіи всего этого района, тянется линія гористой мѣстности, составляющей сѣверный край Монгольскаго плоскогорья, которое граничитъ съ южно-сибирской равниной. Эта гористая страна простирается въ юго-западномъ направленіи на всемъ пути слѣдованія отъ Манчжуріи до Тянь-Шанскихъ горъ Туркестана. Между Алтаемъ и озеромъ Байкаломъ страна становится труднодоступной и мало еще изслѣдована. Наружнымъ пограничнымъ хребтомъ, который представляетъ изъ себя первый этапъ плоскогорья, служатъ Саянскія горы; за этими горами расположенъ уединенный бассейнъ, гдѣ берутъ свое начало истоки Енисея, а за нимъ возвышается второй горный

рядъ, хребетъ Танну-Ола, который вводитъ въ настоящее плоскогорье—собственно Монголію. Этотъ то, окруженный горами бассейнъ, расположенный между Саянами и хребтомъ Танну-Ола, и называется Урянхайскимъ краемъ, по имени единственнаго туземнаго племени, населяющаго этотъ край.

Только въ двухъ направленіяхъ Сибирскія равнины имѣютъ сообщеніе съ Урянхайскимъ краемъ; только по нимъ можно добраться до болѣе или менѣе доступныхъ проходовъ въ этотъ трудный и отдаленный районъ, гдѣ берутъ свое начало три главнѣйшихъ истока Великаго Енисея. Путешественникъ, имѣющій намѣреніе попасть къ самымъ верховьямъ истоковъ Енисея, можетъ выбрать любой изъ этихъ путей. Намъ казалось, на основаніи свѣдѣній, съ трудомъ добытыхъ нами, что мы сможемъ достичь нашей цѣли или слѣдуя черезъ Иркутскъ съ востока, или черезъ Минусинскъ съ сѣвера. Иркутскій путь наиболѣе труденъ; онъ тянется по очень суровой странѣ, мимо озера Коссогола, къ главнѣйшимъ истокамъ Енисея-Куа-Кему и Бей-Кему. Съ другой стороны отъ Минусинска намъ представлялись на выборъ три пути, ведущіе къ югу въ Саянскія горы. Въ концѣ концовъ мы избрали Минусинскъ отправнымъ пунктомъ нашего путешествія, и. не имѣя возможности достичь этого пункта по р. Енисею — рѣшили вернуться обратно въ Ачинскъ, лежащій на 90 миль къ западу, такъ какъ отъ него только и тянется почтовый трактъ на югъ, по направленію къ Монгольской границѣ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на полной романтизма исторіи проникновенія русскихъ въ предѣлы Сибири. Географія—служанка исторіи; эти родственныя науки такъ тѣсно связаны одна съ другой, онѣ настолько взаимно пополняютъ другъ друга, что обычно бываетъ невозможно, говоря объ одной, не затронуть въ то же время и другую.

Когда Ермакъ и его вольнолюбивые сообщники впервые ринулись въ предѣлы Сибирскаго неизвѣданнаго простора, они нашли ихъ населенными племенами болѣе свирѣпыми и болѣе достойными быть непріятелями, нежели современныя туземныя племена. Бокъ о бокъ съ обнищалыми, трусливыми остяками

и прочими племенами, жили здѣсь легко воспріимчивые и доблестные татары; въ виду этого обстоятельства завоеваніе русскими Сибири оказалось дѣломъ вовсе не такимъ легкимъ, какъ бы это могло показаться съ перваго взгляда.

Сибирь была пріобрѣтена (завоевана) не безъ крупныхъ затратъ. Доблестныя дѣянія были совершены первыми піонерами въ предѣлахъ ея пустырей, такъ какъ татары и тунгусы оказались достойными противниками и повѣствованія о ихъ битвахъ съ русскими переполнены событіями самаго героическаго свойства.

Мы читаемъ съ увлеченіемъ и восторгомъ о набѣгахъ этихъ дикарей, объ ихъ сторожевыхъ линіяхъ, а также о группахъ командъ охотниковъ за Сибирскими сокровищами, состоявшихъ изъ независимыхъ казаковъ; нужно поражаться, съ какимъ упорствомъ смѣлые тунгусы и буряты выдерживали натискъ нашествія, охраняя свою независимость въ теченіе приблизительно двадцати, тридцати лѣтъ, пока ихъ окончательно не превратила въ своихъ подданныхъ Россійская Имперія. Соблазняемыя обиліемъ мѣховъ—многочисленныя экспедиціи русскихъ промышленниковъ выступали съ тѣмъ, чтобы поразвѣдать и поторговать въ предѣлахъ мрачныхъ сѣверныхъ пустынь. Много трагедій приходится отмѣтить, много жестокостей было совершено и все-таки, несмотря на крупныя лишенія, нерѣдко сопровождавшіяся болѣзнями и даже смертью, эти отважные удальцы преодолѣли все, благодаря упорству и храбрости, не отступили ни на шагъ и кончили тѣмъ, что съ честью заслужили царскую награду.

Ермакъ въ нѣсколько лѣтъ покорилъ огромныя пространства Сибири. Въ 1556 году [1]) округа Иртышскій и Алтайскій были уже заселены воинами колонизаторами, а въ 1620 году русское движеніе впередъ распространилось до Енисея. Затѣмъ началась медленная, но вѣрная, крупная и методическая руссификація безымянныхъ и безграничныхъ территорій, расположенныхъ къ сѣверу отъ нынѣшней желѣзной дороги, и мало по малу бо-

[1]) Вѣроятно въ 1586 г. (Примѣчаніе переводчика).

гатѣйшія части страны, лежащія и къ югу отъ нея переполнились безудержно продвигавшимися впередъ колонистами и ссыльными. Къ 1728 году, менѣе чѣмъ черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ перваго перехода черезъ Уральскія горы, русскіе вчернѣ завершили свое изслѣдованіе Азіи и съ поразительной настойчивостью перевалили въ предѣлы Сѣверной Америки.

Открытый рельефъ Сѣверной Азіи, огромное пространство равнинъ, совершенно лишенныхъ горныхъ преградъ, обезпечивали быструю и вѣрную колонизацію ея великимъ и мужественнымъ народомъ. Съ изумительной быстротою русскій человѣкъ проникъ въ отдаленные углы Сибири и Центральной Азіи и слѣдствіемъ этого было то, что въ настоящее время онъ чувствуетъ себя какъ дома и въ плодородномъ полутропическомъ Туркестанѣ, окруженный разрушенной цивилизаціей Тамерлана, и на Камчаткѣ, и въ Верхоянскѣ—мѣстѣ, считающемся центромъ холода на земной поверхности.

Многое способствовало успѣху русской колонизаціи: на одномъ и томъ же языкѣ говорятъ отъ Москвы до береговъ Тихаго океана; единая религія объединяетъ русскихъ, при чемъ это исповѣданіе медленно проникаетъ даже въ среду языческихъ племенъ; наконецъ, единое правительство распростираетъ свою отеческую руку одинаково надъ всѣми своими подданными. Доступность Сибири послужила причиной тому, что она была быстро наводнена новопришельцами, а это повлекло за собой, хотя и медленное, но вѣрное поглощеніе туземныхъ племенъ. За исключеніемъ сѣверной тундры, въ предѣлахъ которой нашли себѣ убѣжище остатки самоѣдскихъ расъ, въ Сибири нѣтъ ни горныхъ убѣжищъ, ни пустынь, которыя могли бы предохранить туземныя расы отъ полной руссификаціи. Расположенныя на югѣ горы, плоскогорья Монголіи и лѣса внутри Алтайско-Байкальскаго района, отличающіеся соотвѣтственно разнообразными ландшафтами и климатомъ—будутъ, очевидно, послѣднимъ убѣжищемъ для тѣхъ племенъ, которыя сумѣютъ пережить натискъ Россіи съ сѣвера и Китая съ юга.

Сибирь въ наши дни представляетъ собою страну, переживающую муки возрожденія. Русскій человѣкъ сумѣлъ обосно-

ваться въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Сѣверной Азіи; онъ объединилъ весь огромный районъ, считая отъ Уральскихъ горъ и до береговъ Тихаго океана, сѣтью почтовыхъ дорогъ, прорѣзалъ величайшій изъ материковъ одной длинной желѣзнодорожной магистралью, создалъ пароходство на всѣхъ судоходныхъ рѣкахъ Сибири, основалъ многіе города, замѣчательные по своему значенію, хотя иногда и очень удаленные одинъ отъ другого и заселилъ, обративъ подъ культуры, колоссальныя пространства страны.

Но несмотря на это, огромныя площади здѣсь остаются еще дѣвственными, а плодоносныя земли покорно ждутъ приложенія къ нимъ рукъ пахаря. Въ равной степени предметъ заботъ будущаго составляютъ здѣсь широчайшія перспективы по разработкѣ несмѣтныхъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ, минеральныхъ богатствъ. Россія располагаетъ наиболѣе плодовитой расой и потому населеніе ея, какъ говорятъ, удваивается въ теченіе 60-лѣтняго промежутка времени. Тѣмъ не менѣе Сибирь пока успѣла привлечь въ свои предѣлы только сравнительно небольшое число выходцевъ изъ предѣловъ метрополіи. Россія еще не перенаселена и располагаетъ пока запасомъ земли для избыточнаго своего населенія, не будучи для этого вынужденной отправлять его обязательно въ Сибирь, какъ въ свою колонію. Прекраснѣйшіе и подающіе наибольшія надежды округа Сибири, расположены вдоль границы Китая, гдѣ почти непрерывный горный барьеръ простирается отъ Памира до Манчжуріи. Сѣверные склоны этихъ хребтовъ чрезвычайно благопріятны для колонизаціи и переселенцы обосновались здѣсь въ живописныхъ поселеніяхъ, раскиданныхъ въ настоящее время вдоль всей приграничной полосы. Съ китайской стороны нѣтъ также недостатка въ подданныхъ Небесной Имперіи, несмотря на то, что природныя условія жизни здѣсь гораздо бѣднѣе.

На нашу долю выпало испытать на себѣ всѣ тяготы наиболѣе неблагопріятнаго сезона и самаго плохого состоянія здѣсь дорогъ, во время нашей поѣздки отъ Ачинска до Минусинска. Мнѣ не забыть этихъ пространствъ липкой глины и тающаго снѣга, этихъ скучныхъ, многочисленныхъ и далеко не безо-

пасныхъ переправъ черезъ рѣки. Около 27-го Апрѣля рѣки на этой широтѣ начали вскрываться. Чулымъ, напримѣръ, который намъ пришлось пересѣкать два раза, былъ особенно опасенъ, такъ какъ по залитому его берегу и усѣянному льдомъ главному протоку было очень трудно грузить въ двѣ непрочныя лодочки наше снаряженіе и переправлять его въ этихъ лодочкахъ черезъ бущующую стремнину.

Покинувъ Ачинскъ, въ предѣлахъ первой отъ него станціи мы ѣхали по холмамъ и лѣсу; затѣмъ страна сдѣлалась болѣе монотонной—превратившись въ безконечную степь, съ случайно встрѣчающимися на ней березовыми зарослями. Такъ продолжалось вплоть до верховьевъ Чулыма, гдѣ мы вступили въ еще болѣе открытую, уже настоящую степь. Въ предѣлахъ этого послѣдняго пространства лѣсовъ совсѣмъ не встрѣчается, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ хвойныхъ и березовыхъ остатковъ на вершинахъ холмовъ — типъ страны, вполнѣ соотвѣтствующій этимъ широтамъ средней Азіи, почти совершенно безводной. Табуны лошадей и стада рогатаго скота, казалось, свидѣтельствовали о скотоводческихъ условіяхъ жизни въ этомъ районѣ. Здѣсь же намъ впервые начали попадаться сохранившіеся памятники, нѣмые свидѣтели когда то жившей въ этихъ мѣстахъ многочисленной, повидимому, и теперь уже исчезнувшей древней расы, не оставившей послѣ себя ничего, кромѣ безчисленныхъ слѣдовъ своего распредѣленія, въ формѣ гигантскихъ могильныхъ холмовъ, или („tumuli“) кургановъ.

Открытый рельефъ этой страны представлялъ изъ себя замѣчательное зрѣлище. Кромѣ нѣсколькихъ полосокъ сосновыхъ зарослей, искусственно насаженныхъ переселенцами вокругъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ селеній, мы не замѣтили здѣсь никакихъ лѣсовъ; тѣмъ не менѣе все же, несмотря на исключительно степной характеръ этой мѣстности, преобладающей здѣсь въ настоящее время, намъ удалось открыть существованіе древняго лѣса, остатки котораго стояли въ видѣ уединенныхъ и печальныхъ группъ деревьевъ, цѣплявшихся за вершины возвышавшихся здѣсь небольшихъ холмовъ. Эта степная зона простирается вверхъ вплоть до подножія передовыхъ холмовъ

Курганы (tumuli) и монолиты Чулымской степи.

Саянскихъ горъ, гдѣ, благодаря большому количеству выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, она становится плодородной и болѣе богатой растительностью, пока, наконецъ, не погружается въ гущину хвойныхъ лѣсовъ, охватывающихъ огромныя пространства.

Нашъ путь велъ насъ къ югу, по покатой, всхолмленной странѣ и только, достигнувъ вершины раздѣляющаго Енисей отъ Чулыма узкаго хребта, этого, насчитывающаго въ ширину всего около 6 миль и служащаго водораздѣломъ двухъ величайшихъ рѣчныхъ системъ Енисейской и Обь-Иртышской, пространства, передъ нами раскрылся видъ на минусинскую равнину. Послѣдняя представляетъ изъ себя прекрасно расположенный историческій районъ, холмистый и отгороженный отъ открытыхъ низменныхъ равнинныхъ земель Сибири. Съ поросшей травой вершины мы могли любоваться подножіями холмовъ, усѣянныхъ безчисленными курганами (tumuli), серебрящейся кривой линіей рѣки Енисея, извивающейся по широкой и плодородной долинѣ; вдалекѣ, на горизонтѣ, можно было даже различить слабыя очертанія контура Саянскихъ горъ, унизанныхъ вершиннымъ бордюромъ густопоросшаго лѣса и блистающихъ издали своими снѣговыми вершинами.

Испытанное нами впечатлѣніе при вступленіи въ предѣлы минусинской долины вѣроятно было бы одинаковымъ, если бы мы подошли къ ней, вмѣсто сухопутья, и водою отъ Красноярска. Немедленно вслѣдъ за Красноярскомъ путешественникъ, слѣдующій вверхъ по теченію, проходитъ черезъ угрюмыя ущелья и великолѣпнаго вида скалистыя пространства; затѣмъ вдругъ страна расширяется, рѣка вступаетъ въ величественные предѣлы и принимаетъ въ себя гигантскіе притоки съ востока; далѣе, по мѣрѣ приближенія къ Минусинской равнинѣ, слѣдующій на суднѣ путешественникъ видитъ, какъ Енисей мало по малу пріобрѣтаетъ видъ озера усѣяннаго песчаными отмелями и островками. За Минусинскомъ Енисей становится уже несудоходнымъ. На разстояніи 50 миль къ югу отъ Минусинска передовые холмы Саянскихъ горъ смыкаются и рѣка проходитъ черезъ глубокоразрѣзанныя угрюмыя ущелья. Здѣсь

ея теченіе прерывается цѣлымъ рядомъ пороговъ, которые препятствуютъ судоходству вверхъ по теченію, и только позволяютъ смѣлымъ сибирскимъ рыбакамъ спускаться въ опредѣленныя времена года на плотахъ внизъ, отъ спокойныхъ верховьевъ рѣки, которыя лежатъ позади этой естественной преграды, состоящей изъ утесовъ и стремнинъ.

Енисей у города Минусинска, возлѣ котораго намъ пришлось пересѣкать его, оказался прекрасной однопроточной рѣкой, достигающей 400 ярдовъ въ ширину. Въ это время года, перваго мая, онъ представлялъ изъ себя весьма интересную картину, а наша попытка пересѣчь его, дала намъ возможность обнаружить своеобразную природу этого неизмѣримаго воднаго Сибирскаго пути, который тянется изъ глубинъ Китая, вплоть до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Мы застали Енисей въ достаточной мѣрѣ уже взломаннымъ и освобожденнымъ ото льда и могли пересѣчь его съ берега до берега въ лодочкахъ, причемъ препятствіемъ служили лишь узкія пространства, занятыя льдомъ вдоль береговыхъ линій. Но валунные берега его были высоко загромождены гигантскими глыбами льда, а разбитые массивы послѣдняго, проносились внизъ по теченію съ такой быстротою, что для лодочниковъ, переправлявшихъ насъ, было крайне необходимо выбирать наиболѣе подходящіе моменты для подпиранія баграми своихъ легкихъ выдолбленныхъ лодочекъ, чтобы не случилось несчастья при переправѣ и умѣло увертываться отъ большихъ и опасныхъ, проносящихся мимо льдинъ. Въ это время года вода въ рѣкѣ стояла очень низко, но по берегамъ было видно, что, при среднемъ горизонтѣ воды, она бываетъ обычно шире примѣрно на 25 ярдовъ.

Несомнѣнно, что вскрытіе Сибирскихъ рѣкъ начинается въ самыхъ южныхъ ихъ широтахъ. Даже въ Красноярскѣ, отстоящемъ всего на 250 миль къ сѣверу, рѣка такъ и не могла вскрыться для навигаціи въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль. Далѣе на сѣверъ, дата вскрытія рѣкъ еще болѣе запаздываетъ и собственно устья рѣкъ, питающихъ Сѣверный Ледовитый океанъ, бываютъ свободными отъ льда въ году въ теченіе всего лишь трехъ мѣсяцевъ. Должно быть поразительную картину предста-

На пути къ Минусинску.

вляетъ изъ себя зрѣлище ледяныхъ массъ, покрывающихъ во всю длину, на тысячи миль разстоянія, замерзшій водный путь, когда этотъ ледъ собирается и сжимается у устья, пока получившійся заторъ не будетъ прорванъ сильнѣйшимъ давленіемъ. Сибомъ (Seebohm), который наблюдалъ эту „революцію льда“ въ конечномъ пунктѣ рѣки за полярнымъ кругомъ, описываетъ это явленіе живописно, какъ „битву Енисея“. Возлѣ упомянутаго пункта великая рѣка не начинала вскрываться вплоть до самаго конца мая и потребовалось двѣ недѣли борьбы между ледянымъ барьеромъ и потоками, набѣгавшими съ верховьевъ, прежде чѣмъ рѣка не прочистила себѣ путь къ океану. Изъ этого можно видѣть, что Енисей находится въ состояніи борьбы за освобожденіе своихъ водъ отъ ледяныхъ оковъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ году.

Въ теченіе первой недѣли іюня, Сибомъ и его доблестный спутникъ, капитанъ Виггинъ (Wiggin), первымъ совершившій сѣверный проходъ изъ Европы къ сердцу Сибири, наблюдали поднятіе и паденіе Енисея въ соотвѣтствіи съ нажимами, или прорывами скоплявшагося льда. Тамъ гдѣ острова или острыя извилины теченія рѣки представляли изъ себя преграды, горы огромныхъ ледяныхъ глыбъ собирались, нагромождаясь другъ на друга и вода въ этомъ мѣстѣ поднималась. Случалось такъ, что главная рѣка достигала при этомъ такой высоты, что фактически начинала стекать въ обратномъ своему теченію направленіи, слѣдуя по линіи наименьшаго сопротивленія. Обратное давленіе толкало этотъ замѣчательный потокъ ледяной массы и ручьевъ вверхъ, по теченію рѣки и ея притоковъ со скоростью отъ 5 до 6 миль въ часъ. Ледъ запруживалъ воду до тѣхъ поръ пока давленіе теченія не преодолѣвало; тогда преграда разрушалась и горизонтъ воды падалъ. Сибомъ вычислилъ, что около 50.000 акровъ льда прошло мимо него въ теченіе, указанной выше недѣли и отмѣтилъ, что „для того чтобы имѣть приблизительное представленіе о силѣ давленія этого льда, достаточно знать, что часть рѣки, длиною въ тысячу миль, шириной у истока въ двѣ мили и у устья до шести миль, скованная льдомъ толщиною въ три фута, надъ ко-

торымъ лежала шестифутовая толща снѣга, вскрылась со скоростью до 100 миль въ сутки". Эта „битва Енисея" неистовствовала въ теченіе двухъ недѣль и въ продолженіе этого періода произошла внезапно рѣзкая перемѣна отъ середины зимы къ серединѣ лѣта.

Енисей заслуживаетъ вниманія своими размѣрами. Отъ границы самаго отдаленнаго изъ его истоковъ до мѣста впаденія рѣки въ Сѣверный Ледовитый океанъ, считается приблизительно до 4-хъ тысячъ миль; его система орошаетъ пространство, уступающее лишь пространству, орошаемому въ предѣлахъ Азіатскаго материка Обь-Иртышской системой; Енисей соревнуется съ Ниломъ, Амазонкой и Миссисипи за честь называться длиннѣйшей рѣкой въ мірѣ. Въ Красноярскѣ, отстоящемъ на 1.700 миль отъ моря, гдѣ мы впервые увидѣли Енисей, его берега раздвинуты на тысячу ярдовъ; далѣе на сѣверъ рѣка расширяется почти до одной мили и въ концѣ концовъ у устья доходитъ до изумительной ширины въ 100 миль [1]). Къ сожалѣнію пользованіе этой рѣкой не соотвѣтствуетъ ея размѣрамъ, такъ какъ климатическія условія и особенности устройства окружающей рѣку земной поверхности позволяютъ пользоваться для надобностей паровой навигаціи только на разстояніи 4.000 миль изъ всего его воднаго пространства.

Мы совершили переправу безъ всякихъ аварій, въ теченіе трехъ часовъ и уже на восточномъ берегу Енисея должны были прослѣдовать довольно большое разстояніе до главнаго города всей округи Минусинска, который лежитъ на заднемъ протокѣ главной рѣки. Минусинскъ оказался главнымъ рынкомъ хлѣбопашества и торговымъ центромъ всей, тянущейся отъ него къ югу округи, заключающей въ себѣ, какъ культивированныя пространства, прилежащія къ городу, такъ и почти нетронутыя еще земли, ожидающія покорно наступленія того благопріятнаго момента для своего развитія, когда здѣсь приступлено будетъ, въ широкомъ масштабѣ, къ извлеченію минеральныхъ

---

[1]) Названіе „Енисей" тунгусскаго происхожденія и означаетъ въ переводѣ „широкая вода".

богатствъ, а также къ насажденію коммерческихъ предпріятій.

Главной отличительной особенностью этого района является его значительно болѣе умѣренный климатъ, въ особенности по сравненію съ суровостью климата остальной Сибири. Здѣсь не случается внезапныхъ перемѣнъ температуры, которая останавливала бы ростъ хлѣбовъ и убивала бы стада, какъ это часто бываетъ среди ничѣмъ незащищенной равнины Сибири [1]). Легкіе дожди умаляютъ вредное вліяніе лѣтнихъ засухъ и дѣлаютъ здѣсь землю способной давать обильные урожаи, даже и безъ употребленія удобренія. Г. Шалонъ приводитъ температуры, которыя я цитировалъ. а также удостовѣряетъ, что земля можетъ производить здѣсь до двадцати двухъ центнеровъ съ $2^1/_2$ акровъ, что составляетъ приблизительно вдвое, въ среднемъ, худшій по сравненію съ соединеннымъ королевствомъ, урожай. Въ дѣйствительности районъ Минусинскихъ прерій считается наиболѣе привлекательнымъ и плодоноснымъ во всей Сибири и мы склоняемся вѣрить этому предположенію. Ландшафтъ разнообразится здѣсь озерами, горами, рѣками и лѣсами; интересные и пожалуй, живописные татары живутъ здѣсь бокъ о бокъ съ сибирскими переселенцами, а исторія этой округи до послѣдняго времени остается еще малоизслѣдованной.

Эта благодарная долина занимаетъ пространство до 15.000 кв. миль и расположена по обоимъ берегамъ рѣки Енисея, упираясь

---

[1]) Согласно русскимъ наблюденіямъ, среднія температуры въ Минусинскѣ колеблются:

Зима . . . . . 6° Фар. (Январь, самый холодный мѣсяцъ).
Весна . . . . 43° „
Лѣто . . . . 67° „ (Іюль, самый жаркій мѣсяцъ).
Осень . . . . 22° „

Среднее количество выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, на основаніи наблюденій, продолжавшихся въ теченіе 11 лѣтъ, выражается слѣдующими цифрами:

зима . . . . . 0.86 д.
весна . . . . . 2.16 „
лѣто . . . . . 5.56 „
осень . . . . . 2.64 „

Средняя годовая атмосферныхъ осадковъ въ смежно съ Минусинскомъ расположенной мѣстности опредѣляется—11.3 д.; но эта средняя быстро выростаетъ по мѣрѣ приближенія къ югу и къ востоку—къ горному району. Въ разстояніи 43 миль къ востоку отъ Минусинска средняя годовая атмосферныхъ осадковъ поднимается уже до 21.2 д.

на югѣ въ Саянскія горы, а на востокѣ, сѣверѣ и западѣ ограничиваясь болѣе низкими хребтами, но зато отличающимися въ достаточной мѣрѣ защитнымъ характеромъ. Вся поверхность бассейна, въ среднемъ, возвышается надъ уровнемъ моря на 800 футовъ, что можно считать довольно низкимъ для середины Азіатскаго материка. Поперекъ этой наносной равнины, отличающейся общепризнанными природными богатствами, текутъ оросительные потоки, съ обширныхъ пространствъ горныхъ хребтовъ, расположенныхъ на югѣ. Главное теченіе Енисея, собирающее воедино всю совокупность дренажа бассейна Верхняго Енисея, вмѣстѣ съ Абаканомъ и огромной Тубой, какъ бы соединились для обводненія Минусинской степи общими усиліями.

Эти условія, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи цивилизаціи, которая была достигнута въ давно прошедшія времена древними туземными народами, населявшими эту долину. Въ наши дни присутствіе здѣсь такого счастливо процвѣтающаго города, каковымъ является Минусинскъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что этой колоніи, образовавшейся здѣсь на обильной землѣ, обезпечено, повидимому, полное всякихъ возможностей будущее. Мы провели въ этомъ городѣ 10 дней, собирая свѣдѣнія, закупая запасы и приторговывая лошадей. Рынки были полны — здѣсь можно было купить почти всѣ тѣ предметы, которые обычно встрѣчаются въ крупныхъ городахъ Сибири.

Въ городѣ имѣется банкъ, замѣчательный музей, больница, школы и книжная торговля. Минусинскъ и его округъ напоены атмосферой довольства и возможности развитія въ дальнѣйшемъ; чувствуется, что живущіе здѣсь люди—увѣрены въ своемъ завтрашнемъ днѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на 10.000 жителей города и на наше стараніе добиться получить хотя бы кое-какія необходимыя свѣдѣнія, намъ удалось раздобыть лишь весьма скудныя указанія относительно района, расположеннаго за предѣлами воздѣланныхъ подъ Минусинскомъ равнинъ. Горы на югѣ были очевидно внѣ границъ воображенія жителей Минусинска, если не считать ихъ волшебныхъ разсказовъ о золотыхъ поляхъ, встрѣчающихся тамъ, гдѣ-

то, о которыхъ они съ восторгомъ намъ большей частью только и разсказывали.

За Минусинскомъ къ югу расположены многочисленныя зажиточныя селенія, но изъ нихъ только одно имѣетъ существенно важное значеніе—это пограничная станція въ Усинскѣ. Мѣстоположеніе послѣдняго маленькаго городка указываетъ путешественнику легчайшій путь въ предѣлы за нимъ лежащаго района. Расположенный уже внѣ равнины, скрытый въ узкой лощинѣ между Араданскимъ хребтомъ и главнымъ массивомъ Саянскихъ горъ, Усинскъ обязанъ своимъ существованіемъ единственно присутствію золотыхъ розсыпей въ его округѣ и тому факту, что лежитъ онъ на единственной пока открытой дорогѣ, которая служитъ соединительнымъ звеномъ между Енисейской губерніей и бассейномъ Верхняго Енисея, съ позади за нимъ лежащей Монголіей. Намъ приходилось изслѣдовать особенности устройства поверхности здѣсь очень подробно, отыскивая лучшій изъ существующихъ путей для перехода въ дальнѣйшіе районы. Путь черезъ Усинскъ былъ однимъ изъ наиболѣе доступныхъ въ этомъ отношеніи путей. Всѣ оффиціальныя сношенія съ границей, находились въ рукахъ русскаго „начальника“ живущаго въ этомъ городѣ. Всѣ путешественники и торговцы обязаны проходить черезъ этотъ городъ и брать особыя разрѣшенія отъ указаннаго чиновника. Въ дѣйствительности, однако, эта соединительная линія, правда, короче другихъ, но отнюдь не самая доступная.

Отъ Минусинска проѣзжая дорога ведетъ къ югу приблизительно на разстояніи 83 миль до деревни Григорьевской, (или Джеломъ); отсюда трудная тропа тянется черезъ Араданскій хребетъ и черезъ выступы главнаго Саянскаго хребта къ Усинску. Изъ Усинска двѣ дороги ведутъ къ бассейну, расположенному позади Саянъ: одна тянется на востокъ, въ Уйукскую долину, а другая на югъ къ Джа-Кулю. На пути обѣихъ встрѣчается Саянскій хребетъ, который и приходится переваливать, при чемъ путь въ горахъ достигаетъ высоты $6^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Неблагопріятныя условія

этого пути состоятъ въ томъ, что еще и въ маѣ снѣгъ здѣсь продолжаетъ обычно глубоко лежать въ лѣсахъ, и такъ какъ самый путь тянется черезъ эти лѣса на протяженіи многихъ миль и пересѣкаетъ два горныхъ хребта, то и проходъ по этому пути очевидно не представляется легкимъ.

Путь, который былъ открытъ раньше, ведетъ изъ Минусинска къ юго-западу, вплоть до Абаканской долины, а затѣмъ черезъ западную часть Саянскаго хребта въ районъ Кемчика Урянхайскаго края. 106 миль этого пути можетъ быть пройдено на колесахъ, а далѣе сравнительно открытаго рельефа страна, съ меньшимъ количествомъ лѣсовъ, дѣлаетъ этотъ путь наиболѣе возможнымъ для прохода по немъ въ ранніе мѣсяцы года. Но ни одинъ изъ этихъ путей не казался намъ достаточно привлекательнымъ. Во-первыхъ потому, что оба они ведутъ въ нехарактерную часть бассейна, въ западную или нижнюю его половину, тогда какъ нашимъ намѣреніемъ было заняться обслѣдованіемъ возможно верхней его части, расположенной на крайнемъ Востокѣ и начать работу съ верховьевъ. Въ странѣ, гдѣ условія транспорта крайне трудны, для насъ невозможно было увеличивать и безъ того уже длинную свою программу, путемъ обреченія себя на сокрушающую сердце и требующую большого искусства упаковку для прохода сквозь густые лѣса, а равнымъ образомъ непростительною ошибкой было бы не постараться использовать здѣсь легкія, сравнительно, условія рѣчного транспорта, внизъ по теченію.

Поэтому мы и рѣшили направиться на востокъ отъ Минусинска, чтобы пробраться въ предѣлы бассейна въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ менѣе всего изученъ и, по выполненіи здѣсь намѣченныхъ работъ, воспользоваться затѣмъ прекрасными водными путями, тянущимися на всемъ пространствѣ бассейна, и спуститься по нимъ внизъ по теченію въ предѣлы центральнаго района. Только послѣ настойчивыхъ разспросовъ удалось намъ установить хорошо извѣстную дорогу, тянущуюся въ намѣченномъ нами направленіи. 70 миль пути по равнинѣ должны были привести насъ сперва къ послѣднему на югѣ Сибири селенію Кужебару, расположенному въ долинѣ Амыла; отсюда начинался

путь, котораго придерживаются обычно только охотники и золотоискатели, путь, тянущійся вверхъ по Амылу черезъ Саянскій хребетъ, по направленію къ цѣли нашего путешествія—Урянхайскому краю.

Однако, остановившись окончательно на своемъ выборѣ опредѣленнаго пути, намъ предстояло еще столкнуться съ техническими затрудненіями, созданными здѣсь русскими порядками. „Выборъ этого пути—абсурденъ" говорили намъ чиновники, никто не ходитъ по этому пути". „Путь на Усинскъ легокъ и займетъ недѣлю или двѣ; для чего же выбирать труднѣйшій?" Паспорта, необходимые для этого района, можно было только раздобыть отъ чиновниковъ въ Усинскѣ, а такъ какъ минусинскіе чиновники не были уполномочены взять на себя отвѣтственность по выдачѣ намъ разрѣшенія для переѣзда изъ предѣловъ Россіи за китайскую границу, то дѣло наше должно было поступить на усмотрѣніе Енисейскаго губернатора, живущаго въ Красноярскѣ. Какъ бы то ни было, но, въ концѣ концовъ, намъ было позволено отправиться изъ предѣловъ Сибири по Амыльской дорогѣ.

Въ продолженіе всего періода нашей задержки въ Минусинскѣ мы были заняты подготовкой, снаряженіемъ и разспросами объ условіяхъ ожидавшаго насъ транспорта. Для того чтобы избѣжать вздутія цѣнъ на лошадей при покупкѣ каравана въ одномъ мѣстѣ, мы рѣшили подѣлить наши покупки между Минусинскомъ и деревнями, расположенными по Амылу. Каждый день смѣшанная толпа торговцевъ лошадьми, сибиряковъ и татаръ, собиралась возлѣ нашего жилища, прибѣгая къ обычнымъ пріемамъ этого рода торговли. Лошади, которыхъ они приводили намъ на осмотръ были хорошаго, но нечистокровнаго типа, смѣшанныхъ сибирско-татарскихъ и монгольскихъ кровей, благодаря чему онѣ производили впечатлѣніе слишкомъ грузныхъ для горныхъ переходовъ животныхъ. Прайсъ, какъ хорошій знатокъ верховой ѣзды, пробовалъ побѣжку и испытывалъ качества лошадей, проѣзжаясь вдоль по главной улицѣ Минусинска, а владѣльцы лошадей при этомъ подускивали его, говоря, что ихъ лошади не пріучены, чтобы на нихъ ѣздили

такимъ образомъ. Постепенно мы выбрали себѣ 12 лошадей, въ среднемъ по цѣнѣ въ 4 фунта стерлинговъ каждая.

Помимо пріобрѣтенія многочисленныхъ запасовъ, намъ надлежало опредѣлить также какое количество денегъ потребуется для оплаты путешествія въ теченіе предстоящихъ пяти или шести мѣсяцевъ. Слѣдующимъ городомъ, въ которомъ намъ предстояла остановка, былъ Чугучакъ, расположенный на границѣ Семипалатинской области, на разстояніи 1500 миль отъ Минусинска. Неосвѣдомленность относительно предстоящаго пути и полная неизвѣстность о томъ, во что обойдется это путешествіе, исключали возможность точнаго вычисленія предстоящихъ издержекъ; къ счастью, однако, намъ суждено было обрести такую страну, въ которой деньги почти не имѣютъ никакой цѣнности: въ Монголіи обитатели съ изумленіемъ и смущеніемъ смотрѣли на русскія бумажки и мы благополучно обошлись съ тѣмъ запасомъ, который былъ въ нашемъ распоряженіи. Съ собою мы везли большую сумму въ золотѣ и серебрѣ, а остальную часть рублевыми кредитными знаками.

Нашъ путь отъ Минусинска къ предгорьямъ Саянскаго хребта сильно напоминалъ путешествіе, совершенное нами отъ желѣзной дороги до Минусинска. Здѣсь намъ также преимущественно попадались зажиточныя деревни и поселенія русскихъ, такъ какъ въ этой восточной половинѣ бассейна татарскій элементъ не является преобладающимъ, какъ это, наоборотъ, наблюдается на западѣ, въ Абаканской степи. Между прочимъ, на примѣрѣ абаканскихъ татаръ можно наглядно убѣдиться въ той способности, какую проявляетъ Россія въ насажденіи среди восточныхъ народовъ началъ запада. Здѣсь вы можете видѣть татаръ, потомковъ древнѣйшихъ расъ, обращенныхъ въ благочестивыхъ сыновъ православной церкви, одѣтыхъ болѣе или менѣе въ русскій костюмъ и живущихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ деревняхъ, напоминающихъ по своему внѣшнему виду обыкновенныя сибирскія деревни. Тѣмъ не менѣе эти татары продолжаютъ все же придерживаться своихъ старыхъ обычаевъ и образа жизни. Они до настоящаго времени живутъ, занимаясь выпасомъ безчисленныхъ табуновъ лошадей и

скота; нѣкоторые же изъ нихъ даже и до сихъ поръ употребляютъ еще войлочныя юрты или напоминающія такія юрты грубыя примитивныя постройки.

Только въ Амыльской долинѣ, намъ открылся ясный видъ на ту страну, которая лежала впереди насъ и это дало намъ случай констатировать перемѣну въ природныхъ условіяхъ Минусинскаго бассейна, который кончается въ южномъ и восточномъ углахъ Амыльской долины. Послѣ тысячъ миль, пройденныхъ нами по степи, безконечной, монотонной степи, безпредѣльно раскинувшейся отъ береговъ отдаленной Балтики, по Европейской Россіи и Сибири, внѣшній видъ страны наконецъ то измѣнился. Равнины, сдавленныя большими волнообразными сгибами холмовъ, тянулись здѣсь вдаль къ предгорьямъ, превращающимся, въ концѣ концовъ, въ возвышенности и суровыя горныя вершины. На югѣ и востокѣ горная страна, служащая не только убѣжищемъ невѣдомымъ племенамъ, но и неопредѣленной границей Россіи съ Китайской Имперіей, преграждала намъ путь. Это была самая сѣверная стѣна огромнаго монгольскаго плоскогорья.

15 Мая мы пересѣкли въ томъ мѣстѣ, въ которомъ оказалась хорошая переправа, рѣку Амылъ, представляющую изъ себя слегка мутный потокъ, шириною до 100 ярдовъ. На восточномъ берегу этой рѣки начиналась сейчасъ же та плотная, непроходимая зона лѣса, которая и служитъ помѣхой къ распространенію въ этомъ направленіи какъ землепашества, такъ и вообще человѣческаго прогресса. Съ перваго взгляда видъ „тайги“ представляетъ изъ себя странное поразительное зрѣлище, заставляющее испытывать такое же чувство удивленія, какое испытываешь обычно при первомъ знакомствѣ съ тропическими джунглями или папирусными болотами; чувство чего то неосязаемаго, загадочнаго, возбуждающаго желаніе заняться осмотромъ, и въ то же время непріятнаго. Пустая стѣна густого лѣса, которая поднималась впереди насъ, охватывала всю страну къ востоку отъ Амыла своими объятіями съ такой силой, что заслоняла собою, казалось, всѣ прочія природныя особености страны. Приблизительно на 300 миль стѣна эта тянется въ восточномъ

направленіи, почти вплоть до береговъ озера Байкала. Суровыя горы и огромныя рѣки усугубляютъ здѣсь трудности, встрѣчаемыя обычно изслѣдователемъ. Означенная лѣсная зона, необитаемая и безплодная, представляетъ изъ себя арену для дѣятельной работы изслѣдователя или землемѣра. Нечего поэтому удивляться, что страна эта еще не нанесена вовсе на карту и что горы здѣсь еще не имѣютъ никакихъ наименованій. Мы скоро научились относиться съ почтеніемъ къ ея неприступной твердынѣ. Лѣсная поросль настолько густа и настолько непрерывна, а ея площадь настолько огромна, что безъ малѣйшаго изумленія начинаешь вѣрить въ ея силу, способную останавливать здѣсь всякую попытку человѣка продвинуться впередъ.

Кужебаръ, маленькая деревушка, расположенная по наружной опушкѣ этой лѣсной зоны, представляетъ изъ себя старое поселеніе съ зажиточнымъ и постепенно увеличивающимся населеніемъ; несмотря на это, въ теченіе 70 лѣтъ, поселокъ этотъ не продвинулся даже и на полъ мили къ югу, въ направленіи описаннаго лѣсного района. Темная стѣна сосенъ (елей) возвышается непрерывной линіей позади луговъ и пахотныхъ земель мѣстныхъ крестьянъ. Такъ это обстоитъ теперь, такъ оно было и тысячу лѣтъ тому назадъ. Поселяне валятъ строевой лѣсъ на опушкѣ, для своихъ надобностей, охотники пробираются во внутреннія глубины лѣса, въ поискахъ драгоцѣннаго соболя; но границы лѣса остаются ненарушенными даже и несмотря на быстрое передвиженіе человѣка въ предѣлахъ Сибири.

ГЛАВА II.

Древняя Сибирь.

Черноземное пространство района Южной Сибири нѣкогда отличалось условіями исключительно благопріятными для сосредоточенія на немъ густого населенія. Когда то западно-сибирскія, туркестанскія, джунгарскія равнины представляли изъ себя одну огромную водную площадь, образуя великое Средиземное море; въ тѣ времена климатъ этихъ равнинъ не отличался такими противоположными крайностями, какими онъ отличается въ наши дни. Болѣе теплыя и болѣе влажныя условія чѣмъ нынѣ давали возможность развиться здѣсь обильной растительности, способствуя образованію и климата, наиболѣе подходящаго для благоденственнаго существованія въ этомъ районѣ первобытнаго человѣка. Никакіе ледниковые періоды не тревожили срединную Сибирь, подобно тому, какъ эти періоды служили задержкой въ развитіи Западной Европы, вслѣдствіе чего быстрота человѣческаго прогресса здѣсь, вѣроятно, шла впередъ гораздо болѣе быстрыми шагами; мамонты и носороги блуждали по этимъ землямъ до той поры, пока великое Азіатское Средиземное море не исчезло, а дальнѣйшее превращеніе умѣреннаго климата въ болѣе холодный не послужило причиной коренныхъ измѣненій въ условіяхъ какъ человѣческой, такъ и животной жизни въ предѣлахъ внутренней Сибири.

Минусинскій округъ, а также мѣстность, примыкающая къ среднему теченію Енисея, по всѣмъ признакамъ, вѣроятно

представляли изъ себя главныя обиталища жившихъ здѣсь первобытныхъ расъ. Хотя Южная Сибирь никогда и не служила ареной образованія какого бы то ни было государства, тѣмъ не менѣе она настолько богата сохранившимися до насъ остатками памятниковъ отъ доисторическихъ народовъ, что занимаемый ею районъ, повидимому, представлялся исключительно благопріятнымъ для обитанія здѣсь первобытнаго человѣка и для развитія впослѣдствіи цивилизованныхъ племенъ. Она служила родиной, достигшей крупной ступени развитія расы, знакомой съ употребленіемъ металловъ и обладавшей искусствомъ земледѣлія; эта раса была, однако, въ концѣ концовъ вытѣснена отсюда пришедшими съ юга завоевателями, начавшими, вслѣдствіе происшедшихъ къ этому времени перемѣнъ въ климатическихъ условіяхъ, вести здѣсь скотоводческій образъ жизни, вмѣсто осѣдлаго-земледѣльческаго. Первые слѣды, на которые мы натолкнулись, свидѣтельствующіе объ этой первобытной расѣ, были (tumull) „курганы", (бугры), или могильныя ограды, встрѣченные нами сейчасъ же къ сѣверу отъ мѣста нашей вторичной переправы черезъ рѣку Чулымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается хорошая, открытая пастбищная страна. Отсюда по направленію къ Минусинску и даже къ югу отъ послѣдняго, приблизительно верстъ на 40, вся страна оказалась испещренной историческими памятниками.

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ прошлаго и постараемся приподнять темныя завѣсы отдаленнаго времени, чтобы разобраться въ происхожденіи этихъ кургановъ (tumuli) и бросить взглядъ на минувшую исторію древней Сибири. Въ доисторическія времена, Южная Сибирь, внѣ сомнѣнія, была занята густымъ населеніемъ, которое медленными и послѣдовательными шагами возвысилось постепенно отъ культуры каменнаго періода до овладѣнія искусствомъ обработки бронзы и желѣза и оставило намъ въ своихъ могилахъ и курганахъ (tumuli), разбросанныхъ по степи, настоящій музей своихъ издѣлій. Кто были эти первые засельщики, какъ глубоко распространялась ихъ культура и были ли они тѣмъ же самымъ народомъ, который пережилъ здѣсь эпоху бронзы и періодъ обработки желѣза—мы

этого не знаемъ и, вѣроятно, никогда знать не будемъ. Ученые объединяютъ эти неизвѣстные народы въ одну обширную группу „Енисейцевъ“, или Тубовъ, тогда какъ мѣстные жители называютъ ихъ по-просту „Чудью“, или „чудаками“.

Все, что мы знаемъ объ этихъ народахъ относится уже къ тому времени, когда они начали переживать переходное состояніе и медленно выходить изъ каменнаго періода. Они безспорно достигли крупныхъ успѣховъ въ искусствѣ хлѣбопашества и въ обработкѣ металловъ, а ихъ рисунки на скалахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они занимались пастьбой оленей, скота и верблюдовъ. Они употребляли бронзовыя орудія (утварь) и могли выдѣлывать золото и серебро; но употребленія желѣза не знали и познакомились съ послѣднимъ позднѣе, отъ новопришельцевъ съ юга. Эти народы созидавшіе курганы (tumuli) надъ могилами своихъ отцовъ и дѣдовъ имѣли обычай погребать въ могилахъ лично принадлежащіе почившимъ предметы и оставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о томъ состояніи культуры, котораго они сумѣли достигнуть. Мы ничего не знаемъ о продолжительности того періода времени, въ теченіе котораго раса эта существовала, равнымъ образомъ и о томъ, какія стадіи смѣшенія съ другими расами она переживала. Свидѣтельство объ ихъ существованіи единственно подтверждается наличностью кургановъ (tumuli).

То былъ періодъ крупныхъ передвиженій народовъ въ Азіи. На сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ, боровшіяся племена искали или выхода избытку своего населенія, или убѣжищъ отъ своихъ притѣснителей. Многочисленныя войны и передвиженія, а также распри за лучшія пространства создали такія условія, которыя не даютъ намъ въ настоящее время возможности прослѣдить хотя бы только главнѣйшія изъ этихъ передвиженій. Споры за мѣсто въ районѣ Верхняго Енисея никогда не прекращались между племенами отдаленныхъ частей восточной Азіи, которыхъ соблазняли благопріятныя климатическія условія этой страны и которыя противъ своего желанія проталкивались впередъ послѣдующими иммиграціонными волнами. Верховья Енисея составляли въ давно прошедшія времена важнѣй-

шій центръ, такой же, какой онѣ представляютъ изъ себя и въ настоящее время.

Отъ почвы и климата зависитъ уровень развитія цивилизаціи, и ни одна раса не можетъ подняться до опредѣленной стадіи развитія культуры, если тому не будутъ сопутствовать подходящія условія. Условія Енисейской долины способствовали развитію культуры среди старыхъ расъ Тубовъ. Позднѣе тѣ же самыя благопріятныя условія побудили невѣжественныхъ номадовъ менѣе гостепріимной Монголіи напасть на „енисейцевъ“ и отнять у послѣднихъ ихъ землю. Въ концѣ концовъ въ наши дни на этихъ обѣтованныхъ земляхъ обосновались русскіе.

Приблизительно за три столѣтія до Рождества Христова выступилъ на арену народъ, которому было предназначено оставить свой слѣдъ на всемъ цивилизованномъ мірѣ. Откуда то изъ самыхъ удаленныхъ южныхъ частей Монголіи, быть можетъ даже изъ предѣловъ Китая (изъ нынѣшнихъ провинцій Шенси (Shensi) и Кансу (Kansu), явился бродячій народъ—уйгуры (Uigurs). Происхожденіе уйгуровъ — проблематично, хотя кое-какія свѣдѣнія о нихъ могутъ быть засвидѣтельствованы съ достовѣрностью. Эти племена, подвигаясь въ направленіи къ сѣверу, обосновались въ концѣ концовъ въ предѣлахъ Монголіи. Здѣсь они размножились и процвѣтали, а затѣмъ внезапно ринулись въ районъ рѣки Енисея и распространились на сѣверъ, вплоть до рѣки Чулыма, такъ что къ VIII-му вѣку послѣ Рождества Христова ихъ государство охватывало уже всю сѣверную Монголію—отъ озера Коссогола до Чернаго Иртыша.

Расцвѣтъ могущества уйгуровъ (по изысканіямъ профессора Адріанова изъ Минусинска) „продолжался отъ IV до VIII столѣтій, когда они пріобрѣли выдающееся политическое вліяніе въ этихъ мѣстностяхъ. Китайскія лѣтописи описываютъ ихъ свѣтловолосымъ и голубоглазымъ народомъ. Вѣроятнѣе всего, къ этому времени они представляли изъ себя уже смѣшанную расу, отличавшуюся большимъ разнообразіемъ отдѣльныхъ типовъ, въ особенности устройствомъ глазъ“. Въ лицѣ уйгуровъ передъ нами открывается загадка происхожденія той тюркской расы, которая, позднѣе, наводнила всю Центральную Азію и создала

имперію на берегахъ Босфора. Исторія уйгуровъ и передвиженій тюркскихъ племенъ не входитъ въ нашу задачу; насъ занимаетъ лишь вопросъ о вліяніи этихъ расъ на народы, жившіе въ районѣ рѣки Енисея.

Покоривъ весь бассейнъ верхняго Енисея и теперешній Минусинскій районъ, уйгуры смѣшались съ туземцами „енисейцами", и получившейся отъ этого смѣшенія народности было впослѣдствіи присвоено наименованіе „угро-самоѣдовъ". Какъ только эти болѣе сильныя племена вступили въ предѣлы страны, болѣе слабые „енисейцы" оказались ими или вытѣсненными или поглощенными. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ глубину лѣсовъ и тамъ нашли себѣ спасеніе отъ завоевателей, въ то время какъ другіе двинулись по линіи наименьшаго сопротивленія отъ насиженныхъ мѣстъ къ сѣверу. Въ этотъ именно періодъ и произошло то оригинальное „уединеніе" отъ „енисейцевъ" современныхъ насельщиковъ бассейна Верхняго Енисея—урянхайцевъ. Въ предѣлы этого района отступила одна изъ вѣтвей „енисейцевъ", гдѣ она и остается до настоящаго времени и сохраняетъ за собой названіе Тубовъ или урянхайцевъ, защищенная отъ истребленія непроходимыми условіями занятой ею территоріи.

Мы можемъ обрисовать этихъ жителей прелестной минусинской долины, постепенно вытѣсняемыми болѣе могущественными расами, отступающими вдоль береговъ рѣки Енисея по направленію къ сѣверу, въ предѣлы пустынныхъ земель. Тамъ, безъ сомнѣнія, они находили дичь и рыбу въ изобиліи и безопасность отъ нашествія, но условія жизни были здѣсь настолько тяжелы, что они медленно, но неуклонно начали погружаться въ состояніе упадка и утрачивать умѣнье по отдѣлкѣ рудъ и занятію хлѣбопашествомъ, пока, наконецъ, къ настоящему времени не впали окончательно въ состояніе, которое переживали быть можетъ еще въ каменномъ періодѣ. Таково происхожденіе и самоѣдовъ — неуклюжихъ номадовъ отдаленнаго сѣвера, которые обречены на блужданія въ опредѣленные промежутки времени по холоднымъ и однообразнымъ тундрамъ за предѣлами полярнаго круга.

Итакъ, уйгуры отличались большей устойчивостью, нежели болѣе ранніе насельщики енисейскихъ степей. Занявъ сѣверо-западную Монголію и верховья Енисея, они оставили здѣсь послѣ себя слѣды, сохранившіеся до насъ, которые и даютъ намъ теперь возможность опредѣленно доказать отмѣченный историческій фактъ. Предполагается, что ихъ же руками были воздвигнуты здѣсь и курганы (tumuli), составляющіе два отличные одинъ отъ другого типы, а именно такіе, которые окружены прямыми (отвѣсными) каменными плитами и такіе, которые этими плитами не окружены. Въ первыхъ можно найти желѣзныя и мѣдныя, но рѣдко золотыя или серебряныя издѣлія, которыя напоминаютъ намъ о древнихъ „енисейцахъ". Уйгурамъ же приписываются и всѣ старыя тюркскія надписи, встрѣчаемыя на протяженіи всей Монголіи, легко различаемыя отъ неразборчивыхъ письменъ болѣе раннихъ насельщиковъ.

Одновременно съ періодомъ мощи уйгуровъ, мы видимъ другую медленно растущую здѣсь силу, также тюркскаго происхожденія, которая внезапно дала о себѣ знать и, въ концѣ концовъ, въ VII столѣтіи, разбила уйгурское государство. Это было киргизское или хакайское племя, одна изъ вѣтвей первобытныхъ уйгуровъ, укрѣпившаяся постепенно въ районѣ рѣки Кемчика, принадлежащаго бассейну Верхняго Енисея и позднѣе удержавшая за собою вершины Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, вплоть до пришествія въ эти районы русскихъ. Уйгурское и тюркское вліянія въ районахъ Верхняго Енисея продолжались до тѣхъ поръ, пока народы эти не были вытѣснены отсюда монголами. По мѣрѣ роста монгольскихъ ордъ и превращенія ихъ въ замѣтную силу, тюркскимъ племенамъ приходилось постепенно отступать подъ ихъ натискомъ, цивилизація исчезала въ районахъ Верхняго Енисея, а политическіе горизонты на Сибирско-Монгольской границѣ все болѣе и болѣе заволакивались. Монгольскіе завоеватели захватили расположенныя къ югу открытыя земли, но не проникли далеко въ предѣлы Сибири, которая всегда оставалась внѣ сферы ихъ вліянія.

До насъ сохранилось извѣстіе о томъ, что Чингисъ-Ханомъ былъ предпринятъ походъ противъ какого то безпокой-

наго племени, жившаго въ предѣлахъ Верхняго Енисея. Въ это время внѣ сомнѣнія и произошло вытѣсненіе далѣе къ сѣверу жившихъ тамъ тюркскихъ народовъ, нашедшихъ убѣжище въ Минусинской и Чулымской степяхъ, а также вдоль сѣверной границы Алтая, вплоть до прихода сюда русскихъ. Въ настоящее время двѣ господствующихъ расы — китайцы и русскіе стоятъ лицомъ къ лицу другъ съ другомъ въ предѣлахъ водъ Верхняго Енисея, въ этомъ районѣ, который въ теченіе такого долгаго времени служилъ ареной многочисленныхъ распрей, возникавшихъ между соперничавшими племенами и бродячими ордами. Тюркскія племена (киргизы или Хакаи) выселились изъ страны подъ давленіемъ русскаго нашествія, оставляя сравнительно открытое поле для внѣдренія сибиряковъ въ предѣлы Минусинской равнины.

Только въ началѣ XVII столѣтія русскіе впервые познакомились съ этими районами и съ этого же времени ростъ ихъ вліянія здѣсь начинаетъ несомнѣнно и неуклонно увеличиваться. Они подошли къ берегамъ Енисея въ 1629 году, а въ 1775 году уже собирали дань съ слабыхъ племенъ, которыхъ застали обитающими по верхнимъ притокамъ рѣки. Адріановъ полагаетъ, что одно племя называемое „камаши“, (Kamash) живущее на рѣкѣ Манѣ, правомъ притокѣ Енисея, приблизительно въ двадцати миляхъ вверхъ отъ Красноярска, представляетъ изъ себя повидимому остатки, когда то бывшихъ сильными самоѣдовъ и, по всей вѣроятности, весьма близко связанныхъ по языку съ урянхайцами бассейна Верхняго Енисея. „Это племя“, говоритъ онъ, „подобно всѣмъ прочимъ племенамъ, обитающимъ въ предѣлахъ современнаго Минусинскаго округа до прибытія сюда русскихъ, было подданнымъ Китая и по всѣмъ признакамъ въ весьма недалекомъ прошломъ жило гораздо далѣе къ югу“. Нѣкоторые татары также жили здѣсь, но вслѣдствіе быстраго уменьшенія въ численности и благодаря выселенію, — страна эта въ настоящее время представляетъ пустыню.

Такова въ краткихъ словахъ измѣнчивая исторія этихъ земель, которыя представлялись съ раннихъ временъ такими благопріятными для развитія на нихъ человѣческаго прогресса. Не-

прерывныя войны продолжались между слабѣйшими туземными расами и болѣе сильными чужеземными племенами. Уйгуры изгнали енисейцевъ, киргизы заставили удалиться угровъ, наконецъ, въ настоящее время, русскіе, обосновавшись здѣсь, внѣ сомнѣнія, пріобщатъ къ своей культурѣ здѣшнихъ туземцевъ.

Что касается до монументовъ и письменъ, которые остаются пока совершенно неизслѣдованными, но могутъ пролить свѣтъ на древнія вѣрованія и обычаи прежнихъ обитателей района Верхняго Енисея, то можно сказать, что теперь наступило, наконецъ, время разобраться въ нихъ съ большей полнотою; Разновременно въ теченіе нашего путешествія намъ попадались многіе памятники древности. Чтобы понять болѣе полно современныя условія существованія сохранившихся остатковъ древнихъ енисейцевъ — урянхайцевъ, мы должны постараться усвоить себѣ древніе вѣрованія и обычаи, которые заставили этихъ первобытныхъ насельщиковъ создавать такіе памятники. Этимъ путемъ мы будемъ въ состояніи прослѣдить ту близкую связь, которая несомнѣнно существуетъ между жителями отдаленныхъ частей Енисея и народами прочихъ первобытныхъ цивилизацій.

По вопросу о происхожденіи изображеній на скалахъ, монолитахъ и каменныхъ фигурахъ, мы должны нѣсколько углубиться въ старину и постараться разгадать родственныя связи, существовавшія между ранними енисейцами, въ религіозныхъ идеяхъ и миѳологическихъ вѣрованіяхъ. Связь между искусствомъ и религіей всегда была, и въ особенности въ отдаленныя времена, настолько тѣсной, что съ несомнѣнностью можно утверждать о томъ, что одно служило всегда отраженіемъ другой. Принято думать, что въ основѣ всякаго графическаго искусства, лежитъ старая антропоморфическая идея о присущемъ первобытному человѣку желаніи придавать опредѣленныя, осязаемыя формы своимъ представленіямъ о живой и мертвой природѣ.

Въ этомъ кроется разгадка тѣхъ первыхъ попытокъ человѣка изобразить и самого себя посредствомъ разныхъ услов-

ныхъ знаковъ, на которые можно наткнуться рѣшительно всюду на земной поверхности. Эти рисунки, обыкновенно служатъ выраженіемъ еще смутныхъ идей. Первобытный человѣкъ обычно изображалъ тѣ предметы, которые непосредственно оказывали вліяніе на его существованіе; онъ рисовалъ прирученныхъ и тѣхъ дикихъ животныхъ и птицъ, отъ которыхъ зависѣлъ въ средствахъ пропитанія. Пастушескія и охотничьи сцены наиболѣе часто попадаются среди рисунковъ на скалахъ въ районѣ рѣки Енисея. Бактріанскій верблюдъ, олень, козы и рогатый скотъ, медвѣдь, каменный козелъ (ibex) и маралъ (wapiti) были хорошо извѣстны здѣшнему древнему обитателю, какъ это свидѣтельствуютъ изображенія на скалахъ. Между прочимъ, среди этихъ рисунковъ, удалось напасть на одну замѣчательную сцену, изображающую пастуховъ, объѣзжающихъ своихъ верблюдовъ и оленей. Интересными представляются также изображенія людей, сидящихъ верхомъ на оленяхъ. Хотя этотъ способъ ѣзды и до настоящаго времени остается излюбленнымъ среди обитателей лѣса,—урянхайцевъ, тѣмъ не менѣе картины эти встрѣчаются и въ тѣхъ округахъ, гдѣ въ настоящее время нельзя уже встрѣтить ни одного оленя.

Повидимому, художники Верхняго Енисея случайно были настолько проникновенными, что брались даже за изображеніе того, чего они сами не видѣли, но что должно было, по имѣвшимся у нихъ свѣдѣніямъ, тамъ существовать. Такъ мы видимъ, напримѣръ, странное изображеніе въ профиль анатомической фигуры вола съ частью его скелета и внутреннихъ органовъ, расположенныхъ правильно на надлежащихъ мѣстахъ.

Та-же мысль ясно выражена профессоромъ Эрнестомъ А. Гарднеромъ (Ernest A. Gardner) въ его книгѣ, озаглавленной: „Религія и искусство въ древней Греціи“. Я не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь цитаты изъ этого сочиненія: „ассоціація дѣйствій, сопровождающихъ обычно жертвоприношенія, съ опредѣленными спеціально священными предметами или мѣстностями, лежитъ въ основѣ большей части религіозныхъ искусствъ, хотя искусству, въ сущности говоря, всегда мало или

вовсе не приходилось имѣть дѣло съ такими предметами, въ первобытную пору религіознаго развитія. Стволы и камни, а послѣдніе часто считались упавшими съ небесъ, или деревья можно найти во всѣхъ центрахъ религіозныхъ культовъ. Такіе священные стволы и камни почитались не только символами опредѣленныхъ божествъ, но на нихъ смотрѣли также какъ на предметы, обладающіе сокровенными или магическими свойствами, скрытыми въ нихъ, таящими въ себѣ какъ добрыя, такъ и злыя силы. Церемоніи, составляющія принадлежность культа этихъ предметовъ, носили скорѣе магическій нежели религіозный характеръ, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку онѣ состояли въ помазаніи священныхъ предметовъ масломъ (растительнымъ) или въ поднесеніи имъ напитковъ".

Необдѣланные камни, разбросанные по всему свѣту и остающіеся на одномъ мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ, объявлялись священными, имъ приносились жертвы и даже совершались ихъ помазанія. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ простодушныхъ туземцевъ, обитающихъ въ разсматриваемомъ нами районѣ, чтущихъ свои грубые монолиты и болѣе совершенные каменные памятники. Имъ они дѣлаютъ всевозможнаго рода приношенія, раскрашиваютъ ихъ яркими красками и обертываютъ матеріями, что служитъ явнымъ выраженіемъ убѣжденія въ томъ, что тѣ же самые предметы, которые нравятся жертвоприносителямъ, нравятся и ихъ божествамъ.

Та же самая идея положена и въ основу храмовъ—мѣстъ обиталищъ боговъ. Чѣмъ болѣе привлекательна форма такого храма, тѣмъ болѣе увѣренности у туземца въ томъ, что божество согласится оставаться въ этомъ храмѣ. Въ противномъ случаѣ богъ всегда можетъ измѣнить своему мѣсту-обиталищу. Такое впечатлѣніе произвелъ на насъ представившійся намъ случай наблюдать за постройкой одной изъ кумиренъ для обитанія бога, на вершинѣ одного изъ холмовъ въ бассейнѣ Верхняго Енисея. Насъ поразило то вниманіе, съ которымъ урянхайцы старались придать привлекательность этому жилищу и та заботливость, съ которой они преподносили своему богу приношенія пищей и напитками.

Хотя урянхайцы и монголы ничего не будутъ вамъ объяснять объ этихъ каменныхъ фигурахъ, потому что они и не въ состояніи что-либо разсказать о нихъ, тѣмъ не менѣе они твердо увѣрены, что фигуры эти сдѣланы какой то чужеземной расой, о которой сами они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Несмотря на это они обращаются съ означенными фигурами, какъ со священными реликвіями и нерѣдко выказываютъ передъ ними свое благоговѣніе, обвѣшивая ихъ кусками матерій и лентами и даже своими старыми платьями. Мы видѣли эти памятники, крайне смѣшные на видъ, одиноко стоящіе среди широкой, открытой степи, одѣтые въ старыя платья и похожіе на пугала, которыхъ можно встрѣтить на любой англійской пашнѣ. Урянхайцы иногда разоблачаются и преклоняются передъ этими идолами, ударяя себя при этомъ по лбу ладонями рукъ. Но не всѣхъ этихъ идоловъ они одинаково почитаютъ священными: только нѣкоторыя фигуры считаются достойными жертвоприношеній, а именно тѣ изъ нихъ, которыя признаются способными причинять добро или зло туземцамъ.

Въ округахъ, въ которыхъ монолиты находятся по сосѣдству съ обработанной землею, часть жатвы предназначается въ ихъ пользу и въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить, что такіе памятники въ особенности многочисленны среди плодородныхъ земель, которыя были издавна заняты древними расами. Монгольскія и киргизскія расы гораздо болѣе индифферентно относятся къ этимъ древностямъ и только урянхайцы чувствуютъ передъ ними суевѣрный страхъ. Въ общемъ мы находимъ эти камни во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наряду съ ними встрѣчаются и другіе вполнѣ ясные слѣды древней цивилизаціи. Въ Сибири ихъ можно наблюдать въ степи и въ открытыхъ долинахъ, лишенныхъ совершенно лѣса, на которыхъ несомнѣнно сохранились остатки былой агрикультуры. Но фигуры эти не могли быть созданы только народомъ, который зависѣлъ отъ землепашества, такъ какъ мы находимъ ихъ и среди открытаго монгольскаго плоскогорья, въ предѣлахъ котораго ни одна изъ расъ не вела никогда иного, кромѣ

скотоводческаго, образа жизни. Ихъ можно видѣть въ формѣ отвѣсно поставленныхъ, обтесанныхъ или отполированныхъ, ровныхъ или высѣченныхъ камней. Изображенія эти разнообразятся отъ грубо выцарапанныхъ до представляющихъ законченное воспроизведеніе человѣческаго лица, отъ фигуръ только со слабымъ намекомъ на бюстъ до—полной, нѣсколько, правда, грубой человѣческой фигуры. Мы находили камни, на которыхъ не имѣлось, никакихъ иныхъ отмѣтокъ кромѣ простѣйшихъ линій для обозначенія глазъ, носа и рта; на другихъ мы замѣтили нѣкоторыя добавленія въ видѣ, тщательно выведенныхъ условныхъ знаковъ. Въ позднѣйшія времена первобытные скульпторы повидимому всегда старались создавать цѣльные бюсты и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, полностью цѣлыя фигуры.

Здѣсь мы находимъ наглядное выраженіе постепеннаго прогресса въ произведеніяхъ искусства и соотвѣтственно съ симъ въ самыхъ идеяхъ туземцевъ, начиная отъ наиболѣе примитивной „гермы“ (herm) до болѣе или менѣе совершенной „округленной фигуры“ (in the round), изображающей памятникъ. Монолиты, которые окружаютъ древніе курганы (tumuli), служатъ наиболѣе примитивной формой надземнаго памятника. Они соотвѣтствуютъ „гермамъ“ греческаго культа и служатъ примѣромъ первой попытки человѣка олицетворить житейскіе предметы, придавъ имъ характеръ божества, которое, предполагалось, живетъ въ нихъ. Здѣсь они обыкновенно ставились для обозначенія самаго мѣста могилы. Герма же просто служила выраженіемъ святости даннаго мѣста. Ветхозавѣтный Іаковъ однажды сдѣлалъ то же самое, что дѣлали и всѣ енисейцы, когда онъ, находясь на священной землѣ, водрузилъ камень и помазалъ его растительнымъ масломъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ люди начали представлять себѣ существованіе божествъ независимо отъ видимыхъ глазомъ священныхъ предметовъ, камни превратились у нихъ просто въ символы, что составляло величайшій шагъ впередъ въ развитіи религіозныхъ идей. Наряду съ тѣмъ камнямъ начали придавать мало по малу человѣческія формы, причемъ счи-

талось, что они не только могутъ видѣть и слышать, но также и принимать внѣшній видъ и характеръ божества, олицетвореніемъ котораго служатъ. Подобно другимъ первобытнымъ народамъ, которые разрисовывали глаза на носовыхъ частяхъ своихъ кораблей, чтобы дать кораблямъ возможность легко отыскивать свой путь въ морѣ, енисейцы также начали вырѣзать голову, глаза и уши на священныхъ камняхъ, твердо вѣря, что такіе выгравированные глаза и уши дѣйствительно служили органами чувствъ бога. Въ этихъ монолитахъ, съ грубо выцарапаннымъ лицомъ, а въ послѣдующій періодъ съ болѣе или менѣе хорошо намѣченной головой, мы имѣемъ раннее наружное проявленіе скульптурнаго искусства. Эти ранніе памятники, въ сущности говоря, представляютъ изъ себя ничто иное, какъ квадратной формы колонку, имѣющую обычно четыре отчетливо выраженныя стороны, съ грубо вылѣпленной головой. Впослѣдствіи герма принимаетъ особую форму — ей придается „заостренный къ низу видъ“ на подобіе человѣческой фигуры, а нѣсколько позднѣе она пріобрѣтаетъ еще большую закругленность, голова на ней придѣлывается съ большей тщательностью, постепенно вырисовываются ноги, и, напримѣръ, уже въ наиболѣе ранній періодъ развитія греческой скульптуры, появляются вплотную прижатыя къ бокамъ гермы руки.

Хотя послѣдняя фигура и представляла изъ себя, собственно говоря, уже настоящую статую, или „stele“, съ тѣхъ поръ, однако, первобытные туземцы скульпторы такъ и не обнаружили дальнѣйшаго въ своемъ искусствѣ прогреса. Руки никогда не были отдѣлены отъ туловища фигуры, а нога такъ и не выдвинулась у фигуры впередъ на согнутомъ колѣнѣ. Мы еще разъ можемъ подчеркнуть медленность прогресса скульптуры туземцевъ, въ которой имъ не удалось достигнуть большихъ успѣховъ. Ихъ конечнымъ намѣреніемъ вѣроятно, было только желаніе олицетворить образъ умершаго человѣка въ томъ или иномъ изображеніи и тѣмъ сохранить о немъ память.

Эти то именно изображенія и служатъ наиболѣе замѣчательными особенностями опредѣленныхъ мѣстностей Центральной Азіи. Въ предѣлахъ молчаливой и ненаселенной степи пу-

тешественникъ здѣсь часто неожиданно натыкается на эти одиноко стоящія изображенія, погруженныя до пояса въ сухую пыльную землю. Они то и являются молчаливыми свидѣтелями тѣхъ разнородныхъ иммиграціонныхъ волнъ и нашествій, ареной которымъ неоднократно служили эти обширныя уединенныя земли, и въ нихъ легче всего усмотрѣть сходство съ создавшими ихъ творцами. Какъ бы то ни было, но только они одни даютъ намъ представленіе о томъ, какого вида были люди, ихъ создавшіе. Представляя изъ себя отличительныя туземныя черты, грубо высѣченныя изъ гранитныхъ или песчаниковыхъ глыбъ, съ приданнымъ имъ сходствомъ съ нѣкоторыми воинами, фигуры эти невольно наводятъ на мысль объ аналогіи ихъ съ изображеніями нѣкоторыхъ крестоносцевъ, имѣющимися въ любомъ англійскомъ соборѣ, а также съ разрисованными снаружи египетскими муміями.

На всемъ пути отъ береговъ Енисея до южныхъ частей Европейской Россіи мы находимъ на нѣкоторыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга раскиданными эти любопытные памятники, которые являются повсюду нѣмыми выразителями опредѣленнаго древняго первобытнаго обычая. Лично намъ не пришлось видѣть большого числа этихъ каменныхъ фигуръ. Но путемъ изученія характеристикъ и разсмотрѣнія всего того, что было описано другими путешественниками, я нахожу, что въ литературѣ имѣется цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній, касающихся этихъ фигуръ, заслуживающихъ особо быть отмѣченными.

Мы думаемъ, что эти изображенія служили исключительно надгробными памятниками надъ могилами умершихъ. Монахъ Ребрекъ (Rubruck), одинъ изъ наиболѣе раннихъ повѣствователей объ этихъ каменныхъ изваяніяхъ, утверждаетъ это въ качествѣ непреложнаго факта. Описывая обычаи комановъ, (Comans) древняго скотоводческаго народа, тюркскаго происхожденія, обитавшаго когда то въ южной Россіи (до нашествія монголовъ) онъ говоритъ, что люди эти „сооружали холмъ надъ своимъ мертвецомъ и ставили ему статую, обращенную лицомъ обязательно на востокъ и держащую въ своей рукѣ чашку на высотѣ

пупка". Въ другомъ случаѣ, тотъ же самый путешественникъ нашелъ много идоловъ въ одномъ изъ храмовъ Монголіи и, думая, что они служатъ изображеніемъ божествъ, сталъ о нихъ разспрашивать жрецовъ. Онъ былъ пораженъ, однако, отвѣтомъ монголовъ, которые сообщили ему слѣдующее: „Мы не дѣлаемъ изображеній бога, но когда среди насъ умираетъ какой-нибудь богачъ, то его сынъ, жена или кто нибудь изъ близкихъ обычно высѣкаетъ изображеніе покойнаго и ставитъ его здѣсь, а мы оказываемъ этому изображенію только почетъ, въ воспоминаніе объ умершемъ".

Всѣ эти древніе обычаи, повидимому, являются наружнымъ выраженіемъ первобытнаго культа предковъ и могутъ въ наши дни быть изучены на грубыхъ идолахъ, которыхъ можно видѣть даже въ отдѣльныхъ жилищахъ, у нѣкоторыхъ шаманистскихъ племенъ Сибири. Остяки, напримѣръ, придерживаются обычая создавать грубое деревянное изображеніе умершаго человѣка; этому изображенію они дѣлаютъ приношенія, а вдова должна цѣловать и ласкать его. По истеченіи трехъ лѣтъ со дня смерти остяка, эти идолы обычно погребаются, но иногда ихъ ставятъ на видномъ мѣстѣ навсегда и обращаются съ ними какъ со святыней. Другія племена держатъ у себя маленькія изображенія, какъ бы олицетворяющія каждаго члена семьи, и число этихъ изображеній то увеличивается, то уменьшается, въ зависимости отъ того, рождается ли новый членъ семьи, или же умираетъ.

Безъ сомнѣнія только великіе люди пользовались честью постановки надъ ними каменныхъ фигуръ и поэтому, натыкаясь на могильный холмъ, на которомъ поставлена одна изъ такихъ фигуръ, обычно до поясницы вкопанная въ землю, мы можемъ всегда на ней замѣтить отличительныя особенности вѣроятнаго сходства съ героемъ, останки котораго лежатъ подъ этимъ гигантскимъ земляным холмомъ. Намъ удалось видѣть нѣкоторыя, весьма замѣчательныя изображенія, на которыхъ имѣлось большое число поразительныхъ личныхъ чертъ. Очевидно, творцы фигуры старались придать ей личное сходство съ тѣмъ человѣкомъ, обезсмертить память котораго этой фигурой имѣ-

лось въ виду. Мы часто видѣли на нихъ отчетливые признаки воителя, и притомъ типа, что весьма занимало насъ, весьма сходнаго съ любымъ полковникомъ британской арміи, какъ по хорошо расчесаннымъ усамъ, такъ и по настоящей военной выправкѣ. Адріановъ описываетъ одно особенно священное изображеніе, которое урянхайцы, само собою разумѣется, называли Чингисъ-Ханомъ. Это изображеніе, по его словамъ, чрезвычайно хорошо высѣчено и представляетъ изъ себя фигуру могучаго человѣка, съ суровымъ выраженіемъ круглаго лица, выдающимися скулами, съ повислыми, жидкими усами и маленькой эспаньолкой. Онъ представленъ съ коротко сплетенной косичкой, а его голову покрываетъ шапка, сдѣланная изъ черепа.

Что касается замѣчанія Ребрека о статуяхъ держащихъ чашку, то я могу съ своей стороны добавить къ его тщательнымъ наблюденіямъ лишь маленькую подробность, которая почти неизмѣнно встрѣчалась и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось наблюдать самому, или читать описанія другихъ изслѣдователей: фигуры эти всегда оказываются изображенными обязательно съ руками, сложенными на груди, держащими какіе то сосуды. Писатели, упоминающіе о сосудахъ обычно не даютъ по этому поводу никакихъ дальнѣйшихъ поясненій. По крайней мѣрѣ мнѣ не удавалось въ литературѣ вопроса натыкаться на теоріи, которыя пытались бы разгадать эту загадку, или объяснить, хотя бы и вскользь, значеніе этихъ сосудовъ у фигурныхъ изображеній. Я лично усматриваю въ этомъ—воплощеніе нѣсколько страннаго и древняго обычая, и увѣренъ, что означенные сосуды представляютъ изъ себя ничто иное, какъ „табакерки“, являющіяся неизбѣжными жизненными спутниками монголовъ. Обычай нюханья табака считается наиболѣе распространеннымъ обычаемъ среди монголовъ; ему придается даже строго обоснованное соціальное значеніе и строгій этикетъ обусловливаетъ его употребленіе. Зажиточность и общественное положеніе каждаго монгола опредѣляются по той „табакеркѣ“, которую онъ употребляетъ; она является показателемъ его со-

ціальнаго ранга. Нѣкоторые монголы тратятъ относительно баснословныя суммы на пріобрѣтеніе „табакерокъ“, часто изъ гравированнаго нефрита или какого нибудь прозрачнаго камня: монголъ предпочтетъ, пожалуй, скорѣе разстаться съ женою или любимой лошадью, нежели съ принадлежащей ему „табакеркой“. Въ качествѣ символическаго знака и безъ сомнѣнія, изъ желанія предупредить почившему возможность оказаться безъ нюхательнаго табака въ продолженіе его длиннаго путешествія на тотъ свѣтъ, изображенія и воздвигались обычно съ излюбленными „табакерками“, плотно зажатыми въ ихъ рукахъ.

Безразлично, какой расѣ припишемъ мы возникновеніе страннаго обычая устройства этихъ каменныхъ монументовъ, но одно очевидно, что сами творцы этихъ каменныхъ фигуръ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ вліяніе, распространялось на всемъ пространствѣ къ западу отсюда до самыхъ предѣловъ Южной Россіи. Однако между монгольскими и русскими фигурами наблюдается одно существенное различіе, которое представляется настолько характернымъ и замѣчательнымъ, что вполнѣ заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Согласно утвержденію г-на Владиміра Риделя каменныя фигуры или „изваянія“ Южной Россіи однородны съ фигурами монгольскими (онѣ даже такъ же какъ и послѣднія держатъ въ рукахъ „табакерки“); однако существенная разница между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что первымъ обычно придавались женскія формы [1]). Это крайне знаменательно, такъ какъ въ Монголіи огромное большинство фигуръ представляютъ изъ себя изображенія мужчины, хотя, правда, и здѣсь можно встрѣтить иногда женскія фигуры. Предполагалось, что изваянія Южной Россіи изображаютъ богинь. Но замѣчательно то, что древнія славянскія вѣрованія не знали вовсе таковыхъ. Больше того, недавними изслѣдованіями, произведенными въ Малой Азіи, обнаружено изображеніе какой то богини, которое относится къ такому отдаленному времени,

---

[1]) Русскіе крестьяне употребляютъ только одно наименованіе для каменныхъ фигуръ—„бабы“, т. е. женщины.

что ее считаютъ оригиналомъ, благодаря которому зародилась самая идея Богоматери, христіанскаго культа. Въ этотъ періодъ идея о культѣ женщины, какъ таковой не была нигдѣ еще извѣстна къ сѣверу отъ Альпійскихъ горъ.

Болѣе вѣроятна теорія, которая была предложена г. Риделемъ, полагающимъ, что каменныя фигуры ведутъ свое происхожденіе со временъ принятія Россіей христіанства. Въ тотъ начальный періодъ естественно многіе языческіе обычаи остались пережитками среди крещенаго населенія и наиболѣе типичнымъ и жестокимъ среди нихъ былъ обычай погребенія живыхъ женъ въ однѣхъ могилахъ съ умершими ихъ мужьями. Наблюдались случаи находокъ костей мужчинъ, женщинъ и лошадей въ одной и той же могилѣ. Все что погребалось въ одной могилѣ съ умершимъ мужчиной безъ сомнѣнія, разсматривалось какъ необходимость для употребленія въ загробной жизни. По введеніи христіанства этотъ варварскій обычай естественно былъ первымъ, съ которымъ миссіонеры старались особенно настойчиво бороться. Весьма вѣроятно, поэтому, что каменныя фигуры и послужили наиболѣе ранними замѣстителями въ погребальной церемоніи — живыхъ человѣческихъ существъ, весьма характерная перемѣна въ обычаяхъ, введенная христіанскими священниками, въ цѣляхъ прекращенія безчеловѣчныхъ жертвоприношеній живыхъ женщинъ. Женщины по смерти своихъ мужей должны были озабочиваться сооруженіемъ каменныхъ фигуръ, изображавшихъ ихъ самихъ, и эти фигуры клались ими надъ могилами усопшихъ мужей. Доказательствомъ тому, что происхожденіе этихъ фигуръ совпадаетъ съ періодомъ введенія христіанства въ Россіи, служитъ знаменательный фактъ нахожденія фигуръ съ вырѣзаннымъ у нихъ на груди крестомъ.

Кромѣ каменныхъ фигуръ свидѣтелями обычаевъ первобытныхъ енисейцевъ и, притомъ, свидѣтелями пожалуй еще болѣе древними являются описанные выше курганы (tumuli). Количество этихъ могильныхъ кургановъ настолько велико въ предѣлахъ Сѣверно-Минусинскаго района, что часть его заслужила даже особое наименованіе Aziezkaia'ской степи — или

„равнины смерти". Эти монументы распространены на обширномъ пространствѣ отъ границъ Южной Сибири вплоть до рѣки Волги. Численность ихъ въ предѣлахъ русскаго Алтая, въ Монголіи и въ Урянхайскомъ краѣ поражаетъ путешественника. Въ этихъ курганахъ (tumuli) скрыты тайны древней исторіи и культуры первобытнаго человѣка. Эти тайны могутъ намъ раскрыть исторію націи, достигшей болѣе высокой ступени развитія нежели тѣ народы, которые въ настоящее время занимаютъ эту страну, націи, которая въ настоящее время уже исчезла, оставивъ въ воспоминаніе о себѣ какъ эти могилы, такъ и фигуры, въ которыхъ несомнѣнно кроется разгадка ихъ оригинальнаго быта и историческихъ судебъ.

Курганы (tumuli) т. е. туземныя могилы, или могилы „чуди", или „чужеземцевъ" [1]) сами по себѣ заслуживаютъ особаго изученія, чѣмъ и занялись въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ ученые русскіе археологи. Благодаря ихъ трудамъ я могу теперь высказать предположеніе, что курганы (tumuli) не всегда носили характеръ надгробный, иначе говоря не всегда сооружались надъ могилами. Имъ, какъ оказывается, нерѣдко, придавался болѣе глубокій, быть можетъ, даже миѳологическій смыслъ, такъ какъ они играли опредѣленную роль въ отраженіи всевозможныхъ событій, которыя приходилось переживать сооружавшимъ ихъ племенамъ. Гигантскіе холмы, которые, какъ предполагалось, служатъ монументами въ честь великихъ вождей, по раскопкѣ ихъ, оказывались нерѣдко совершенно пустыми. Эти холмы, вѣроятно служили когда то просто мѣстами для сборищъ племенамъ и на нихъ происходили совѣщанія представителей этихъ племенъ.

Какъ внѣшняя форма кургановъ такъ и ихъ размѣры, относительное расположеніе и детали конструкціи отличаются большимъ разнообразіемъ, но все же ихъ можно, согласно изслѣдованіямъ Адріанова, разбить на двѣ главныя группы, легко отличаемыя одна отъ другой. Холмы, встрѣчаемые въ

---

[1]) Наименованіе „остяки", племени Южной Сибири, между которыми и урянхайцами можно усмотрѣть нѣкоторыя сходныя черты, также означаетъ въ переводѣ „чужеземцы".

долинѣ Кемчика, въ верховьяхъ Енисея и въ русскомъ Алтаѣ. Адріановъ рѣшительно противополагаетъ холмамъ Абаканской и Минусинской степей. Отнесенные къ первой группѣ курганы отличаются обычно лодкообразной формой и всегда окружены рядами камней. Холмы второй группы—представляютъ изъ себя просто земляныя насыпи, окруженныя большими каменными плитами и имѣютъ обычно форму четыреугольника.

Всѣ курганы (tumuli), которые мы видѣли въ предѣлахъ Чулымской и Минусинской степей, отличались тѣмъ, что были обставлены монолитами, или прямыми каменными глыбами. Это обстоятельство и служитъ характерной особенностью означенной мѣстности, такъ какъ, хотя во время нашего послѣдующаго путешествія мы и натыкались на могилы различныхъ типовъ и встрѣчали иногда случайно уединенные монолиты, тѣмъ не менѣе ни разу намъ не попалось уже болѣе могилъ похожихъ на эти. Плиты разставлялись повидимому въ опредѣленно-количественной комбинаціи и въ одномъ отношеніи, а именно въ обращеніи лицевой своей поверхности, занимаютъ всегда вполнѣ опредѣленное положеніе. Всѣ плиты безъ исключенія обращены лицевой своей стороной на сѣверъ или югъ, узкими же краями на востокъ или западъ. Ихъ расположеніе въ этомъ отношеніи настолько точно, что мы имѣли возможность, когда холмы находились въ полѣ нашего зрѣнія, провѣрять по нимъ компасные румбы.

По внѣшнему виду и размѣрамъ, камни обычно сильно отличаются одинъ отъ другого. Нѣкоторые возвышаются надъ поверхностью земли въ вышину футовъ на десять при трехъ футахъ ширины и восьми дюймахъ толщины; другіе достигаютъ въ вышину даже до тринадцати футовъ. Однако, хотя общее число камней, окружающихъ отдѣльную могилу обычно и отличается единообразіемъ, тѣмъ не менѣе камни ставились повидимому иногда и безъ соблюденія какой либо системы. Мы насчитывали ихъ иногда по шести съ восточной и западной сторонъ и по три—съ сѣверной и южной, всего въ числѣ восемнадцати. Въ другихъ случаяхъ соотвѣтственно попадались такимъ же образомъ расположенныя комбинаціи изъ двѣнадцати

и двадцати камней. Нѣкоторыми писателями высказывалось предположеніе, что эти грубыя каменныя плиты долженствовали фактически воспроизводить число враговъ, убитыхъ въ бою, умершимъ героемъ. Такое предположеніе, дѣйствительно, какъ будто находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе и служитъ разгадкой различнаго количества этихъ каменныхъ плитъ. Самое большое число ихъ, о которомъ я только могъ получить свѣдѣнія, постановлено недалеко отъ Урги у могилы Томию-кука (Tomyukuk) тюркскаго героя, жившаго въ VII столѣтіи. Въ этомъ случаѣ, однако, поставленные камни вытянуты въ одну линію, и всего ихъ насчитывается до трехсотъ [1]). Изъ китайскихъ источниковъ также мы узнаемъ, что „обычнымъ дѣломъ среди древнихъ тюрковъ, было помѣщать вокругъ могилы столько прямыхъ камней, сколько людей почившій убилъ въ продолженіи всей своей жизни [2]).

Могилы устраивались не обязательно на какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Иногда онѣ воздвигались уединенно, просто на вершинахъ холмовъ, а иногда и въ большомъ изобиліи прямо въ открытой степи. Самыя большія изъ нихъ устраивались чаще всего по одиночкѣ или попарно, но кладбища, состоящія изъ сотенъ кургановъ (tumuli), отличаются обычно могилами, относительно небольшихъ размѣровъ. Дѣйствительное распредѣленіе кургановъ (tumuli) могло по всей вѣроятности сильно зависѣть отъ необходимости для нихъ быть обязательно поставленными по сосѣдству съ каменоломнями. Въ долинѣ Кемчика, напримѣръ, они гораздо болѣе многочисленны, нежели въ прочихъ долинахъ. Въ сѣверной части Минусинской степи, гдѣ мы натолкнулись впервые на большое кладбище, состоявшее изъ такихъ кургановъ (tumuli), каменоломня оказалась въ небольшомъ отдаленіи и безъ сомнѣнія служила для древнихъ источникомъ, изъ котораго они доставали всѣ необходимые для нихъ матеріалы, хотя съ другой стороны нужно отмѣтить, что

---

[1]) См. отчетъ г. C. W. Campbell'a о его „Путешествіи въ Монголію въ 1904 г.".

[2]) См. Чу-Шу (Chou-Shu-Лѣтописи династіи Чу), на которыя ссылается Рокхиль (Rockhill) въ своемъ переводѣ Ребрюка, стр. 82. Изданіе Общества Haklyut.

мѣстные туземцы достигли весьма большихъ успѣховъ въ способахъ перевозки огромныхъ каменныхъ глыбъ. Намъ удавалось встрѣчать гигантскіе монолиты на очень большихъ разстояніяхъ отъ какихъ бы то ни было каменоломенъ.

Въ Монголіи выборъ мѣста для погребенія умершихъ находился въ большой зависимости отъ суевѣрныхъ представленій, пріурочивавшихся обычно къ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Особенностью монгольскаго ландшафта служитъ наличіе здѣсь странныхъ возвышенностей съ вывѣтрившимися гранитами, незначительныхъ и уединенныхъ скалистыхъ хребтовъ, вздымающихся мѣстами вродѣ вѣхъ, среди открытаго плоскогорья. Эти то, послѣдніе, всегда и служили предметомъ удивленія туземцевъ и почитались ими священными. Поэтому то мы и видимъ, что погребальныя могилы главнымъ образомъ и сосредоточиваются по этимъ хребтамъ и возвышенностямъ.

Въ нѣдрахъ могильныхъ холмовъ было обнаружено множество интересныхъ реликвій, какъ, напримѣръ, череповъ, которые свидѣтельствуютъ намъ о томъ, къ какому этническому племени принадлежалъ человѣкъ, погребенный въ могилѣ; мертвыя маски изъ кованнаго золота, которыя представляютъ точную копію особенностей чертъ лица, чертъ, между прочимъ, относимыхъ авторитетными учеными къ европейскому типу; кромѣ того, въ этихъ же могилахъ находили въ изобиліи камни, кости, бронзовыя, золотыя, серебряныя и желѣзныя украшенія, бездѣлушки, рудокопныя орудія и разную утварь. Кости, которыя вынимались изъ холмовъ представляютъ богатый матеріалъ для всякаго рода соображеній и конечно споровъ. Нужно съ большой осторожностью строить теоріи на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи археологическихъ свѣдѣній. Нѣкоторыя могилы безспорно служили мѣстомъ упокоенія только одному человѣку, и потому на основаніи этихъ могилъ можно безъ большого риска впасть въ ошибку, дѣлать научные выводы. Однако, нерѣдко послѣдовательныя поколѣнія засельщиковъ въ предѣлахъ разсматриваемыхъ нами мѣстъ были склонны погребать своихъ мертвецовъ въ тѣхъ же самыхъ могилахъ, которыя были сооружены еще ихъ предшественни-

ками, отчего представителей различныхъ генерацій можно часто обнаружить лежащими слоями, подъ покровомъ одного и того же кургана (tumuli). Эти различные слои свидѣтельствуютъ о смѣнахъ тѣхъ различныхъ по типу насельщиковъ, которые поочередно, въ различные періоды владѣли Енисейской равниной, и работы по изслѣдованію этихъ слоевъ, а также череповъ, которые были найдены здѣсь, несомнѣнно рано или поздно послужатъ къ разъясненію вопроса—кто же были эти народы.

То обстоятельство, что холмы въ большомъ количествѣ встрѣчаются преимущественно въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, указываетъ на вѣроятность расположенія ихъ именно въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ происходили наисерьезнѣйшія столкновенія между воинственными племенами или между туземными расами и чужеземными завоевателями. Адріановъ полагаетъ, что въ виду послѣдняго обстоятельства необходимо усиленно заниматься раскопками съ цѣлью во что бы то ни стало раздобыть два типа череповъ и тѣмъ самымъ пріобрѣсти объекты для примѣненія сравнительнаго метода по выясненію этническихъ особенностей какъ мѣстныхъ туземцевъ, такъ и ихъ завоевателей. Это предположеніе было высказано указаннымъ проницательнымъ ученымъ по поводу одного гигантскаго холма, насчитывавшаго отъ 20 до 30 футовъ въ высоту, въ которомъ было обнаружено отъ 10 до 15 костяковъ людей и лошадей, не считая прочаго содержимаго.

Характеръ содержимаго кургановъ (tumuli) такъ же разнообразенъ, какъ и способы ихъ устройства. При погруженіи древка въ одинъ изъ холмовъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Минусинскаго района, раскопщики внезапно натолкнулись на сгнившій брусъ древеснаго ствола; на 4 или 5 ярдовъ глубже они обнаружили въ большомъ безпорядкѣ разбросанную массу костей, черепа пяти человѣкъ, кости — одиннадцати, а также кости овцы и шесть глиняныхъ сосудовъ. Далѣе, горизонтальный стержень натолкнулся на какой то склепъ, который однако, оказался пустымъ.

Среди поразительныхъ коллекцій древностей, найденныхъ въ погребальныхъ холмахъ или случайно попавшихся просто

въ нѣдрахъ земли, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва оказалась вскопанной современными засельщиками русскими, имѣются нѣсколько предметовъ, заслуживающихъ особаго вниманія. Напримѣръ, изъ одного кургана (tumuli) были извлечены отчетливые металлическіе диски, которые, очевидно, употреблялись въ качествѣ зеркалецъ. Эти зеркальца случайно оказываются аналогичными тѣмъ зеркальцамъ, которыя и въ настоящее время употребляются бурятами Южной Сибири и потому, несмотря на утвержденіе, что разсматриваемыя мѣста погребенія принадлежатъ расѣ, всецѣло отличной отъ современныхъ жителей этой части Сибири, тѣмъ не менѣе отмѣченный фактъ обязываетъ насъ высказать предположеніе, что между ними должна существовать, правда весьма отдаленная, родственная связь [1]).

Изъ исторіи мы знаемъ, что во времена Геродота (V столѣтіе до Р. Х.) разсматриваемые нами енисейцы переживали бронзовый вѣкъ, тогда какъ четыре вѣка спустя, Страбонъ отмѣчаетъ, что они уже употребляли золото и бронзу, немного желѣза, но совершенно не знали серебра. Соотвѣтствующія эпохи культуры въ Азіи представляется интереснымъ сравнить съ таковыми же эпохами въ Европѣ.

Татары переживали желѣзный періодъ еще во времена посѣщенія ихъ средневѣковыми путешественниками, а тунгусы Сибири, употребляютъ каменные наконечники стрѣлъ еще и теперь. Вліяніе енисейцевъ могло распространяться очень далеко. Согласно преданію, обработка золота, серебра, мѣди и бронзы, была занесена въ Сѣверную Америку чужеземцами. Что Сѣверная Америка получила свое населеніе изъ Азіи, было ясно установлено на основаніи физической, соціальной и лингвистической особенностей мѣстныхъ аборигеновъ, которые отличаются близкой родственной связью съ монгольскими племенами Сибири. Не являлись ли распространители искусства обработки здѣсь

---

[1]) Нѣкоторые изъ найденныхъ въ холмахъ череповъ принадлежатъ къ „долихоцефальному“, типу, что указываетъ на то, что наиболѣе ранніе строители холмовъ были вѣроятно, людьми каменнаго вѣка, тогда какъ послѣдовательный наплывъ чужеземнаго элемента подтверждается тѣмъ фактомъ, что большая часть череповъ принаддежитъ все же къ „брахицефальному“ или монгольскому типу.

металловъ тѣми же самыми искусными минералогами съ береговъ Енисея?

Что касается вопроса о распространеніи хлѣбопашества въ этихъ районахъ, то намъ удалось здѣсь видѣть остатки старыхъ оросительныхъ каналовъ. Представляется большой загадкой, къ какому періоду эти работы должны быть отнесены. Но, принимая во вниманіе, что климатъ Минусинскаго бассейна крайне благопріятенъ для успѣшности здѣсь человѣческаго прогресса, мы можемъ утверждать, что развитіе хлѣбопашества въ этомъ районѣ началось чрезвычайно рано. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ настоящее время засельщики признаютъ для себя удобнымъ даже возобновлять старые заброшенные здѣсь каналы и это убѣждаетъ меня въ томъ, что повидимому инженерное искусство древнихъ шло не по невѣрному пути. Очевидно, эта страна должна была особенно привлекать и отличалась условіями наиболѣе подходящими для осѣданія здѣсь тогдашнихъ племенъ, иначе трудно понять, почему бы этотъ районъ могъ такъ сильно вліять на ростъ и прогрессъ доисторическаго человѣка? Почему онъ же возбуждалъ жадность завоевателей, являвшихся сюда съ юга. Далѣе — почему это пространство въ настоящее время служитъ благословеннымъ мѣстообиталищемъ наиболѣе успѣвающихъ сибиряковъ, и почему районъ Верхняго Енисея усиленно привлекаетъ энергію предпринимателей и рудокоповъ, и въ то же время районы, находящіеся позади этого пространства служатъ предметомъ желаній торговца, которому въ концѣ концовъ развязаны были руки торговымъ договоромъ Россіи съ Китаемъ.

Теперь эта страна повидимому возвращается снова къ своему минувшему благополучію. Сильно шагнувшая впередъ цивилизація запада нуждается въ скрытыхъ пока и нетронутыхъ еще богатствахъ востока. Минусинская долина таитъ въ себѣ широкія перспективы для фермера, золото Верхне-Енисейскаго бассейна привлекаетъ взоры предпринимателя, а богатые запасы шерсти, кожъ и мѣховъ, соблазняютъ русскихъ торговцевъ отважно пускаться въ долины Монголіи. Не можетъ ли все это со временемъ измѣнить расположеніе цвѣтовъ въ

настоящее время нанесенныхъ на географическую карту? Не приведетъ ли это Россію къ антагонизму съ Китаемъ или даже къ союзу съ независимыми монгольскими предводителями? Это послѣднее нашествіе совершается съ сѣвера и съ запада, но оно во многомъ напоминаетъ древнее нашествіе съ юга, когда уйгуры, въ глубокой древности спустились въ эти прекрасные районы съ мрачныхъ плоскогорій Монголіи.

Прежде, чѣмъ разстаться съ этимъ райономъ древнихъ ассоціацій не мѣшаетъ вспомнить еще разъ и отдать должное тѣмъ русскимъ ученымъ, которые работали здѣсь и производили раскопки, движимые острымъ желаніемъ поднять завѣсу надъ загадочнымъ прошлымъ этихъ древностей. Еще въ 1881 году первые „курганы" подверглись раскопкѣ въ районѣ, расположенномъ по сосѣдству съ Минусинскимъ, но систематическія работы въ этомъ направленіи производились лишь съ 1892 по 1903 года. Результаты этихъ работъ время отъ времени публиковались Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и Императорской Археологической Комиссіей. Доктору М. А. Мартьянову, а позднѣе профессору Адріанову, мы главнымъ образомъ обязаны тѣми свѣдѣніями, которыми располагаемъ въ настоящее время о древней Сибири. Показательные результаты ихъ трудовъ можно видѣть въ коллекціяхъ, выставленныхъ въ музеяхъ Минусинскомъ, Томскомъ, С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Въ Минусинскомъ музеѣ хранится не имѣющее себѣ соперниковъ собраніе каменной, мѣдной, бронзовой и желѣзной утвари, доисторической глиняной посуды и цѣлая серія, штукъ въ 500, череповъ, вырытыхъ изъ кургановъ. Здѣсь же сосредоточены многочисленные каменные монументы и столбы съ надписями, благодаря чему они предохранены отъ разрушенія. Металлургическія находки содержатся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, тогда какъ золотыя и серебряныя украшенія сохраняются въ Эрмитажѣ (Eronitash) въ С.-Петербургѣ.

Мы имѣли удовольствіе встрѣтить профессора Адріанова въ бытность нашу въ Минусинскѣ, гдѣ застали его погруженнымъ въ работу по расшифрованію старыхъ руническихъ пись-

менъ, раздобытыхъ въ районѣ Верхняго Енисея. Результаты его изысканій въ настоящее время находятся въ распоряженіи Императорскаго Археологическаго Комитета и изготовляются для опубликованія. Мы же съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія этой работы въ свѣтъ, такъ какъ она рѣшитъ многіе важные вопросы и дастъ намъ представленіе о многомъ томъ, что въ настоящее время остается еще необъяснимымъ.

ГЛАВА III.

Сибирскіе дѣвственные лѣса.

Страна, лежащая у подножія монгольскаго плоскогорья, въ предѣлы которой мы вступили, продолжая начатое нами путешествіе и гдѣ начались наши первыя зарудненія, представляетъ изъ себя какъ бы небольшой „уголокъ хлѣбопашества", позади котораго уже начинается районъ первобытнаго лѣса и труднопроходимыхъ болотъ. Пространство между Алтайскими горами и Байкальскимъ озеромъ вдоль всей русско-китайской границы представляетъ изъ себя всхолмленную и густо залѣсенную мѣстность, рѣдко населенную и прорѣзанную лишь немногочисленными путями сообщенія. По подножію передовыхъ холмовъ этого гористаго, въ общемъ, района тянутся поселки сибирскихъ переселенцевъ, представляющіе авангардъ того великаго иммиграціоннаго движенія, которое Азіатская Россія принимала изъ Европы въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ. Здѣсь же кончаются богатыя открытыя равнины, а вмѣстѣ съ ними и побѣдоносные успѣхи цивилизаціи, такъ какъ позади лежатъ уже только неизвѣданныя глубины лѣса, ограниченныя притомъ окраинными хребтами Саянскихъ горъ.

Страну, въ предѣлы которой мы теперь вступили, можно назвать счастливой плодоносной страною съ огромными пер-

спективами и обильными природными богатствами. Земля здѣсь лучшаго качества, климатъ мягокъ, благодаря защищающимъ эту мѣстность горнымъ хребтамъ, а прорѣзающія ее большія водныя артеріи представляютъ изъ себя легкія и быстрыя средства сообщенія. Русскіе настолько хорошіе колонизаторы, что подобныхъ имъ трудно встрѣтить гдѣ либо еще въ мірѣ, которымъ, однако недостаетъ только настойчивости и оригинальности для того что-бы возвести свою родную страну на первую ступень. Русскіе колонисты, медленно, но вѣрно подвигались къ югу, по направленію къ монгольской границѣ. Окраинные хребты, которые образуютъ границу, сами по себѣ не служатъ вовсе преградой для дальнѣйшаго движенія русскихъ. Только густые лѣса, одѣвающіе эти хребты, представляютъ изъ себя настоящее препятствіе для дальнѣйшихъ успѣховъ русской колонизаціи. На краю лѣсной опушки стоятъ цѣлыя русскія селенія; въ лѣсахъ же встрѣчаются наиболѣе энергичные изъ торговцевъ, охотниковъ на пушныхъ звѣрей и рыбаковъ, которые отваживаются проникать сюда съ намѣреніемъ завязать хотя бы непрочныя торговыя сношенія съ туземными племенами и въ надеждѣ вознаградить себя за то обиліемъ тѣхъ богатствъ, которыя заключаетъ въ себѣ „тайга“ въ видѣ запасовъ минераловъ и мѣховъ. За лѣсной полосою, въ самомъ сердцѣ Енисейскаго бассейна имѣется новый рядъ маленькихъ колоній, состоящихъ большею частью изъ изолированныхъ, уединенныхъ домиковъ, построенныхъ здѣсь выходцами изъ предѣловъ Сибири.

Непроходимость этой залѣсенной и гористой зоны, скудныя свѣдѣнія, которыми мы о ней располагали, а также условія времени года, создали для насъ тѣ первыя затрудненія, по мѣрѣ нашего движенія къ югу, которыя потребовали очень большихъ съ нашей стороны усилій для ихъ преодолѣнія. Эти то особенности физическихъ условій и являются единственно повинными въ томъ, что районъ истоковъ Енисея до сихъ поръ остается „terra incognita“. Эти же природныя препятствія служили главнымъ образомъ и помѣхой для распространенія русскаго вліянія на земли, которыя орографически

принадлежатъ всецѣло Сибири; онѣ же обезпечили туземнымъ племенамъ здѣсь вѣрный пріютъ.

Бассейнъ Верхняго Енисея фактически не то русскій, не то китайскій; по своимъ физическимъ особенностямъ онъ представляетъ изъ себя какъ бы переходъ отъ Сибири къ внутренней Азіи. Изъ дальнѣйшаго описанія будетъ видно, что на протяженіи нашего путешествія мы встрѣчались здѣсь постоянно съ хвойными лѣсами, состоявшими преимущественно изъ шотландской сосны и лиственницы, а равно и съ огромными пространствами степи. Здѣсь намъ неоднократно приходилось сталкиваться то съ сочными зелеными лугами, то съ навѣвающими уныніе лѣсами, то, наконецъ, съ горными хребтами частью обильно покрытыми ковромъ дикихъ цвѣтовъ, частью же представлявшихъ изъ себя безотрадное зрѣлище ничѣмъ не покрытыхъ, голыхъ скалъ. Здѣсь мы имѣли возможность любоваться сдѣланными изъ бересты шалашами или вигвамами и въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними обычно расположенными войлочными юртами, а также сосредоточенными на очень небольшомъ пространствѣ въ разнообразномъ сочетаніи прирученными животными, какъ-то: оленями, верблюдами, лошадьми, яками и рогатымъ скотомъ.

Кужебаръ, гдѣ мы провели двѣ недѣли, занятые снаряженіемъ предварительно проникновенія въ самую глушь района, представляетъ изъ себя типичную пограничную деревню. Расположенъ онъ въ настоящее время у подножія наиболѣе выдавшихся впередъ горныхъ отроговъ, на разстояніи менѣе полумили отъ окраины лѣсной опушки, по берегу рѣки Амыла. По внѣшнему своему виду селеніе производитъ впечатлѣніе процвѣтающей колоніи. Здѣсь имѣется земля, топливо и водный транспортъ. Здѣсь же на лицо пріютъ на случай зимнихъ холодовъ и достаточное количество дождей, выпадающихъ въ теченіе лѣта; суровый сибирскій климатъ смягченъ близкимъ сосѣдствомъ горъ.

Прибывъ сюда въ началѣ Мая, мы вскорѣ же поняли, что насъ впереди ожидаютъ большія затрудненія и неизбѣжныя задержки. Зато въ продолженіе послѣдующихъ двухъ

недѣль мы имѣли случай вполнѣ насладиться, переживая въ этомъ, полномъ контрастовъ климатѣ то прелестное и любопытное время года, когда здѣсь происходитъ рѣзкій поворотъ отъ глубокой зимы къ роскошному лѣту. Какъ бы то ни было, но близъ деревни въ это время уже не виднѣлось лежащаго по лѣсной опушкѣ снѣга, хотя, какъ намъ говорили, тамъ, въ самомъ лѣсу, покровъ его все еще очень глубокъ. Все же трава еще не показывалась и потому мы не имѣли возможности двинуться въ дальнѣйшій путь съ нашими лошадьми, такъ какъ находились въ полной зависимости отъ состоянія кормового покрова. Больше того, всѣ притоки Амыла, представляющіе изъ себя незначительные ручьи въ другое время года, превратились теперь въ очень глубокіе потоки. Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, сильно затрудняютъ сообщеніе между Сибирью и бассейномъ Верхняго Енисея; они же послужили помѣхою и намъ. Существуютъ только два періода, въ теченіе которыхъ путешествіе по этимъ мѣстамъ становится сравнительно легкимъ—это именно, осенью, когда вода въ рѣкахъ стоитъ низко и въ серединѣ зимы, когда рѣки прочно скованы ледянымъ покровомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ обычно пользуются для прохода услугами этихъ рѣкъ—осенью при содѣйствіи лодокъ, а зимою—при помощи саней.

Только зимою охотники могутъ проникать въ глубины лѣса, и притомъ исключительно по замерзшимъ естественнымъ воднымъ путямъ, волоча за собою легкія саночки, нагруженныя провизіей и ловушками; рѣка же служитъ для нихъ обычно и опорной базой при дальнѣйшихъ операціяхъ уже въ самой глуши. Зимою, когда земля здѣсь глубоко промерзаетъ, сибирскимъ колонистамъ работать совсѣмъ не приходится, поэтому имъ нужно бываетъ озабочиваться для обезпеченія себя на это время года необходимыми запасами пищи. Но съ внезапнымъ наступленіемъ лѣта, наступаетъ здѣсь и интенсивный періодъ работы; жизнь закипаетъ. Рыбаки, подпираясь баграми, поднимаются вверхъ по теченіямъ рѣкъ въ своихъ лодченкахъ и закидываютъ сѣти въ тѣхъ водныхъ пространствахъ или въ

тѣхъ верховьяхъ, до которыхъ имъ удается проникнуть. Золотоискатели вооружаются лодками и вьючными лошадьми и пускаются въ какую либо невѣдомую область или возобновляютъ свои лѣтнія работы въ какомъ либо рудникѣ, который лежалъ безъ использованія въ теченіе всей зимы; торговцы отправляются къ югу со своими товарами, въ надеждѣ обмѣнять ихъ у мѣстныхъ жителей на мѣха, кожи и шерсть.

Сибирская весна сопровождается обычно крайне непостоянной погодой. Когда ломается ледъ на рѣкѣ Енисеѣ происходитъ одновременно и переломъ погоды. Въ это время случаются сильные вѣтры и внезапные штормы, а также наблюдаются рѣзкія перемѣны температуры. Еще въ Минусинскѣ намъ удалось видѣть немного снѣга, но въ Кужебарѣ, двѣ недѣли спустя, максимальная температура поднималась до 36 градусовъ и жара здѣсь стояла положительно изнуряющая до тѣхъ поръ пока грозовая буря не прочистила немного воздуха. Вторая половина Мая была жаркая и солнечная. Съ ошеломляющей стремительностью промчалась здѣсь мимо весна на своемъ пути къ сѣверу, и въ нѣсколько дней оставила позади себя коверъ свѣжей зеленой травы и обильные ростки цвѣтовъ на той землѣ, которая за недѣлю передъ тѣмъ, только что освободилась изъ тяжелыхъ объятій мороза. Въ лѣсу въ изобиліи появились — ноготки, незабудки, скороспѣлки и анемоны; березы выкинули первую паутинку зелени. На крыльяхъ весны принеслись милліоны лѣтнихъ птичекъ и сейчасъ же приступили къ витью своихъ гнѣздышекъ, будто бы инстинктъ подсказывалъ имъ, что въ ихъ распоряженіе предоставляется слишкомъ короткій промежутокъ времени для пребыванія въ предѣлахъ этихъ лѣтнихъ убѣжищъ.

Въ моментъ нашего прибытія, 16 Мая, не было еще видно никакихъ признаковъ зелени ни въ степи, ни въ лѣсу, но около 26-го числа весна была уже въ полномъ разгарѣ и травяной покровъ оказался настолько обильнымъ, что мы уже могли пасти лошадей нашего каравана по лугамъ. Березы и тополи одѣлись полной листвой въ теченіе этого же короткаго промежутка времени. Съ каждымъ днемъ, выѣзжая на

прогулку, мы имѣли случай убѣждаться какъ увеличивалась въ своемъ ростѣ растительность. Цвѣты появлялись точно по мановенію волшебнаго жезла, причемъ по берегамъ преимущественно ютились незабудки, въ лѣсу — желтые троицыны цвѣты, маленькіе ирисы и анемоны, а въ болотахъ — крупные ряды оранжевыхъ лютиковъ. На мѣстахъ лѣсныхъ „паловъ“ трава въ пять дней поднялась въ высоту на столько же дюймовъ. Прайсъ вычислилъ, что размѣръ роста растеній въ теченіе восьми дней (между 19 и 27 Мая) опредѣляется для этого района слѣдующими цифрами: лютикъ—1 футъ 6 дюймовъ; незабудка—1 футъ; масляныя чашечки 6 д., и травы— отъ 1 ф. 3 д. до 1 ф. 10 дюймовъ.

Въ лѣсу мы провели нѣсколько дней. При этомъ было пройдено нами не мало рекогносцировочныхъ линій вдоль его опушки и заодно мы занимались расчисткой отъ деревьевъ просѣкъ. Оказалось, что наружная зона лѣса состояла здѣсь преимущественно изъ великолѣпныхъ шотландскихъ сосенъ. Прайсу, который большую часть времени нашего пребыванія въ Кужебарѣ потратилъ на изученіе мѣстныхъ лѣсныхъ насажденій, удалось намѣтить главныя особенности деревьевъ въ этомъ районѣ. Лѣсная полоса состоитъ въ этой мѣстности преимущественно изъ сосны, березы и тополя съ небольшой примѣсью ели. Сосна, по увѣренію Прайса, лучше всего растетъ по склонамъ, обращеннымъ къ югу, юго-востоку или юго-западу, получающихъ избытокъ свѣта и солнечнаго тепла; въ самомъ дѣлѣ склоны эти были покрыты болѣе или менѣе густо одной шотландской сосной, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ только тополь, осина, береза и немного ели могли находить себѣ необходимое пропитаніе. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ что распредѣленіе видовъ отдѣльныхъ деревьевъ ни въ коемъ случаѣ не зависитъ здѣсь отъ характера почвъ, подъ ними лежащихъ.

Сосновые лѣса въ нѣкоторыхъ частяхъ представляли изъ себя сплошныя насажденія, а въ другихъ носили болѣе или менѣе открытый характеръ. Въ плотныхъ насажденіяхъ деревья достигали высоты 120—140 футовъ, при 7—9 футахъ по

окружности. Эти деревья несомнѣнно въ пору своей молодости росли очень близко одно отъ другого, а впослѣдствіи они оказались въ значительной мѣрѣ прорѣженными. Въ открытаго вида лѣсахъ зрѣлыя деревья достигали максимальной высоты въ 90—120 футовъ, при 10—12 футахъ по окружности. Разрѣженіе сосновыхъ лѣсовъ, повидимому происходило слѣдующимъ образомъ: деревья въ пору своего средняго возраста, подъ вліяніемъ давленія другъ на друга, автоматически прорѣжали себя, причемъ болѣе слабые экземпляры ихъ, постепенно подсыхая, въ результатѣ окончательно отмирали и падали. Глубокая почва благопріятствуетъ болѣе сильнымъ деревьямъ распространять свои корни на далекія разстоянія и такимъ образомъ притягивать къ себѣ съ отдаленныхъ пространствъ воду, въ то же время заглушая болѣе слабыя особи деревьевъ. Послѣднія при этихъ условіяхъ или совершенно замираютъ, или опрокидываются вѣтромъ, или же съ большей легкостью выгораютъ во время лѣтнихъ лѣсныхъ пожаровъ.

Что касается вліянія загадочной перемѣны климата этого района, то Прайсъ отмѣчаетъ фактъ знаменательнаго возобновленія здѣсь съ теченіемъ времени шотландскихъ сосенъ. Изъ его наблюденій выясняется, между прочимъ, что среди мѣстныхъ насажденій деревьевъ этого вида встрѣчается очень немного поколѣній, выходящихъ за предѣлы самаго послѣдняго времени. Тѣнь отъ старыхъ деревьевъ, трава, которая какъ будто захватила лѣсъ и заглушила молодыя поросли деревьевъ травяные пожары, весенніе и лѣтніе, и отсутствіе моха среди подножной растительности, повидимому низводятъ здѣсь генерацію сосны до минимума.

Только нѣсколько изолированно стоящихъ сѣменниковъ можно было видѣть разбросанными на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Главная масса новаго поколѣнія лѣса принадлежала тополю и березѣ, которыя выростая среди сосенъ, могутъ съ большей легкостью пробиваться своими верхушками сквозь длинную траву. „Мнѣ кажется“, говоритъ Прайсъ „что сосновыя пространства среди лѣса образовались при прежнихъ болѣе благопріятныхъ, нежели въ настоящее время условіяхъ

для роста сосны и сосновой поросли; эти условія, повидимому заключались въ отсутствіи травы и въ наличіи моха при болѣе обильномъ въ прежніе годы дождепадѣ и болѣе холодномъ климатѣ".

Обождавъ въ Кужебарѣ три недѣли, мы стали уже опасаться за нашу возможность когда либо двинуться въ дальнѣйшій путь. Снѣгъ мѣстами въ лѣсахъ все еще лежалъ, и по всѣмъ признакамъ хребты, насчитывавшіе тысячи футовъ въ вышину, были еще непроходимы для каравана, а быстрое теченіе рѣки Амыла служило намъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что обильные снѣга лежали все еще гдѣ-то, вдали, постепенно растопляемые солнечными лучами. Стояла знойная солнечная погода, снѣгъ таялъ въ болѣе высокихъ районахъ и потому вода въ рѣкѣ поднялась очень высоко. Около 26 Мая ею все еще были затоплены на большія пространства обѣ прибрежныя полосы. Въ направленіи къ востоку, гдѣ рѣка болѣе или менѣе окаймлена холмами, уровень воды измѣрялся отъ шестисотъ до восьмисотъ ярдовъ въ виду чего къ сѣверу возможность сообщенія была окончательно пресѣчена; принимая всѣ эти обстоятельства во вниманіе, намъ казалось, что небольшая задержка наша могла продлиться неопредѣленное долгое время.

Но, 27 Мая вода вдругъ остановилась на одномъ уровнѣ, а въ теченіе послѣдующихъ дней начала быстро понижаться въ пропорціи 18 дюймовъ, 2 и 1 фута. Благодаря холоднымъ ночамъ въ теченіе трехъ дней затѣмъ она успѣла опуститься на столько же, насколько поднялась въ теченіе предыдущей недѣли. На рѣкѣ появились рыбаки, возвращавшіеся съ верховьевъ на маленькихъ плотахъ съ большими рулевыми „ромыслами" въ передней и задней частяхъ этихъ плотовъ: нѣкоторые изъ нихъ причаливали къ Кужебару и сообщали намъ новости относительно лѣса, другіе же стремительно миновали Кужебаръ по направленію къ рѣкѣ Енисею, неся на своихъ плотахъ грузы боченковъ засоленной рыбы.

Отъ этихъ людей мы узнали, что много еще снѣга лежитъ въ разстояніи 20 — 30 миль въ глубинѣ лѣса: другіе

путешественники, прибывавшіе съ русскихъ золотыхъ горныхъ пріисковъ, предупреждали насъ о томъ, что даже и въ проходахъ, правда уже сильно размягченный, но все же еще лежитъ толщей въ шесть футовъ зимній снѣгъ. Эти свѣдѣнія представляются крайне интересными съ точки зрѣнія разрѣшенія вопроса о времени открытія путей сообщенія въ этомъ районѣ. Большія и даже трудно уяснимыя различія наблюдаются здѣсь въ выпаденіи какъ дождей, такъ и снѣга, а въ связи съ симъ стоитъ и возможность пользованія тѣми или иными водными путями, расположенными въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ этомъ отношеніи обращенная къ сѣверу сторона Саянскихъ горъ сильно отличается отъ южной стороны: залѣсенныя дороги Амыла не могутъ быть даже сравниваемы съ болѣе открытыми дорогами Абаканскихъ долинъ. Землемѣрамъ, которымъ выпадаетъ на долю заниматься въ этомъ районѣ изысканіемъ наиболѣе доступныхъ путей черезъ горы, придется попутно тщательно заняться также изученіемъ столь различныхъ климатическихъ условій въ предѣлахъ каждой изъ этихъ мѣстностей.

За время нашего пребыванія въ Кужебарѣ мы совсѣмъ освоились съ мирной обстановкой деревенской жизни и можемъ смѣло засвидѣтельствовать, что сибирскіе переселенцы отличаются большимъ гостепріимствомъ и общительностью. Они представляютъ изъ себя типъ людей, которыхъ чаще всего можно встрѣтить повсюду въ приграничныхъ мѣстностяхъ: людей, рѣзко отличающихся способностью просто, но упорно подчинять себѣ природу и бороться съ ея сложными проявленіями. Такихъ же точно качествъ людей можно встрѣтить и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Канады и на высокихъ „лугахъ“ Южной Африки. Кужебаръ насчитываетъ около семидесяти лѣтъ существованія; онъ состоитъ почти изъ двухсотъ обывательскихъ домовъ и служитъ пріютомъ свыше чѣмъ 1.200 жителей. Деревня представляетъ изъ себя какъ бы одну огромную семью. Ничто не дѣлается здѣсь безъ общаго согласія и совѣта. Напримѣръ, къ намъ въ одинъ прекрасный день явилась депутація отъ населенія, съ сообщеніемъ, что совѣтомъ деревни постановлено взимать въ

теченіе всего времени нашего пребыванія въ деревнѣ по одному рублю съ каждой лошади за право ихъ выпаса. Пастбищная земля подраздѣлена между отдѣльными домохозяевами по количеству лошадей, причитающихся на хозяйство; представлялось вполнѣ законнымъ и естественнымъ, чтобы мы, чужеземцы, съ нашей дюжиной животныхъ не оставались свободными, отъ этой спеціальной повинности. Депутація объяснила намъ, что путешественникамъ, проходящимъ черезъ деревню мимоходомъ кужебарцы обычно охотно предоставляютъ право безплатнаго пользованія пастбищами, но что мы, по всей видимости, поселились въ ихъ деревнѣ на неопредѣленное время. Деньги, конечно, были нами охотно уплачены, хотя въ то же время мы объяснили, что нашимъ намѣреніемъ было продолжать путешествіе и что поселиться въ Кужебарѣ мы вовсе не разсчитываемъ.

Постепенно мы прикупали лошадей, пока численность ихъ не была доведена до 24, изъ которыхъ двадцать предзначались спеціально для транспорта груза. Организація этой части путешествія сопровождалась такими огромными затрудненіями, которыя едва ли приходилось испытывать какому-либо путешественнику. Мы собирались совершить необычайно долгое путешествіе; намъ нужно было все наше снаряженіе, одежду, инструменты и вооруженіе навьючить на лошадей, совершенно непривычныхъ къ вьюку, и притомъ при содѣйствіи людей не умѣющихъ, совсѣмъ обращаться съ вьючными животными и багажъ этотъ предстояло перевезти по такого рода мѣстности, которая изобиловала всевозможными природными затрудненіями. Пріобрѣтенныя лошади обошлись намъ отъ 40 до 65 руб. каждая; онѣ по большей части выглядѣли хорошо, но при этомъ скорѣе подходили по своимъ размѣрамъ и грузности для путешествія по равнинамъ, нежели для горныхъ переходовъ. Какъ никакъ, но намъ приходилось довольствоваться поневолѣ и тѣмъ, что мы получили, такъ какъ, въ сущности говоря, мы находились въ условіяхъ, исключающихъ возможность „хорошо снарядить нашу экспедицію“. Мы были на сѣверномъ склонѣ хребтовъ и потому насъ не могло не стѣснять здѣсь обиліе

снѣга, среди осѣдлыхъ русскихъ крестьянъ, вмѣсто скотоводовъ калмыковъ или киргизовъ, которые конечно располагали бы для нашего распоряженія большимъ выборомъ перевозочныхъ средствъ, благодаря обилію у нихъ лошадиныхъ табуновъ, а въ привычныхъ наѣзднихъ, которые могли бы сопровождать нашъ караванъ, само собою разумѣется недостатка въ такомъ случаѣ не ощущалось бы.

Приходилось покупать и прилаживать сѣдла; надо было до выступленія озаботиться пріобрѣтеніемъ войлочныхъ сѣдельныхъ подушекъ, недоуздковъ, веревокъ, подпругъ и т. п. Деревня оказалась почти все эта сама производящей, и поэтому большую часть вещей, въ которыхъ мы нуждались, намъ удалось закупить на мѣстѣ, тогда какъ за нѣкоторыми все-таки пришлось посылать на сѣверъ въ болѣе крупное сосѣднее поселеніе—Каратузъ. Домотканныя матеріи оказались наиболѣе подходящими и прочными для изготовленія изъ нихъ мѣшковъ и покрывалъ, сѣдельныхъ войлочныхъ подушекъ и т. п. Мы закупили запасы муки и наполнили почти всѣ маломальски годныя жестянки дешевымъ и доброкачественнымъ медомъ.

Вопросъ о пищѣ казался наиболѣе трудно разрѣшимымъ. Экспедиція состояла изъ трехъ англичанъ, нашего земледѣльца-переводчика, Григорія Макандарова и семи кужебарскихъ сибиряковъ, которые предназначались быть проводниками каравана. Приходилось очень и очень подумать о пропитаніи партіи, состоявшей въ общей сложности изъ одиннадцати душъ, и притомъ въ теченіе неопредѣленнаго количества времени, такъ какъ расчетъ на рыбу въ томъ районѣ, который лежалъ на нашемъ пути, казался весьма проблематичнымъ. Муку же намъ можно было раздобыть лишь при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и только въ томъ случаѣ, если бы нашъ маршрутъ привелъ насъ случайно къ какому либо сибирскому торговому поселенію. Мы гарантировали нашимъ сибирякамъ дневную порцію, состоявшую изъ чая и трехъ фунтовъ сухарей или поджареннаго хлѣба—признаться сказать не особенно достаточный паекъ для поддержанія взро-

слаго человѣка, къ тому же обрекающаго себя на значительныя физическія лишенія. Однако, люди наши, казалось, были очень довольны такого рода пайкомъ, такъ какъ онъ представлялъ для нихъ привычную пищу во время ихъ странствованій по тайгѣ. Не знали же мы, однако, вовсе нашихъ сибиряковъ, такъ какъ иначе мы не стали бы затрачивать столькихъ заботъ на заготовку возможно большаго количества пищи, боясь какъ бы они не обратились къ намъ съ требованіемъ обезпечить ихъ помимо всего также и мясомъ. Нѣсколько дней ушло на собираніе достаточнаго запаса сухарей, представляющихъ изъ себя обычный русскій хлѣбъ, разрѣзанный на маленькіе кусочки и засушенные. Они очень легки для переноски и, сохраняемые въ сухости, могутъ быть годными къ употребленію неопредѣленно долгое количество времени. Около 400 фунтовъ чистаго ихъ вѣса — было приготовлено для путешествія. Кромѣ того мы несли еще 150 фун. (lbs.) муки для собственнаго нашего употребленія и запасъ ея на случай также вѣсомъ въ 150 фун. (lbs.). Весь нашъ запасъ пищи, считая вмѣстѣ съ прочимъ снаряженіемъ составлялъ грузъ, вполнѣ достаточный для навьюченія 20-ти лошадей.

Въ концѣ концовъ договоръ съ нашими людьми, былъ заключенъ въ присутствіи деревенскаго схода и самихъ заинтересованныхъ. Этотъ договоръ, послѣ крупнаго торга, былъ установленнымъ порядкомъ подписанъ деревенскимъ старостой и нѣсколькими лицами, изъ которыхъ, между прочимъ, нѣкоторые не умѣли писать, почему расписываться за нихъ пришлось другимъ.

2-го Іюня мы были совсѣмъ готовы къ выступленію. Намъ никогда не забыть нашего отправленія изъ этой маленькой сибирской деревушки. Люди были почти невмѣняемы послѣ попойки, которой они предавались въ теченіе всей предыдущей ночи; лошади не слушались, тяжелый грузъ (тюки) оказалось неудобнымъ и труднымъ дѣломъ хорошо приладить и упаковать. Помимо этого усугубляли трудность нашей работы еще непривычность и юркость лошадей, новизна сѣделъ и нерастяну-

тость веревокъ. Нашъ передовой былъ пьянъ до безстрашія и обращался съ дикими татарскими лошадьми чрезвычайно искусно. Нерѣдко намъ приходилось „связывать“ лошадь, и тогда только можно было класть на нее багажъ, а упаковавъ его, благодаря внезапному бѣшеному припадку ляганія лошади, снова его распаковывать. Всѣ хорошо знаютъ, что первый день путешествія съ вьючными животными всегда и самый худшій, но этотъ день въ нашемъ путешествіи оставляетъ за собой все то, что въ этомъ отношеніи намъ приходилось испытывать раньше.

Наконецъ, нашъ караванъ двинулся въ путь. Двадцать вьючныхъ лошадей шеренгою растянулись вдоль деревенской улицы, прошли мимо церкви, вышли за предѣлы деревни и двинулись впередъ по лугамъ. На открытомъ просторѣ лошади вдругъ сдѣлались еще болѣе тревожными, такъ какъ скольженіе тюковъ по ихъ спинамъ, а также треніе веревками приводили въ ярость этихъ татарскихъ „дичковъ“, непривычныхъ къ такого рода работѣ. Мы имѣли удовольствіе любоваться, какъ наши дикія лошади карьеромъ носились по холмамъ, волоча за собою нашъ грузъ. За этой бѣшеной скачкой слѣдовала неизбѣжно ловля лошадей, распаковка товаровъ и затѣмъ новая отправка. Семь часовъ потребовалось намъ на то, чтобы выйти за предѣлы видимости деревни. Только достигнувъ узкой лѣсной дороги, мы почувствовали что дѣло какъ будто нѣсколько наладилось.

Передовые холмы и лѣсная опушка пестрѣли разноцвѣтными цвѣтами; голубые, скрашенные золотомъ листочки, обнаруживали незабудки и лютики; нѣжная зелень березъ выглядывала среди мрачныхъ сосенъ (елей), а подъ ними внизу, пробиваясь, пестрѣли травяныя лужайки. День стоялъ великолѣпный, воздухъ былъ полонъ лѣтнихъ звуковъ и, по мѣрѣ того какъ постепенно развертывался передъ нами нашъ путь и все труднѣе и труднѣе становилось пробираться каравану сквозь лѣсную чащу, мы все больше и больше убѣждались въ томъ, что впереди насъ ожидали лишь природныя затрудненія и борьба со стихіями.

Послѣдняя связь съ цивилизаціей была порвана. Впереди насъ ничего не было кромѣ горъ, лѣсовъ и огромныхъ, откры-

тыхъ дѣйствію вѣтра, плоскогорій. На исходѣ дня, расположившись въ первый разъ лагеремъ, при горѣніи головешекъ березняка и при видѣ нашихъ лошадей, пасущихся среди обильной травы, мы вдругъ ощутили снова то странное чувство удовлетворенія, которое хорошо знакомо и можетъ быть по достоинству оцѣнено лишь закоренѣлымъ путешественникомъ.

Къ востоку и къ югу отъ Кужебара, характеръ мѣстности рѣзко мѣняется. Отъ опушки лѣса, расположеннаго вблизи деревни, съ небольшой возвышенности, образуемой передовыми холмами, становится уже отчетливо виднымъ Саянскій хребетъ. Здѣсь, по сверкающимъ издали обнаженнымъ утесамъ, возвышающимся надъ безконечнымъ моремъ густого мрачнаго лѣса, мы получили первоначальное представленіе о сѣверныхъ склонахъ Монгольскаго плоскогорья. Несмотря на свою незначительную высоту, утесы эти поражаютъ воображеніе, въ особенности послѣ безконечно монотоннаго ландшафта сибирскихъ равнинъ. Ласкающіе глазъ луга по берегамъ струящагося Амыла, служатъ яркимъ фономъ огромнымъ пространствамъ сосноваго лѣса, виднѣющагося въ отдаленіи, а за полосою этого лѣса взоръ невольно приковывается къ бѣлымъ снѣжнымъ полямъ и зазубреннымъ вершинамъ главныхъ горныхъ хребтовъ. До водораздѣльной линіи хребта, напрямикъ насчитывалось отсюда около 40 миль, но чтобы пройти эти 40 миль, потребовалось затратить, даже и въ самое благопріятное время года, ровно четверо сутокъ; принимая же во вниманіе снѣгъ и разлившіяся рѣки, мы не разсчитывали достичь вершинъ хребта ранѣе 10 сутокъ и притомъ при условіи самаго быстраго и напряженнаго хода.

Саянскія горы тянутся подъ этимъ наименованіемъ на разстояніи отъ 300 до 400 миль, вдоль всего сѣвернаго края Енисейскаго бассейна. Хребетъ точно глухой барьеръ только въ одномъ концѣ образуетъ узкое отверстіе называемое „Кемчикъ Бомомъ“, черезъ которое протекаютъ въ предѣлы сибирскихъ равнинъ капризныя воды главныхъ источниковъ Енисея. Несмотря на незначительную высоту хребетъ этотъ не лишенъ замѣчательныхъ физическихъ особенностей. Длиннаго, непрерывнаго и правильнаго водораздѣльнаго хребта, какъ это обычно

указывается на географическихъ картахъ, въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, такъ какъ Саянскія горы состоятъ изъ неровной линіи разъединенныхъ возвышенностей, которыя препятствуютъ развитію торговыхъ сношеній и затрудняютъ землемѣру работу по опредѣленію истиннаго направленія хребта.

Какъ уже упоминалось выше, главный хребетъ находится приблизительно на разстояніи 40 миль отъ Кужебара, причемъ все пространство между ними заполнено какъ отдѣльными вершинами, такъ и цѣлыми хребтовыми отрогами горъ. Отдѣльные отроги эти случайно достигаютъ иногда высоты, равной высотѣ главнаго хребта. Араданскій хребетъ, напримѣръ, насчитываетъ до 8000 тысячъ футовъ въ вышину, а для путешественника слѣдующаго отъ Минусинска къ югу онъ представляетъ по счету вторую преграду, которую приходится предварительно переодолѣть прежде чѣмъ добраться до главнаго водораздѣла. На своемъ пути мы во многихъ мѣстахъ пользовались Амыльской долиной, но даже и при этихъ условіяхъ намъ приходилось неоднократно пересѣкать разные поперечные хребты и взбираться на горный выступъ, носящій наименованіе Хакердокъ. Затѣмъ мы должны были прежде чѣмъ начать подниматься на настоящій Саянскій водораздѣлъ, еще разъ спуститься въ долину Верхняго Амыла. Изъ этого описанія видно, что пути, по которымъ приходится пробираться съ сѣвера къ Саянскому хребту весьма трудны и запутаны. Путешественнику при составленіи маршрута не слѣдуетъ здѣсь обращать вниманіе только на одно дѣйствительное разстояніе. Мы можемъ предпочтительно рекомендовать ему возможно полнѣе учитывать характерныя особенности той мѣстности, по которой ему предстоитъ проходить.

Нашъ путь вначалѣ лежалъ вдоль сѣвернаго берега рѣки Амыла, вплоть до мѣстечка, называемаго Петропавловскомъ, на которомъ какой-то рыбакъ выстроилъ себѣ хижину и самую мѣстность назвалъ такъ въ честь самого себя. Затѣмъ путь перекидывался на южный берегъ рѣки въ предѣлахъ болѣе всхолмленной мѣстности, по которой мы и достигли верховьевъ Амыла, причемъ рѣка эта здѣсь течетъ совершенно вплотную и параллельно Саянскому хребту. Перейдя рѣку въ ея верхнемъ теченіи, мы

Лагерь въ „тайгѣ".

Отправленіе изъ Кужебара.

направились по одному изъ притоковъ къ самому гребню Саянъ.

Начальные дни путешествія оказались и наиболѣе для насъ трудными; въ самомъ дѣлѣ первая встрѣча съ тайгою не могла не показаться намъ сплошнымъ испытаніемъ, столкновеніемъ съ природой, которое намъ когда либо приходилось раньше переживать. Напряженныя заботы по управленію караваномъ, по поддержанію рабочей дисциплины въ людяхъ и по обезпеченію имъ довольствія для избѣжанія недоразумѣній, все это должно было оказывать свое дѣйствіе на насъ, вмѣстѣ съ физической усталостью, которую мы испытывали, принужденные продираться сквозь сплошную чащу, при переходѣ вбродъ черезъ топи и при сраженіи съ безчисленнымъ множествомъ необычайно прожорливой мошкары. Первый этапъ нашего путешествія отъ Кужебара до Петропавловска насчитывалъ всего 26 миль разстоянія, но былъ нами пройденъ только въ пять сутокъ. Эти 26 миль особенно изобиловали самыми, казалось, раздражающими трудностями. Намъ удавалось подниматься по утрамъ въ дальнѣйшій путь сплошь и рядомъ лишь послѣ трехъ и четырехъ часовой возни съ лошадьми и ихъ тюками; часто также этой вознѣ должна была предшествовать погоня по окружающей чащѣ за лошадьми, которыя разбредались; дѣло обычно кончалось переупаковкою и новымъ навьюченіемъ, на что приходилось затрачивать также неимовѣрное количество труда и такъ продолжалось въ теченіе круглаго дня. Кладь не столько времени находилась на спинахъ лошадей, сколько послѣднія были свободными отъ нея, а продолжительное шествіе въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени съ полнымъ комплектомъ лошадей случалось рѣдко, такъ какъ нѣкоторыя лошади все время сбивались съ пути. При крутыхъ подъемахъ на хребты и при постепенныхъ спускахъ съ нихъ по другую сторону, мы предпочитали даже переносить товаръ на рукахъ, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ путь этотъ можно назвать путемъ только когда то вѣроятно бывшимъ доступнымъ для лошадиной перевозки.

На второй день путешествія намъ попались рѣчки правда маленькія, но все же достаточно глубокія для перехода черезъ

нихъ въ бродъ. Тутъ мы имѣли случай поздравить себя съ тѣмъ, что рѣшились взять съ собою нашу складную лодку; несмотря на насмѣшки сибирскихъ гребцовъ, которые съ недовѣріемъ относились къ парусиновой лодкѣ и никакъ не могли себѣ представить, чтобы она оказалась пригодною для практическаго употребленія, мы благополучно въ теченіе двухъ часовъ переправили съ ея помощью наше снаряженіе черезъ тинистую рѣчку—Богартъ.

Лошади плыли по теченію, и по выходѣ на противоположный берегъ мы постарались быстро упаковаться, чтобы успѣть продолжать свой путь до наступленія темноты. Парусиновая лодка, образца „Акордіанъ“ путешествовала съ нами на всемъ пути до Кульджи въ Туркестанѣ. Въ виду недостатка времени и подходящаго случая, намъ не удалось использовать ее въ томъ направленіи, въ какомъ мы предполагали это сдѣлать. Тѣмъ не менѣе она намъ очень пригодилась въ нѣсколькихъ, подобныхъ описанному, случаяхъ; была она сложена въ видѣ двухъ тюковъ, составлявшихъ легкую ношу для одной лошади; эти тюки складывались съ такимъ расчетомъ, что лодку всегда можно было привести въ годный для употребленія порядокъ въ нѣсколько минутъ. Обычно мы были въ состояніи переправлять черезъ рѣчку единовременно не менѣе четырехъ тюковъ, а будучи хорошо управляемой лодка наша могла поднять даже трехъ человѣкъ; однако вслѣдствіе своей легкой постройки представлялось не безопаснымъ пользоваться ею при переправахъ при сильномъ бурномъ теченіи.

Перейдя рѣку Богартъ, мы вступили въ зону исключительно густого лѣса, настоящую дѣвственную тайгу, самаго первобытнаго вида, въ которой деревья хотя и не отличались размѣрами, но зато росли на очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, почва оказалась покрытой мягкой моховой постелью и сырой дерновой порослью. Съ чувствомъ полной неувѣренности мы слѣпо погрузились въ это огромное море, задыхающейся растительности, въ эту, способную надоѣсть, тайгу, скрывавшую отъ насъ всякое представленіе о разстояніи, парализовавшую силы, связывавшую намъ руки и

преграждавшую намъ поминутно путь, какъ бы съ явнымъ свирѣпымъ намѣреніемъ заставить во что бы то ни стало повернуть обратно непрошенныхъ гостей. Намъ сопутствовало подавляющее чувство мощи природы, которое оказывало сильное на насъ вліяніе и порою казалось чистымъ безуміемъ бороться съ этимъ чувствомъ. Лошади были безцѣльны, багажъ ненужнымъ и громоздкимъ, а сами мы казались себѣ пигмеями, ощущая полное свое ничтожество по сравненію съ гигантскимъ окружающимъ насъ лѣсомъ. Мы принадлежали, однако, къ той категоріи людей, которыхъ величайшія причуды природы скорѣе вдохновляютъ, нежели подавляютъ, и описываемые первые дни борьбы, сильно дѣйствовали на наше воображеніе, подбадривая насъ лишь въ одномъ направленіи—въ желаніи неуклонно двигаться впередъ.

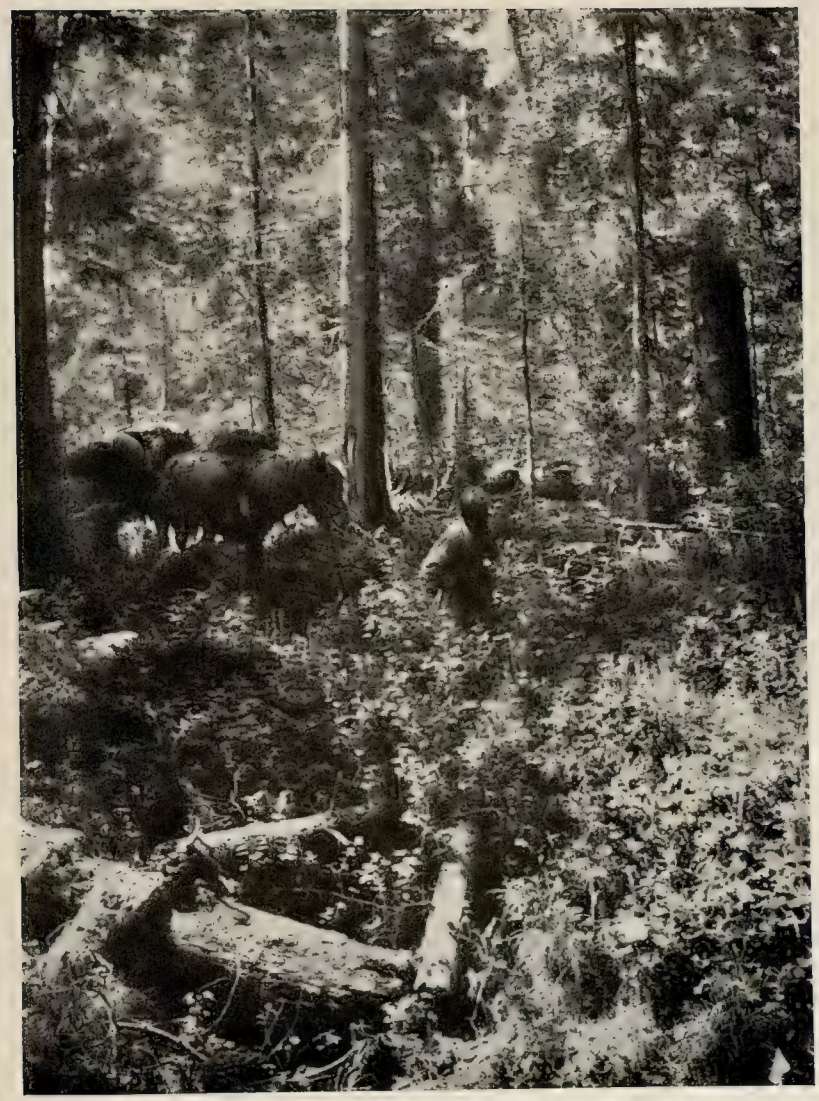
Природа здѣсь проявила дьявольскую изобрѣтательность въ нагроможденіи всевозможныхъ преградъ на пути всякаго, кто пожелалъ бы заняться изслѣдованіемъ ея дикихъ пространствъ. Попыткѣ человѣка двигаться впередъ мѣшаютъ, здѣсь растительность, какъ живая такъ и отмершая, стремительные потоки ручьевъ, глубокія стоячія озера и предательскія топи. Всѣ эти трудности внушаютъ къ себѣ уваженіе, привѣтствуются и имъ съ радостью противостоятъ лицомъ къ лицу истые обожатели природы. Онѣ кажутся вполнѣ обычными въ повседневномъ представленіи людей, которымъ приходится проводить время въ обстановкѣ далеко отъ какихъ бы то ни было зачатковъ цивилизаціи. Путешествіе безъ такихъ испытаній было бы только слабой удачей, едва ли достойной всего предпріятія.

Достигнувъ Черной рѣки, маленькаго притока рѣки Амыла путь нашъ оказался прегражденнымъ глубокимъ и быстрымъ потокомъ. Это обстоятельство заставило насъ повернуть въ сторону и слѣдовать вдоль берега—по еще болѣе запутанному лѣсу. Вплоть до сего момента мы проходили большею частью по смѣнявшимъ другъ друга хребтамъ, гдѣ холмистый рельефъ способствовалъ быстрому стоку водъ, вслѣдствіе чего почва оказывалась здѣсь болѣе или менѣе сухой. Но теперь намъ

встрѣтился „заболоченный лѣсъ“ или настоящая „тайга“ — какъ обычно именуютъ такіе лѣса въ Сибири. Несмотря на героическія усилія, караванъ нашъ подвигался впередъ со скоростью не болѣе одной версты въ часъ, и самое движеніе сопровождалось огромными затрудненіями. Въ размягченной почвѣ увязали наши вьючныя животныя, поваленные стволы деревьевъ встрѣчавшіеся на пути заставили насъ побросать не мало тюковъ, а сплошной стѣной растущія деревья вынуждали постоянно прибѣгать для расчистки прохода лошадямъ къ содѣйствію топора.

Путешествіе представляло изъ себя необыденное чарующее испытаніе. Безконечная, молчаливая, мрачная и дернистая лѣсная чаща, окружала насъ со всѣхъ сторонъ. Мы видѣли передъ собою только гирлянды порослей и молодой лѣсъ, пробивающійся надъ поваленными стволами крупныхъ деревьевъ, полностью обросшихъ мхомъ, валявшихся на нашемъ пути, другъ на другѣ, возрастами до трехъ генерацій, и крайне ненадежныхъ для перехода черезъ нихъ. Вокругъ насъ царила непривѣтливая атмосфера лѣсной чащи, надъ нами свисали съ сучьевъ, украшающіе деревья лишаи, выдѣлявшіеся своею бѣлой сѣдиной на темномъ фонѣ хвои. Мы пріобрѣли чрезвычайную чуткость къ страннымъ контрастамъ жизни и смерти, будучи свидѣтелями какъ вѣковая тишина внезапно нарушалась здѣсь звукомъ топора, расчищавшаго намъ дальнѣйшій путь и людскими криками, ободрявшими лошадей, причемъ живые звуки эти отдавались эхомъ среди величавыхъ сосенъ. Глубокое впечатлѣніе произвели на меня эти полные напряженнаго вниманія и усилій дни — дни, въ теченіе которыхъ нашему каравану приходилось пробираться впередъ среди никѣмъ еще не потревоженнаго до насъ пространства.

Вдругъ мы очутились возлѣ заболоченной ложбины, представлявшей изъ себя не то озеро, не то лѣсъ, такъ какъ растущія деревья на ней стояли погруженными своимъ основаніемъ болѣе чѣмъ на одинъ футъ въ стоячую воду, поваленные древесные стволы безпомощно были раскиданы по ея поверхности, что почти исключало возможность дальнѣйшаго нашего



Путь сквозь густую „таежную“ чащу.

движенія впередъ. Топь эта казалась настолько фантастически загадочной, что если бы изъ нея вдругъ выглянуло на насъ, незванныхъ гостей, поднявъ надъ водою свою змѣиную голову, какое нибудь доисторическое чудовище, въ родѣ блестящей своей чешуей амфибіи, это не показалось бы намъ вовсе страннымъ; мы бы сказали только, что присутствіе здѣсь такого чудовища, вполнѣ соотвѣтствуетъ всему тому, что насъ здѣсь окружаетъ и что его пребываніе здѣсь, конечно, гораздо болѣе понятно, чѣмъ наше.

Наши люди усердно и молча работали въ теченіе этихъ полныхъ испытанія блужданій. Своеобразный характеръ піонеровъ тайги, явно обнаруживался въ ихъ неповоротливомъ, медленномъ, трудолюбивомъ и неукротимомъ расположеніи духа, которое, несмотря ни на какія затрудненія, заставляетъ пробираться слѣпо и упрямо впередъ. Я ясно припоминаю наше движеніе по одной очень скверной поверхности длиною, всего не болѣе 200 ярдовъ, для преодолѣнія которой намъ потребовалось потратить около двухъ часовъ времени; не успѣвала одна какая нибудь упавшая лошадь стать на ноги и быть разгруженной, какъ падала ужъ другая, причемъ приходилось неоднократно, для освобожденія лошадей отъ стѣснявшихъ ихъ тюковъ, перерѣзать веревки. Я вспоминаю, какъ мы, съ наступленіемъ сумерокъ, истощенные, обычно бросались на землю, предоставляя въ такія минуты лошадямъ полную свободу дѣйствій. Но это заставляло насъ съ наступленіемъ утра предпринимать тягостную за ними погоню, на разстояніи иногда нѣсколькихъ миль по окружавшей насъ лѣсной чащѣ. Ночи, также не были особенно пріятными; въ продолженіи ихъ мы не могли располагать даже малѣйшимъ признакомъ комфорта, изъ-за обилія главнымъ образомъ лѣсной мошкары. Нашъ лагерь представлялъ изъ себя, чаще всего безформенное зрѣлище, сваленнаго въ кучу багажа и одной или двухъ палатокъ, окруженныхъ дюжиной мелкихъ лагерныхъ костровъ, отъ которыхъ поднимался, благодаря умышленному покрыванію огня свѣжей зеленой травою, удушливый дымъ, заволакивавшій мѣсто нашей стоянки. Мы всегда находились въ разногласіи относительно

того, что для насъ представлялось болѣе выгоднымъ—предупрежденіе ли случайности, или же перспектива необходимости избавляться отъ нея; раздѣлялись мы на двѣ партіи: одну,— предпочитавшую дымъ мошкарѣ и другую—мошкару дыму.

Благодаря сверхчеловѣческой работѣ топорами, выполнять которую взялся Миллеръ, а также путемъ дружескихъ усилій всей партіи, караванъ нашъ безъ всякихъ потерь и бѣдствій пробрался сквозь эту, лишенную дорогъ зону, до сравнительно хорошо извѣстнаго поселенія Петропавловскаго. Въ одинъ прекрасный день, мы вдругъ случайно набрели на хорошо расчищенную дорогу. Прослѣдовавъ по ней на протяженіи нѣсколькихъ миль, насъ ободрили донесшіеся издали звуки пѣтушинаго крика и рева скота. Къ вечеру намъ удалось выйти изъ лѣса къ берегамъ рѣки Амыла и мы увидѣли передъ собою обычнаго типа русскія избы и были радушно встрѣчены пріютившимися здѣсь сибиряками—рыболовами. Съ помощью мѣстныхъ лодочниковъ, на слѣдующій день мы совершили переходъ черезъ рѣку Амылъ. Лошади плыли по теченію и выбрались на южный берегъ рѣки, отнесенныя внизъ болѣе, чѣмъ на четверть мили. Кладь была перевезена черезъ рѣку въ выдолбленныхъ лодкахъ, которыми лодочники управляли изумительно искусно, несмотря даже на высокую, въ это время года, воду. Транспортировка клади потребовала совершить восемь переправъ, такъ что только къ вечеру нашей экспедиціи въ полномъ составѣ удалось лагеремъ расположиться уже на противоположномъ берегу рѣки. Рѣка Амылъ въ этомъ мѣстѣ достигала въ ширину отъ ста восьмидесяти до двухсотъ ярдовъ и текла единымъ протокомъ. Начиная отъ этого мѣста, путешествіе наше пошло уже гораздо быстрѣе, несмотря на то, что намъ и здѣсь все еще приходилось слѣдовать сушей вмѣсто того, чтобы съ удобствомъ пользоваться водою. Мы получили возможность быстрѣе двигаться потому, что эта часть пути представляла уже хорошо открытую и вполнѣ проходимую мѣстность.

Видъ окружающей мѣстности теперь замѣтно измѣнился. Густое, непрерывное лѣсное пространство смѣнилось большими пространствами естественныхъ луговъ. Съ выдающихся вер-

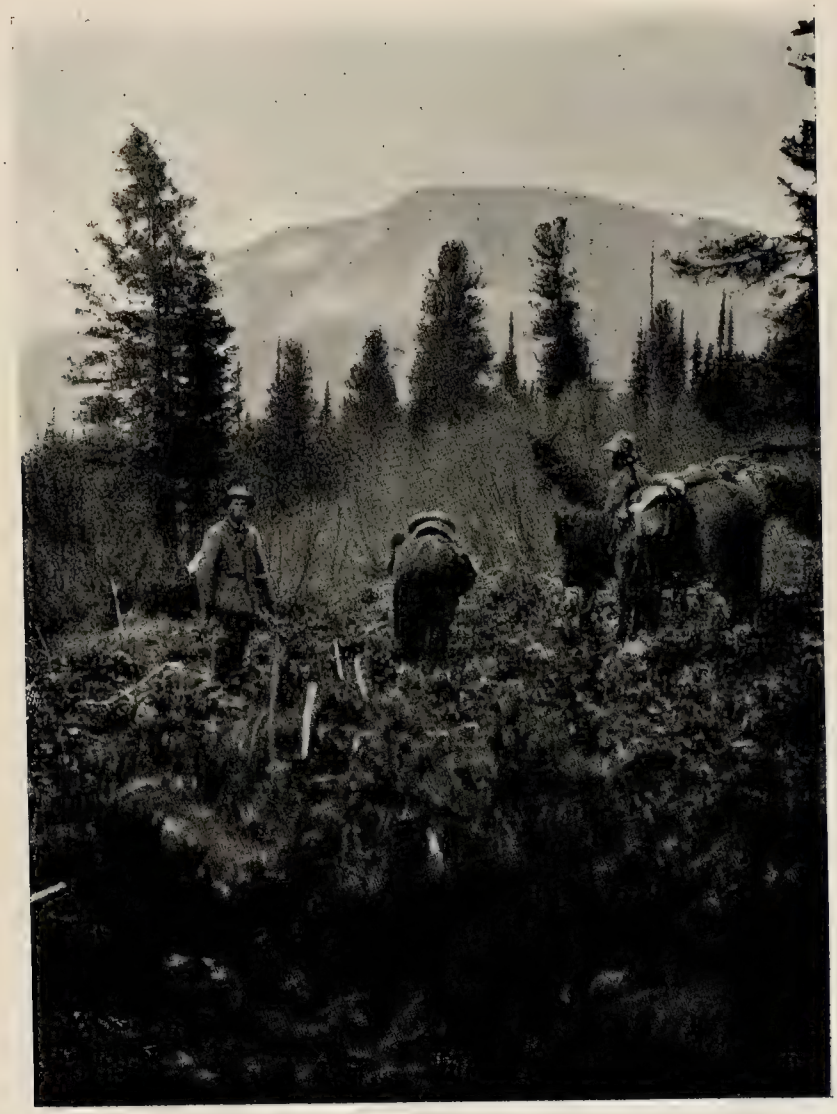
шинъ,—такъ какъ теперь намъ опять приходилось взбираться на горные хребты и снова спускаться съ нихъ, мы видѣли приблизительно столько же открытыхъ пространствъ, сколько и залѣсенныхъ. Эти прогалины были покрыты прекрасной травою, многочисленными цвѣтами и окаймлялись неизмѣнно темными полосами лѣса. Намъ удалось запечатлѣть нѣсколько великолѣпныхъ видовъ этихъ открытыхъ луговъ. Къ сѣверу отъ насъ возвышалась дикая волнистая гряда холмовъ, тянущаяся вдаль къ виднѣвшимся на нѣкоторомъ разстояніи высокимъ вершинамъ, окутаннымъ облаками, такъ, что только съ трудомъ можно было различить лежавшій на нихъ снѣжный покровъ. Впечатлѣніе отъ поднятія вверхъ и отъ постепеннаго освобожденія отъ подавляющей тѣснины лѣса было самое презабавное. Въ теченіе слѣдующихъ дней, мы достигли высоты двухъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и въ концѣ концовъ перевалили черезъ хребетъ Хокерокъ, на высотѣ 3.200 футовъ. Здѣсь мы наткнулись на снѣгъ, который глубоко лежалъ между соснами, росшими по гребню хребта, причемъ проводить караванъ пришлось во избѣжаніе происшествій, съ большой осторожностью и весьма умѣло.

Когда мы снова вышли къ рѣкѣ Амылу, то обнаружили, что величина его здѣсь значительно сократилась: шириной онъ былъ здѣсь отъ 80 до 100 ярдовъ, а водное его пространство представлялось совсѣмъ незначительнымъ. Только одинъ болѣе или менѣе крупный притокъ впадаетъ въ рѣку Амылъ между этимъ мѣстомъ и Петропавловскомъ. Называется онъ Кандатомъ; эта послѣдняя рѣка въ дѣйствительности оказалась гораздо шире, чѣмъ ее до сихъ поръ принято было изображать.

Нѣсколькодневное путешествіе по лѣснымъ пространствамъ, съ переправами черезъ рѣчки, привело насъ къ подножію главнаго хребта — Саянъ. Теперь только начали мы ощущать истинный характеръ этихъ любопытныхъ горъ. Лишь достигнувъ этого мѣста для насъ стало очевиднымъ, что топографія Саянъ весьма отличается отъ обычно приписываемой имъ топографіи, а касающіяся этихъ горъ подробности ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствуютъ изображенію ихъ на суще-

ствующихъ картахъ. Передъ нами открывался низкій, закругленный, покрытый лѣсомъ хребетъ не отличающійся ни суровыми вершинами, ни сугробами снѣга, ни голыми скалистыми глыбами, ни, наконецъ, наличностью почвъ, которыя бы лежали выше зоны лѣса. Мы прослѣдовали черезъ дѣйствительный водораздѣлъ этого хребта, расположенный на высотѣ 4.524 футовъ надъ уровнемъ моря, причемъ путь нашъ шелъ по небольшому ущелью (Алжіакскій проходъ), расположенному между залѣсенными холмами. Немудрено, при такихъ условіяхъ, что никакой широкой панорамы позади этого водораздѣла не открылось нашимъ жаднымъ взорамъ. Саянскій хребетъ вообще не представляетъ изъ себя высокой возвышенности и отличаясь въ этой части замѣчательнымъ изломомъ цѣпи, образуетъ три или четыре прохода, причемъ всѣ они лежатъ на незначительной высотѣ. Далеко на востокѣ и западѣ мы замѣтили болѣе высокія вершины и случайныя прерывающіяся возвышенности, которыя и составляютъ отличительную особенность Саянскихъ горъ.

Въ отличіе отъ приплюснутости главнаго хребта въ этой центральной его части возвышалась вдали надъ лѣсомъ единственная, одиноко стоящая, горная вершина. Мы свернули съ нашего прямого пути въ лѣсную чащу и направились опять таки въ слѣпую впередъ, по направленію къ замѣченной нами, убѣленной снѣгомъ, вершинѣ. Всѣ наши надежды сосредоточились на ней; мы разсчитывали, что этой вершинѣ суждено увѣнчать цѣль нашего путешествія и что съ нея, въ концѣ концовъ, мы сможемъ заглянуть внизъ въ тотъ загадочный бассейнъ Верхняго Енисея, который составлялъ въ настоящій моментъ предметъ самыхъ острыхъ нашихъ вожделѣній.



Приближеніе къ Саянскому хребту.

ГЛАВА IV.

Бассейнъ Верхняго Енисея [1]).

Небольшая, сравнительно, высота Саянскаго хребта сильно ослабила въ нашихъ глазахъ обаяніе волшебства, связаннаго съ уединенностью бассейна Верхняго Енисея, который лежалъ теперь распростертымъ передъ нами. Оказалось, что въ предѣлы скрытой внизу долины возможно пробраться даже не карабкаясь на тянущіеся къ небу хребты или трудные горные перевалы. Саянскій хребетъ не производитъ впечатлѣнія крупнаго непроходимаго барьера хотя, правда, уединенность позади него лежащаго бассейна безусловно полная. Уединенность эта вѣроятнѣе всего объясняетея необозримыми пространствами лѣсной зоны, которая, пожалуй, вѣрнѣе горныхъ хребтовъ охраняетъ неприкосновенность этого таинственнаго района.

Отправивъ главную часть нашего каравана впередъ ожидать нашего прибытія на берегахъ Верхняго Сисги-Кема, Миллеръ, Прайсъ и я, въ сопровожденіи двухъ русскихъ, направились наугадъ сквозь лѣсную чащу, съ намѣреніемъ держаться насколько было возможно прямо по направленію къ вершинѣ, избранной нами въ качествѣ маяка. Въ глубинѣ лѣса, однако, не легко было отыскивать дорогу и намъ приходилось неоднократно для оріентировки взлѣзать на высокія деревья и съ верхушекъ ихъ сообщать находившимся внизу людямъ объ

---

[1]) Глава, въ которой описываются физическія особенности бассейна р. Верхняго Енисея, интересна лишь исключительно для географовъ, а потому можетъ быть пропущена читателемъ.

истинномъ положеніи намѣченной нами цѣли. По виднѣвшимся вдали снѣгамъ, рѣзко выдѣлявшимся на темномъ фонѣ сосенъ, намъ часто при этомъ приходилось обнаруживать, что мы совершенно сбились съ истиннаго пути, и это заставляло насъ дѣлать большіе крюки. Только поздно къ вечеру намъ удалось, наконецъ, выбраться изъ лѣсной чащи, на возвышенные луга, покрытые высокими (до колѣнъ) травами. На слѣдующій день мы вскарабкались по склонамъ, усѣяннымъ молорослыми рододендронами до откосовъ, устланныхъ только мхомъ и лишаями, за которыми уже вздымались лишь скалистые массивы, оканчивавшіеся покрытой снѣгомъ вершиной.

Мы сторицею были вознаграждены за перенесенныя лишенія въ теченіе одиннадцатидневнаго путешествія по безотрадной лѣсной чащѣ, совершенно скрывавшей кругозоръ, когда, наконецъ, взобрались торжествующіе на вершину горы, гордо царящую надъ безпредѣльнымъ лѣснымъ моремъ и въ первый разъ взглянули внизъ на полный романтизма районъ, лежавшій вдали у нашихъ ногъ. По формѣ гора напоминала столъ. Ея плоская верхушка состояла изъ смѣси гранитныхъ глыбъ. Мохъ, лишаи и мелкорослые рододендроны росли здѣсь даже на самой верхней части горы въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, гдѣ еще имѣлся кое-какой почвенный слой. Позади и впереди насъ тянулись длинныя пространства прелестной луговой мѣстности, пестрѣвшей ковромъ дикихъ цвѣтовъ, красиво оттѣняемыхъ линіями темнаго лѣса, наряду съ еще лежавшимъ зимнимъ снѣгомъ; мѣстами нѣтъ — нѣтъ выглядывала серебрящаяся лента какой нибудь извилистой рѣки, а далеко впереди взгромождались скалистыя вершины невѣдомыхъ хребтовъ.

Ландшафтъ представлялъ изъ себя полный контрастовъ этюдъ, изобиловавшій красками но все же недостаточно привлекательный въ цѣломъ. Ничего нельзя представить себѣ болѣе монотоннаго нежели безконечныя пространства непрерывнаго лѣса, болѣе великолѣпнаго нежели украшенные цвѣтами луга и болѣе поразительнаго нежели обнаженныя, зазубренныя горныя вершины, неожиданно выглядывающія изъ глубинъ лѣса.

Глядя на угрюмый своей монотонностью ландшафта лѣсъ, начинаешь испытывать, по мѣрѣ, того, какъ глазамъ постепенно открываются перебрасывающіяся съ хребта на хребетъ задерненныя чащи и безконечныя, тянущіяся вплоть до предѣловъ видимаго горизонта лѣсныя поросли — чувство чего то отталкивающаго и непріятнаго. Сотни миль безплодной песчаной пустыни далеко не кажутся такими безотрадными. Видъ пустыни не производитъ на путешественника впечатлѣніе такого безнадежнаго однообразія. Тамъ глазъ испытывающе пронизываетъ даль, человѣка въ пустынѣ очаровываютъ и опьяняютъ обиліе свѣта, красокъ и самый просторъ: присущая загадочность пустыни привлекаетъ, а ея воздухъ укрѣпляетъ нервы. Наоборотъ, видъ тайги, этого заболоченнаго сѣвернаго лѣса—подавляетъ въ самомъ зародышѣ всѣ эти переживанія.

Безконечные ряды сосенъ (елей), съ ихъ полными печали, отвисло поникшими очертаніями и пониженный характеръ ландшафта, производятъ тяжелое впечатлѣніе и невольно вызываютъ чувство угнетенія, подавленности. Глазъ отдыхаетъ здѣсь только при видѣ случайныхъ зазубренныхъ массивовъ, покрытой снѣгомъ скалы или утеса, которые производятъ впечатлѣніе внезапно выброшенныхъ изъ глубины лѣса, по направленію къ небу, горъ на такую вышину, на которой уже не могутъ расти деревья и гдѣ голыя скалы царятъ безраздѣльно. Въ теченіе долгаго времени любовались мы открывшимся передъ нами видомъ, съ жадностью пожирая глазами отличительныя особенности ландшафта. Наше очарованіе таинственностью неизученной страны, лежавшей передъ нами, было настолько велико, что мы забыли даже объ опредѣленіи гипсометрическимъ компасомъ относительныхъ высотъ наиболѣе выдающихся вершинъ, возвышавшихся преимущественно на востокѣ и о записи гипсометрическихъ данныхъ высотъ мѣста надъ уровнемъ моря. Далеко на западѣ виднѣлись высочайшія вершины Араданской и Усинской горныхъ группъ: на востокѣ на разстояніи нѣсколькихъ миль, возвышались другія вершины, принадлежавшія безъ сомнѣнія главному Саянскому хребту. Нелегко было, однако, разобраться здѣсь въ расположеніи

рельефа. Большого труда стоило прослѣдить водораздѣльную линію, такъ какъ возвышенности представлялись чрезвычайно изломанными и разрозненными, а второстепенные шпицы и хребты въ безпорядкѣ возвышались то тамъ, то сямъ, отличаясь нерѣдко даже значительно большей высотою надъ уровнемъ моря, нежели самый водораздѣлъ. Увѣнчанные снѣгомъ хребты на востокѣ и сѣверо-востокѣ, которые мы только и могли ясно различить, въ особенности, привлекали наше вниманіе, такъ какъ мы знали, что они представляютъ изъ себя первую ступень „новой земли", весь же районъ въ цѣломъ взятый до сихъ поръ остается еще страной, гдѣ „горы не имѣютъ вовсе наименованій, а рѣки текутъ Богъ вѣсть куда".

Впервые брошенный взглядъ на бассейнъ Верхняго Енисея произвелъ на меня совершенно неожиданное впечатлѣніе. Я сразу понялъ, что районъ этотъ, будучи составной частью Китайской имперіи, по своему характеру представляетъ, несомнѣнно настоящую Сибирь. Онъ служитъ интегральной частью Сибири, съ системой рѣкъ, текущихъ черезъ послѣднюю на пути къ Сѣверному Ледовитому океану, частью, отличающеюся условіями (по крайней мѣрѣ на томъ протяженіи, которое отсюда открывалось нашимъ взорамъ съ сѣвера), а равно и климатомъ безусловно скорѣе сибирскими, нежели монгольскими. Въ орографическомъ отношеніи районъ этотъ естественно представляетъ изъ себя первую терассу монгольскаго плоскогорья, однако, такъ какъ Саянскія горы, не являются, въ сущности говоря, границей въ настоящемъ значеніи этого слова, то и сибирскія флора и фауна легко проникаютъ внутрь района черезъ хребты Саянъ и придаютъ бассейну совершенно сѣверный характеръ.

Въ физическомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, бассейнъ этотъ скорѣе принадлежитъ Россіи, нежели Монголіи, и неизбѣжное завладѣніе этимъ райономъ рано или поздно Сибирью можно легко себѣ представить. Какъ бы то ни было въ настоящее время бассейнъ политически составляетъ все же часть Монголіи, что указываетъ насколько полна все-таки его загражденность и изолированность отъ русской территоріи.

Въ силу топографическихъ сочетаній районъ этотъ болѣе связанъ съ Монголіей чѣмъ съ Сибирью. Однако успѣхи западной торговли должны будутъ постепенно преодолѣть естественныя трудности природной преграды и дѣло кончится вѣроятно тѣмъ, что районъ этотъ, рано или поздно, но войдетъ въ самыя тѣсныя сношенія съ Сибирью.

Здѣсь, говоря о вершинахъ Саянъ, умѣстно будетъ нѣсколько остановиться, чтобы вновь коснуться и тщательно отмѣтить физическія особенности этого интереснаго отдаленнаго района. При этомъ нѣтъ надобности придерживаться точнаго изложенія свѣдѣній въ формѣ какъ бы путевого дневника. Я хочу подѣлиться лишь собранными мною по частямъ свѣдѣніями, излагая ихъ въ строгой предметной системѣ, описывая полностью цѣлые отдѣлы, вмѣсто того, чтобы разбрасывать ихъ, какъ сѣятель разбрасываетъ зерна по пашнѣ, на пространствѣ всей книги, чего необходимо было бы придерживаться, если бы своей цѣлью я поставилъ себѣ точное изображеніе фактовъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они раскрывались постепенно передо мною по пути моего слѣдованія. Нижеприводимыя наблюденія надъ топографіей бассейна являются результатомъ всего нашего путешествія, на которое были нами затрачены слѣдующіе два мѣсяца.

Весь бассейнъ Верхняго Енисея представляетъ изъ себя площадь приблизительно въ 64.000 квадратныхъ миль и омывается двумя главными головными протоками Верхняго Енисея, а именно — Кемчикомъ и Улу-Кемомъ, изъ которыхъ послѣдній, въ свою очередь, составляется сліяніемъ двухъ рѣкъ — Куа-Кема и Бей-Кема. Вся оросительная сѣть бассейна собирается указанными рѣками въ одинъ протокъ и выводится затѣмъ черезъ узкій проходъ въ предѣлы сибирскихъ равнинъ. Въ топографическомъ отношеніи бассейнъ представляетъ изъ себя окруженный горами районъ отдѣленный на сѣверѣ отъ сибирской низменности, а на югѣ менѣе отчетливо отъ монгольскаго плоскогорья. Къ западу горная стѣна теряется среди кряжей Алтайскихъ горъ, а въ дальнемъ восточномъ углу обнимающія бассейнъ горныя преграды отдѣляютъ его отъ Бай-

кальскаго склона. Положеніе разсматриваемаго бассейна настолько своеобразно, что подробное описаніе его физическихъ особенностей представляется крайне необходимымъ для уразумѣнія того любопытнаго положенія, которое онъ въ настоящее время занимаетъ; географія района, подобнаго описываемому, служитъ наиболѣе существеннымъ факторомъ для сужденій о его климатѣ, фаунѣ, флорѣ, а также этнологіи. Характерной особенностью этого бассейна является его изолированность, причемъ своеобразной топографіей его мы должны прежде всего заняться для того, чтобы быть въ состояніи исчерпывающе разобраться затѣмъ въ природѣ и условіяхъ существованія племенъ, его населяющихъ.

Въ широкомъ смыслѣ, бассейнъ Верхняго Енисея составляетъ часть аеликаго восточно-азіатскаго плоскогорья. Онъ расположенъ внутри этого плоскогорья, ограниченнаго окружающими его приграничными хребтами, хотя, отличаясь нѣсколько пониженною, по сравненію съ собственно плоскогорьемъ, высотою надъ уровнемъ моря, онъ скорѣе служитъ переходнымъ звеномъ отъ сибирской равнины къ собственно монгольской возвышенности; его можно, пожалуй, разсматривать какъ самую пониженную терассу послѣдней. Въ самой своей низкой части бассейнъ возвышается надъ уровнемъ моря на 1656 футовъ, тогда какъ сибирская низменность, на разстояніи, приблизительно 30 миль отъ сѣверныхъ пограничныхъ хребтовъ—поднимается надъ уровнемъ моря только на 900 футовъ. На этой терассѣ берутъ свое начало главные истоки рѣки Енисея, отъ которыхъ въ недалекомъ разстояніи начинаются также истоки Селенги и Ангары, притока Енисея, съ той лишь разницей, что съ терассы они спускаются въ противоположную сторону, по направленію къ озеру Байкалу. Охваченныя и стиснутыя окружающими хребтами, они соединенными усиліями пробили себѣ глубокія борозды, выводящія всю оросительную систему водъ съ плоскогорья, путемъ болѣе или менѣе постепеннаго паденія въ предѣлы низменныхъ мѣстностей. Такова судьба всѣхъ рѣкъ, начинающихся въ предѣлахъ монгольскаго плоскорья или на его нижайшихъ терассахъ, которымъ приходится обычно прорѣзы-

вать свой путь сквозь глубокія и узкія ущелья по направленію къ нижележащимъ равнинамъ.

Съ орографической точки зрѣнія, пограничные хребты какъ бы то ни было представляютъ изъ себя чрезвычайно любопытное зрѣлище. Вплоть до самаго послѣдняго времени расположеніе этихъ хребтовъ изображалось въ видѣ отдѣльныхъ водораздѣловъ. Фактъ раздѣленія водъ системъ Сѣвернаго Ледовитаго и Великаго океановъ общеизвѣстенъ; но установить точныя границы этого раздѣленія въ дѣйствительности весьма трудно. Такъ какъ, однако, обозначеніе раздѣльной линіи, распредѣляющей воды, предназначенныя течь въ столь отдаленные другъ отъ друга океаны, все же крайне важно, практически-ясно, что такъ или иначе, но этотъ водораздѣлъ долженъ былъ найти себѣ отраженіе на географической картѣ. Вотъ почему гигантскіе водораздѣлы нерѣдко и создавались картографами по-просту, на-глазокъ, по вдохновенію. Изображеніе соразмѣрности высотъ надъ уровнемъ моря отдѣльныхъ хребтовъ, охватывающихъ описываемый бассейнъ и сѣверо-западную Монголію никогда еще не было практически осуществлено. Поэтому чрезвычайно трудно составить себѣ представленіе объ этихъ хребтахъ иначе какъ путемъ продолжительныхъ подъемовъ на нихъ и многочисленныхъ опредѣленій высотъ различныхъ точекъ. Попутно при этомъ какъ въ Саянскихъ горахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ на картѣ, изображающей пространства пройденныя нами въ теченіе нашего путешествія, мы неуклонно пытались уничтожать искусственныя демаркаціонныя граничныя линіи, и старались лишь дать возможно точное понятіе объ орографіи этихъ горныхъ хребтовъ. Эти *искусственныя* граничныя линіи какъ бы раздѣляютъ районъ, тогда какъ въ дѣйствительности никакого раздѣленія—на дѣлѣ не существуетъ. Мы старались изображать предѣлы внутренней Азіи, руководствуясь исключительно истинной, а не воображаемой географіей мѣстности. Карта приложенная къ настоящему тому претендуетъ быть болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ этого района.

Бассейнъ Верхняго Енисея можетъ быть грубо изображенъ

въ видѣ груши, расположенной своимъ узкимъ концомъ по направленію къ западу. Съ сѣвера Саянскій хребетъ ограждаетъ почти половину бассейна. Этотъ хребетъ сливается на западѣ съ системой Алтайскихъ горъ, а на востокѣ онъ теряется среди безъименныхъ хребтовъ, служащихъ водораздѣломъ бассейновъ озеръ Байкала и Кассогола. На югѣ хребетъ—Танну-Ола играетъ ту же самую роль, какую Саянскія горы играютъ на сѣверѣ. Только на востокѣ пограничные хребты представляются недостаточно характерными. Здѣсь можно наблюдать отступленіе отъ почти сплошного, тянущагося съ сѣверо-востока на юго-западъ направленія пограничныхъ хребтовъ азіатскаго плоскогорья причемъ, въ этомъ мѣстѣ, на протяженіи 120 миль, мы видимъ даже нѣчто въ родѣ разбитаго и вѣрнѣе даже безформеннаго водораздѣла, расположеннаго въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку.

Длина Саянскаго хребта опредѣляется въ 300—400 миль и согласно нашему наблюденію представляетъ изъ себя сложную цѣпь, крайне разнообразно составленную изъ послѣдовательныхъ рядовъ разъединенныхъ возвышенностей. Отсутствіе симметріи въ этихъ возвышенностяхъ, а равно и различіе въ структурѣ и въ расположеніи скалъ, дѣлаютъ эту цѣпь хребтовъ весьма неправильной. Въ видѣ непрерывнаго хребта Саянъ не существуетъ вовсе. Водораздѣлъ образуетъ огромные зигзаги, такъ что верхнія теченія рѣкъ, текущихъ отсюда къ сѣверу и югу, переплетаются нерѣдко одно съ другимъ. Главное направленіе цѣпи тянется все же съ юго-запада къ сѣверо-востоку, но по пути имъ встрѣчаются многочисленные отроги—второстепенные хребты — въ большинствѣ случаевъ своими изгибами направленные съ юго-востока къ сѣверо-западу, какъ, напримѣръ, Араданскія и Кандатскія горы, представляющія составныя части пограничныхъ хребтовъ; можно также указать на хребты Чапса, Тастанди и Огарка-Ола, изолированно возвышающіеся внутри бассейна. Саянскій хребетъ представляетъ изъ себя только незначительную часть сѣвернаго пограничнаго хребта великаго восточно-азіатскаго плоскогорья, простирающагося поперекъ всей Азіи отъ Каспійскаго до Охотскаго морей.

Южный пограничный хребетъ представляетъ изъ себя какъ бы южную стѣну, окаймляющую бассейнъ и обезпечивающую полную его изолированность. Возвышается онъ въ видѣ второй ступени главнаго монгольскаго плоскогорья, служа при этомъ попутно и водораздѣломъ между Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и внутренними самодовлѣющими бассейнами Монголіи. Этотъ хребетъ—Танну-Ола—расположенъ отчетливо въ направленіи съ востока на западъ и насчитываетъ въ длину болѣе 350 миль, отличаясь ровностью устройства, отсутствіемъ особо высокихъ вершинъ и низкихъ ущелій, а также болѣе или менѣе значительныхъ выступовъ и отроговъ.

Собственно говоря Танну-Ола представляетъ изъ себя хребетъ, отличающійся замѣчательно мягкимъ контуромъ. Его вершины плосковерхи, а склоны спускаются въ видѣ легкихъ терассовидныхъ покатостей. Въ среднемъ, вершины этого хребта достигаютъ 8.000 футовъ, а на перевалахъ высота опредѣляется 6.800 футами надъ уровнемъ моря. Подобно хребту, и самые перевалы также плосковерхи, а тропы, ведущія къ нимъ весьма легки для подъема. Мы переваливали хребетъ Танну-Ола только въ двухъ мѣстахъ, расположенныхъ притомъ въ западной его части; однако, согласно всѣмъ извѣстнымъ намъ отчетамъ, эта особенность хребта сохраняется на всемъ его протяженіи. Какъ можно будетъ видѣть изъ нашего описанія, хребетъ Танну-Ола отличается отъ Саянскихъ горъ, какъ по внѣшнему своему виду и климату, такъ и по фаунѣ и флорѣ. Двѣ главныхъ стѣны бассейна встрѣчаются на западѣ, въ Сайлюгемскомъ хребтѣ, образующемъ составную часть уже Алтайской группы. Здѣсь горы представляются болѣе грандіозными по величинѣ и вершины, которыя возвышаются на крайнемъ западномъ концѣ бассейна при истокахъ рѣки Кемчика, достигаютъ высоты болѣе 10.000 футовъ. Только на востокѣ встрѣчается горная стѣна, тянущаяся въ иномъ направленіи. Здѣсь, на значительномъ разстояніи водораздѣлъ проходитъ въ видѣ сплошной линіи съ юго-востока на сѣверо-западъ; какъ бы то ни было, но стѣна представляется полной,

такъ какъ и послѣдне-упомянутый горный массивъ достигаетъ высоты отъ шести до семи тысячъ футовъ и тоже соединяетъ безъ перерыва Саянскія горы на сѣверѣ съ горами Танну-Ола на югѣ.

Перечисленныя горы представляютъ изъ себя какъ бы крѣпостную ограду, которая предохранила бассейнъ отъ иноземнаго нашествія, сохранила скрытыя долины въ ненарушимой цѣлостности и обезпечила безопасное убѣжище для племенъ, оцѣнившихъ по достоинству ея защитныя свойства и хорошо использовавшихъ ея естественныя твердыни. Съ вершинъ южнаго пограничнаго хребта монгольскія орды, жадныя до завоеваній, внѣ сомнѣнія неоднократно бросали свои завистливые взоры внизъ на бассейнъ, но въ концѣ концовъ убѣждались въ томъ, что все это пространство, которое раскрывалось передъ ними, создано не для нихъ. Они смотрѣли на этотъ районъ, заполненный угрюмыми лѣсами и суровыми горами, въ равной мѣрѣ неудобными для нихъ подвижныхъ, привыкшихъ къ блужданіямъ по пустынѣ, номадовъ и затѣмъ обращались снова вспять въ свои открытыя степи и безграничныя плоскогорья, которыя всегда влекли ихъ въ направленіи къ западу. Болѣе предпріимчивые уйгуры все же проникли и въ концѣ концовъ прошли черезъ весь этотъ бассейнъ, соблазненные богатыми уединенно лежащими здѣсь равнинами. Ихъ недолговѣчное государство существовало, однако, внѣ предѣловъ бассейна и совершенно независимо отъ него.

Въ наши дни честолюбіе западныхъ государствъ останавливается передъ тѣмъ же самымъ барьеромъ и бассейнъ Верхняго Енисея до сихъ поръ остается нетронутымъ, одинаково избѣгаемый какъ китайцемъ, такъ и русскимъ. Природныя условія создали здѣсь политическую ситуацію и географія этого района болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что она всегда служитъ основой исторіи.

Займемся теперь изслѣдованіемъ внутренней части бассейна и постараемся отмѣтить то могущественное вліяніе, какое эта приграничная горная страна оказала на самый центръ этой уединенной мѣстности.

Прежде всего необходимо помнить, что поверхность бассейна, заключенная между пограничными хребтами не представляется гладкой равниной, но изрѣзана въ свою очередь зубчатыми хребтами, изгибы которыхъ тянутся съ востока на западъ или съ юго-востока на сѣверо-западъ. Особенно замѣчательна здѣсь одна главная возвышенность, а именно та, которая отдѣляется отъ Саянскихъ горъ у верховьевъ рѣки Уса и тянется затѣмъ черезъ весь бассейнъ по направленію къ востоку, теряясь въ восточномъ приграничномъ хребтѣ Шаржакъ—тайгѣ. Эта возвышенность подъ названіемъ Ташкиля, Синтайги, Арткола и Огарка-Ола, тянется почти непрерывной полосой, прерываемая лишь въ одномъ мѣстѣ замѣчательной трещиной тамъ, гдѣ рѣка Бей-Кемъ прорѣзывается сквозь горный массивъ черезъ узкое, но глубокое, ущелье.

Всѐ восточное пространство бассейна отъ мѣста сліянія рѣкъ Бей-Кема и Куа-Кема можетъ быть названо горной страною. Тутъ встрѣчаются широкія равнины по берегамъ рѣкъ и имѣются великолѣпныя, открытыя, волнистыя низменности въ районѣ верхняго Бей-Кема; однако, въ цѣломъ, восточная часть бассейна безусловно гориста, такъ какъ путешественникъ никогда не теряетъ здѣсь изъ вида хребтовъ обнаженныхъ скалъ, увѣнчивающихъ вершины всѣхъ возвышенностей, поднимающихся въ этихъ предѣлахъ надъ линіей лѣса. Центральная часть, и, въ особенности, лежащая къ югу отъ Улу-Кема и восточнаго Кемчика, представляетъ изъ себя болѣе открытую поверхность, районъ степей волнистыхъ низинъ и лишена какихъ либо горныхъ нагроможденій. Крайняя западная часть, а именно верховья Кемчика, снова представляетъ изъ себя горную страну, по характеру весьма схожую съ восточной частью бассейна.

Орографіей внутренней части бассейна разрѣшается весьма важный вопросъ о распредѣленіи здѣсь растительнаго покрова. Весь бассейнъ представляетъ изъ себя, несмотря на свое сравнительно незначительное пространство, весьма замѣчательную переходную зону—зону, которая ведетъ отъ Сибири къ Монголіи, отъ заболоченныхъ лѣсовъ къ безводному степному пространству. Говоря вообще, степныя пространства располо-

жены здѣсь преимущественно возлѣ южныхъ границъ и центральной части бассейна. Это обстоятельство отчасти зависитъ отъ высоты мѣста надъ уровнемъ моря, такъ какъ въ такомъ районѣ, гдѣ степи отчетливо захватываютъ постепенно лѣсную зону, засуха создающая такія условія, сказывается обычно прежде всего на земляхъ, лежащихъ въ болѣе низкихъ высотахъ.

Даже въ верхнихъ частяхъ бассейна намъ удавалось обнаруживать незначительныя, изолированныя пространства, находящіяся въ процессѣ обезлѣсенія и высыханія; но они всегда оказывались расположенными смежно съ берегами рѣкъ и почти всегда возлѣ устьевъ притоковъ, вливающихся въ главныя рѣки съ сѣвера. Особенно это бросается въ глаза возлѣ устьевъ правыхъ притоковъ рѣки Бей-Кема, гдѣ и сосредоточены наиболѣе очаровательныя, луговыя пространства, совершенно лишенныя крупнаго лѣса, извѣстныя подъ названіемъ Дора-Кемскихъ степей, расположенныхъ въ верхнихъ частяхъ рѣки Бей-Кема, которыя, будучи удалены отъ засушливаго района, тѣмъ не менѣе отличаются всѣми особенностями засушливой мѣстности. Сухіе, травянистые холмы и лиственничныя рощи растягиваются здѣсь, какъ бы въ противовѣсъ мокрымъ безлѣснымъ хребтамъ, которые окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Центральная степь тянется на нѣкоторомъ разстояніи вверхъ отъ рѣки Кемчика, но западнѣе Чеданской долины холмистая страна становится болѣе лѣсистой и мало благопріятной по своей высотѣ для образованія степныхъ пространствъ. Какъ бы то ни было, взятая въ цѣломъ западная часть бассейна значительно суше восточной.

Окидывая взоромъ цѣликомъ весь бассейнъ, мы можемъ схематически намѣтить нѣсколько главныхъ линій, служащихъ границами различнаго рода здѣсь растительности; по своему характеру бассейнъ представляетъ изъ себя постепенный переходъ отъ условій мокрыхъ мѣстностей къ мѣстностямъ болѣе сухимъ. Двигаясь въ направленіи съ сѣвера на югъ мало по малу наблюдается и рѣзкая перемѣна въ условіяхъ мѣстности. Влажныя, лѣсныя пространства исподволь начинаютъ уступать свое мѣсто болѣе сухой и отличающейся яснѣе выражен-

нымъ центрально-азіатскимъ характеромъ странѣ. Растительность становится менѣе обильной, лѣса преимущественно пріурочиваются къ сѣвернымъ склонамъ холмовъ и настоящій степной видъ принимаютъ долины, постепенно всползающія даже на склоны горъ, которыя тоже принимаютъ вполнѣ южный оттѣнокъ. Лѣсные инородцы, живущіе въ берестяныхъ вигвамахъ (шалашахъ), существуя исключительно своими оленями, смѣняются здѣсь скотоводами болѣе „засушливаго“ типа, пользующимися для устройства жилищъ войлочными палатками, которыя по способу ихъ устройства и пользованія можно назвать характерной эмблемой засушливаго климата. Здѣсь въ ходу даже нѣкоторые пріемы обработки земли, а вслѣдствіе большей легкости транспорта и сношеній, живущіе здѣсь люди производятъ впечатлѣніе менѣе безпечныхъ хозяевъ. Какъ можно видѣть изъ изложеннаго, незначительное по размѣрамъ и узкое пространство Енисейскаго бассейна отличается большимъ разнообразіемъ природныхъ условій.

Намъ остается теперь перечислить зоны и ихъ разграничительныя линіи. Прежде всего мы видимъ здѣсь Саянскія горы, характеризующіяся одинаковой степенью сырости какъ съ сѣвера, такъ и съ юга и покрытыя одной и той же растительностью по обоимъ склонамъ. Далѣе, къ югу, приблизительно на полпути между Алжіакскимъ проходомъ и устьемъ рѣки Систи-Кема начинаются лиственничные лѣса, что служитъ указаніемъ на происшедшую замѣтно перемѣну въ природныхъ условіяхъ, въ смыслѣ перехода къ болѣе сухому и болѣе солнечному климату. Другая линія, прорѣзающая весь бассейнъ поперекъ приблизительно вдоль 52-ой параллели, служитъ границей сѣвернаго края степной зоны района. Лѣса здѣсь начинаютъ пропадать, правда, сперва только по южнымъ склонамъ горъ. Холмы, напримѣръ, находящіеся по сосѣдству съ Уйукской долиной носятъ уже по южнымъ склонамъ типически азіатскій безплодный отпечатокъ; наоборотъ, сѣверные ихъ склоны сильно еще залѣсены.

Забираясь на обращенные къ сѣверу предгорные холмы южнаго пограничнаго хребта послѣ перехода по низменной,

сухой и безлѣсной центральной зонѣ намъ снова попались лѣса, которые, однако, оказались не такими густыми и рѣзко отличались по характеру отъ лѣсовъ Саянскихъ горъ. Здѣсь уже преобладаетъ лиственница, а сосновыя насажденія большею частью исчезаютъ. Достигнувъ вершинъ Танну-Ола, мы увидѣли передъ собою безграничныя пространства безплодной Монголіи во всѣхъ направленіяхъ, куда ни посмотрѣть, лишенной совершенно лѣсной растительности. Водораздѣлъ Танну-Ола образуетъ настоящую разграничительную линію между сибирской и монгольской флорами; однако, это положеніе можетъ быть принято лишь съ извѣстной оговоркой, такъ какъ различныя зоны очень капризно перемѣшиваются здѣсь между собою.

Въ давно прошедшія времена, описываемый районъ служилъ ареной одинаковыхъ съ Европой ледниковыхъ пертурбацій. Однако, представляется весьма вѣроятнымъ, что ледяной періодъ не отличался здѣсь такой суровостью, какъ бы это могло показаться съ перваго взгляда, что объясняется вліяніемъ огромнаго внутренняго воднаго бассейна, азіатскаго Средиземнаго моря, которое въ тѣ времена охватывало всю сѣверо-западную половину азіатскаго материка и простиралось отъ современнаго Ледовитаго океана до самой сердцевины Азіи— сильно вліяя на климатъ и дѣлая его болѣе мягкимъ, нежели гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Районъ плоскогорій, однако, долженъ былъ служить крупной ареной болѣе замѣтнаго обледѣненія, вслѣдствіе чего по отступленіи льда и по образованіи безчисленныхъ озеръ, возвышенная часть бассейна пріобрѣла типичный послѣ-ледниковый характеръ азіатской горной страны. Тибетское плоскогорье пережило такую же исторію и въ своемъ современномъ видѣ обнаруживаетъ аналогичныя съ описываемымъ бассейномъ особенности. Восточная или возвышенная часть бассейна представляетъ изъ себя въ виду этого озерную область, гдѣ безчисленныя водныя пространства, отличающіяся разнообразіемъ очертаній, спускаютъ свои воды при посредствѣ верхнихъ истоковъ въ рѣки Бей-Кемъ и Куа-Кемъ. Означенный, усѣянный озерами, районъ представляетъ изъ себя одну изъ характерныхъ мѣстностей всего описывае-

маго бассейна и отличается поразительной красотою. Объ его красотахъ и населеніи, а также объ изумительныхъ рыбныхъ ловляхъ, намъ придется еще подробнѣе говорить въ своемъ мѣстѣ.

На западныхъ склонахъ, расположенныхъ полукругомъ хребтовъ, образованныхъ загибами горъ Танну-Ола и Саянскихъ, по направленію къ хребтамъ Ержикъ и Шаржакъ-Тайга, берутъ свое начало три главныхъ истока Великаго Енисея. Изъ тысячъ ручейковъ и безчисленныхъ болотъ сливаются въ одно русло притоки рѣки Бей-Кема, Камсара и Куа-Кемъ. Собирая воедино многочисленные притоки, берущіе начало въ Саянскихъ горахъ и съ хребта Танну-Ола, рѣки эти текутъ на высотѣ въ среднемъ 2.800 футовъ надъ уровнемъ моря, въ западномъ направленіи, вплоть до сліянія и образованія рѣки Улу-Кема.

По относительнымъ размѣрамъ у мѣста сліянія—наименьшей изъ двухъ рѣкъ показалась намъ рѣка Куа-Кемъ. Такъ какъ рѣки въ этомъ мѣстѣ текутъ въ одномъ руслѣ, по плоской поверхности и отличаются спокойнымъ теченіемъ, крайне легко составить себѣ представленіе объ ихъ относительныхъ размѣрахъ. Но, сказать, которая изъ рѣкъ можетъ претендовать на честь быть истиннымъ истокомъ Енисея—весьма трудно. Куа-Кемъ беретъ свое начало въ самомъ восточномъ углу края, за то Бей-Кемъ представляетъ, въ общемъ, болѣе длинный протокъ. Изъ двухъ головныхъ его частей, а именно Камсары и собственно—Бей-Кема, сомнительнымъ представляется, чтобы Камсара могла быть болѣе крупною по размѣрамъ и потому служить главнымъ истокомъ тому водному запасу, изъ котораго образовывается Верхній Енисей. Разница въ размѣрахъ Бей-Кема и Куа-Кема всецѣло зависитъ отъ количества атмосферныхъ осадковъ въ соотвѣтственныхъ районахъ, по которымъ каждому изъ нихъ приходится протекать. Значеніе этихъ осадковъ такъ велико, что по относительнымъ размѣрамъ рѣкъ, текущихъ въ сѣверной части бассейна, по сравненію съ рѣками южной части, можно себѣ составить представленіе о разницѣ въ количествѣ выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ.

Улу-Кемъ продолжаетъ свой путь прямо на западъ по центральной части бассейна, до Джакуля. Здѣсь онъ поворачиваетъ къ сѣверу и вступаетъ въ предѣлы суровой горной страны. Весь западный край бассейна орошается рѣкой Кемчикомъ, который одинъ объединяетъ всѣ воды этой части бассейна. Кемчикъ—или Малая Рѣка—орошаетъ довольно значительный, но, въ общемъ, сухой районъ, причемъ меньшее количество выпадающихъ здѣсь атмосферныхъ осадковъ обуславливаетъ и меньшіе запасы здѣсь водной массы. Истоки Кемчика берутъ свое начало въ полукругѣ хребтовъ, образованномъ западнымъ концомъ Саянъ, Сайлюгемскими горами и западными склонами хребта—Танну-Ола. Въ первыхъ двухъ изъ нихъ истоки эти начинаются по склонамъ горъ, которые не получаютъ большого количества атмосферныхъ осадковъ. Что же касается предѣловъ сѣверныхъ склоновъ хребта Танну-Ола, гдѣ получаютъ свое начало другіе притоки Кемчика, то они значительно суше даже южныхъ склоновъ Саянскихъ горъ. Въ бассейнѣ рѣки Кемчика имѣется нѣсколько озеръ, но они не отличаются особенностями, характерными для бассейна, каковыми наоборотъ выдѣляются озера, лежащія въ предѣлахъ истоковъ рѣки Бей-Кема. Озера здѣсь частью уже усохли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣютъ даже никакихъ протоковъ. Кемчикъ сливается съ Улу-Кемомъ въ предѣлахъ суровой горной страны и, соединившись, они текутъ затѣмъ по направленію къ сѣверу, по узкому ущелью, называемому Кемчикъ-Бомомъ, образовавшемуся въ Саянскомъ пограничномъ хребтѣ. Это ущелье представляетъ изъ себя единственный проходъ для всей оросительной системы бассейна. На протяженіи сотни миль отъ этого мѣста рѣка, которая теперь получаетъ наименованіе Енисея, проходитъ затѣмъ по лабиринту горныхъ хребтовъ, падая въ предѣлахъ этого прохода Саянскихъ горъ съ высоты 1.600 до 900 футовъ и вытекаетъ затѣмъ въ предѣлы Абаканскихъ степей, служащихъ преддверіемъ собственно Сибири.

Огромныя, водныя артеріи, протекающія по самой сердцевинѣ страны, въ предѣлахъ которой путешествіе сухопутьемъ особенно затруднительно, способствуютъ развитію здѣсь болѣе

привлекательныхъ условій жизни и торговли и оживляютъ районъ, который при иныхъ обстоятельствахъ могъ бы совершенно остаться въ сторонѣ отъ развитія. Если бы не воды Верхняго Енисея, весь Урянхайскій бассейнъ обреченъ былъ бы на полную изолированность и вѣроятно остался бы совершенно невѣдомымъ внѣ его лежащему міру. Рѣка Енисей обезпечиваетъ сравнительную доступность здѣсь транспорта, а остальные три ея главныхъ притока — Бей-Кемъ, Куа-Кемъ, и Кемчикъ служатъ линіями сообщеній для отдаленнѣйшихъ уголковъ бассейна. Люди здѣсь могутъ, подпираясь шестами ,передвигать свои лодки вверхъ по теченію со скоростью отъ 20 до 30 миль въ сутки, а съ помощью плотовъ они же имѣютъ возможность сплавлять огромные грузы рыбы и товаровъ внизъ по теченію со скоростью, достигающею даже 50 миль въ сутки.

Отдаленныя колоніи, на которыя намъ пришлось натолкнуться въ верхней части бассейна и которыя показались намъ послѣ нашего перехода сквозь лѣсныя чащи такими отрѣзанными отъ всѣхъ прочихъ жилыхъ мѣстъ, въ дѣйствительности отстоятъ не болѣе, чѣмъ въ разстояніи десятидневнаго пути на плотахъ отъ сибирскаго города Минусинска. Плаваніе по рѣкамъ внутри бассейна не всегда, однако, бываетъ свободно, отъ серьезныхъ затрудненій. Улу-Кемъ вскрывается отъ льда не раньше середины Апрѣля и даже послѣ этого плаваніе по рѣкѣ часто пріостанавливается внезапными разливами рѣкъ. Кромѣ того, благодаря невѣроятнымъ размѣрамъ приносимаго сверху теченіемъ лѣса, иногда совершенно на время становится невозможнымъ лодочное сообщеніе. Недавніе русскіе путешественники опредѣлили скорость теченія водъ Улу-Кема при нормальныхъ условіяхъ отъ $3^1/_2$ до 4 миль въ часъ, тогда какъ въ половодье эта скорость превышаетъ 7 миль въ часъ.

Къ числу прочихъ препятствій, встрѣчающихся здѣсь нужно отнести еще пороги Бей-Кема, по которымъ сибиряки привыкли проходить, однако, на крѣпко сшитыхъ плотахъ, но только не иначе, какъ внизъ по теченію; при путешествіи же вверхъ по рѣкѣ приходится перетаскивать въ этомъ мѣстѣ

лодки волокомъ. Кемчикъ-Бомъ рѣшительно недоступенъ для плаванія вверхъ по теченію отъ Минусинской равнины до самаго Улу-Кема; здѣсь только на хорошихъ плотахъ жители рѣшаются спускаться внизъ по теченію среди ущелій и по порогамъ. Челноки и лодки вынуждены постоянно оставаться въ предѣлахъ рѣкъ бассейна, тогда какъ плоты спеціально сооружаются для прохода на нихъ Кемчикъ-Бома. Продавая затѣмъ лѣсъ, изъ котораго эти плоты сбиваются, предпріимчивые, пользующіеся ими сплавщики, получаютъ хорошій барышъ, спросъ же на этотъ лѣсъ — на дрова всегда обезпеченъ въ предѣлахъ безлѣсной минусинской степи.

Разстояніе между Джакулемъ, расположеннымъ въ нижнемъ теченіи Улу-Кема и Красноярскомъ опредѣляется въ 920 миль; разница же въ высотѣ мѣстъ этихъ двухъ пунктовъ исчисляется въ 1115 футовъ. Главное паденіе рѣки, однако, сосредоточивается всего на протяженіи какихъ-либо 100 миль, образующихъ проходъ рѣки черезъ Саянскій хребетъ, причемъ размѣръ этого паденія здѣсь опредѣляется болѣе чѣмъ въ 700 футовъ (на протяженіи 100 миль). Мы не совершили прохода по Кемчикъ-Бому („Бомъ“ обозначаетъ ущелье или дефиле), но согласно описаніямъ всѣхъ проходившихъ это ущелье путешественниковъ проходъ здѣсь сопровождается довольно сильными ощущеніями, въ виду многочисленныхъ пороговъ, дѣлающихъ плаваніе весьма опаснымъ. Кемчикъ сливается съ Улу-Кемомъ въ ущельѣ, ширина котораго не превышаетъ 30 ярдовъ, а скорость теченія здѣсь достигаетъ 40 миль въ часъ.

Самые опасные пороги встрѣчаются къ сѣверу отъ притока, носящаго наименованіе рѣки Уссъ, а далѣе отсюда на протяженіи 50 миль рѣка начинаетъ падать постепенно вплоть до горизонта минусинской равнины. Опытные кормчіе привыкли сопровождать грузы съ Бей-Кема и Улу-Кема внизъ до сибирскаго Енисея, и положившись на такихъ опытныхъ людей, путешествіе по описаннымъ порогамъ можетъ быть совершено безъ большого риска. Весь путь отъ Джакуля до Минусинска совершается въ 3—5 сутокъ.

Къ сожалѣнію никакихъ статистическихъ свѣдѣній о метеорологіи бассейна не имѣется, а между тѣмъ подобнаго рода статистика представляла бы величайшій интересъ, такъ какъ съ отчетливостью выясняла бы причины наблюдаемаго здѣсь разнообразія въ ландшафтѣ. Зимы въ бассейнѣ суровы, но все же уступаютъ по суровости зимамъ открытой сибирской равнины. Много снѣга выпадаетъ только въ опредѣленныхъ мѣстахъ, тогда какъ въ другихъ наблюдается, наоборотъ, недостатокъ послѣдняго. Въ „Скобіевѣ", напримѣръ, намъ разсказывали, что скотъ у нихъ находитъ себѣ подножный кормъ въ теченіе всей зимы, а это указываетъ, что луговыя пространства здѣсь вѣроятно не покрываются снѣгомъ на значительную толщину. Открытыя пространства, въ родѣ Дора Кема въ верхней части бассейна и Джакульскаго района въ центрѣ, отличаются также малоснѣжіемъ, въ виду чего въ этихъ именно открытыхъ мѣстностяхъ и сходятся туземцы, проводя здѣсь зимніе мѣсяцы. Снѣгъ ложится болѣе мощнымъ покровомъ и позднѣе стаиваетъ лѣтомъ по сѣвернымъ залѣсеннымъ хребтамъ, но Танну-Ола, съ его значительнымъ снѣгопадомъ по сѣвернымъ склонамъ, весьма малоснѣженъ по склонамъ южнымъ, а выпадающій здѣсь снѣгъ быстро стаиваетъ ранней весною.

Выпаденіе дождя въ предѣлахъ бассейна отличается такими же точно, въ зависимости отъ мѣстности, колебаніями; наиболѣе обильными дождепадами характеризуются сѣверная и восточная части и значительно меньшими — части южная и западная. Самымъ дождливымъ мѣсяцемъ бассейна, по всей вѣроятности, является іюль. Мы были свидѣтелями въ теченіе этого мѣсяца исключительныхъ по силѣ и продолжительности дождевыхъ бурь, происходившихъ одновременно какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ центральной частяхъ бассейна.

Въ верховьяхъ Бей-Кема, 10 и 11 іюля наблюдались непрерывные ливни, продолжавшіеся 26 часовъ подрядъ, а на протяженіи всего іюля мѣсяца сильныя грозы время отъ времени разражались, можно сказать, повсемѣстно. Въ Джакулѣ въ концѣ іюля Улу-Кемъ поднялся точно въ половодье, вслѣд-

ствіе обильныхъ дождей, выпадавшихъ въ это время въ верхней части бассейна и въ то же время въ томъ же мѣстѣ намъ удалось отмѣтить дневные феномены внушающихъ къ себѣ уваженіе грозовыхъ бурь, зарождавшихся въ предѣлахъ западныхъ частей Саянъ и подвигавшихся затѣмъ вдоль его хребтовъ по направленію къ востоку, не затрагивая при этомъ, впрочемъ, внутреннихъ частей бассейна.

Самая сухая часть бассейна—безъ сомнѣнія его юго-западный районъ, который простирается вдоль южныхъ береговъ Улу-Кема и Кемчика и лежитъ между этими рѣками и хребтомъ Танну-Ола. Въ особенности сухъ Кемчикскій районъ, отличающійся и лучшимъ во всемъ бассейнѣ климатомъ. Защищенный горами съ сѣвера, юга и запада, Кемчикъ получаетъ только остатки обильныхъ дождей, доносящихся до него съ запада, которые въ большей своей части улавливаются Саянскимъ и Сайлюгемскимъ хребтами. Въ этомъ Кемчикскомъ районѣ рано наступаетъ лѣто, что составляетъ крупную особенность для мѣстности, лежащей на такой широтѣ.

Наиболѣе подходящей для цѣлей колонизаціи я признаю зону, въ предѣлахъ которой лѣсъ и степь какъ бы борются другъ съ другомъ. Эта зона будучи не слишкомъ сухою и не слишкомъ влажной, простирается полосою поперекъ всей средней части бассейна. Главнѣйшія сибирскія поселенія, какъ-то: заимка Сафьянова, Туранъ и Уйукъ — всѣ расположены въ предѣлахъ означенной зоны.

Въ широкомъ смыслѣ климатъ бассейна можетъ быть названъ полу-континентальнымъ. Здѣсь наблюдаются рѣзкіе и внезапные переходы и огромныя колебанія между лѣтними и зимними температурами. Г. Островскихъ опредѣляетъ крайнія показанія термометра въ 30^0 фар. для зимы и въ 103^0 для лѣта. Единственно вѣрныя показанія для лѣтней температуры были нами опредѣлены въ Джакулѣ, въ самой низкой части горизонта бассейна, въ предѣлахъ открытой его части. Здѣсь, въ продолженіи трехъ дней отъ 24 до 26 іюля включительно, термометръ показалъ среднюю максимальную температуру въ 101^0, а минимальную—въ $51{,}50^0$ фар.

Читателю не мѣшаетъ запечатлѣть въ своей памяти точное расположеніе нѣсколькихъ путей, пересѣкающихъ бассейнъ, а также проходовъ, по которымъ можетъ поддерживаться сообщеніе съ бассейномъ. Выше уже было объяснено почему окружающіе бассейнъ горные хребты вліяютъ на расположеніе путей сообщенія; теперь остается только описать существующіе въ настоящее время пути. Два обстоятельства опредѣляютъ направленіе путей, входящихъ въ предѣлы бассейна, а именно — положеніе самыхъ горныхъ проходовъ, а также мѣстонахожденія монгольскихъ и сибирскихъ торговыхъ центровъ, соединительнымъ звеномъ коихъ эти пути служатъ. Минусинскъ является единственнымъ такимъ городомъ на сѣверѣ, а Улясутай и Кобдо тоже единственныя крупныя поселенія, расположенныя къ югу отъ бассейна: поэтому мы и видимъ здѣсь только два главныхъ пути, тянущихся между названными городами. Большое число мелкихъ проходовъ перерѣзаютъ хребты въ совершенно неожиданныхъ и лежащихъ внѣ какихъ либо путей сообщенія мѣстахъ; но этими мелкими проходами, а равно и дорогами, тянущимися по нимъ, пользуются лишь мелкіе торговцы и охотники.

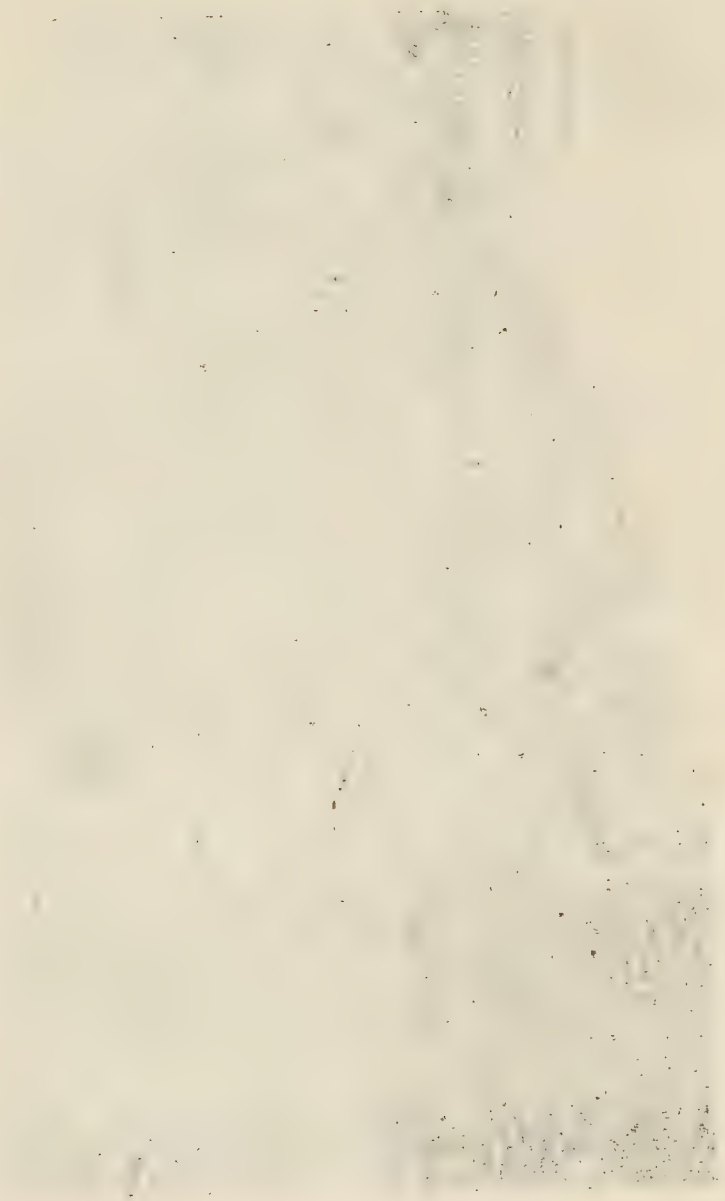
Обыкновенно Саянскій хребетъ пересѣкается путешественниками въ четырехъ мѣстахъ. На востокѣ имѣется *Алжіакскій проходъ*, расположенный между верхнимъ Амыломъ и рѣкой Систи Кемомъ (на высотѣ 4.482 футовъ надъ уровнемъ моря). Черезъ него тянется прямая дорога между деревнями, расположенными по рѣкѣ Амылу и верхними частями бассейна, но имъ мало пользуются, такъ какъ путешественники загляды-ваютъ въ этотъ районъ рѣдко. Второй проходъ на западѣ называется *Уссъ-Уйукскимъ* проходомъ и представляетъ изъ себя довольно легкій и широко используемый путь, соединяющій колоніи, расположенныя въ предѣлахъ двухъ долинъ, носящихъ соотвѣтствующія наименованія. Между этимъ ущельемъ и непроходимыми, безпорядочно громоздящимися горами, окружающими Кемчикъ-Бомъ, лежитъ третій и наиболѣе извѣстный путь—*Куртушскій перевалъ*, соединяющій Джакуль, служащій главнымъ центромъ бассейна, съ сѣверомъ. Этотъ проходъ

по Крылову достигаетъ высоты всего лишь 4.320 футовъ надъ уровнемъ моря, однако, Шалонъ, который безспорно проходилъ по этому самому пути, опредѣляетъ его высоту въ 6.625 футовъ—по водораздѣлу. Къ западу отъ Кемчикъ-Бома, соединяя долину Кемчика съ Абаканскими степями на сѣверѣ, лежитъ четвертый проходъ, называемый проходомъ *Шабинъ-даба*. Дорогу, ведущую черезъ этотъ проходъ можно охарактеризовать единственно доступнымъ торговымъ путемъ, соединяющимъ Сибирь съ Монголіей черезъ бассейнъ Верхняго Енисея.

Эти четыре дороги вводятъ въ предѣлы бассейна съ сѣвера, причемъ выходомъ для нихъ на югѣ служатъ два главныхъ прохода и нѣсколько вспомогательныхъ тропъ. На западѣ находится *Борашскій перевалъ* (высота — 6.854 фута), ведущій прямо къ югу на Кобдо; болѣе важнымъ путемъ, однако, считается тотъ, который отщепляясь отъ означеннаго пути въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній пересѣкаетъ рѣку Кемчикъ, ведетъ затѣмъ въ направленіи къ востоку, вдоль по южному краю бассейна до прохода, называемаго переваломъ *Шамаръ-Даба*, пересѣкающаго хребетъ Танну-Ола и ведущаго затѣмъ въ предѣлы густо населенныхъ и важныхъ монгольскихъ центровъ, расположенныхъ на рѣкѣ Тессѣ, а также къ торговому центру Улясутаю и религіозному центру — Ургѣ. Эта соединительная линія, тянущаяся между Улясутаемъ и Абаканскими степями представляетъ изъ себя древнюю караванную дорогу, которой пользовались здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Путь этотъ на всемъ своемъ протяженіи обходитъ какъ залѣсенныя, такъ и болотистыя части страны; никакихъ трудностей и преградъ здѣсь не встрѣчается и онъ представляетъ изъ себя дорогу, по которой проходили всѣ былые завоеватели изъ предѣловъ Минусинскихъ равнинъ. Часть этого пути была искусственно раздѣлана человѣкомъ въ прекрасную большую дорогу, которая одна свидѣтельствуетъ теперь о томъ важномъ значеніи, которымъ когда то отличался этотъ путь.

Между Джакульской долиной и рѣкой Кемчикомъ мы нашли хорошо сооруженную большую дорогу, шириной въ шесть

На плоту внизъ по Сити-Кему.



ярдовъ, поднятую надъ уровнемъ окружающей ее степи, съ канавами по обѣимъ ея сторонамъ. Полотно этой дороги было такъ же ровно и такъ же хорошо укатано, какъ и на любой англійской большой дорогѣ. Проходящіе караваны, которые обычно оставляютъ позади себя ряды глубокихъ параллельно тянущихся небольшихъ впадинъ образуемыхъ ногами лошадей или верблюдовъ, слѣдующихъ обычно другъ за другомъ гуськомъ, на поверхности этой дороги не оставляли никакого слѣда. Она тянется съ прямолинейностью былыхъ римскихъ дорогъ между двумя вышеупомянутыми пунктами, на протяженіи приблизительно 50 миль. [1]) Намъ представляется, однако мало вѣроятнымъ, чтобы объемъ торговли здѣсь когда либо могъ достигать такихъ размѣровъ, чтобы потребовалось даже сооруженіе для этого особаго огромнаго пути. Назначеніе этой дороги остается для насъ не объяснимымъ. Мѣстность, по которой она тянется, повидимому, не вызывала необходимости въ подобнаго рода сооруженіи для цѣлей транспорта. Грунтъ здѣсь твердый, поверхность представляетъ изъ себя ровную степь, одинаково пригодную для всѣхъ способовъ передвиженія; поэтому постройка здѣсь дороги представляется даромъ потерянным, безумнымъ трудомъ. Въ мѣстности мягкой, мокрой, болотистой или сырой залѣсенной, такая затрата утомительнаго труда, вызываемаго подобной работой, могла бы показаться болѣе цѣлесообразной. Все, что мы можемъ сказать по поводу этой дороги сводится къ тому, что, повидимому, весь этотъ районъ когда то имѣлъ чрезвычайно важное значеніе, гораздо большее число караванов пользовалось тогда услугами этого пути и, по всей вѣроятности, въ тѣ отдаленныя времена сношенія между Монголіей и Сибирью достигали гораздо большаго, чѣмъ въ настоящее время развитія.

---

[1]) Howorth въ своей „Исторіи Монголовъ“ перечисляетъ въ числѣ прочихъ сооруженій извѣстнаго Лобдайанскаго Тайши, одного изъ Алтайскихъ хановъ сѣверо-западной Монголіи, подъ 1657 годомъ—постройку „извѣстной дороги, которую онъ провелъ по горамъ, носящимъ названіе Хонинъ—Тагъ, для прохода изъ предѣловъ Монголіи въ Сибирь; эта послѣдняя, внѣ сомнѣнія, была частью дороги нами открытой.

Дорога эта, какъ мною объяснено было выше, представляется единственнымъ путемъ, которому смѣло можетъ быть пріурочено наименованіе торговаго пути. На большей части своего протяженія она вполнѣ доступна даже и для колеснаго способа передвиженія. Начиная отъ Улясутая, черезъ хребетъ Танну-Ола и затѣмъ до Кемчика, по этому пути можно проѣзжать въ повозкахъ; но проходъ по Саянамъ за Абаканскими степями, я думаю, невозможенъ ни для какого иного способа передвиженія, кромѣ вьючнаго. Кемчико-Борашская дорога доступна для верблюдовъ и по ней можно даже, пожалуй, проѣзжать въ повозкахъ, такъ какъ самый перевалъ отличается весьма незначительнымъ уклономъ и кромѣ того здѣсь не встрѣчается никакихъ преградъ въ родѣ выступовъ скалъ. Фактически здѣсь ничто не могло бы препятствовать сооруженію колеснаго пути между Кобдо и Минусинскомъ, и такое сооруженіе не потребовало бы ни большого труда, ни большихъ затратъ. Какъ бы то ни было, изъ дальнѣйшаго нашего описанія сѣверо-западной Монголіи будетъ видно, что существуетъ еще другой, болѣе легкій выходъ для монгольской торговли, а именно, по пути, ведущему черезъ Алтайскія горы прямо къ верховьямъ рѣки Оби. Поэтому естественно, что путь черезъ хребетъ Танну-Ола имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Всѣ прочіе пути бассейна доступны только для прохода вьючныхъ животныхъ и лишь цѣною огромныхъ затратъ ихъ можно превратить въ удобныя для колеснаго сообщенія дороги.

Между бассейномъ и Монголіей тянется еще нѣсколько менѣе извѣстныхъ соединительныхъ путей. Изъ нихъ, напримѣръ, дорогой, проходящей между Джакулемъ и озеромъ Убса, можно пользоваться даже предпочтительно Борашскому перевалу, принимая во вниманіе, что въ предѣлахъ отдаленной восточной части бассейна, головные протоки рѣки Куа-Кема соединяются съ райономъ озера Коссоголъ и верхними притоками рѣки Селенги. На крайнемъ западѣ, путешественникъ можетъ пройти по верховьямъ рѣки Кемчика въ предѣлы сѣверо-западной Монголіи и даже дальше, въ предѣлы русской

территоріи, къ верховьямъ рѣки Оби. Но этими путями рѣдко кто пользуется, за исключеніемъ ученыхъ изслѣдователей, да бродячихъ охотниковъ. Я повсюду замѣчалъ, что и самая отдаленная восточная стѣна бассейна, раздѣляющая мѣстности, тяготѣющія къ озерамъ Байкалу и Коссоголу, также изрѣзана нѣсколькими проходами, находящимися на сравнительно незначительной высотѣ; но эти проходы служатъ только тропами для оленей и путями для туземцевъ, не вліяющими сколько нибудь замѣтно, въ смыслѣ облегченія условій непроходимости этой части бассейна.

Таковы важнѣйшія топографическія особенности бассейна, краткій обзоръ которыхъ, я надѣюсь, даетъ возможность читателю представить себѣ условія, въ которыхъ намъ приходилось путешествовать, а также уясняетъ какъ природныя особенности. дѣлающія районъ недоступнымъ для какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній, такъ и причины тѣхъ своеобразныхъ условій, которыя отличаютъ этотъ районъ въ отношеніи этнологіи, флоры и фауны.

Изъ этого обзора можно сдѣлать выводъ, что бассейнъ Верхняго Енисея заключаетъ въ себѣ весьма большія пространства земли еще непрорѣзанныя путями сообщенія и, слѣдовательно, остающіяся неиспользуемыми. Конечно, пространства, лежащія здѣсь вдоль главныхъ рѣкъ, извѣстны всего лучше, такъ какъ рѣки способствуютъ легкости транспорта. Полнѣе также извѣстенъ здѣсь степной районъ, нежели густо залѣсенный гористый. Ни одна изъ частей бассейна не была систематически еще нанесена на карту, и составленіе карты, приложенной къ настоящему тому, оказалось поэтому исключительно трудной работой.

Для добросовѣстнаго изслѣдователя здѣсь открыто еще широкое поле совершенно нетронутыхъ земель. Въ самомъ сѣверо-восточномъ углу края, лежащемъ еще восточнѣе нашего маршрута по бассейну—въ верховьяхъ рѣкъ Чапсы и Чебаша, находится огромное „невѣдомое“ пространство. Равнымъ образомъ верховья рѣкъ Бей-Кема и Куа-Кема также заслуживаютъ посѣщенія; вообще же весь районъ, лежащій между этими рѣ-

ками, могъ бы сторицей вознаградить за труды по его изслѣдованію. Согласно нашимъ работамъ въ Чеданской долинѣ, прилегающей къ хребту Танну-Ола, мы можемъ утверждать, что вся сѣверная половина этого хребта еще вовсе не нанесена на карту. Долина Кемчика, расположенная къ сѣверу отъ главной рѣки, извѣстна гораздо лучше, однако хребты, окружающіе эту долину, тоже не показаны еще до сихъ поръ на картахъ съ такой степенью достовѣрности, которая можетъ явиться только слѣдствіемъ дѣйствительно произведенныхъ межевыхъ работъ, а не грубыхъ набросковъ, полныхъ всевозможныхъ измышленій.

Альпійское озеро у подножія Улу-Тайги.

ГЛАВА V.

Убѣжища урянхайцевъ.

Теперь я возвращусь къ своему повѣствованію, возобновивъ его съ того мѣста, на которомъ прервалъ, занявшись описаніемъ природныхъ особенностей бассейна р. Верхняго Енисея, открывшагося передо мною съ вершинъ Саянскихъ горъ зрѣлище.

15 іюня мы двинулись впередъ на югъ, по направленію къ центру бассейна, и по мѣрѣ того, какъ скрывались изъ глазъ обширныя, далекія перспективы, открывавшіяся нашимъ взорамъ съ высоты и мы постепенно забирались все глубже и глубже въ полный препятствій лѣсъ, настойчивое желаніе познать, что представляетъ изъ себя эта глушь становилась все сильнѣе и сильнѣе. Гдѣ начинаются истоки этихъ рѣкъ? Какова природа этихъ зазубренныхъ горныхъ массивовъ и громоздящихся скалъ, которыя возвышаются надъ лѣсною гущею гдѣ то далеко къ востоку? Гдѣ скрываются молчаливые, боязливые обожатели лѣса урянхайцы-оленеводы, убѣжища которыхъ намъ такъ хотѣлось скорѣе увидѣть?

Эти вопросы всплыли передъ нами, пугая насъ какъ той огромной работой, которая намъ несомнѣнно предстояла, чтобы отвѣтить на нихъ, такъ и тѣми физическими трудностями, которыя неизбѣжно должны были встрѣтиться на нашемъ пути; смущала насъ и краткость времени, которымъ мы располагали.

Первое, о чемъ мы позаботились, переваливъ черезъ Саянскія горы, это объ устройствѣ склада принадлежностей на берегахъ рѣки Систи-Кема, небольшого притока Бей-Кема, къ верховьямъ котораго случайно попали. Намъ скоро же пришлось убѣдиться, что трудности путешествія и транспорта въ предѣлахъ этого бассейна настолько велики, что двигаться здѣсь по лѣсной чащѣ, съ тяжелымъ караваномъ, было бы предпріятіемъ безнадежнымъ. Рѣшено было поэтому освѣщать мѣстность съ помощью легко снаряженныхъ отдѣльныхъ мелкихъ партій, которыя бы занимались боковыми рекогносцировками, тогда какъ главному каравану предложено было придерживаться воднаго пути и главной дороги. Такъ какъ мы находились теперь въ предѣлахъ верховьевъ рѣкъ и нашъ путь лежалъ внизъ по теченію, то намъ конечно представлялась полная возможность съ большимъ успѣхомъ использовать средства мѣстнаго рѣчного транспорта.

Всѣ эти приготовленія задержали насъ на нѣсколько дней въ хижинахъ русскихъ переселенцевъ верхняго Систи-Кема, гдѣ удобно было отправить нашихъ людей въ лѣсъ, вдоль по берегамъ нарубить сухого и отмершаго лѣса, годнаго для постройки плота. Наличіе значительныхъ пространствъ мертваго лѣса составляла особенность этой части бассейна и объяснялась главнымъ образомъ дѣломъ рукъ человѣческихъ. Туземцы-урянхайцы привыкли умышленно выжигать лѣсъ для того, чтобы получить открытыя пространства, облегчающія имъ охоту за опредѣленною дичью, но огонь чаще всего только обугливаетъ — убиваетъ, но не сжигаетъ окончательно большихъ деревьевъ и хорошо очищаетъ лѣсъ лишь отъ мелкой растительности и молодыхъ сосенъ или елей. По выгорѣвшимъ пространствамъ затѣмъ быстро выростаютъ густыя чащи мелкаго кустарника и поросли; правда, сосны или ели затѣмъ никогда уже не появляются больше на той почвѣ, съ которой онѣ были вытравлены огнемъ зато ихъ замѣщаютъ болѣе невзыскательныя деревья. Мертвыя обугленныя деревья, простоявшія въ такомъ видѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказались самымъ превосходнымъ матеріаломъ для постройки плота.

Наши люди въ теченіе трехъ дней занимались валкой деревьевъ и сбивкой такого плота, который бы могъ поднять какъ все наше снаряженіе, такъ и девятерыхъ людей каравана; работу свою они исполнили съ большимъ искусствомъ при помощи однихъ только топоровъ. Во всей постройкѣ не было ни гвоздей, ни болтовъ и вся она была скрѣплена лишь деревянными крючьями и веревками изъ крученой орѣшины. Чтобы облегчить управленіе плотомъ и имѣя въ виду неизбѣжность переправы черезъ Бей-Кемскіе пороги, плотъ былъ сдѣланъ небольшихъ размѣровъ, а два длинныхъ руля, устроенныхъ спереди и позади, давали намъ большую или меньшую возможность слѣдить за правильностью управленія. Плотъ былъ сшитъ изъ 17 сосновыхъ стволовъ и насчитывалъ въ длину до 50 футовъ, въ ширину по кормѣ—20 футовъ, суживаясь до 12 футовъ по сгибамъ (склонамъ). На немъ намъ удалось перевезти всѣ наши принадлежности на разстояніи однодневнаго пути внизъ по теченію рѣки Систи-Кема.

Затѣмъ, отъ встрѣчнаго торговца, мы раздобыли кое-какія свѣдѣнія относительно района, расположеннаго въ направленіи къ сѣверо-востоку. Этотъ торговецъ разсказалъ намъ о долинѣ р. Чапсы, лѣваго притока Систи-Кема и объ ея головныхъ притокахъ, берущихъ свое начало на высокихъ снѣжныхъ вершинахъ; онъ разсказалъ намъ также о томъ, гдѣ находится лагерь урянхайцевъ, принадлежащихъ къ настоящей, обитающей постоянно въ лѣсахъ, оленеводческой секціи племени. Затѣмъ, мы причалили къ берегу плотъ возлѣ устья р. Чапсы и занялись снаряженіемъ для изученія этой рѣки и впереди нея лежащихъ районовъ.

Планъ нашего дальнѣйшаго слѣдованія требовалъ большой предусмотрительности и крупнаго снаряженія. Необходимо было организовать три различныя партіи, которыя могли бы двигаться независимо одна отъ другой. Лошадей рѣшено было пустить разгруженными черезъ лѣсъ, вдоль рѣчного берега, плотъ же, съ находившейся на немъ главной партіей каравана, долженъ былъ спуститься по теченію до устья Систи-Кема и на берегахъ Улу-Кема ожидать прибытія третьей партіи, кото-

рая, будучи легко оборудованной лишь самымъ необходимымъ и нѣсколькими хорошими лошадьми, должна была совершить развѣдочную поѣздку въ предѣлы невѣдомаго сѣверо-запада. Всѣ эти партіи надлежало снабдить провизіей и инструктировать на случай какихъ либо происшествій.

Возлѣ устья рѣки Чапсы мы обнаружили идеальную лагерную стоянку, гдѣ, покрытая травой луговина, увѣнчанная прекрасными экземплярами лиственницы, раскинулась надъ чистымъ, быстро бѣгущимъ, потокомъ. Здѣсь мы остановились и занялись организаціей нашей компаніи. Плотъ былъ отправленъ внизъ по теченію со всѣмъ тѣмъ снаряженіемъ, въ которомъ мы не нуждались; лишнія лошади были посланы вдоль рѣчного берега къ условленному мѣсту, а именно къ тому, гдѣ рѣка Систи-Кемъ вливается въ рѣку Бей-Кемъ. Сами же мы втроемъ, Миллеръ, Прайсъ и я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ легко нагруженныхъ вьючныхъ лошадей и съ запасомъ пищи, разсчитаннымъ на двадцати или двадцати-пяти дневное путешествіе, двинулись въ путь впередъ по долинѣ въ сѣверномъ направленіи. Мы находились теперь, какъ можно видѣть по картѣ, въ сѣверо-восточной части бассейна и такъ какъ нашъ путь лежалъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, передъ нами открывалось большое невѣдомое пространство. Если читатель потрудится заняться сравненіемъ картъ ранѣе составленныхъ съ картами, опубликованными въ настоящемъ томѣ, онъ обнаружитъ на первыхъ опредѣленно намѣченныя возвышенности и точно воспроизведенныя теченія рѣкъ; но все это составляетъ плодъ досужаго измышленія. Намъ лично удалось сдѣлать необходимыя исправленія только на небольшомъ пространствѣ; огромная же площадь здѣсь остается совершенно еще научно не обслѣдованной и эту работу мы оставляемъ для будущихъ путешественниковъ.

Мы придавали нашему побочному путешествію весьма существенное значеніе, имѣя намѣреніе снова пройти и если окажется возможнымъ, то и перевалить Саянскій хребетъ въ томъ мѣстѣ, которое никому еще неизвѣстно, а также разыскать урянхайцевъ-оленеводовъ въ ихъ домашней обстановкѣ, скры-

вающихся въ родныхъ и излюбленныхъ ими лѣсахъ. Нашимъ намѣреніемъ было совершить путешествіе къ сѣверу и занести на карту всю рѣчку Чапсу вплоть до ея истоковъ, откуда мы предполагали направиться на востокъ и заняться изслѣдованіемъ долинъ: Шавской и Угутской, которыя, согласно русскимъ картамъ, отличаются характерными особенностями. Въ дѣйствительности же мы были поражены, что эти большіе водные протоки существуютъ только на географическихъ картахъ. Быстро достигнувъ долины Камсарской мы на всемъ протяженіи нашего путешествія такъ и не обнаружили упомянутыхъ долинъ.

Поднимаясь вверхъ по долинѣ рѣки Чапсы пѣшеходною тропою, измѣряя разстоянія временемъ и педометромъ и постоянно пользуясь въ своемъ пути услугами призматическаго компаса, мы занимались съемкой окрестностей, стараясь охватить возможно большія при столь трудныхъ обстоятельствахъ пространства. Районъ оказался менѣе залѣсеннымъ, чѣмъ тотъ, который мы только что передъ этимъ видѣли. Мы находились теперь въ предѣлахъ зоны лиственничнаго лѣса, которая начиналась сейчасъ же къ югу отъ рѣки Айнара, лѣваго притока Систи-Кема, въ разстояніи семи миль къ сѣверу отъ устья рѣки Чапсы. Вмѣстѣ съ появленіемъ лиственницы типъ страны пріобрѣлъ болѣе сухой видъ и соотвѣтственно сдѣлался болѣе открытымъ.

На второй день нашего путешествія, считая съ момента оставленія Систи-Кема, мы впервые наткнулись на слѣды урянхайцевъ. По берегамъ этой рѣки наше любопытство привлекли остова вигвамовъ (шалашей) и ряды искусно сдѣланныхъ деревянныхъ крючьевъ, вкопанныхъ въ землю, къ которымъ скотоводы имѣютъ обыкновеніе привязывать своихъ молодыхъ оленей. Мы медленно подвигались вверхъ по долинѣ, постепенно занося на карту открывавшуюся по мѣрѣ движенія мѣстность, какъ вдругъ караванъ нашъ былъ остановленъ плохо сооруженной баррикадой, раскинутой поперекъ узкой долинной щели, оставлявшей лишь маленькое пространство для прохода вдоль берега между рѣкою съ одной стороны и возвышавшимися хол-

мами съ другой. Наличіе несомнѣнной работы человѣка среди мрачнаго и безспорно необитаемаго лѣса задѣло наше любопытство за живое и мы съ жадностью рвались впередъ, разсчитывая съ минуты на минуту наткнуться на какихъ либо неожиданныхъ оленьихъ пастуховъ.

Наша встрѣча съ урянхайцами ознаменовалась весьма забавнымъ происшествіемъ, заслуживающимъ особо быть отмѣченнымъ, такъ какъ оно могло бы легко повлечь за собой весьма печальныя послѣдствія. Чтобы имѣть друга во время долгаго путешествія, я еще въ Сибири купилъ собаку, которая за ея способности хорошо охотиться на бѣлокъ, носила русское имя „Бѣлка“. Это была совершенно бѣлая собака, изъ породы высоко цѣнимой въ Сибири охотниками за мѣхами и широко используемой на почтовыхъ трактахъ для запряжекъ въ правительственныя почтовыя повозки. Въ продолженіи нашего путешествія ей предоставлена была полная свобода проявлять свой охотничій инстинктъ; и за это она вознаградила меня, оказавшись крайне цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, въ качествѣ собирателя всевозможныхъ мелкихъ животныхъ. Она ловила крысъ и мышей на всемъ пути отъ Енисея до Китайскаго Туркестана, шкурки которыхъ въ настоящее время украшаютъ нашу Національную Коллекцію, помѣщающуюся въ Британскомъ Музеѣ, причемъ, не было такой разновидности даже и крупной дичи, за которой она не пробовала бы поохотиться.

Поэтому, обычно „Бѣлка“ блуждала впереди каравана. Съ самаго момента оставленія нами плота она начала обнаруживать признаки безпокойства; но я и не предполагалъ, что это происходило оттого, что она чуяла какого то новаго звѣря и что въ теченіе нѣсколькихъ дней съ жадностью двигалась впередъ навстрѣчу вѣтру по слѣду оленя. Запахъ, очевидно, усиливался и вслѣдъ затѣмъ вдругъ неожиданно выскочилъ прямо противъ нея совершенно бѣлый олень. Результатъ получился ошеломляющій; олень началъ улепетывать, а за нимъ помчалась и моя собака; верховой урянхаецъ, который вслѣдъ затѣмъ появился изъ лѣсной чащи, послѣдовалъ за ними въ горячую погоню. Къ счастью, олень обогналъ своего преслѣдо-

вателя съ мѣста и, прежде чѣмъ могъ быть причиненъ ему какой либо вредъ, собака оказалась сбитой съ истиннаго слѣда, а мы случайно сдѣлались друзьями съ пастухомъ, который казался не менѣе пораженнымъ, чѣмъ были поражены мы сами. Знаками мы убѣдили его проводить насъ до его жилища и онъ, проведя насъ по боковой долинѣ, носящей наименованіе Ала-суйской, скоро привелъ насъ къ очаровательному лугу, раскинувшемуся между залѣсенными холмами, гдѣ на залитой солнцемъ муравѣ, подъ тѣнью лѣса сгруппированы были островерхіе шалаши или вигвамы лагеря урянхайцевъ. Мы прослѣдовали по долинѣ, направляя свой путь между группами оленей и пугая своимъ внезапнымъ и страннымъ появленіемъ многочисленныхъ молодыхъ урянхайцевъ—пастуховъ и, въ концѣ концовъ, подошли къ самому лагерю.

Странное ощущеніе испытали мы натолкнувшись внезапно на этотъ своеобразный и интересный народецъ, живущій отсталой самобытной жизнью въ глубинахъ такой уединенной части свѣта. Необходимо отмѣтить, что урянхайцы представляютъ изъ себя совершенно особенный народецъ, ограниченный въ своемъ распространеніи предѣлами этого удаленнаго бассейна, который представляется такимъ труднодоступнымъ и такимъ отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра, что большое сходство этого народца съ другими расами не только показалось бы страннымъ, но даже и невѣроятнымъ. Бассейнъ Верхняго Енисея урянхайцы считаютъ принадлежащимъ всецѣло имъ однимъ и перейти за его пограничныя стѣны они не могутъ. Ни въ какой другой странѣ нельзя встрѣтить настоящихъ дикихъ урянхайцевъ „сойотовъ“, согласно русской литературѣ, которые сами себя называютъ, однако, „тубами“.

Мы раскинулись лагеремъ, причемъ, намъ помогали распаковываться обитатели лагеря. По первому впечатлѣнію мы не замѣтили никакихъ признаковъ исключительности, а также боязливости, которыя обычно приписываются урянхайцамъ; наоборотъ, попавъ къ нимъ внезапно, прямо изъ лѣса, мы были ими встрѣчены какъ любопытные и интересные посѣтители, которые очевидно довольствовались тѣмъ только, что раздавали имъ

подарки, не требуя за эти подарки ничего взамѣнъ, и которые тратили большую часть своего времени на поднятіе своихъ „магическихъ ящичковъ“ или на разглядываніе солнца, какъ они объясняли себѣ наше стараніе надѣлать какъ можно больше фотографическихъ снимковъ и произвести какъ можно больше астрономическихъ наблюденій.

Узрѣть открывавшееся зрѣлище стоило того, чтобы вознаградить насъ за наше долгое путешествіе и это зрѣлище живо запечатлѣлось у меня въ памяти. Съ наступленіемъ сумерекъ—косые солнечные лучи заиграли, придавъ своеобразную окраску бѣлизнѣ берестяныхъ крышъ шалашей и отчетливо вырисовавъ послѣдніе на темномъ фонѣ возвышавшагося за ними лѣса и въ то же время курчавые дымки „вигвамовъ“ потянулись въ темнѣющую голубую высь, а олени начали группами возвращаться къ своимъ становищамъ, сопровождаемые маленькими мальчуганами и старухами; затѣмъ, наступила тихая ночь, безмолвіе которой нарушали лишь звуки, издаваемые стадомъ, собраннымъ въ этой мирной долинѣ, составляющей часть отрѣзаннаго отъ остальнаго міра уединеннаго уголка, окутывая своимъ мракомъ безмятежный лагерь. Трудно описать то невольное и сильное чувство восторга и огромнаго удовлетворенія, какое испытываешь неизмѣнно при видѣ обстановки жизни и уголка на земной поверхности, которые еще совсѣмъ не развращены побѣдоноснымъ шествіемъ цивилизаціи, и которые, въ то же время, сохранились во всей прелести своей первобытной простоты.

Мы провели въ этомъ лагерѣ нѣсколько дней, стараясь извлечь какъ можно больше пользы изъ обстоятельствъ, въ которыхъ очутились, такъ какъ истые туземцы — оленеводы, составляютъ очень незначительную часть всего урянхайскаго племени и съ ними поэтому труднѣе всего встрѣтиться. Они изъ всѣхъ урянхайцевъ меньше всего подверглись еще всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ и болѣе другихъ своихъ сородичей сохранили своеобразіе и чистоту типа, языка, религіи и образа жизни. Народецъ, среди котораго мы очутились, принадлежалъ къ клану Тойи, одной изъ пяти отдѣльныхъ группъ урянхайцевъ,

обитающихъ въ предѣлахъ бассейна Верхняго Енисея. Самымъ чистымъ и наиболѣе типичнымъ изъ всѣхъ урянхайцевъ является кланъ оленеводовъ, частью котораго и были наши обитатели Ала-суйской долины. Изъ того, что только незначительная часть клана Тойи и другого племени Марди — занимаются оленеводствомъ, можно усмотрѣть, что зависящія отъ оленя и потому наиболѣе интересныя племена въ настоящее время численно составляютъ очень небольшую часть всего племени и живутъ наиболѣе уединенно.

Лагерь состоялъ изъ 27 палатокъ (шалашей), раскиданныхъ группами по прекрасному луговому пространству, поднимающемуся свыше чѣмъ на 3.500 футовъ надъ уровнемъ моря. Передъ нами было лѣтнее убѣжище урянхайцевъ (лѣтовка), которые жили здѣсь окруженные довольствомъ, завися единственно въ своемъ существованіи отъ продуктовъ, доставляемыхъ имъ стадами оленей и отъ успѣховъ охоты. Растительность здѣсь была настолько обильной, что народецъ этотъ, хотя и причисляемый номинально къ числу кочевниковъ, фактически однако не можетъ быть названъ таковымъ, такъ какъ необходимость въ перекочевкахъ для него низведена до минимума. Эти оленеводы не переносятъ своего лагеря изъ предѣловъ настоящей долины въ теченіе всего лѣта, и все ихъ кочеваніе ограничивается лишь двукратными перекочевками въ теченіе года—весной и осенью, когда они переходятъ съ зимовокъ на лѣтовки и обратно.

Пожалуй, самое большое впечатлѣніе произвела на насъ полная уединенность настоящаго лагеря. Мы предварительно исходили немало миль въ предѣлахъ этой части бассейна, прежде чѣмъ намъ удалось натолкнуться на этихъ единственныхъ ея обитателей, ближайшими сосѣдями которыхъ были туземцы, жившіе небольшими группами палатокъ въ устьѣ р. Камсары, приблизительно, въ разстояніи 50 миль отсюда. Я придаю этому обстоятельству особенно важное значеніе потому, что самый фактъ богатой, довольно обширной страны и въ то же время такъ рѣдко населенной, заслуживаетъ надлежащаго изслѣдованія и, вѣроятно, является показателемъ постепеннаго угасанія и вырожденія населяющихъ ее жителей.

Что касается этнографическихъ особенностей урянхайцевъ, то мы преимущественно должны отмѣтить поразительное разнообразіе типовъ даже и среди членовъ одного и того же лагеря. Никакое описаніе не можетъ изобразить этого разнообразія съ такою же полностью, съ какою отмѣчаетъ его фотографическій снимокъ воспроизведенный на прилагаемомъ снимкѣ. Здѣсь, въ семейной группѣ, принадлежащей Ала-Суйскому лагерю, личныя особенности каждаго индивидуума представляютъ изъ себя наиболѣе разительныя различія и указываютъ на нечистокровность этихъ остатковъ угро-самоѣдской семейной группы. Среди нихъ встрѣчаются особи съ ярко выраженнымъ монгольскимъ типомъ, тогда какъ другія, наоборотъ, поражаютъ совершеннымъ отсутствіемъ признаковъ омонголенія. Такимъ разновидностямъ удивляться, конечно, не приходится, если принять во вниманіе, что народецъ этотъ представляетъ изъ себя потомковъ націи, образовавшейся путемъ смѣшенія обитателей аборигеновъ районовъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Енисею, съ древними тюркскими и угрскими племенами, на которыхъ сильное вліяніе оказали, въ свою очередь, монголы. Тѣмъ не менѣе мы можемъ все же охарактеризовать этихъ туземцевъ—оленеводовъ, въ отличіе отъ прочихъ племенныхъ группъ урянхайцевъ, ихъ меньшей, по сравненію съ послѣдними, монголовидностью.

Ничто не занимало насъ такъ сильно, какъ тѣ своеобразныя условія, въ которыхъ этотъ народецъ живетъ. Никогда еще не приходилось намъ видѣть такое племя, обиходъ жизни котораго такъ полно сообразовывался бы съ окружающей его мѣстностью. Съ незапамятныхъ временъ, представляя изъ себя охотничью расу, отличающуюся склонностью къ бродяжеству, расу, исключительно зависящую отъ природы, — урянхайцы эти ведутъ существованіе и кажутся наиболѣе приспособленными къ проживанію въ той своеобразной обстановкѣ, въ которой они въ дѣйствительности живутъ. Въ такомъ районѣ единственнымъ домашнимъ животнымъ, годнымъ для использованія его человѣкомъ въ практическихъ цѣляхъ, является олень и вотъ почему въ этой именно уединенной мѣстности, въ самой отдаленной южной ея части, намъ удалось встрѣтить оленя, живущаго

Лагерь (становище) урянхайцевъ въ Ала-суйской долинѣ.

какъ въ дикомъ, такъ и домашнемъ состояніи, однако, въ условіяхъ, обезпечивающихъ медленное, но вѣрное его исчезновеніе съ теченіемъ времени.

Существованіе урянхайцевъ — оленеводческой группы (мы смѣло можемъ ихъ такъ назвать, такъ какъ сибирскія расы различаются по племенамъ, въ зависимости отъ того пользуются ли они собаками, оленями или лошадьми) всецѣло зависитъ отъ оленьихъ стадъ, причемъ, только двѣ другихъ потребности вклиниваются въ ихъ жизнь, а именно потребность въ березовой корѣ и дичи. Этими тремя потребностями и ограничивается ихъ жизненный обиходъ и только проникнувъ въ ихъ закоптѣлые дымомъ шалаши и познакомившись съ предметами ихъ одежды и домашней утвари, мы окончательно поняли насколько полна ихъ зависимость отъ природы. Всѣ шалаши были покрыты кусками березовой коры, сшитыми вмѣстѣ въ видѣ заплатъ и поддерживались еловыми шестами. Внутренность шалашей поражала пустотою, такъ какъ не заключала въ себѣ ничего, кромѣ домашней утвари, сдѣланной изъ березовой коры и оленьихъ шкуръ, охотничьихъ и сбруйныхъ принадлежностей, а также тяжелыхъ зимнихъ одеждъ, состоявшихъ изъ тулуповъ и грубыхъ одѣяній, сшитыхъ изъ оленьихъ шкуръ. Случайно намъ удалось увидѣть здѣсь также русскій котелъ, или горшокъ для варки, хотя нигдѣ, въ другихъ частяхъ центральной Азіи, намъ не удавалось наблюдать такого незначительнаго вліянія извнѣ, какъ это можно было замѣтить здѣсь.

На оленяхъ сосредоточивался главный интересъ жизни этихъ урянхайцевъ. Внутри и внѣ лагеря разгуливало до 600 головъ этихъ своеобразныхъ животныхъ. Ихъ исторіи и особенностей намъ еще придется подробнѣе коснуться въ другой главѣ; здѣсь же я хочу только подчеркнуть полную зависимость урянхайца отъ его оленей. Послѣдніе доставляютъ ему пищу и одежду и служатъ въ то же время орудіемъ для транспорта. Животныя эти съ легкостью выносятъ зимніе мѣсяцы стужи безъ риска причинить себѣ какой либо вредъ, а лѣтняя жара умѣряется для нихъ большей высотою мѣста надъ уровнемъ моря, куда ихъ спеціально перегоняютъ туземцы на время жар-

кихъ мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе мы замѣтили, что въ теченіе іюня, въ долинѣ Ала-Су стада оленей страдали все же отъ жары. Они проводили всѣ дни напролетъ подъ тѣнью лѣса и только съ наступленіемъ вечера собирались въ предѣлахъ открытаго луга. Высота мѣста, на которомъ располагаются обычно лагеремъ урянхайцы лѣтомъ, повидимому, все же недостаточна еще для того, чтобы олени могли чувствовать себя вполнѣ въ нормальныхъ условіяхъ, на что указываетъ, между прочимъ, фактъ мѣстонахожденія въ это время въ предѣлахъ истоковъ р. Чапсы дикихъ оленей, которые скрывались здѣсь на высотѣ приблизительно отъ 5 до 6 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Открытыя пространства надъ лѣсной зоной, представляющія изъ себя истинныя оленьи пространства, въ дѣйствительности достигаютъ даже до 7000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, причемъ страннымъ кажется, что на такихъ высотахъ намъ ни разу не пришлось обнаружить прирученныхъ ихъ стадъ.

Въ жаркіе дни мы наблюдали какъ олени задыхались здѣсь даже и подъ тѣнью сосенъ, зато въ облачную и свѣжую погоду они весело разбредались по лугамъ и паслись въ полное свое удовольствіе. Большею частью номады не утруждаютъ себя заботами о выпаскѣ оленей и несмотря на это съ наступленіемъ сумерекъ животныя сами возвращаются съ пастбищъ и не только просто къ лагерю, но даже къ опредѣленнымъ палаткамъ своихъ настоящихъ хозяевъ (владѣльцевъ). Вечеромъ же женщины даютъ оленямъ по маленькой порціи соли, которую послѣдніе въ это время года ѣдятъ весьма охотно. Съ естественно-исторической точки зрѣнія и въ отношеніи окраски, разнообразящейся отъ чистаго бѣлаго до темно-коричневаго цвѣтовъ, а также способы обращенія съ оленями, послѣдніе были изучены Миллеромъ и всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя по этому вопросу въ послѣдующей главѣ обязаны ему.

Одной изъ побочныхъ цѣлей нашего путешествія было для насъ разрѣшеніе вопроса о существованіи дикаго оленя, такъ какъ, несмотря на то, что всѣ путешественники, начиная съ Марка Поло, оставили намъ описанія, свидѣтельствующія о существованіи въ этихъ районахъ племенъ, имѣющихъ обыкно-

Оленье стадо на пастьбѣ.

веніе пользоваться для ѣзды оленями, что указываетъ на знакомство этихъ путешественниковъ съ прирученными оленями, тѣмъ не менѣе въ литературѣ не имѣется указаній на существованіе въ этой южной мѣстности оленей, живущихъ въ дикомъ состояніи. Путемъ настойчивыхъ разспросовъ мы узнали о существованіи такихъ оленей въ горныхъ хребтахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Чапсинской долины. Однако намъ такъ и не удалось добиться въ этомъ отношеніи никакихъ подробностей. Мы пытались узнать — не случалось ли, чтобы ручные олени, отбившись отъ стада, примыкали затѣмъ къ дикимъ; но на это туземцы намъ отвѣтили, что ихъ олени, встрѣчаясь съ дикими оленями, обычно пугаются и, теряясь, никогда не смѣшиваются съ послѣдними.

Урянхаецъ не отказываетъ себѣ въ удовольствіи охотиться на дикихъ оленей, но онъ никогда не ловитъ ихъ живыми и тѣмъ паче не старается приручать ихъ. Впослѣдствіи намъ удалось подтвердить правильность этого утвержденія. Въ дикомъ состояніи олень водится въ небольшомъ количествѣ въ отрогахъ Саянскихъ горъ; здѣсь онъ представляетъ изъ себя, вѣроятно, остатки нѣкогда большихъ стадъ, въ давно прошедшія времена послужившихъ источникомъ, изъ котораго мало-по-малу образовалась прирученная въ настоящее время порода, принадлежащая урянхайцамъ.

Путемъ осторожныхъ уговоровъ и цѣной подарковъ, какъ-то: русскаго пороха, табака и ножей, намъ удалось подрядить двухъ охотниковъ проводить насъ вверхъ до долины Чапсы къ убѣжищамъ дикихъ оленей, причемъ, мы руководствовались тайнымъ намѣреніемъ попутно изслѣдовать этотъ районъ и въ то же время разрѣшить нѣкоторые другіе естественно-историческіе вопросы.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ намѣреніемъ, покинувъ лагерь, мы занялись нанесеніемъ на карту пространства, расположеннаго вверхъ отъ главной Чапсинской долины. Любопытныя географическія перспективы привлекли здѣсь наше вниманіе, а районы, которые постепенно открывались передъ нами, были полны природной красоты и представлялись крайне любопытными въ топографическомъ отношеніи. Къ востоку возвышался скалистый хребетъ,

отличавшійся своеобразными зазубринами и оканчивавшійся на югѣ высокой конусообразной горой, непосредственно примыкающей къ Аласуйской долинѣ. Мы занесли на карту этотъ хребетъ, предварительно взобравшись на его высочайшую вершину. Собственно долина р. Чапсы представляла изъ себя здѣсь сухую открытую мѣстность, поросшую можжевелевыми деревьями, горной березой и мелкимъ кустарникомъ. Нѣсколько выше, на разстояніи одной мили вверхъ отъ сліянія Чапсы съ Ала - Су, низина Чапсинской долины оказалась заполненной старыми моренами. Мы исходили эту долину на значительномъ ея протяженіи, лавируя между холмами и ложбинами, среди которыхъ залегало много мелкихъ озерковъ бирюзово - голубоватаго оттѣнка, придававшихъ очаровательный видъ окрестностямъ. Долина оказалась самымъ низкимъ по высотѣ мѣстомъ, въ предѣлахъ котораго намъ удалось обнаружить слѣды древнихъ ледниковъ; нижайшій конецъ этихъ моренъ лежалъ здѣсь на высотѣ 3.600 футовъ надъ уровнемъ моря.

Мы рѣшили совершить маленькое боковое путешествіе по этимъ моренамъ. Изъ лагеря, расположеннаго въ главной долинѣ, при сліяніи двухъ ручьевъ, которыхъ мы назвали соотвѣтственно Большой и Малой Чапсами, Миллеръ отправился въ экскурсію за оленями; тогда какъ Прайсъ и я рѣшили взобраться на уединенно стоящую здѣсь горную группу, носящую названіе Ташъ-Киль. Эта своеобразная скалистая возвышенность представляла изъ себя среди окружающей мѣстности такую особенность и настолько отличалась своими отдѣльными вершинами, что мы пытались взбираться на каждую мало мальски доступную изъ нихъ—въ различныхъ частяхъ бассейна.

Восхожденіе на Ташъ-Кильскую группу въ долинѣ Чапсы, оказалось самымъ утомительнымъ изъ всѣхъ восхожденій—какія намъ только не приходилось предпринимать до сихъ поръ. Склоны этой группы были усѣяны огромными гранитными глыбами, поросшими мхомъ и лишаями, а расщелины между глыбами были заполнены мелкорослыми рододендронами и ольхою. Мы карабкались съ глыбы на глыбу вверхъ къ вершинѣ, состоявшей въ свою очередь тоже изъ гранитныхъ глыбъ, но

Типы урянхайцевъ (Ала-суйскій лагерь).

„Они не имѣютъ лошадей, вмѣсто которыхъ приручаютъ опредѣленный видъ дикихъ животныхъ, называемыхъ оленями“.

только болѣе мелкихъ. Это взлѣзаніе отняло у насъ 4 часа времени, причемъ, очутившись на вершинѣ скалы, мы невольно обратили вниманіе, что по своему характеру эта вершина весьма отличается отъ той вершины, на которую мы взбирались уже въ Саянскихъ горахъ, невдалекѣ отъ Алжіакскаго прохода. Вершина эта представляла изъ себя остроконечную зубчатую поверхность, въ отличіе отъ плосковерхихъ столообразныхъ Саянскихъ вершинъ, а зазубренные края ея были самымъ фантастическимъ образомъ изрѣзаны вѣтрами и непогодой. Густой туманъ мѣшалъ намъ заниматься здѣсь съемочными работами, заволакивая даль, цѣнное значеніе которой для уясненія топографическихъ особенностей мѣстности, конечно, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Миллеръ также исходилъ большое пространство страны, но не нашелъ ничего интереснаго кромѣ разбросанныхъ повсюду отростковъ оленьихъ роговъ.

Здѣсь, между прочимъ, намъ пришлось впервые убѣдиться въ независимости и ненадежности нашихъ урянхайскихъ проводниковъ, рѣшительно отказавшихся, несмотря на предложенное имъ вознагражденіе, которое могло бы соблазнить корыстолюбіе любого заурядnаго оленьяго пастуха, сопровождать насъ далѣе. Мы принуждены были поэтому добираться къ истокамъ рѣки Чапсы безъ проводниковъ. Здѣсь мы провели нѣсколько дней среди возвышенныхъ плоскогорій, болотъ и кустарниковъ, взбираясь на хребты, представлявшіе изъ себя наиболѣе перепутанную изъ всѣхъ водораздѣльныхъ системъ, какія намъ только удавалось до сихъ поръ видѣть.

Съ большимъ интересомъ занялись мы здѣсь ревностнымъ занесеніемъ на карту возможно большихъ пространствъ открывавшихся нашимъ глазамъ райновъ. На разсвѣтѣ мы разбредались по различнымъ направленіямъ съ ружьемъ или компасомъ въ рукахъ и частью пѣшкомъ, а гдѣ было возможно верхомъ, блуждали, захватывая возможно большія площади, среди которыхъ намъ постоянно приходилось натыкаться на озера, долины, рѣки и хребты совершенно еще неизвѣстные, какъ это можно видѣть по существующимъ эскизнымъ картамъ этого района. Съ наступленіемъ сумерекъ мы возвращались къ нашимъ палат-

камъ, раскинутымъ чаще всего среди усѣяннаго цвѣтами луга, и проводили здѣсь вечера, а часто и позднія ночи за разработкой и составленіемъ нашихъ маршрутныхъ съемокъ, а также за снятіемъ кожъ съ добытыхъ экземпляровъ мѣстныхъ птицъ и животныхъ. Этой работѣ мѣшали милліоны назойливой мошкары, съ которой мы почти безрезультатно боролись, устраивая, какъ это обычно дѣлается, круги изъ дымящихся костровъ. Въ теченіе этихъ дней, я думаю, мы совершили максимумъ работы при минимумѣ комфорта, которымъ могли себя обезпечить.

Хотя въ это время года мѣстность эта и была совершенно необитаемой, тѣмъ не менѣе наличіе узкихъ тропъ, очевидно, проложенныхъ оленями, свидѣтельствовало о томъ, что урянхайцы имѣютъ обыкновеніе являться сюда въ извѣстныя времена года, а найденные здѣсь шесты отъ шалашей указывали и тѣ мѣста, на которыхъ туземцы обычно устраиваются здѣсь лагерями. Пространство это, какъ мы узнали, представляло изъ себя мѣсто осеннихъ лагерныхъ стоянокъ урянхайцевъ, куда мужчины поднимаются обычно охотиться и заниматься ловлею въ капканы звѣрей, предварительно отославъ свой домашній скарбъ въ низменныя части бассейна. Изъ годныхъ въ пищу особей намъ попалось здѣсь нѣсколько утокъ, caperailzie и тетеревовъ, но, въ общемъ, въ отношеніи продовольствія мы должны на время превратиться здѣсь въ русскихъ людей, такъ какъ питаться намъ приходилось почти исключительно только чаемъ и хлѣбомъ.

Снять на карту этотъ районъ оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ: захватывающая по своей оригинальности работа эта въ то же время была скучна и изнурительна въ виду ея огромности. Здѣсь раскрывались передъ нами тысячи квадратныхъ миль совершенно невѣдомой мѣстности. Намъ приходилось проѣзжать по никому неизвѣстнымъ долинамъ и открывать совершенно новыя озера; хребты прежде никогда невиданные изслѣдователемъ-человѣкомъ, то выглядывали ненадолго изъ за тумана, то снова скрывались отъ нашихъ жадныхъ глазъ; скверная погода и туманъ, застилая, придавали неясныя очертанія отдаленнымъ предметамъ, вслѣдствіе чего вершины,

видѣнныя нами однажды, часто уже не показывались намъ болѣе. Съ большимъ трудомъ мы отыскивали здѣсь между лабиринтомъ болотъ и озерковъ истинные водораздѣлы. Глядя внизъ на долину часто было невозможно сказать: течетъ ли рѣка по ней въ направленіи къ Китаю, или Сибири, а одна и та же группа озеръ, расположенныхъ въ предѣлахъ болотистой мѣстности, вполнѣ могла отсюда изливаться въ совершенно различныя рѣчныя системы. Намъ медленно приходилось пробираться по мѣстнымъ чащамъ вверхъ на какой-нибудь хребетъ только для того, чтобы расширить себѣ кругозоръ, заслоняемый въ низкихъ мѣстахъ деревьями, причемъ, даромъ нерѣдко терялись какъ время, такъ и трудъ. Мало того, такъ какъ нашимъ лошадямъ приходилось нерѣдко спускаться по скверной поверхности и съ нихъ сползали тюки, впереди же пропадала дорога и заслонялся внезапно кругозоръ, въ виду чего мы иногда по нѣсколько дней отклонялись отъ нашей базы, легко было забыть „опредѣлять время“ и дѣлать необходимые расчеты. При такихъ условіяхъ огромнаго труда стоило намъ зафиксировать свои переходы и составить карту.

Однако дни, въ теченіе которыхъ мы одиноко блуждали по этимъ лѣсамъ и вершинамъ холмовъ съ записной книжкой, компасомъ, плановой книгой и фотографической камерой въ рукахъ, были полны въ то же время—радостей и захватывающаго интереса; мы едва могли спать по ночамъ, горя желаніемъ скорѣе заглянуть въ предѣлы какой либо слѣдующей углубленной долины, опредѣлить направленіе дренажа озеръ или высоту выдающихся отдѣльныхъ вершинъ надъ уровнемъ моря. Межеваніе здѣсь нами было выполнено съ помощью призматическаго компаса, а высоты опредѣлялись гипсометромъ. Главнѣйшія особенности страны, оказалось, не такъ трудно положить на бумагу, какъ трудно было совершить самый переходъ по странѣ, чтобы видѣть своими глазами то, что она изъ себя представляла.

Районъ, въ которомъ мы очутились, достигнувъ верховьевъ рѣки Чапсы, оказался весьма похожимъ на Саянскій хребетъ. Почти незамѣтно мы вышли затѣмъ за предѣлы системы рѣки

Чапсы и расположились въ мѣстности, которая (это открытіе потребовало также затраты нѣкотораго времени) въ дѣйствительности имѣла стокъ по Кандатской или Казирской долинѣ прямо въ предѣлы Сибири. Мы прослѣдовали черезъ Саянскій перевалъ не обнаруживъ, что дѣлаемъ такой переходъ и только совершивъ его вторично узнали, что находимся въ небольшомъ разстояніи отъ верховьевъ Чебаша, одного изъ главныхъ притоковъ рѣки Камсары. Высота дѣйствительнаго водораздѣла между этими различными системами опредѣлилась немного ниже чѣмъ въ 5.000 футовъ; это мѣсто представляло изъ себя истинный водораздѣлъ Саянскаго хребта между рѣками Кандатомъ, Чебашемъ и Чапсой. Тѣмъ не менѣе насъ все еще окружали типичныя возвышенности, поднимавшіяся до 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря, которыя, взгромождаясь, подобно вѣхамъ, только и служили намъ указателями главнаго направленія Саянъ.

Съ различныхъ смежно расположенныхъ вершинъ мы съ жадностью глядѣли по направленію къ сѣверо-востоку, гдѣ разрѣшеніе крупныхъ задачъ покорно ожидаетъ своего піонера изслѣдователя; обширность нашей работы не позволила намъ совершить дальнѣйшихъ экспедицій въ этомъ направленіи и мы могли только намѣтить самыя главныя особенности этого района. Мѣстность, которая лежала распростертой передъ нами представляла изъ себя огромную низменную поверхность, покрытую сплошь густымъ лѣсомъ. Мы не обнаружили никакихъ прогалинъ среди этого мрачнаго лѣсного моря, никакихъ открытыхъ пространствъ или степей. Случайными просвѣтами на этомъ темномъ фонѣ служили лишь рѣки, несущія отсюда свои воды въ р. Камсару, да озера, которыя лежали среди этой чащи, непосѣщаемыя совершенно никѣмъ, кромѣ пронырливаго, бродячаго урянхайца во время его случайныхъ охотничьихъ экскурсій—неиспользуемыя въ цѣляхъ рыболовства.

На большомъ протяженіи никакихъ хребтовъ не возвышалось изъ тайги и весь районъ производилъ ужасно монотонное впечатлѣніе. Ближайшая горная страна на востокѣ и сѣверо-востокѣ находилась въ самомъ дѣлѣ на такомъ большомъ разстояніи отсюда, что мы имѣли полное право этотъ отдаленный

нами видимый хребетъ признать главнымъ хребтомъ Саянскихъ горъ. Отчетливый скалистый хребетъ тянулся вдали полукругомъ, образовывая сѣверо-восточную стѣну бассейна, а между нимъ и тѣмъ мѣстомъ, на которомъ мы стояли, казалось былъ огромный пробѣлъ въ Саянскихъ горахъ. Никакихъ признаковъ водораздѣла здѣсь не было видно и это обстоятельство заставило насъ отказаться отъ опредѣленія истиннаго положенія раздѣльной линіи между рѣками Чебашемъ и Кизыромъ. Къ югу отъ насъ лежалъ уединенный Чапсинскій хребетъ, а на западѣ возвышалась Кандатская группа, простиравшаяся на нѣкоторомъ разстояніи отъ Сибирской стороны водораздѣла.

Обращаясь къ многочисленнымъ озерамъ, которыя нами были открыты въ этой мѣстности, приходится сказать, что наличіе ихъ придаетъ этому сѣверо-восточному углу бассейна тѣ же самыя характерныя особенности „страны озеръ“, какими отличается и отдаленный восточный районъ, расположенный у истоковъ рѣкъ Бей-Кема и Куа-Кема. Если бы мы могли продолжить наши съемочныя работы далѣе по направленію къ востоку, мы, вѣроятно, были бы въ состояніи доказать, что все это пространство, которое намъ удалось обнаружить здѣсь, представляло изъ себя длинное, узкое озеро, расположенное у сѣвернаго конца Чапсинскаго хребта, вслѣдствіе чего мы и дали ему названіе Чапсинскаго озера. Его характеристика, какъ запруженнаго утесами водовмѣстилища, отличающагося скалистыми, покрытыми лѣсомъ, берегами и полной рыбы прозрачной водою, дѣлали Чапсинское озеро наиболѣе любопытнымъ открытіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя намъ удалось добыть объ этой дикой странѣ.

Занимаясь изслѣдованіемъ этого района, мы только одинъ разъ натолкнулись здѣсь на дикаго оленя. Несмотря на долгіе тяжелые дни, проведенные въ предѣлахъ Кандатскаго хребта, гдѣ, какъ предполагалось, водятся дикіе олени, Миллеру только и посчастливилось обнаружить убѣжища этихъ животныхъ по ихъ старымъ рогамъ. Какъ часто случается съ охотниками на рѣдкихъ животныхъ въ тяжелой мѣстности, счастье улыбается имъ внезапно въ тотъ моментъ, когда они объ этомъ вовсе и

не помышляютъ. Возвращаясь, однажды, послѣ долгой дневной экспедиціи пѣшкомъ, уже къ вечеру я увидѣлъ внезапно оленя въ такой мѣстности, въ которой я меньше всего разсчитывалъ его увидѣть. Онъ находился среди роскошнаго зеленаго пастбища, расположеннаго между соснами на совсѣмъ незначительной высотѣ надъ уровнемъ моря, а не на открытой вершинѣ, выше линіи лѣсной растительности. Пасясь и передвигаясь съ мѣста на мѣсто среди обильной высокой травы, искоса освѣщенный лучами заходящаго вечерняго солнца, онъ казался совершенно чистымъ, бѣлымъ пятномъ на зеленомъ фонѣ. На этотъ разъ я былъ безоруженъ и потому не могъ помѣшать оленю невозмутимо прогуливаться. На слѣдующее утро на разсвѣтѣ мы вернулись къ этому мѣсту съ Миллеромъ, который, найдя оленя въ томъ же самомъ положеніи, рѣшилъ къ нему подкрасться, но, потерявъ цѣлый день, такъ и не могъ этого сдѣлать—на столько трудны были условія мѣстности. Это былъ единственный случай, когда мы дѣйствительно видѣли дикаго оленя.

Очевидно, въ это время года дикіе олени живутъ въ гораздо болѣе низкихъ широтахъ, охраняемые лѣсною тѣнью, гдѣ и питаются богатой въ это время года травою. Густота лѣса служитъ имъ надежной защитой, предупреждая всякую попытку охотника къ нимъ приблизиться; какъ никакъ дикіе олени, хотя, правда, и въ небольшихъ количествахъ, водятся еще въ настоящее время въ этихъ предѣлахъ. Зимою, глубокій снѣгъ, выпадающій въ чащахъ, заставляетъ ихъ подниматься на голыя горныя вершины, гдѣ обвѣтренныя конечности въ достаточной мѣрѣ свободны отъ снѣга, чтобы они могли находить себѣ здѣсь пищу. Районъ, въ предѣлахъ котораго водятся дикіе олени, точно почти неизвѣстенъ; мы склонны, однако, думать, что такимъ райономъ служитъ весьма ограниченный районъ, прилежащій къ тѣмъ частямъ Саянскаго хребта, которыя тянутся къ востоку отъ верхняго Систи-Кема, а затѣмъ сворачиваютъ на югъ, доходя до озера Коссогола. Изслѣдуя литературные источники съ наивозможной полнотою, намъ нигдѣ не удалось найти указаній на существованіе дикихъ оленей въ предѣлахъ хребтовъ внутренняго бассейна, какъ, напримѣръ, въ горахъ, располо-

женныхъ между рѣками Бей-Кемомъ и Куа-Кемомъ; равнымъ образомъ не подходящими для нихъ представляются и склоны западныхъ Саянъ; по всей вѣроятности, надежное убѣжище олень врядъ ли гдѣ-нибудь можетъ найти и въ предѣлахъ хребтовъ Танну-Ола.

Второго іюля мы закончили нашу программу изслѣдованія долины верхней Чапсы и возвратились къ Урянхайскому лагерю при рѣкѣ Ала-Су. Однако, прежде чѣмъ отправиться отсюда далѣе на востокъ, мы совершили еще одно восхожденіе на самую высокую гору Чапсинскаго хребта, представляющую изъ себя скалистую конусообразную вершину, отчетливо возвышавшуюся къ сѣверу отъ мѣста нашей стоянки. Оставивъ главную часть нашего лагеря, расположенной смежно съ Урянхайскимъ лагеремъ Аласуйской долины, Прайсъ и я предприняли восхожденіе на эту вершину, называемую Улу-Тайга и составляющую въ глазахъ боязливыхъ лѣсныхъ жителей низинъ „Великое Неизвѣстное“. Миллеръ остался при лагерѣ, частью изъ-за недомоганія, частью же изъ-за намѣренія заняться болѣе тщательнымъ изученіемъ оленей и, если окажется возможнымъ, то и пріобрѣтеніемъ хотя бы одного экземпляра.

Слѣдуя своему обыкновенію, выработавшемуся при поѣздкахъ по мѣстнымъ окрестностямъ, мы двинулись въ путь довольно легко нагруженными, ограничивъ свое снаряженіе только тѣми, безусловно, необходимыми намъ предметами, которые можно было навьючить на нашихъ верховыхъ лошадей. Наше снаряженіе состояло лишь изъ пальто, которыми предполагалось укрываться по ночамъ, а изъ пищевыхъ продуктовъ— хлѣба, мяса, чая и сахара. Равнымъ образомъ были взяты: гипсометрическій компасъ, записная книжка, фотографическая камера, ботаническая жестянка и геологическій молотокъ, boiling-points — аппараты и, конечно, ружья.

Строгіе религіозные принципы воспрепятствовали нѣкоторымъ добросовѣстнымъ урянхайцамъ пуститься сопровождать насъ въ нашемъ путешествіи на вершины этой возвышенности. Намъ трудно даже получить отвѣтъ на наши вопросы о томъ—существуютъ ли или отсутствуютъ тамъ горные хребты

и снѣжныя вершины. Такія зачарованныя пространства выходили за предѣлы воображенія туземцевъ. Духи бурь и стихій скрывались въ этихъ недоступныхъ мѣстахъ, куда человѣку незачѣмъ вовсе заглядывать. Каждая вершина, представлявшая голую скалу, стоявшую въ видѣ часового надъ темнымъ, угрюмымъ лѣсомъ служила священнымъ мѣстомъ, убѣжищемъ духовъ, мѣстопребываніемъ боговъ. Этихъ духовъ туземцы не только почитаютъ, но и стараются избѣгать. Вершина каждой горы, на протяженіи всей этой части Азіатскаго материка, торжественно величается или словомъ „богдо", т. е. священная, или „тайга", т. е. дикая, невѣдомая, непостижимая, или „ханомъ" т. е. главою или вождемъ. Каждая отличительная особенность ассоціируется съ представленіемъ о какомъ-либо миѳѣ, каждая гора представляется повелителемъ, каждое озеро или рѣка— божествомъ. Въ виду этого намъ всегда приходилось при нашихъ горныхъ странствованіяхъ полагаться лишь на самихъ себя и по собственному усмотрѣнію мы были вынуждены намѣчать себѣ возможно кратчайшіе пути для скорѣйшаго достиженія вершинъ, на которыя мы пытались взбираться.

При такихъ обстоятельствахъ мы вступили въ предѣлы нижнихъ отроговъ хребта Улу-Тайга раннимъ утромъ и, преодолѣвъ всѣ трудности тринадцати часового пути, достигли, наконецъ, его вершины. На протяженіи первыхъ четырехъ миль густой кедровый лѣсъ, обычнаго непроходимаго вида, препятствовалъ нашему движенію впередъ и вынуждалъ насъ вести въ поводу нашихъ лошадей. Скалы, размягченная почва и поваленныя деревья, казалось, объединились въ одномъ намѣреніи препятствовать намъ, а постоянныя затрудненія оріентировки, сбивали насъ часто съ прямой дороги и заставляли слѣдовать окольными путями. Въ болѣе высокихъ широтахъ отмершія деревья представляли изъ себя самыя докучливыя затрудненія, какія только природа можетъ съ успѣхомъ нагромоздить, чтобы задержать движеніе впередъ человѣка. Деревья, обычно, падаютъ по опредѣленному направленію и, падая, взрываютъ свои корни, которые остаются стоять дыбомъ, образуя, такимъ образомъ, какъ бы плетенку сѣти, похожую на самыя непроходимыя заго-

родки. Намъ приходилось безпрестанно слѣдовать по діагональному этимъ баррикадамъ направленію, изъ чего легко себѣ представить о заграждающихъ свойствахъ этихъ баррикадъ.

Выбравшись изъ лѣсной зоны на высотѣ 5.400 футовъ надъ уровнемъ моря, мы увидѣли передъ собою исключительное по красотѣ альпійское озеро, расположенное въ скалистомъ котлованѣ; здѣсь мы оставили своихъ русскихъ наѣздниковъ, нагруженныхъ нашими принадлежностями, а сами вдвоемъ съ Прайсомъ продолжали восхожденіе уже пѣшкомъ. Съ мягкими сумками за спиною мы карабкались по расщелинамъ скалъ, гдѣ гигантскіе лѣса превратились уже въ простыя малорослыя кустарниковаго вида поросли миніатюрныхъ сосенъ которыхъ здѣсь немилосердно треплютъ и обезображиваютъ непрестанные вѣтры и суровая непогода. За границей лѣсной растительности намъ пришлось еще въ теченіе трехъ часовъ упорно взбираться по гранитнымъ глыбамъ, совершенно уже лишеннымъ растительности, послѣ чего мы только на исходѣ пятаго часа вечеромъ достигли вершины хребта. Поэтому въ нашемъ распоряженіи оставалось очень немного времени для зафиксированія панорамныхъ видовъ, опредѣленія компасныхъ показаній о высотѣ надъ уровнемъ моря; тѣмъ не менѣе освѣщеніе здѣсь, несмотря на поздній часъ, — вознаградило насъ за всѣ наши лишенія, а зрѣлище, открывшееся нашимъ глазамъ съ вершины хребта Улу-Тайга, превзошло всѣ наши ожиданія.

Самый верхній шпицъ хребта Улу-Тайга представлялъ изъ себя скалистый конусъ, круто обрывающійся на югѣ и западѣ и прямо возвышающійся на востокѣ и сѣверѣ. Какъ это случалось уже во время нашихъ и предшествующихъ изслѣдованій тайги, мы и здѣсь были снова охвачены страннымъ ощущеніемъ разрѣженной атмосферы. Съ высоты этой горы передъ нами открылась широкая панорама всего бассейна р. Чебашъ, представляющаго изъ себя однообразное, лишенное какихъ либо примѣчательностей, лѣсное море. Впечатлѣніе огромности района еще болѣе усилилось въ нашемъ воображеніи; полная уединенность его ждущихъ чего то земель пугала насъ, такъ какъ на

всемъ громадномъ пространствѣ этого района не было, вѣроятно, ни одного живого человѣческаго существа. Такія суровость и дикое величіе панорамы рѣдко могутъ быть превзойдены. Трудно изобразить мрачность этихъ обширныхъ лѣсовъ, колоссальныхъ массъ гранита, отличающихся фантастическими очертаніями одинокихъ высотъ, которыя тянутся здѣсь вверхъ туда, гдѣ только уныло завываетъ вѣтеръ, ютящихся внизу лабиринтовъ, гдѣ царятъ вѣчныя сумерки пѣнистыхъ ручьевъ и лѣниво текущихъ рѣкъ, цѣликомъ замкнутыхъ въ объятіяхъ темнаго, безпредѣльнаго лѣса.

Всякаго человѣка, любующагося этою огромною панорамой не успокаиваетъ здѣсь даже угнетающее безмолвіе, которое нераздѣльно царитъ въ окружающей атмосферѣ. Здѣсь не имѣется ни ибексовъ, ни какой либо горной дичи, живущей въ скалахъ; даже пернатое царство представлено довольно слабо—встрѣчающіеся различные виды пернатыхъ можно легко перечесть по пальцамъ и даже сурки, веселый свистъ которыхъ обычно оживляетъ молчаніе пространствъ, расположенныхъ за снѣговой линіей Азіатскихъ горныхъ хребтовъ, блистаютъ здѣсь своимъ отсутствіемъ. Я не могу припомнить, чтобы мнѣ удалось найти болѣе чѣмъ по одному экземпляру каждаго изъ видовъ животныхъ и представителей пернатыхъ на вершинахъ, возвышавшихся здѣсь поверхъ линіи лѣса. Зато на верхушкѣ почти каждой горы мы натыкались на пару другую птармигановъ, а гранитныя расщелины представляли изъ себя самое подходящее обиталище для безчисленнаго множества мелкихъ „сорокъ“ или „безхвостыхъ зайцевъ“, странныя привычки и пищащіе голоса которыхъ ни для кого не могли бы служить предметомъ столь большой радости, какъ для меня, намѣревавшагося заняться ихъ коллекціонированіемъ. Однако, подстрѣливать и разыскивать этихъ миніатюрныхъ созданій было дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Будучи подстрѣленными, онѣ неизмѣнно падали въ расщелины горъ или забирались въ свои норки прежде чѣмъ смерть настигала ихъ. Многія мертвыя сороки избѣжали участи быть увѣковѣченными путемъ присоединенія ихъ къ національной коллекціи въ Лондонѣ исключительно

только благодаря каменистости скалъ, служившихъ убѣжищемъ этимъ созданьямъ, такъ какъ среди скалъ маленькія ихъ тѣльца терялись невозвратно.

Мы спали въ эту ночь возлѣ огромнаго костра у края альпійскаго озера, около котораго оставили наши принадлежности, а на слѣдующее утро возвратились уже по другому болѣе легкому пути въ Ала-Суйскую долину къ мѣсту стоянки главной части нашего лагеря, убѣдившись при этомъ на опытѣ, что вдоль гребней залѣсенныхъ хребтовъ, попадающіяся ели растутъ не такъ близко одна отъ другой и потому путешествіе по такимъ гребнямъ менѣе утомительно.

За время нашего отсутствія Миллеру удалось, послѣ долгой торговли, купить экземпляръ домашняго оленя. Несмотря на то, что стада оленей у туземцевъ излишне велики для удовлетворенія ихъ потребностей, а также на отсутствіе спроса на оленей извнѣ, вслѣдствіе чего они не имѣютъ никакой рыночной цѣны, урянхайцы чрезвычайно неохотно соглашались разстаться даже и съ однимъ изъ этихъ животныхъ. Предложеніе цѣны значительно превышавшей дѣйствительную стоимость оленя не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ. 15 рублевая (30 шиллинговая) плата не вызвала никакого соревнованія между различными содержателями палатокъ, благодаря чему не удалось нѣсколько уменьшить цѣну сдѣлки. Очевидно среди урянхайцевъ деньги не пользуются еще вовсе обаяніемъ. Всѣ наши торговые товары полностью пришлось разложить въ соблазнительномъ рядѣ съ тѣмъ, чтобы повліять на воображеніе какого нибудь прохожаго урянхайца—пастуха; но несмотря на то, что ножи, иглы, мыло, музыкальные инструменты, раскрашенныя бусы и автоматическія зажигалки для трубокъ очень занимали туземцевъ, они отнюдь и не думали считать всѣ эти предметы стоющими хотя бы и одного оленя. Нѣкоторыя тщеславныя старыя женщины сильно интересовались полотнищами краснаго и желтаго бархата, но онѣ не могли ничего предложить за нихъ взамѣнъ кромѣ оленьяго молока, которое мы и безъ того получали по опредѣленной нами цѣнѣ въ три иглы, или въ три безопасныя булавки, за чашку.

Какъ никакъ, но прекрасный экземпляръ домашняго оленя былъ въ концѣ концовъ пріобрѣтенъ, убитъ и съ него Миллеромъ снята шкура. Его рога украшали затѣмъ наши вьючные тюки на всемъ пути слѣдованія вплоть до Восточнаго Туркестана, двигались ли мы на лошадяхъ, волахъ или верблюдахъ и служили племенамъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться по пути, наглядным свидѣтельствомъ о той отдаленной странѣ, изъ которой мы къ нимъ явились. Трудность пріобрѣтенія хорошихъ экземпляровъ оленьихъ роговъ усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что животныя эти сбрасываютъ свои рога обычно во время нахожденія туземцевъ въ лагеряхъ на низинахъ, почему самые большіе экземпляры во время нашего проѣзда оказывались всегда испорченными, такъ какъ среди урянхайцевъ принято спиливать верхушки длинныхъ роговъ, чтобы облегчить оленю проходъ черезъ густой лѣсъ.

Четвертаго іюля мы съ нашимъ караваномъ поднялись для дальнѣйшаго слѣдованія и направились къ востоку, намѣреваясь сперва пройти въ предѣлы бассейна рѣки Чебаша, а затѣмъ въ бассейнъ рѣки Камсары. Путешествуя по обыкновенію безъ проводниковъ и не имѣя передъ собою никакихъ признаковъ, которые бы могли служить указаніемъ правильности нашего движенія, кромѣ прерывающихся оленьихъ тропъ, то и дѣло или теряющихся въ болотѣ, или пропадавшихъ въ лѣсной чащѣ, мы старались держаться все же прямого курса на востокъ пока, наконецъ, не уперлись въ большую рѣку, теченіе которой заставило насъ повернуть къ юго-востоку, а затѣмъ прямо на югъ. Районъ этотъ не отличался какими либо физическими особенностями, а низкіе холмы и обширныя плоскія долины дѣлали самое путешествіе монотоннымъ, а нанесеніе на карту труднымъ.

Однако, нѣкоторыя изъ этихъ долинъ привлекли все же наше вниманіе, такъ какъ могли безспорно служить настоящимъ раемъ для колонизаціи. Онѣ какъ по величинѣ такъ и по открытости своего рельефа производили весьма выгодное впечатлѣніе и нашему каравану приходилось здѣсь проходить

Урянхайскіе палатки и оленьи стада.

по травянымъ пространствамъ, усѣяннымъ еловыми (сосновыми) и лиственничными рощицами и милю за милей прорѣзать богатыя пастбища, никѣмъ еще не занятыя и не использованныя для выпаса, хотя и представляющія изъ себя самыя благопріятныя въ этомъ отношеніи угодья. Мы не можемъ не отмѣтить исключительно выгодныхъ условій этихъ равнинъ для развитія земледѣльческаго и скотоводческаго промысловъ и поражаемся какъ это до сихъ поръ здѣсь не имѣется еще засельщиковъ. Вся эта страна производитъ впечатлѣніе страны, готовой принять и вмѣстить крупное населеніе, принадлежащее мужественному и прогрессирующему народу, которое занялось бы здѣсь использованіемъ и развитіемъ ея природныхъ и несомнѣнно обильныхъ богатствъ. Въ послѣдующей главѣ будетъ идти рѣчь о русской иммиграціи въ предѣлы этого района, а равно и о причинахъ задержекъ послѣдней, наблюдавшихся вплоть до настоящаго времени, а также о вѣроятномъ ея оживленіи въ ближайшемъ будущемъ. Тотъ фактъ, что урянхайцы, остаются „маленькимъ народомъ“, живя въ предѣлахъ страны великихъ возможностей, не представляющей въ сущности серьезныхъ недостатковъ, указываетъ на то, что туземцы сами уже не обладаютъ чудодѣйственной силой возрожденія и находятся несомнѣнно на вѣрномъ пути постепеннаго угасанія.

Большая часть страны, которую намъ приходилось пересѣкать между Ала-Су и устьемъ рѣки Камсары, отличалась великолѣпнымъ видомъ; однако, здѣсь же мы обнаружили и значительныя пространства болотъ. На водораздѣлѣ указанныхъ двухъ рѣчныхъ системъ, напримѣръ, мы наткнулись на огромную топь, которая заставила насъ остановиться и потерять одну изъ лошадей; надо удивляться тому, что обозныя лошади наши вообще уцѣлѣли здѣсь, такъ какъ размягченный грунтъ, перемѣшанный со скалами и разсѣянными корнями деревьевъ представляли чрезвычайно благопріятныя условія для перелома послѣдними своихъ ногъ.

Въ это время года особенно давали себя знать кромѣ того мошкара и лошадиныя мухи, которыя буквально терзали нашъ караванъ; при такихъ обстоятельствахъ путешествіе по этимъ

болотамъ благодаря обилію несносныхъ насѣкомыхъ, оказалось въ это время года крайне тяжелымъ. Днемъ жизнь здѣсь буквально невозможна. По мѣрѣ того, какъ наши лошади, медленно подвигаясь, расчищали себѣ грудью путь сквозь лѣсную заросль, мошкара и мухи тучами вились надъ нами, безжалостно облѣпляя и ихъ и насъ. Только немилосерднымъ оттираніемъ избавляли мы нашихъ лошадей отъ москитовъ, оставляя на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ надувшіяся кровью насѣкомыя были убиты, зловѣщія кровяныя пятна. Потревоженная лѣсная чаща наполняла воздухъ массами этихъ насѣкомыхъ, что приводило въ бѣшенство лошадей. Гигантскіе зеленые слѣпни и маленькія темныя мушки, безпокоили нашихъ животныхъ въ продолженіе всего пути какъ бы изощряясь во что бы то ни стало уничтожить нарушителей ихъ покоя. Линію слѣдованія каравана можно было легко различить по облаку насѣкомыхъ, которое вилось позади насъ въ воздухѣ, причемъ, намъ большого труда стоило идти съ открытыми глазами. Никогда еще, даже и во время восьмимѣсячнаго путешествія по тропической Африкѣ, я не прибѣгалъ къ помощи перчатокъ и покрывала въ дневное время; здѣсь мнѣ приходилось дѣлать это. Но даже и такія предосторожности мало помогали противъ насѣкомыхъ. Ночью намъ удавалось иногда при содѣйствіи сѣтокъ и круга дымящихся огней не надолго засыпать, но о работѣ въ родѣ писанія, или составленія географическихъ картъ, нечего было при этихъ условіяхъ даже и думать.

На четвертый день послѣ того, какъ мы покинули Ала-Су, мы подошли къ огромной рѣкѣ, которая оказалась Чебашемъ, и прослѣдовавъ по ней внизъ на пространствѣ шести или семи миль, обнаружили, что рѣка эта соединяется съ другимъ прекраснымъ потокомъ, вливающимся въ нее съ сѣвера. Этотъ притокъ оказался рѣкой Камсарой. Большая рѣка съ широкой долиной, огражденной старыми рѣчными терассами огромной высоты и смѣсью пастбищныхъ угодій съ покатыми холмами, покрытыми отличнымъ лѣсомъ, придавала окрестностямъ оживленный и мощный видъ, невольно ласкавшій нашъ взоръ послѣ перенесенныхъ нами только что трудностей блужданія

Каменное изображеніе „со сложенными руками, сжимающими сосудъ".

Урянхайскій лагерь (становище).

по тайгѣ и по суровымъ горнымъ вершинамъ. Мы вышли къ берегамъ великаго воднаго пути, который является для этого района тѣмъ же—чѣмъ служитъ уличный проѣздъ въ переполненной толпами столицѣ: вся жизнь и всѣ интересы сосредоточиваются на этой рѣкѣ, которая въ самомъ дѣлѣ служитъ главной артеріей для мѣстныхъ сообщеній.

Въ предѣлахъ низменности, въ сторонѣ отъ Камсары, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ ея соединенія съ Бей-Кемомъ, мы натолкнулись на группу избушекъ,—жилищъ немногочисленныхъ предпріимчивыхъ сибирскихъ переселенцевъ—и, разставивъ наши палатки нѣсколько поодаль отъ ихъ незатѣйливыхъ, но зато домовитыхъ обиталищъ, занялись отвѣтами на жадные ихъ вопросы, которыми они насъ закидывали. Больше всего интересовало ихъ узнать—кто мы такіе. Конечно мы, насколько было это въ нашихъ средствахъ, пытались удовлетворить ихъ любопытство.

ГЛАВА IV.

Центральная часть бассейна верхняго Енисея.

При послѣдующихъ передвиженіяхъ по урянхайскому краю и по центральной части Енисейскаго бассейна, гдѣ благопріятныя условія рѣчного транспорта, явились на смѣну только что нами испытанныхъ трудностей путешествія по лѣснымъ пространствамъ, а также болѣе открытый характеръ мѣстности обезпечилъ намъ уже большую свободу въ движеніи. Здѣсь намъ пришлось пережить много настолько яркихъ впечатлѣній, что словесное ихъ описаніе не можетъ дать сколько-нибудь полныя представленія о нихъ. Въ районѣ Бей-Кема, за Камсарою, мы вступили въ полосу залитыхъ солнцемъ луговъ, перемѣшанныхъ съ тѣнистыми лѣсами, полосу клонящейся долу травы и открытаго лѣса, испещренную множествомъ спокойныхъ озеръ, пересѣченную искрящимися ручейками и изрѣзанную крупными лентами струящихся рѣкъ. Здѣсь нашимъ глазамъ открылось очаровательное сочетаніе луга съ лѣсомъ и холма съ равниной. Мы могли безпрепятственно слѣдовать верхомъ по мягкой, покрытой густой травою землѣ, не встрѣчая на своемъ пути преградъ, подобныхъ тѣмъ, которыя представляетъ изъ себя лѣсная чаща и не испытывая гнетущаго чувства однообразія, вызываемаго обычно сплошной степью. Здѣсь въ насъ ожило представленіе о пространствѣ; мы съ жадностью пожирали послѣ однотонныхъ видовъ лѣса, черезъ который намъ пришлось пробираться, открывшіяся теперь нашимъ взорамъ широкія перспективы.

Для контраста можно отмѣтить, что здѣсь намъ приходилось уже проходить по такого рода небольшимъ прекраснымъ рощицамъ, которыя, хотя и не были настолько густы, чтобы совершенно закрывать отъ нашихъ глазъ кругозоръ, однако, все же кронами своихъ лиственницъ скрадывали проникающіе внутрь солнечные лучи, отбрасывавшіе на землю причудливый узоръ дрожащихъ тѣней. Сквозь прогалины лиственничной зелени намъ открывались обширныя великолѣпнаго вида пространства позолоченныхъ солнцемъ прерій и роскошныхъ низинъ, пестрѣвшихъ устилавшимъ ихъ ковромъ дикихъ цвѣтовъ. Здѣсь, между прочимъ, находилась озерная область съ тысячами озерковъ, воды которыхъ служили источниками великому Енисею и изобиловали крупной рыбой. Въ общемъ мѣстность эта производила впечатлѣніе настоящаго, полнаго очарованія, рая, который мы и пересѣкли частью верхомъ, частью же въ челнокѣ.

Съ помощью привычныхъ сибирскихъ гребцовъ мы, подпираясь шестами, въ нашихъ челнахъ подвигались впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ это удалось бы намъ сдѣлать при путешествіи сухопутьемъ, испытывая при томъ значительно большее удовольствіе. Безмятежно проводили мы время, развалившись въ выдолбленныхъ челнахъ, или же на плоту и проносясь внизъ по теченію спокойныхъ изгибовъ Бей-Кема; наоборотъ, бурно закипала работа, когда на нашемъ пути внезапно попадались заставлявшіе рисковать безопасностью пороги. Намъ приходилось романтически раскидывать свои лагери по ночамъ возлѣ какого нибудь валуннаго препятствія, раздвоявшаго темный, молчаливый лѣсъ и мчащуюся рѣку. Такой открытой мѣстности намъ еще до сихъ поръ не попадалось; двигаться по ней было совсѣмъ легко, но даже и здѣсь на горизонтѣ мы никогда не теряли изъ виду отдаленныхъ хребтовъ, залѣсенные склоны которыхъ тянулись вдаль и заканчивались голыми, суровыми вершинами, образовывавшими скалистую ограду вокругъ всего бассейна, настолько плотную, что намъ казалось, будто мы находимся въ заключеніи.

„Низины“ и открытыя пастбища, гдѣ живетъ главная под-

группа урянхайскаго племени „Тойи“ расположены по берегамъ рѣки Бей-Кема, къ югу отъ Камсары и хорошо извѣстны подъ наименованіемъ Дора-Кемскихъ степей. Въ дѣйствительности онѣ представляютъ изъ себя главный центръ урянхайской жизни въ предѣлахъ верхняго бассейна и намъ очень хотѣлось посѣтить эти степи, такъ какъ физическія условія ихъ сильно отличаются отъ условій мѣстностей, окружающихъ становища туземнаго племени—оленеводовъ, которыхъ мы уже видѣли въ глубинахъ тайги. Для того, чтобы наилучшимъ образомъ использовать имѣвшееся въ нашемъ распоряженіи короткое время и задавшись мыслью насколько возможно полнѣе раздвинуть рамки, составить наши карты и занять большее пространство, рѣшили раздѣлить наши силы. Миллеръ и Прайсъ взялись посѣтить урянхайцевъ, живущихъ въ Дора-Кемскихъ степяхъ вверхъ по рѣкѣ Бей-Кему, тогда какъ я рѣшилъ присоединиться къ главному отряду каравана, ожидавшему нашего прибытія возлѣ устья рѣки Систи-Кема съ тѣмъ, чтобы организовать его дальнѣйшій маршрутъ и затѣмъ посѣтить районъ расположенный между рѣками Бей-Кемомъ и Куа-Кемомъ, который на географическихъ картахъ обычно изображается или чистымъ бѣлымъ пятномъ, или же, что еще хуже, наполовину гадательными рѣками и горами.

Сліяніе Камсары съ Бей-Кемомъ служитъ въ то же время и мѣстомъ сліянія двухъ путей, которые выводятъ изъ предѣловъ бассейна въ Прибайкальскія провинціи Сибири. Къ несчастью, намъ такъ и не удалось получить точныхъ свѣдѣній объ этихъ путяхъ. Безъ сомнѣнія, однако, ими пользуются русскіе торговцы. М. Сафьяновъ одинъ изъ старѣйшихъ и самыхъ культурныхъ колонистовъ этого района дѣйствительно пытался прогонять скотъ изъ своихъ помѣстій, расположенныхъ въ низовьяхъ Бей-Кема, по этому пути въ сибирскіе города Нижнеудинскъ (Novi-Udinsk) и Иркутскъ. Говорятъ, что ему при этомъ пришлось проблуждать по горамъ 5 мѣсяцевъ вмѣсто того, чтобы совершить все путешествіе въ два мѣсяца, какъ онъ разсчитывалъ. Одинъ изъ этихъ путей ведетъ къ верховьямъ рѣки Кучу-Кемъ—правому притоку Кам-

Верхнее теченіе Бей-Кема.

сары черезъ водораздѣльный проходъ, лежащій на высотѣ 7.400 футовъ надъ уровнемъ моря. Другой путь слѣдуетъ вверхъ по главному теченію Бей-Кема и пересѣкаетъ перевалъ высотою въ 6.500 футовъ надъ уровнемъ моря.

Я потому удѣляю вниманіе этимъ путямъ, что въ настоящее время ощущается крупный пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ объ отдаленномъ восточномъ концѣ бассейна. Въ самомъ дѣлѣ, на протяженіи 120 миль, которыми измѣряется разстояніе между двумя указанными проходами, водораздѣлъ едва извѣстенъ и и поскольку позволяютъ намъ судить о томъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія, никакихъ дорогъ, которыя бы вели въ предѣлы этой мѣстности, не имѣется. Въ этомъ районѣ берутъ начало многочисленные истоки рѣки Бей-Кема, а усѣянная озерами мѣстность, исключительная по своей красотѣ и интересу, представляется крайне цѣнной въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ озера эти изобилуютъ неописуемыми богатствами рыбы. Выводными протоками этимъ озерамъ служатъ притоки Бей-Кема, въ родѣ Азаза, или Ее, протекающихъ насквозь и соединяющихъ линію, пожалуй, дюжины маленькихъ озеръ. Но встрѣчаются, однако, и такія озера, которыя, какъ, напримѣръ, Тойи-Куль и Нойонъ-Куль занимаютъ площадь почти въ тридцать квадратныхъ миль.

Миллеръ и Прайсъ отправились въ путь 8 іюля въ двухъ легкихъ челнокахъ и въ три дня поднялись вверхъ по главному теченію рѣки Бей-Кема до „Куріи“ или храма, расположеннаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ лѣваго берега рѣки, въ весьма удобной мѣстности, густо населенной урянхайцами. Рѣка Бей-Кемъ течетъ здѣсь то между высокихъ песчаниковыхъ утесовъ, возвышающихся неподалеку отъ мѣста ея сліянія съ рѣкой Камсарой, то по аллювіальной (наносной) равнинѣ, по которой она пробила себѣ ложе въ высокихъ терассовидныхъ берегахъ. Долина на правомъ берегу рѣки, представляетъ изъ себя широкую и открытую, наклонную къ рѣкѣ поверхность, испещренную мелкими холмами и покрытыми травой площадями, за которыми въ нѣкоторомъ отдаленіи иногда поднимаются болѣе значительныя возвышенности; мѣстность по лѣвому берегу

рѣки загорожена хребтомъ холмовъ, тянущихся параллельно и совершенно вплотную къ рѣкѣ. Далѣе къ югу хребетъ этотъ уступаетъ свое мѣсто прекрасному, открытому степному пространству, которое гостепріимно пріютило большое урянхайское населеніе. Здѣсь то и находится главный религіозный центръ всей округи верхней части бассейна, а присутствіе Куріи, или буддійскаго храма, придаетъ особый интересъ и важность всей этой мѣстности. Въ сторонѣ, на восточномъ берегу рѣки въ Дора-Кемскихъ преріяхъ, находится резиденція „Нойона", или главы клана Тойи, по всему же району, а въ особенности, вокругъ Куріи и жилища нойона, объединенно живетъ главная секція самого племени Тойи.

Пастбища и луга верхняго Бей-Кема содержатъ самое большое общежитіе урянхайцевъ, какое только намъ удалось здѣсь встрѣтить; только въ этой мѣстности они живутъ въ большомъ сравнительно количествѣ въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Возлѣ рѣки раскиданы были палатки пастуховъ племени Тойи, живущихъ общинами, насчитывающими отъ 10 до 30 семей каждая. Тойи употребляютъ большей частью обыкновенные берестяные шалаши, но тѣ изъ нихъ, которые побогаче, владѣютъ землянками, представляющими изъ себя простыя, укрытыя войлокомъ, юрты, мало чѣмъ отличающіяся отъ юртъ, употребляемыхъ вообще на всемъ пространствѣ центральной Азіи.

Въ лѣтнее время шалашами пользуются предпочтительно передъ войлочными палатками, но зимою послѣднія, будучи теплѣе юртъ, не только предпочитаются населеніемъ, но и составляютъ сущее благодѣяніе для ихъ владѣльцевъ; однако такихъ палатокъ было не очень много, такъ какъ только небольшой процентъ всего племени настолько зажиточенъ, чтобы быть въ состояніи имѣть по два жилища.

По сосѣднимъ холмамъ паслись стада овецъ, козъ и лошадей, а на самыхъ тучныхъ пастбищахъ, раскинувшихся по берегамъ ручьевъ, откармливался въ продолженіи короткаго, но очаровательнаго лѣта, поражавшій своей плохой породой рогатый скотъ. Туземцы, живущіе въ верхне Бей-Кемскихъ

Перелѣски и усѣянные цвѣтнымъ ковромъ луга

Въ Саянахъ на высотѣ 5000 футовъ.

степяхъ не имѣютъ надобности передвигать свои становища очень часто въ теченіе года и даже когда имъ и приходится кочевать, они не уходятъ на далекія разстоянія, а большинство остается даже въ одной и той же долинѣ въ теченіе круглаго года. Курія и постоянное мѣстопребываніе главы племени могутъ служить до нѣкоторой степени указаніемъ на болѣе или менѣе осѣдлый характеръ жизни этого народца, такъ какъ самое многочисленное населеніе сосредоточивается обычно по сосѣдству съ этими двумя строеніями. Зимой мѣстное населеніе увеличивается—сюда стекаются съ окрестныхъ хребтовъ урянхайцы, которые являются сюда какъ паломники или съ торговыми цѣлями, или для рѣшенія всевозможныхъ тяжбъ и споровъ. Многіе представители племени также спускаются сюда со своими семьями и зимуютъ въ низкихъ долинахъ, такъ что, повидимому, въ періодъ сбора различныхъ клановъ верхній Бей-Кемъ должно быть представляетъ изъ себя оживленную картину. Снѣгъ здѣсь выпадаетъ по открытымъ мѣстамъ въ небольшомъ количествѣ и потому стада могутъ безъ труда находить себѣ пропитаніе.

Племя Тойи легко можетъ сообщаться съ югомъ, такъ какъ особые пути ведутъ отсюда по широкой долинѣ Куи-Кема, а затѣмъ черезъ хребетъ Танну-Ола въ часто посѣщаемую долину Тесса и къ пастбищамъ и поселеніямъ, раскиданнымъ въ большомъ количествѣ по пути къ Улясутаю. Другая, менѣе извѣстная дорога, ведетъ прямо черезъ холмы и долину на Ургу.

Высадившись изъ своихъ челноковъ Миллеръ и Прайсъ посѣтили Курію въ одинъ изъ дней, въ который обычно справляется интересное лѣтнее торжество, достаточно характерное для того, чтобы можно было составить представленіе объ одной изъ наиболѣе любопытныхъ религіозныхъ церемоній. Описаніе этого торжества мы оставляемъ до главы, въ которой будутъ приведены всѣ наши наблюденія надъ религіозными вѣрованіями и обычаями урянхайцевъ. Курія оказалась замѣчательнымъ строеніемъ, отличавшимся необычайнымъ смѣшеніемъ китайскаго и русскаго архитектурныхъ стилей. Говорятъ, что она была выстроена около 10 лѣтъ тому назадъ русскими

рабочими; это утвержденіе, повидимому, подтверждается наличіемъ возлѣ Куріи множества бревенчатыхъ домовъ, такъ какъ кромѣ русскихъ врядъ ли кому нибудь могло быть знакомо здѣсь искусство обдѣлки и соединенія еловыхъ плахъ. Зданіе храма обращаетъ на себя вниманіе китайскими формами своей крыши и приподнятыми удивительно вырѣзанными карнизами, какъ бы олицетворяющими безобразныхъ чудовищъ.

Вокругъ расположено множество избъ, въ которыхъ живутъ хранители храма, а также молодые урянхайскіе послушники, посвятившіе свою жизнь служенію при храмѣ. Каждая хижина отгорожена полисадникомъ изъ еловыхъ плахъ и занимаетъ такимъ образомъ совершенно обособленный участокъ. Тутъ же у храма имѣются неизбѣжныя „молильныя колеса“ и возвышается башенка, съ которой ламы сзываютъ обычно братію на молитву; послѣдняя напоминала хорошо извѣстный обычай послѣдователей ислама.

Внутренность Куріи составляли: смѣшанная коллекція раскрашенныхъ шелковыхъ свертковъ и священныхъ музыкальныхъ инструментовъ, библіотека, состоящая изъ полутора сотенъ религіозныхъ книгъ и обиліе идоловъ. Въ числѣ послѣднихъ наиболѣе интересны три, отличающіеся особенностями, непохожими на особенности обычныхъ буддійскихъ идоловъ, которыхъ намъ удавалось видѣть въ Азіи; орлиные носы и длинные волосы, придавали имъ необычайный для буддійскаго рисунка священныхъ фигурныхъ изображеній видъ. Съ глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, маленькая община ламъ совершала здѣсь самымъ аккуратнымъ образомъ религіозный ритуалъ. Одно изъ вечернихъ богослуженій, засвидѣтельствованное моими товарищами, во время ихъ посѣщенія Куріи началось съ того, что двое ламъ поднялись на башню для созыва своей братіи и начали выдувать печальные звуки съ помощью какихъ то большихъ бѣлыхъ сосудовъ. Ламы и послушники быстро собирались на этотъ зовъ, причемъ, у каждаго изъ нихъ была перекинута черезъ плечо красная шаль и, съ силой повернувъ при входѣ въ храмъ „молильныя

„Курія“ или буддійскій храмъ (Чеданская долина).

Типы вырождающихся урянхайцевъ (буддійскіе ламы).

колеса", занимали свои мѣста, разсаживаясь со сложенными на крестъ ногами по диванамъ. Послѣ этого, главный жрецъ съ какимъ то призывомъ громко и скороговоркой обратился къ молельщикамъ, сопровождая свое обращеніе для выразительности въ извѣстныхъ переходахъ звономъ въ маленькій мѣдный колокольчикъ. Прочіе ламы безпрерывно вертѣли „молильныя" колеса, а въ отдаленіи, въ другомъ зданіи, звуки барабановъ и цимбалъ усиливали шумъ, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ и впечатлѣніе религіознаго экстаза.

Представившійся намъ случай наблюдать наружное выраженіе буддійскаго культа среди народа, который фактически вѣритъ въ шамановъ, убѣдилъ насъ въ томъ, что послѣдователи буддизма повидимому усиленно стремятся завладѣть сердцами урянхайцевъ; послѣдніе, однако, не съ такой охотой принимаютъ эту религію, какъ монголы, и это даетъ намъ право утверждать, что въ глубинѣ души урянхайцы попрежнему остаются вѣрными поклонниками природы.

Покинувъ Курію, Миллеръ и Прайсъ переправились черезъ рѣку Бей-Кемъ на востокъ и посѣтили два небольшихъ селенія, основанныхъ русскими переселенцами. Эта отдаленная часть бассейна обратила на себя вниманіе нѣсколькихъ наиболѣе отважныхъ торговцевъ и фермеровъ тѣмъ, что будучи густо заселена урянхайцами, обусловила хорошій спросъ на товары; кромѣ того здѣсь на привольѣ раскинулись обширныя пространства, которыхъ хватаетъ на прокормленіе не только всего наличнаго населенія, но также и крупныхъ стадъ; вполнѣ благопріятенъ этотъ районъ кромѣ того и для выдѣлки масла и сыра. Эти піонеры весьма гостепріимно встрѣтили моихъ товарищей и съ ихъ помощью послѣдніе совершили путешествіе на востокъ къ озеру Тойи-Куль. Страна, по которой имъ пришлось проходить, представляла изъ себя чистую степь, покрытую короткою травой и несомнѣнно обладавшую всѣми данными, чтобы сдѣлаться современемъ прекрасной, производительной земледѣльческой округой. Небольшія пространства лиственничнаго лѣса, а возлѣ рѣкъ узкія береговыя полоски, поросшія ивнякомъ и березой, оживляли открытую здѣсь для

глаза, въ общемъ, зеленую поверхность, а обиліе раскиданныхъ на всемъ этомъ пространствѣ древнихъ могильниковъ или кургановъ свидѣтельствовало о томъ, что районъ этотъ, въ давно прошедшія времена былъ густо населеннымъ. Озеро Тойи-Куль расположено среди всхолмленной мѣстности, гдѣ пролегалъ путь древнихъ ледниковъ, легко распознаваемый по уцѣлѣвшимъ до нашего времени моренамъ; между прочимъ изъ нашихъ наблюденій надъ озерами, которыя намъ удалось видѣть въ верхнемъ Енисейскомъ бассейнѣ, мы выводимъ заключеніе, что всѣ они обязаны своимъ существованіемъ измѣнившимся съ теченіемъ времени условіямъ, которыя съ необходимостью должны были послѣдовать за предшествовавшими имъ величайшими здѣсь обледенѣніями.

Озеро Тойи-Куль, отличающееся широкимъ пространствомъ совершенно прозрачной спокойной воды, съ травянистыми берегами и залѣсенными островами, съ изломанной береговой линіей, образующей спокойныя бухточки съ покрытыми лѣсомъ холмистыми берегами, представляло изъ себя привлекательное, исключительное по красотѣ и величію зрѣлище. Паркообразная мѣстность окружала это озеро и, несмотря на разбросанныя тамъ и сямъ вдоль по озерному берегу урянхайскіе шалаши, эта великолѣпная мѣстность въ большей своей части, производила впечатлѣніе совершенно еще нетронутой человѣкомъ, нераспаханной и неиспользуемой обширной площади.

Тойи-Куль считается священнымъ озеромъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ священные „обосы“, поставленные здѣсь на всѣхъ мало-мальски выдающихся мѣстахъ,—какъ бы на стражѣ озера. Туземцы посѣщаютъ окрестности озера Тойи-Куль въ весенніе и осенніе мѣсяцы, причемъ, осенняя пора считается здѣсь наиболѣе благопріятной для рыбной ловли. При помощи крючковъ и сѣтей, а послѣднія превосходно выдѣлываются урянхайцами изъ лошадинаго волоса, они съ легкостью налавливаютъ такое количество рыбы, которое, за удовлетвореніемъ ихъ собственныхъ потребностей, идетъ и для цѣлей торговли съ русскими. Однако туземцы, относительно, весьма слабо эксплоатируютъ, если принять во вниманіе, невѣроятное количество

Озеро Тойи-Куль у истоковъ Енисея.

рыбы въ озерѣ, свои рыбныя ловли. Способы ихъ ловли слишкомъ примитивны и они не обладаютъ для успѣшнаго веденія этого дѣла настойчивостью, усердіемъ и энергіей; живя въ странѣ озеръ и рѣкъ, они не сумѣли даже научиться строить лодокъ или челноковъ и до сихъ поръ для цѣлей водяного транспорта продолжаютъ пользоваться только своими плотами. Тѣмъ не менѣе, благоразуміе ихъ сказалось все же въ томъ, что они сумѣли объявить заповѣдность озера Тойи-Куль и тѣмъ самымъ, во избѣжаніе осквернения его священныхъ водъ, запретить русскимъ заниматься здѣсь рыбной ловлей.

Въ отдаленіи, въ глубинѣ залѣсенныхъ хребтовъ, къ востоку отъ озера живутъ небольшимъ лагеремъ туземцы-оленеводы, о которыхъ, до сихъ поръ извѣстно только одно—что они дѣйствительно существуютъ. Говорятъ, что зимою они спускаются внизъ и располагаются лагеремъ по берегамъ озера, а нѣкоторые изъ нихъ посѣщаютъ даже съ торговыми цѣлями русское селеніе, расположенное при Бей-Кемѣ. Группа племени Тойи, населяющая районъ озера, называется „Куль“, или „Норъ-Суминъ“, что въ переводѣ означаетъ „озерный народъ“, такъ какъ приставки „Куль“ и „Норъ“ по тюркски и монгольски означаютъ озеро, а „Суминъ“ служитъ наименованіемъ племенного подраздѣленія. Все племя Тойи состоитъ изъ четырехъ такихъ суминовъ.

Посѣтивъ Тойи-Кульскаго Нойона, живущаго въ центрѣ большого лагеря своихъ подданныхъ, расположеннаго смежно съ русскимъ поселеніемъ Сафьянова, Миллеръ и Прайсъ, усѣвшись снова въ свои челноки, пустились въ обратный путь внизъ по теченію и достигли мѣста стоянки главнаго нашего лагеря при устьѣ рѣки Систи-Кема въ теченіи двухъ сутокъ.

Тѣмъ временемъ мнѣ удалось выполнить мою задачу съ большимъ успѣхомъ. Покинувъ Камсару, я проѣхалъ вдоль праваго берега рѣки Бей-Кема по очаровательной мѣстности и черезъ день достигъ устья рѣки Систи-Кема, гдѣ былъ пораженъ, заставъ главную партію нашего каравана, уютно расположившуюся лагеремъ среди травянистаго луга по берегу рѣки. Палатки были разбиты, плотъ стоялъ привязаннымъ къ берегу,

а лошади прекрасно поправились, что, конечно, было результатомъ двухнедѣльной пастьбы ихъ по роскошному лугу. Въ дѣйствительности, наши планы и соглашенія удались вполнѣ, такъ какъ всѣ составныя части нашего каравана исполнили точно и аккуратно данныя имъ спеціальныя порученія.

Я задержался въ лагерѣ на нѣсколько дней, занявшись снаряженіемъ по отправкѣ людей и лошадей къ Ча-Кулю[1]), гдѣ намъ снова предстояло воспользоваться ихъ услугами. Сами же мы предполагали продолжать путешествіе на плоту внизъ по Бей-Кему и Улу-Кему до Ча-Куля, который представляетъ изъ себя маленькое поселеніе китайцевъ и русскихъ, расположенное на нижнемъ Улу-Кемѣ на разстояніи 180 миль отъ мѣста нашей стоянки. 11 іюля двадцать четыре лошади были отправлены подъ руководствомъ трехъ людей, причемъ, въ то время какъ, съ помощью плота мы надѣялись пройти 180 миль въ трое, или четверо сутокъ, лошадямъ и отправленнымъ съ ними людямъ было позволено пробыть въ пути полные десять сутокъ, такъ какъ имъ предстояло пройти большое разстояніе, тянущееся вдоль берега рѣки параллельно Саянскому хребту. Плотъ былъ передѣланъ и скрѣпленъ въ предвидѣніи тяжелыхъ испытаній на Бей-Кемскихъ порогахъ и самое тщательное вниманіе было удѣлено при этомъ всѣмъ деталямъ необходимаго снабженія.

Невдалекѣ отъ нашего лагеря находилось еще одно уединенное помѣстье, принадлежащее русскимъ переселенцамъ, носящее наименованіе Скобіева. Необходимо отмѣтить, что селенія, на которыя мы такъ часто натыкались во время нашихъ странствованій, представляютъ изъ себя совершенно своеобразную особенность описываемаго бассейна. Онѣ раскиданы на нѣкоторыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга по всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ района, гдѣ только тому способствовали подходящія условія. Иногда значительныя количества русскихъ селятся вмѣстѣ и образуютъ настоящія колоніи, но въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, здѣсь—при устьѣ рѣки Систи-Кема и по Камсарѣ пригодныхъ земель недостаточно и переселенцамъ приходится

---

[1]) По картѣ Джа-Куль.

устраиваться отдѣльными хуторами. Сосѣдство съ рѣкой составляетъ насущную необходимость для существованія этихъ аванпостовъ цивилизаціи. Рѣки—жизненный нервъ бассейна; поэтому всѣ колонисты селятся по возможности вдоль рѣкъ, пользуясь ими какъ большими дорогами и объектами для рыбной ловли. Между тѣмъ здѣсь, казалось бы, ничто, кромѣ трудностей транспорта, не препятствуетъ осѣданію новоселовъ и вдали отъ рѣкъ. Какъ никакъ, но мы встрѣчали поселенія почти исключительно по берегамъ главнѣйшихъ рѣкъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ они располагались у мѣстъ сліянія притоковъ съ главными водными артеріями. Какъ политическое, такъ и торговое значеніе этихъ колоній, обусловливаются нѣкоторыми интересными обстоятельствами, которые составляютъ неотъемлемую особенность лишь данной мѣстности и нигдѣ больше не наблюдаются, по крайней мѣрѣ, въ такой яркой степени.

Въ мѣстности этой урянхайское населеніе очень малочисленно. Лишь незначительное количество туземныхъ хозяйствъ используютъ здѣсь свое близкое сосѣдство съ русскимъ селеніемъ, да нѣсколько разсѣянныхъ лагерей, какъ говорили намъ, ютятся по южному берегу Бей-Кема. Чтобы познакомиться съ условіями, въ которыхъ живутъ здѣсь урянхайцы и имѣть такимъ образомъ возможность сравнить ихъ съ условіями жизни оленеводовъ племени Тойи, я посѣтилъ одного вождя, шалашъ котораго былъ расположенъ на отдаленномъ берегу рѣки. Теченіе Бей-Кема, пробивающагося въ этомъ мѣстѣ по нѣсколькимъ русламъ, весьма быстро. Пересѣкать эти русла пришлось въ челнокахъ, тогда какъ лошади пущены были вплавь подъ руководствомъ сопровождавшаго меня урянхайца. Эта переправа познакомила меня съ оригинальнымъ и въ то же время весьма цѣлесообразнымъ способомъ, къ которому прибѣгаютъ вообще мѣстные туземцы, когда имъ съ лошадьми приходится пересѣкать крутыя рѣки; я убѣдился, что послѣдніе недурно примѣнились въ этомъ краѣ къ условіямъ воднаго транспорта. Мой проводникъ сперва ѣхалъ верхомъ на одной изъ лошадей противъ теченія, гоня остальныхъ впереди себя, пока не перевалилъ

такимъ образомъ середины рѣки; послѣ этого онъ ловко спрыгнулъ въ воду со спины лошади и держась, за ея длинную гриву, предоставилъ ей буксировать себя поперекъ теченія и въ то же время затянулъ какую то своеобразнаго мотива пѣсню.

Проѣхавъ два часа отъ южнаго берега Бей-Кема, я прибылъ къ небольшому лагерю, состоявшему изъ 4 шалашей. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ вождю и выдавался среди прочихъ своими размѣрами; измѣрялся онъ 30-ю шагами по окружности и поддержкой ему служило свыше сотни шестовъ. Болѣе осѣдлый бытъ этихъ людей въ отличіе отъ прочихъ урянхайцевъ, между прочимъ обрисовывался здѣсь тѣмъ, что въ большомъ количествѣ имѣлся здѣсь рогатый скотъ, а вождь построилъ себѣ поблизости отъ лагеря еще небольшую постоянную избушку, которая и служила ему амбаромъ для склада принадлежностей его хозяйства. Группа лошадей, старательно защищенная кругомъ дымящихся костровъ отъ жестокаго нападенія обжорливыхъ мухъ, стояла скученною подъ тѣнью нѣсколькихъ, находившихся по сосѣдству, лиственницъ, а скотъ отличавшійся своеобразнымъ внѣшнимъ видомъ—мелкорослый, коренастый и короткорогій—пасся по смежнымъ луговинамъ.

Жившіе здѣсь люди разсказали мнѣ о путяхъ, которые вели отсюда въ юго-восточномъ направленіи къ верховьямъ Бей-Кема, гдѣ, какъ они увѣряли, имѣются становища урянхайцевъ; въ то же время они не могли мнѣ указать никакихъ путей въ предѣлы южныхъ районовъ къ верховьямъ Тапсы, долина которой не лишена значенія въ виду нахожденія въ ея предѣлахъ золотыхъ розсыпей. Отъ нихъ же я узналъ, что на горныхъ кряжахъ, расположенныхъ отсюда къ югу, водятся олени какъ дикіе такъ и домашніе, но мои переводчики были настолько ненадежны, а урянхайцы вообще имѣютъ такое смутное представленіе о правдѣ, что я позволяю себѣ усомниться въ этомъ показаніи. На основаніи полученныхъ нами позднѣе разъясненій я, скорѣе чѣмъ вѣрить этому утвержденію и рискуя вызвать возраженія—склоненъ удостовѣрить, что олени не водятся въ горныхъ хребтахъ, расположенныхъ между Бей-Кемомъ и Куа-Кемомъ, къ западу отъ 96 градуса восточной

Урянхайская семья.

долготы. Что дичь изобилуетъ въ этой округѣ—можно убѣдиться по огромному количеству шкуръ, украшающихъ обычно каждое урянхайское жилище. Преобладаютъ при этомъ шкуры оленя-косули, musk deer и moose, что свидѣтельствуетъ несомнѣнно также и объ искусствѣ туземцевъ охотниковъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что они пользуются лишь съ дула заряжаемыми винтовками стараго образца, ловушками и западнями, охотясь не только ради запасовъ мяса, но также и ради шкуръ, служащихъ имъ носильнымъ платьемъ и ради мѣха—какъ продукта для торговаго обмѣна.

Относительно обширнаго пространства, лежащаго между Бей-Кемомъ и Куа-Кемомъ у насъ не имѣется вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній. Рѣдко посѣщаемая дорога тянется по его центральной части въ направленіи съ востока на западъ отъ верхняго Бей-Кема до долины Тапсы; все остальное пространство этого района въ топографическомъ отношеніи пока еще остается совершенно ненанесеннымъ на карту. Съ возвышенной мѣстности возлѣ устья Систи-Кема мнѣ бросились въ глаза горы, возвышавшіяся въ видѣ зазубреннаго хребта на нѣкоторомъ разстояніи отъ южнаго берега Бей-Кема; горя желаніемъ возможно полнѣе изобразить географическую карту района, я немедленно отправился взявъ съ собою троихъ спутниковъ и минимальное (насколько то было возможно) количество багажа въ челнѣ по направленію къ этимъ горамъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней я испыталъ удовольствіе ѣзды въ челнѣ по спокойнымъ извилинамъ Бей-Кема, среди окружающей очаровательнаго вида панорамы. Какое это наслажденіе проноситься внизъ по серединѣ рѣки въ жаркій день! Я не могу воздержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ относительно разницы между этой поѣздкой по водному пути и острымъ изнурительнымъ усиліемъ сопровождающимъ путешествіе здѣсь сухопутьемъ. Мы попросту лежали теперь развалившись на спинахъ въ челнокѣ и наслаждались видомъ стоявшихъ на разстояніи темныхъ, непроницаемыхъ для глаза полисадовъ сосняка опоясывавшихъ берега рѣки. Наши челноки то лѣниво скользили по какому нибудь спокой-

ному уединенно текущему боковому притоку рѣки, отдѣленному островами отъ главнаго ея теченія, то намъ приходилось проноситься черезъ угрожающія стремнины, гдѣ вода съ шумомъ пробѣгала по своему скалистому ложу. Мы легко обходили гигантскія группы чурбановъ, громоздившихся высоко надъ затопленными островами, и проѣзжали на веслахъ мимо красивыхъ береговъ гостепріимно манившихъ насъ остановиться и сдѣлать на нихъ привалъ. Этому идиллическому путешествію придавало разнообразіе отважное ныряніе въ гирлянды лѣса и въ ширь озеръ, которыя тянутся между рѣчнымъ берегомъ и передовыми холмами безымянныхъ хребтовъ, вздымающихся на югѣ. Мнѣ удалось въ двухъ мѣстахъ пробраться къ самому хребту, зарисовать на планахъ довольно значительное протяженіе этихъ неизвѣстныхъ горъ и нанести на карту съ полдюжины рѣкъ.

Мѣсто, отъ котораго я совершилъ мою первую экскурсію къ югу, расположено, приблизительно, въ 18 миляхъ къ западу отъ Систи-Кема. Отсюда прекрасная долина, отличающаяся сравнительно открытымъ характеромъ, тянется къ сѣверу до истока р. Карагача въ Саянахъ, расположеннаго нѣсколько западнѣе „Бѣлой Горы“, на которую мы взбирались, впервые вступивъ въ предѣлы описываемаго бассейна. Небольшая группа въ 4—5 домиковъ стояла возлѣ устья рѣки, по берегамъ Бей-Кема, причемъ я обнаружилъ, что живущіе здѣсь переселенцы занимаются даже обработкой почвы.

Перебравшись черезъ Бей-Кемъ, я увидѣлъ, что расположенная здѣсь къ югу отъ него мѣстность отличается совершенно плоскою поверхностью и большей частью заболочена. Лиственница и береза уступаютъ здѣсь свое мѣсто кедру, а почва настолько сыра, что покрыта даже моховой растительностью. Я ѣхалъ въ теченіе 6 часовъ по этой мѣстности не обнаруживъ никакихъ признаковъ твердой, сухой почвы, при чемъ, вплоть до того мѣста, гдѣ уже начинаются предгорья, это путешествіе было весьма скучнымъ. Мнѣ не попалось здѣсь никакихъ слѣдовъ жилищъ и поразило полное отсутствіе дорогъ, которыя бы служили доказательствомъ, что мѣстность

эта когда либо посѣщалась человѣкомъ; тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ говорили, урянхайцы все же посѣщаютъ и этотъ районъ, но только зимою, въ цѣляхъ охоты и ловли звѣрей, причемъ, орудіемъ транспорта для нихъ служитъ здѣсь олень, такъ какъ лошадямъ въ такой мѣстности нечѣмъ питаться. Несомнѣнно мѣстность эта изобилуетъ дичью. Я неоднократно поднималъ здѣсь roe deer и видѣлъ слѣды moose и wapiti (марала).

Достигнувъ хребта, насчитывающаго до 7.000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря — я опредѣлилъ, что нахожусь на краю суроваго горнаго района, тянущагося въ направленіи съ востока на западъ и составляющаго одно общее соединительное звено, несмотря на раздѣляющую ихъ рѣку Бей-Кемъ, съ горами Синъ-Тайга и Ташкильскими выступами Главнаго Саянскаго хребта. Въ общемъ хребетъ этотъ оказался весьма крупнымъ и скалистымъ и несмотря на то, что высота его надъ уровнемъ моря мѣстами превышала даже 8.000 футовъ, на его вершинахъ я нашелъ только небольшіе слѣды снѣга. Къ югу тянулся настоящій лабиринтъ суровыхъ хребтовъ, настолько разбитаго рельефа, что мнѣ не удалось даже разобраться въ какомъ, собственно, мѣстѣ прорѣзается теченіе Бей-Кема черезъ горный барьеръ, образуемый этими возвышенностями и гдѣ онъ пересѣкаетъ самую рѣчную долину.

Слѣдующее восхожденіе на тотъ же самый хребетъ я совершилъ еще разъ, но уже находясь на 15 миль далѣе къ западу, а именно отъ Сабіи, второго по счету селенія русскихъ переселенцевъ раскинувшагося по сѣверному берегу рѣки Бей-Кема; время, которымъ я располагалъ для сего, пришлось сократить благодаря внезапному появленію остальной части нашего каравана, спустившагося внизъ по рѣкѣ на плоту, вслѣдствіе чего я и ограничился только поверхностнымъ осмотромъ хребта въ направленіи къ югу съ высоты одной изъ вершинъ, достигающей 7.000 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Эта короткая поѣздка дала мнѣ, однако, возможность опредѣлить мѣстонахожденіе главныхъ долинъ нѣсколькихъ значительныхъ рѣчекъ, устья которыхъ намъ пришлось видѣть, проѣзжая мимо въ челнокѣ, рѣчекъ, несущихъ свою водную дань Бей-Кему. Большія простран-

ства мертваго лѣса и слѣды засушливости на вершинахъ горъ въ сочетаніи съ убогаго вида травянымъ покровомъ свидѣтельствовали о томъ, что съ этого мѣста начинается уже измѣненіе въ характерѣ мѣстной флоры. Съ этой возвышенности моимъ глазамъ открылось широкое зрѣлище на среднее теченіе Бей-Кема, а также на многіе его какъ правые, такъ и лѣвые притоки.

Этотъ взоръ, брошенный съ высоты птичьяго полета, давшій мнѣ возможность взглянуть внизъ на расположенное подо мной все еще въ общемъ лѣсное пространство, познакомилъ меня воочію съ интереснымъ фактомъ взаимнаго распредѣленія здѣсь лѣса и степи. Южный берегъ Бей-Кема оказался густо залѣсеннымъ и насколько только могъ охватить мой глазъ—это пространство лѣса передо мною казалось совершенно сплошнымъ—непрерывнымъ. Сѣверный берегъ рѣки въ общемъ тоже покрытъ лѣсомъ, но здѣсь ясно можно было различить, что въ каждомъ мѣстѣ впаденія какого либо притока въ Бей-Кемъ образовывался перерывъ въ лѣсной зонѣ, и на смѣну чащи появлялось обязательно луговое пространство. Длинныя, узкія, клинообразныя площади открытыхъ мѣстностей, отмѣчали здѣсь положенія правыхъ притоковъ Бей-Кема, представляя изъ себя заманчивыя для цѣлей колонизаціи прогалины, которыми, какъ уже упоминалось выше, русскіе и не замедлили воспользоваться. Эти уединенные клочки степи представляютъ изъ себя первыя попытки степной флоры побѣдить лѣсныя заросли. Степныя условія пріобрѣтаютъ здѣсь благопріятную для себя почву, а самыя степи, впервые появляясь по берегамъ рѣкъ—въ низинахъ долинъ, отличаются уже настоящимъ южнымъ характеромъ.

Деревня Сабія представляетъ изъ себя типичный примѣръ русскаго поселенія въ предѣлахъ Енисейскаго бассейна. Нужно, однако, отмѣтить, что Сабія является единственной настоящей деревней, существующей въ предѣлахъ верхней части бассейна, т.-е. той, которая лежитъ выше Бей-Кемскихъ пороговъ, такъ какъ всѣ остальныя, имѣющіяся здѣсь въ самыхъ верхнихъ частяхъ селенія, состоятъ по большей части

только изъ нѣсколькихъ домиковъ. Необходимо при этомъ отмѣтить, что горный барьеръ въ предѣлахъ котораго расположены Бей-Кемскіе пороги, представляетъ изъ себя отчетливо обозначившуюся линію, тянущуюся поперекъ всего бассейна. Эта линія рѣшительно отдѣляетъ маленькія русскія поселенія верхняго Бей-Кема отъ болѣе крупныхъ колоній, которыми заняты земли въ болѣе благопріятной зонѣ, представляющей изъ себя переходное состояніе отъ густого лѣса къ открытой степи.

Долина рѣки Сабіи отличается шириною и открытостью, ея безлѣсныя пространства также довольно велики, а расположенная при устьѣ Сабіи деревня, обращенная фронтомъ къ рѣкѣ Бей-Кему, своими размѣрами свидѣтельствуетъ объ обильномъ запасѣ земли, годной здѣсь для цѣлей колонизаціи. Въ Карагачѣ послѣднемъ маленькомъ селеніи, въ которомъ я останавливался, мнѣ впервые пришлось наблюдать первыя попытки заниматься земледѣліемъ. Въ Сабіи значительныя площади оказались уже отведенными для пахоты. Попытки переселенцевъ въ этомъ направленіи, однако, не увѣнчиваются пока успѣхомъ. Рожь здѣсь вызрѣваетъ хорошо, зато пшеница, какъ болѣе подверженная вредному вліянію раннихъ заморозковъ, нерѣдко не вызрѣваетъ.

Заниматься торговлей мѣхами, рыбой и рогами мараловъ (wapiti) здѣсь выгоднѣе нежели земледѣліемъ, причемъ, торговля рогами мараловъ особенно доходна въ виду высокой цѣны, которую даютъ за нихъ китайцы. Сабія основана на границѣ мѣстности изобилующей дичью; маралы (wapiti) подходятъ такъ близко къ самой деревнѣ, что ловля молодыхъ мараловъ живыми представляетъ довольно легкое и выгодное предпріятіе. Пойманныхъ животныхъ колонисты содержатъ въ особыхъ загородкахъ, и берутъ свою годовую дань съ жеребятъ въ видѣ ихъ нѣжныхъ (мягкихъ) роговъ въ періодъ линянія. Близость китайскихъ рынковъ, куда отправляются эти рога, а также обиліе встрѣчающихся здѣсь въ дикомъ состояніи мараловъ (wapiti) дѣлаютъ Сабію цвѣтущимъ поселеніемъ. Отъ жителей этого селенія мы узнали, что зимою ловлей мараловъ (wapiti) для

нихъ занимаются урянхайцы, проявляющіе исключительное искусство въ этой охотѣ благодаря прекрасному знакомству съ лѣсомъ. Способъ ими практикуемый для ловли этихъ животныхъ состоитъ въ томъ, что они выкапываютъ западни, въ которыя молодые жеребята заманиваются разсыпаемой по близости отъ этихъ западней солью. Однако, западни считаются достигающими своей цѣли только въ то время, пока снѣгъ покрываетъ почву. Горы, расположенныя къ югу и юго-западу отъ поселенія представляютъ изъ себя самыя подходящія пространства для мараловъ (wapiti). Мы имѣли случай обнаружить слѣды мараловъ (wapiti) возлѣ самой деревни, но только на противоположномъ берегу рѣки Бей-Кема. Рога мараловъ, будучи спиленными, кипятятся въ слабомъ растворѣ чая, способствующемъ сохраненію роговъ и затѣмъ отсылаются въ Ча-Куль, стоящій на рѣкѣ Улу-Кемѣ, гдѣ и поступаютъ въ распоряженіе китайскихъ купцовъ.

О значеніи, которое придается мягкимъ отросткамъ роговъ китайцами, можно судить по той цѣнѣ, которую они за нихъ платятъ. Въ Ча-Кулѣ рога продаются гуртомъ по цѣнѣ въ десять шиллинговъ за фунтъ чистаго вѣса рогового вещества, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ вдоль границы намъ удавалось слышать разсказы объ охотникахъ, которые выручали отъ 20 до 25 фунтовъ стерлинговъ за тяжелую пару роговъ. Какъ хорошо извѣстно всѣмъ, китайцы очень вѣрятъ въ медицинскія свойства роговъ молодыхъ мараловъ и, принимая во вниманіе необычайныя коллекціи, наполняющія внутренность любой аптекарской лавочки въ китайскомъ городѣ, не кажется страннымъ, почему въ число ихъ включены также и рога молодыхъ мараловъ. Если житель Поднебесной Имперіи возлагаетъ свои упованія на медвѣжьи лапы, ястребиныя ноги и кости доисторическихъ звѣрей, нечего удивляться, что онъ находитъ облегченіе и подкрѣпленіе отъ свѣжихъ роговъ, которые естественно содержатъ лучшую кровь животнаго въ періодъ его быстраго роста. Представляется, однако, сомнительнымъ, чтобы та дрянь, которая продается Пекинскими фармацевтами, могла содержать въ себѣ цѣлебное укрѣпляющее средство, въ соотвѣтствующемъ чрезмѣрной цѣнѣ, за него запрашиваемой, количествѣ.

Придя теперь въ непосредственное соприкосновеніе съ русскимъ элементомъ, имѣющемся въ районѣ, умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что мы видѣли среди этихъ колонистовъ, занявшихъ земли въ районѣ, въ дѣйствительности находящемся подъ чужеземнымъ управленіемъ, колонистовъ, условія существованія которыхъ кажутся нѣсколько необычными въ окружающей ихъ обстановкѣ. Истинное положеніе русскихъ въ предѣлахъ бассейна можно лучше всего уяснить себѣ, окинувъ взоромъ исторію ихъ съ того момента, когда въ качествѣ колонистовъ и торговцевъ они впервые начали интересоваться этимъ райономъ.

Бассейнъ верхняго Енисея всегда былъ предметомъ вожделѣнія сибиряковъ. Еще въ 1860 г. первый русскій торговецъ (Васелковъ изъ Минусинска) построилъ себѣ склады въ урянхайской землѣ и завязалъ торговыя сношенія съ туземными вождями. Туземцы-урянхайцы предпочли отказаться отъ покровительства китайскихъ купцовъ и охотно начали торговать съ русскими новопришельцами, такъ какъ по достоинству оцѣнили легкость и умѣлость обращенія съ ними русскихъ купцовъ и сразу же поняли значеніе проистекающихъ отъ близости къ нимъ сибирскихъ рынковъ выгодъ. Эти русскіе торговцы оказались достаточно смышленными для того, чтобы не преминуть воспользоваться на первыхъ порахъ въ качествѣ посредниковъ услугами Абаканскихъ татаръ, съ которыми урянхайцы охотнѣе вступали въ торговыя сношенія, нежели съ монголами, или китайцами. Такимъ образомъ постепенный переходъ торговли изъ рукъ китайцевъ въ русскія руки былъ предварительно обезпеченъ уже къ тому времени, когда первый купецъ изъ Сибири самъ рѣшилъ проникнуть въ предѣлы бассейна.

Въ началѣ торговцы дѣлали здѣсь очень хорошія дѣла. Въ тѣ времена наиболѣе дорогіе мѣха цѣнились здѣсь весьма дешево. Большую часть вещей можно было купить за чай, а то, что не могло быть куплено за чай, покупалось за табакъ. Адріановъ въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ „Путешествіе по Алтаю и Саянамъ“ отмѣчаетъ, что въ 1860 году овцу можно было пріобрѣсти здѣсь за связку табака, а корова стоила всего

только двѣ такихъ связки. Соревнованіе и расовая ненависть, однако, послужили поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ между китайцами и русскими торговцами, причемъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло началось съ поджоговъ русскихъ запасовъ и вообще стали наблюдаться частыя непріятныя тренія между обѣими враждующими партіями. Въ 1869 году была образована спеціальная комисія изъ русскихъ и китайскихъ властей для изслѣдованія положеніи дѣла и для опредѣленія правъ новопришельцевъ, въ результатѣ которой китайцы должны были уплатить русскимъ торговцамъ, понесшимъ убытки, соотвѣтствующее вознагражденіе и въ то же время были выработаны условія, согласно которымъ сибирскимъ колонистамъ было запрещено впредь обосновываться на постоянное жительство въ предѣлахъ бассейна. Въ это время оборотъ русской торговли опредѣлялся въ 10.000 руб. въ годъ.

Позднѣе, по мѣрѣ того, какъ большія количества торговцевъ и колонистовъ попрежнему продолжали проникать сюда, вспыхнуло уже настоящее возмущеніе противъ русскихъ. Китайцы опредѣленно разрѣшили русскимъ вести торговлю въ предѣлахъ бассейна, но въ то же время рѣшительно заявили протестъ противъ устройства послѣдними здѣсь постоянныхъ поселеній. Было условлено, что на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ не можетъ сосредоточиваться болѣе двухсотъ человѣкъ новопришельцевъ; русскимъ не позволялось селиться въ иныхъ центрахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ было обусловлено постоянное жительство русскихъ консуловъ, какъ, напримѣръ, Улясутай и Кобдо въ Сѣверной Монголіи, а торговцамъ не позволялось пользоваться какимъ либо инымъ видомъ жилищъ, кромѣ переносныхъ палатокъ или лодокъ. Мѣры эти представляли изъ себя опредѣленную попытку навѣрняка пріостановить принявшую крупные размѣры колонизацію страны русскими засельщиками. Но, несмотря на это русскіе продолжали строить свои ранчи [1]), факторіи и торговыя поселенія. Туземцы-урянхайцы смотрѣли на это

[1]) Помѣстья.

сквозь пальцы, тогда какъ сами китайцы ни въ коей мѣрѣ не были въ состояніи фактически помѣшать русскимъ въ ихъ колонизаціи страны. При такихъ условіяхъ численность русскихъ переселенцевъ въ бассейнѣ неизмѣнно возрастала, такъ какъ ихъ привлекало сюда, несмотря на извѣстную боязнь положенія занятаго китайцами, желаніе обзавестись осѣдлостью въ плодородной землѣ, гдѣ рыбная ловля и права выпаса считались безпрепятственнымъ достояніемъ каждаго пришельца и гдѣ, въ то же время, имѣлись безграничные запасы травы и топлива.

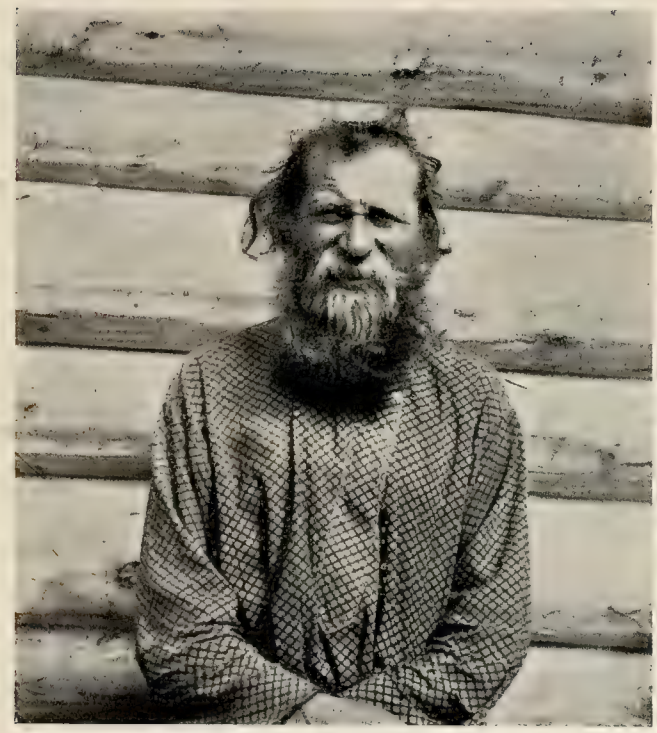
Изучая современное положеніе дѣла въ разсматриваемомъ отношеніи, намъ приходится отмѣтить, что русскіе одержали безусловно побѣду и что переселенцы извлекаютъ здѣсь выгоду изъ земель урянхайцевъ, не причиняя при этомъ ущерба и иностранному Правительству. Какъ бы то ни было ихъ положеніе здѣсь весьма своеобразно, такъ какъ въ предѣлахъ бассейна они фактически сохраняютъ за собой привиллегіи своего родного русскаго правопорядка. Въ Туранѣ, представляющемъ небольшое поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домиковъ, мы видѣли прекрасное, изъ плахъ выстроенное зданіе, придававшее своеобразное достоинство деревнѣ. Сюда пріѣзжаетъ ежегодно изъ Усинска, пограничнаго Сибирскаго города, Усинскій Пограничный Начальникъ для рѣшенія всякихъ несогласій между колонистами и для исполненія своихъ оффиціальныхъ обязанностей, которыя онъ и совершаетъ какъ бы находясь въ сферѣ безусловно своей неотъемлемой юрисдикціи. Правительственные чиновники въ Усинскѣ состоятъ: изъ мѣстнаго пограничнаго начальника, секретаря, писца и полицейскаго офицера, въ распоряженіи котораго имѣется полицейская команда изъ 12 человѣкъ. Весь этотъ штатъ пополняется еще знающими урянхайскій и монгольскій языки переводчиками. Перечисленные чиновники держатъ подъ своимъ контролемъ все населеніе русскихъ подданныхъ, включая въ это число какъ татаръ, сибиряковъ, такъ и бурятъ, живущихъ въ предѣлахъ бассейна, или же только посѣщающихъ его съ торговыми цѣлями.

Намъ такъ и не удалось добиться истинныхъ основъ современнаго положенія русской оффиціальной власти въ предѣлахъ

бассейна Верхняго Енисея, а также опредѣлить, до какой степени русскія власти подчинили себѣ уже туземцевъ-урянхайцевъ и до какихъ предѣловъ простирается вліяніе этихъ властей. Павелъ Шалонъ, посѣтившій эти мѣста въ 1904 году, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя самому мнѣ не пришлось провѣрить, въ виду чего я и беру на себя смѣлость процитировать указаннаго автора.

„Мирное завоеваніе края русскими", говоритъ онъ, „только что началось. Вслѣдствіе того, что урянхайцы предпочитаютъ ежегодно проживать въ большихъ количествахъ по сибирскимъ склонамъ Саянъ, русская администрація мало по малу сумѣла, вмѣшиваясь въ дѣла этихъ туземцевъ и распространить свое вліяніе шагъ за шагомъ также и на южные склоны Саянъ, вплоть до береговъ Улу-Кема и низовьевъ р. Кемчика, а въ концѣ концовъ и на всю территорію, ограниченную съ юга линіей военныхъ постовъ или монгольскихъ карауловъ (которые тянутся цѣпью на всемъ протяженіи южныхъ подножій хребта Танну-Ола. Ежегодно Начальникъ изъ Усинска пріѣзжаетъ въ селеніе Ча-Куль, будущую урянхайскую столицу, гдѣ онъ и отправляетъ правосудіе, провѣряетъ службу „нойоновъ" и выслушиваетъ жалобы мѣстныхъ жителей и номадовъ. Къ нему съ большимъ почетомъ относятся всѣ мѣстные вожди, которые выѣзжаютъ даже встрѣчать его въ тѣ селенія, гдѣ онъ останавливается. Теперешній начальникъ является весьма компетентнымъ лицомъ, и можно сказать, что онъ уже прочно утвердилъ русскій протекторатъ надъ всей страной, къ великому удовольствію туземцевъ".

Я не могу сказать насколько все изложенное справедливо, но одно очевидно, что къ русскому покровительству туземцы относятся здѣсь весьма доброжелательно, вслѣдствіи чего, принимая во вниманіе современное тяготѣніе монгольскихъ князьковъ къ Россіи и въ виду предпочтенія русскаго правопорядка китайскому, страннымъ будетъ, если въ одинъ прекрасный день всѣ эти земли не подпадутъ окончательно подъ протекторатъ Россійской Имперіи. Хребетъ Танну-Ола образуетъ гораздо болѣе естественную границу между двумя Имперіями, нежели



Типъ сибирскаго переселенца.

Саянскія горы и представляетъ изъ себя такую границу, которую легче всего воспроизвести въ натурѣ.

Во время нашихъ бесѣдъ съ русскими переселенцами, насъ они постоянно спрашивали о существующемъ положеніи вещей и объ отношеніяхъ между Россіей и Китаемъ. Эти ранчеры (помѣщики) ощущали въ глубинѣ своего сознанія страхъ передъ возможностью осложненій съ Китаемъ и правильно рисовали себѣ необезпеченность своего положенія, въ случаѣ если бы разразились непріязненныя дѣйствія. Насъ настойчиво допрашивали, когда ожидается самое начало войны и много ли китайцевъ имѣется въ предѣлахъ Монголіи? Эти вопросы указывали, что колонисты ясно сознавали свою здѣсь изолированность и заброшенность на произволъ судьбы въ предѣлахъ чужеземной страны. Если бы Желтая опасность поднялась и двинулась по этому пути, то переходъ черезъ границу для мѣстныхъ поселенцевъ былъ бы легокъ и быстръ, благодаря воднымъ путямъ, такъ какъ русская территорія лежитъ внизъ по теченію. Мы склонны думать, что цѣликомъ все наличное населеніе могло бы эвакуировать себя изъ предѣловъ бассейна съ помощью воднаго пути при условіи заблаговременнаго его извѣщенія — хотя бы за нѣсколько дней, о грозящей опасности и о необходимости покинуть насиженныя пепелища.

Главнымъ предметомъ, привлекающимъ въ предѣлы бассейна сибирскихъ піонеровъ, служитъ золото. Существованіе здѣсь послѣдняго, фактически на всемъ пространствѣ бассейна, послужило причиной возникновенія нѣсколькихъ, раскинувшихся внѣ путей сообщенія, лагерей рудокоповъ; однако, исключительныя затрудненія транспорта и полная изолированность этихъ лагерей, заставили ихъ въ скоромъ же времени прекратить свое существованіе. Мы неоднократно наталкивались на различные золотые пріиски по верхнимъ Амылу и Систи-Кему, возлѣ Алжіакскаго прохода въ Саянахъ, но большинство изъ нихъ были уже совершенно заброшены. Рудокопныя мѣста (розсыпи) имѣются также по верховьямъ Камсары, на Тапсѣ и по верхнему Систи-Кему, но единственно успѣшно работающей изъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ у насъ имѣлись свѣдѣнія—является

въ настоящее время лишь мѣсторожденіе въ предѣлахъ Верхней Тапсы, принадлежащее М. Сафьянову, причемъ, успѣхъ ея разработки объясняется исключительно достаточнымъ капиталомъ, которымъ обладаетъ этотъ владѣлецъ. Другія розсыпи, хотя и вполнѣ годны для разработки, но владѣльцы ихъ не имѣютъ достаточно денегъ, чтобы воспользоваться ими въ соразмѣрномъ масштабѣ. Дешевизна труда, которая допускаетъ рудникамъ расположеннымъ въ окрестностяхъ Минусинска работать на весьма выгодныхъ началахъ, здѣсь не оказываетъ вліянія на положеніе дѣла, такъ какъ сюда приходится ввозить не только рабочихъ, но и пищу; больше того—мѣстныя розсыпи закрываются на всю зиму, а рабочихъ нужно вывозить временно на большія разстоянія въ такія мѣстности, гдѣ жизнь значительно дешевле.

Богатство минеральными ископаемыми этой части Азіи — общеизвѣстный фактъ; возможно, что въ будущемъ когда-нибудь — нѣкоторые отдѣлы Саянскихъ горъ сдѣлаются ареной оживленной дѣятельности, что повлечетъ за собою въ концѣ концовъ возникновеніе здѣсь успѣвающихъ рудокопныхъ стоянокъ (лагерей). Желѣзо и мѣдь съ успѣхомъ вырабатываются и въ настоящее время по сибирскимъ склонамъ Саянъ, причемъ, рудники этихъ металловъ, въ большинствѣ случаевъ, просто представляютъ изъ себя вновь открытыя мѣста разработокъ древнихъ енисейцевъ. Отдаленность рудниковъ верхняго бассейна отъ Сибирскихъ центровъ единственно препятствуетъ успѣшности ихъ разработки, но это препятствіе такового свойства, что въ одинъ прекрасный день оно легко можетъ быть устранено. Русскій протекторатъ, подкрѣпленный достаточнымъ капиталомъ, можетъ создать здѣсь чудеса, если принять во вниманіе торговыя возможности бассейна Верхняго Енисея.

Обращаясь къ природнымъ богатствамъ бассейна, мы должны спеціально упомянуть въ качествѣ главнѣйшихъ, наиболѣе важныхъ предметовъ здѣсь—кожи (шкуры) и шерсть, не считая мѣховъ, а также рыбу и всевозможныя разновидности водяныхъ птицъ. Въ лѣсахъ, одѣвающихъ Саянскій хребетъ, водятся наиболѣе цѣнные виды соболя, а также невѣроятное количество бѣлокъ, отличающихся превосходнымъ мѣхомъ, какъ

равно и лисицъ, рысей, выдръ, куницъ, горностаевъ, россомахъ, волковъ, медвѣдей, снѣжныхъ леопардовъ и немного бобровъ. Перечисленные виды животныхъ вмѣстѣ съ оленьими, маральими (wapiti) и косуля-оленьими (roe deer) шкурами, не считая въ томъ числѣ мускуса отъ мускуснаго оленя (musk deer), открываютъ широкое поле дѣятельности для отважныхъ охотниковъ и трапперовъ (ловельщиковъ въ западни) и доставляютъ хорошій доходъ на рынкахъ Минусинска. Торговля продуктами мѣховой охоты даетъ средства существованія не только многимъ сибирскимъ колонистамъ, но и туземцамъ урянхайцамъ. Всѣ торговцы въ предѣлахъ бассейна ведутъ крупную торговлю мѣхами, обмѣнивая свои товары урянхайцамъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ за обѣщаніе доставить мѣхъ, подлежащій уплатѣ зимою. Доходъ, получаемый при этомъ, и въ настоящее время еще довольно высокъ, однако, прибыли сильно сократились за послѣдніе нѣсколько лѣтъ. Уменьшеніе фактическаго количества шкуръ, переходящихъ въ руки торговцевъ, а также огромный ростъ цѣнъ на эти шкуры, показываютъ до какой степени уже успѣло пасть въ настоящее время это, когда-то весьма доходное дѣло. Сами сибиряки занимаются въ зимніе мѣсяцы охотой и ловлей звѣрей въ капканы, но главный источникъ ихъ запасовъ, получается отъ туземцевъ, которые свои долги мѣстнымъ торговцамъ за табакъ и одежду выплачиваютъ обычно мѣхами.

Въ чемъ особенно успѣли здѣсь русскіе—такъ это въ развитіи рыбнаго промысла, потому что въ этомъ дѣлѣ имъ выпало на долю заняться использованіемъ совершенно еще нетронутыхъ здѣсь угодій и ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи ни въ коей мѣрѣ не сталкивалась съ дѣятельностью туземцевъ. Урянхайцы—отнюдь не рыболовы и хотя здѣсь и имѣется нѣсколько озеръ, почитаемыхъ ими священными, которыхъ они ревностно охраняютъ отъ осквернения русскими, тѣмъ не менѣе, ловлей рыбы въ прочихъ рѣкахъ и озерахъ они пренебрегаютъ, какъ чѣмъ то не заслуживающимъ затраты труда и безпокойства. Такъ какъ тутъ не заключается никакихъ условій на право рыбной ловли, большая часть русскихъ засельщиковъ бассейна занимается этимъ спеціальнымъ видомъ промысла въ опредѣ-

ленныя времена года. Численность рыболововъ значительно возрастаетъ осенью, когда сюда прибываютъ сибиряки изъ деревень, расположенныхъ по Амылу, поднимающіеся по рѣкѣ ловить рыбу въ верховьяхъ Бей-Кема. Промыселъ этотъ должно быть даетъ хорошій доходъ, такъ какъ сами рыбаки не несутъ при этомъ почти никакихъ расходовъ. Выдолбленные челноки, которые они употребляютъ, стоютъ около фунта стерлинговъ и иногда поднимаются въ цѣнѣ до 30 шиллинговъ каждый, а плоты, на которыхъ они спускаются по рѣкѣ, сооружаются безъ всякихъ затратъ и затѣмъ продаются на дрова; даже соль, употребляемая при упаковкѣ рыбы, съ легкостью пріобрѣтается у урянхайцевъ за нѣсколько пачекъ табака или щепотокъ чая.

Можно подумать, что урянхайцы пытаются предохранить отъ русскихъ свои лучшія рыбныя угодья, которыя обычно настолько кишатъ рыбой, что даже туземцы могутъ безъ большого труда налавливать себѣ столько, сколько имъ ея нужно. Я очень подозрѣваю, что изъ всѣхъ водохранилищъ одно только озеро Тойи-Куль разсматривается собственно священнымъ озеромъ въ цѣляхъ удержанія рыбной ловли на немъ неприкосновенно въ пользованіи урянхайцевъ. Однако, сдѣланное Адріановымъ сообщеніе объ одномъ русскомъ торговцѣ, будто бы снявшемъ въ аренду озеро для рыбной ловли у одного изъ урянхайскихъ вождей—указываетъ на то, что существуетъ все же и здѣсь нѣкоторое ограниченіе противъ опустошеній, чинимыхъ вновь прибывающими рыболовами. Въ описываемомъ случаѣ оговорено, что русскому предоставляется ловить рыбу въ озерѣ съ момента его вскрытія и добывать тысячу фунтовъ рыбы въ самомъ озерѣ, а другую тысячу фунтовъ изъ рѣки, впадающей въ это озеро.

Въ числѣ породъ рыбъ, наполняющихъ рѣки и озера верхняго бассейна, насчитывается до 9—10 разновидностей; изъ нихъ съ торговой точки зрѣнія главнѣйшими являются—форель, лосось (семга), осетръ, окунь и линь. Извѣстно, что рыба имѣетъ обыкновеніе подниматься въ верхнія части рѣкъ [1]);

[1]) Рыба поднимается въ верховья рѣкъ до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ она только можетъ достигнуть—осенью, для метанія въ верхнихъ водахъ икры. Здѣсь она остается

здѣсь это означаетъ, что она двигается изъ Енисея,— текущаго среди равнинъ вверхъ въ предѣлы Енисея — расположеннаго уже въ Урянхаѣ—въ сентябрѣ и октябрѣ. Этимъ исключительнымъ сезономъ, вѣроятно, и пользуются въ самомъ широкомъ масштабѣ сибиряки. Снабженные простѣйшимъ снаряженіемъ, состоящимъ обычно только изъ нѣсколькихъ сѣтей, при помощи легкихъ выдолбленныхъ челноковъ, они ухитряются дѣлать огромные уловы. Живя въ открытую—среди лѣса, или устраивая себѣ маленькія избушки для убѣжища, они проводятъ такимъ образомъ нѣсколько недѣль въ тяжеломъ трудѣ и дѣятельности, а затѣмъ, засоливъ свою добычу въ боченки и построивъ плоты, сплавляютъ ихъ внизъ по спокойнымъ извилинамъ упомянутыхъ выше прелестныхъ водныхъ путей, проносятся по быстринамъ Бей-Кема и Кемчикъ-Бома и, въ концѣ концовъ, доставляютъ свою рыбу въ сибирскіе рыночные города.

Окончивъ эту работу, означенные отважные пограничные жители возвращаются въ свои изъ плахъ сложенныя деревушки на время холодной погоды или же снова снаряжаются для зимней мѣховой охоты въ лѣсахъ. Въ послѣднемъ случаѣ, они совершаютъ путешествіе на нѣсколькихъ легонькихъ саночкахъ, которыя волочатъ по замерзшимъ рѣкамъ и протягиваютъ черезъ лѣса, среди труднодоступныхъ глубинъ такихъ районовъ, гдѣ только соболь еще держится несмотря на упорное стараніе человѣка во что бы то ни стало истребить его. Верхній Енисей представляетъ изъ себя большую приманку для предпріимчивыхъ рыболововъ, страстно пытающихся отыскивать все новыя и интересныя пространства, гдѣ бы можно было и попутешествовать, а также нетронутыя еще угодья, гдѣ бы можно было половить рыбу. Мы слышали здѣсь разсказы о большой рыбѣ, которая будто бы плаваетъ въ озерѣ Тойи-Куль и въ другихъ мѣстныхъ озерахъ; русскіе называютъ эту рыбу „таймой“ и

подо льдомъ въ теченіе всей зимы, а затѣмъ отсюда спускается внизъ весною. Поэтому осень и служитъ самымъ рыбнымъ сезономъ для сибирскихъ рыболововъ. Поразительныя скопища озеръ въ самыхъ верховьяхъ Бей-Кемскихъ притоковъ, представляютъ изъ себя единственную въ своемъ родѣ удобную для метанія икры лососемъ площадь и такъ какъ эти озера сточныя, а не со стоячей водой, другія рыбы вѣроятно также пользуются ими вмѣсто рѣкъ, которыя могутъ плотно замерзать зимой, для метанія своей икры.

считаютъ, что она достигаетъ до 80 фунтовъ вѣсомъ и измѣряется 6 футами въ длину.

Отъ русскихъ зависитъ развитіе торговыхъ судебъ этихъ районовъ, причемъ, спеціально это нужно сказать о минеральныхъ богатствахъ края. Среди послѣднихъ мы можемъ здѣсь упомянуть желѣзо, мѣдь и золото, азбестъ, известь, каменную соль и соль озерную—самосадочную. Все здѣсь ожидаетъ своего развитія и все это будетъ въ дальнѣйшемъ подстрекать русскихъ, которые всегда готовы, подъ отеческой защитой своего родного государства, къ занятію новыхъ земель и къ испытанію новыхъ почвъ, но вынуждаются задерживаться лишь тогда, когда политическое состояніе страны представляется такимъ нерѣшительнымъ какъ, напримѣръ, въ настоящее время. Торговля находится здѣсь почти полностью въ рукахъ русскихъ. Главнѣйшее затрудненіе, испытываемое торговцами, представляетъ изъ себя обмѣнъ на товары, въ которыхъ болѣе всего нуждаются туземцы. Табакъ, чай, одежда, кухонная утварь (посуда), мѣдь, красная кожа и порохъ, замѣняютъ имъ деньги, которымъ они не находятъ здѣсь примѣненія. Туземецъ, будучи лѣнивымъ и лишеннымъ честолюбія человѣкомъ, сидитъ обычно безпечно до тѣхъ поръ, пока у него имѣется достаточный запасъ для удовлетворенія своихъ потребностей, и не пошевелится ранѣе, чѣмъ нужда не принудитъ его снова взяться за работу, охоту или продажу своего запаса. Кромѣ того, здѣсь же имѣются обширныя земли, ждущія своихъ засельщиковъ, безграничныя пастбищныя угодья, пригодныя для выпаса рогатаго скота, лошадей и овецъ, а равно и опредѣленная зона страны, вполнѣ пригодная для занятія земледѣліемъ.

На своемъ пути внизъ по Бей-Кему мы провели день въ помѣстьѣ одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ піонеровъ всего бассейна, который болѣе чѣмъ кто либо иной положилъ своего труда, чтобы открыть эти пространства. Начерченное поверхъ всей русской карты бассейна — мы видимъ имя Сафьянова. Слово это пишется поперекъ пустырей, какъ бы для того только, чтобы заполнить пустующія пространства; въ дѣйствительности—это названіе—пріурочивается однако лишь къ кро-

шечному помѣстью (ранчѣ) или торговой станціи, носящей это названіе по имени своего основателя. 40 лѣтъ тому назадъ піонеръ этотъ посѣтилъ Улясутай, произвелъ рекогносцировку тѣхъ районовъ, по которымъ прошелъ и, въ концѣ концовъ, поселился въ качествѣ торговца на Улу-Камѣ въ Ча-Кулѣ. Теперь онъ отстроилъ себѣ домъ и создалъ прекрасное помѣстье (ранчу) при устьѣ рѣки Тапсы, на нижнемъ Бей-Кемѣ, гдѣ и занимается производствомъ опытовъ надъ скрещиваніемъ разныхъ породъ скота и надъ полученіемъ наиболѣе подходящихъ для даннаго района переродовъ зерна, растеній и деревьевъ.

М. Сафьяновъ показалъ намъ первыхъ верблюдовъ, встрѣченныхъ нами вообще въ предѣлахъ этого бассейна, такъ какъ его помѣстье (ранча) расположено уже въ такой зонѣ, гдѣ лѣса окончательно уступаютъ свое мѣсто степи, а климатъ становится сухимъ; онъ удивилъ насъ также своими опытами надъ улучшеніемъ лошадиной породы. Съ большой гордостью его конюхъ-татаринъ вывелъ, чтобы показать намъ, чистѣйшаго Араба и двухъ русской породы жеребцовъ. Одинъ изъ послѣднихъ былъ сыномъ великаго Гальтимора „трижды увѣнчаннаго“ ирландскаго побѣдителя, который былъ проданъ русскому Правительству за 21.000 гиней. При посредствѣ этихъ жеребцовъ Сафьяновъ пытался усовершенствовать (улучшить) породу монгольской лошади, т. е. дѣлалъ работу, весьма заслуживающую того, чтобы ею заниматься, такую, которая въ концѣ концовъ можетъ дать огромные результаты. Мы подозрѣваемъ, что М. Сафьянову оказываетъ въ этомъ отношеніи содѣйствіе Русское Правительство, которое усматриваетъ въ безграничномъ запасѣ монгольскихъ лошадей продуктъ вполнѣ заслуживающій улучшенія породы, принимая во вниманіе потребность въ такихъ лошадяхъ для военнаго обоза и для ремонта.

М. Сафьяновъ устроилъ намъ угощеніе въ своемъ комфортабельномъ домикѣ и показалъ заново имъ заложенные вокругъ въ опытныхъ цѣляхъ огороды, въ которыхъ мы увидѣли растущими въ изобиліи картофель, лукъ, огурцы и растительные мозги. Ему удались здѣсь пшеница, овесъ, ячмень и просо и онъ отважился даже испытать—въ какомъ направленіи слѣдуетъ

здѣсь заниматься разведеніемъ фруктовъ, поставивъ какъ разъ въ этомъ году опыты съ различными разновидностями яблокъ и дынь. Необходимо, однако, отмѣтить, что всѣ его усилія находятся въ полной зависимости отъ условій орошенія, такъ какъ дождей выпадаетъ здѣсь весьма недостаточно въ лѣтніе мѣсяцы, чтобы на нихъ можно было расчитывать. Какъ никакъ, но большимъ удовольствіемъ было для насъ встрѣтить въ такомъ отдаленномъ районѣ такого честолюбиваго и энергичнаго піонера. Мы охотно вѣримъ, что М. Сафьяновъ считается въ глазахъ всѣхъ прочихъ колонистовъ бассейна авторитетомъ и что его имя чтутъ всѣ урянхайцы за прямоту и честную торговлю.

Это отступленіе для описанія русскихъ засельщиковъ бассейна, подведенія краткихъ итоговъ исполненной ими здѣсь работы и успѣховъ достигнутыхъ ими въ стремленіи основать здѣсь постоянныя колоніи, было внушено намъ прибытіемъ въ Сабію—въ первое наиболѣе примѣтное поселеніе, на которое намъ пришлось натолкнуться на нашемъ пути внизъ по Бей-Кему. Мы покинули съ нашимъ плотомъ Сабію 18-го іюля, получивъ предварительно подробныя предостереженія отъ мѣстныхъ жителей о томъ, что ниже по теченію на нашемъ пути лежатъ пороги, которые могутъ оказаться злополучными для нашей неискушенной еще въ преодолѣніи ихъ ловкости. Намъ разсказывали безконечныя басни о разбитыхъ плотахъ и о потонувшихъ рыболовахъ; но эти басни, однако ни въ коей мѣрѣ не отразились на рѣшимости нашихъ кужебарскихъ гребцовъ попытаться устремиться черезъ пороги, лежавшіе впереди насъ.

Почти сейчасъ же за деревней открытыя мѣстности по обоимъ берегамъ начали уступать свое мѣсто отвѣснымъ холмамъ, которые вклинивались въ рѣку, и вскорѣ мы понеслись внизъ по сузившемуся каналу между высокими перпендикулярными пропастями, опускавшимися прямо въ воду. Рѣка въ этомъ мѣстѣ пронссится большими изгибами у подножій красновато окрашенныхъ утесовъ, поднимающихся по обѣимъ сторонамъ въ видѣ крутыхъ стѣнъ, съ залѣсенными склонами, увѣнчанными верхушечными скалами, возвышавшимися надъ нами на 5.000 ф.

Шесть человѣкъ, работавшихъ у „веселъ“, употребляли всѣ усилія направлять плотъ такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ наткнуться на скалы, пока издалека не послышалось злобнаго грохотанія, свидѣтельствовавшаго о близости самыхъ пороговъ. Обогнувъ выступъ мы увидѣли впереди себя рѣку, прорѣзанную бѣлой линіей пѣны; вслѣдъ затѣмъ плотъ былъ притянутъ нами къ берегу въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ вверхъ отъ перваго каскада и въ то же время мы тщательно занялись изслѣдованіемъ пороговъ и выясненіемъ представляемыхъ имъ опасностей. Оказалось, что Бей-Кемскіе пороги состоятъ изъ двухъ паденій, отстоящихъ на разстояніи четверти мили одно отъ другого, верхнее изъ которыхъ было и наиболѣе опаснымъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ насчитывала 80 ярдовъ въ ширину и была загорожена отвѣсными горами. Представляемая порогами опасность заключалась въ томъ, что плотъ здѣсь легко могъ разойтись, наткнувшись внезапно на скалы, которыя высоко громоздились изъ пѣны въ видѣ угрожающихъ выступовъ. Правый берегъ рѣки не представлялъ никакой возможности для транспорта, а самая рѣка врѣзалась въ него подъ скалистой стѣной, склоны которой опускались круто прямо въ воду. На южномъ же берегу имѣлась узкая, усыпанная каменными глыбами, береговая полоска, вдоль которой мы въ концѣ концовъ и направились съ нашимъ багажемъ, рѣшивъ разгрузить плотъ и переправить багажъ до какого либо мѣста, лежащаго ниже перваго порога, и пустивъ плотъ внизъ по теченію черезъ пороги, подъ управленіемъ лишь нѣсколькихъ человѣкъ. Остатокъ дня былъ употребленъ на переноску тюковъ и ящиковъ черезъ каменныя глыбы, высоко громоздившіяся вдоль рѣчного берега. Затѣмъ мы начали подтягивать плотъ веревками вверхъ по теченію, какъ бы „тормозя“ его, а нашъ проводникъ и еще два человѣка устремились благополучно черезъ пороги, которые въ этомъ мѣстѣ между скалами имѣютъ паденіе въ 12 футовъ. На нѣсколько секундъ при наклонѣ плотъ очутился подъ водою, а люди на немъ чуть было не упустили своей задержки, но въ слѣдующій моментъ затѣмъ спокойное колѣно рѣки, заключающееся между двумя порогами, вывело ихъ на безопасную воду.

Послѣ безпокойной ночи, проведенной между скалъ на слишкомъ близкомъ разстояніи отъ ревущей воды, мы снова скрѣпили плотъ, прибавивъ къ нему еще два древесныхъ ствола и устроились на немъ всѣ сразу со всѣми нашими принадлежностями. Второй порогъ былъ пройденъ такимъ образомъ уже всей нашей партіей, находившейся вмѣстѣ съ багажемъ на борту плота, и только, очутившись ниже этого послѣдняго порога, мы поняли какъ значеніе той опасности, которой подвергались, такъ и всю безумную отвагу нашего подвига. Теченіе было настолько сильно, что даже съ помощью четырехъ людей, стоявшихъ на веслахъ, представлялось невозможнымъ направлять плотъ по главному протоку и намъ пришлось предоставить себя на волю стихій въ надеждѣ, что теченіе, авось, не нанесетъ насъ на скалы, попавъ на которыя мы неизбѣжно обречены были бы на гибель. Длинныя успокоенныя колѣна рѣки, расположенныя ниже пороговъ, понесли насъ далѣе съ большой быстротой, такъ какъ теченіе здѣсь было сильно и глубоко вслѣдствіе того, что вода была сперта въ узкомъ ущельѣ. Красочный ландштафтъ окружалъ насъ; суровые утесы окаймляли рѣку, а сосновыя (еловыя) деревья въ романтическомъ безпорядкѣ цѣплялись за скалы вездѣ, гдѣ только находили условія, благопріятныя для внѣдренія своихъ корней. Пролавировавъ вдоль крупныхъ извилинъ, которыми рѣка проходитъ сквозь лабиринтъ горныхъ хребтовъ, поздно на исходѣ дня, послѣ 12-ти часового путешествія горы были нами оставлены позади и мы выскользнули на пространство сдѣлавшагося теперь медленнымъ теченія въ предѣлы широкой открытаго рельефа мѣстности, составляющей центральную часть бассейна Верхняго Енисея.

Бей-кемскіе пороги.

ГЛАВА VII.

Центральная часть бассейна и Кемчикъ.

Горная страна, черезъ которую рѣка Бей-Кемъ протекаетъ на протяженіи 30 миль, расположенная между впаденіями въ главное русло этой рѣки двухъ ея притоковъ—Сабіи и Уйука, представляетъ изъ себя живописно расчлененную, но суровую мѣстность. Эта горная страна является очень важной природной разграничительной линіей отдѣляющей верхнюю часть Енисейскаго бассейна отъ его нижней части; она же придаетъ такую полную изолированность району Верхняго Бей-Кема. Поверхность этого горнаго баррьера изрѣзана извилинами прекрасныхъ быстро бѣгущихъ рѣчекъ, чистыми и глубокими водами, быстро несущимися среди береговъ нагроможденныхъ завалами бревенъ, и поросшими сосновыми деревьями. Выше Бей-Кемскихъ пороговъ находятся жилища сибирскихъ рыбаковъ, обитающихъ со своими челноками и сѣтями, а также и уединенныя помѣстья (ранчи) предпріимчивыхъ піонеровъ. Ниже баррьера простирается болѣе безплодная страна — характеризующаяся медленно текущими рѣками, которыя величественными изгибами прорѣзаютъ широкія степныя долины; здѣсь появляются площади безлѣсныхъ холмовъ и пыльныхъ равнинъ, причемъ, подъ вліяніемъ измѣняющихся постепенно условій, земля какъ будто страдаетъ здѣсь отъ большого и далеко простирающагося вліянія засушья — что, въ свою очередь зависитъ отъ мед-

ленно прогрессирующей и, несомнѣнно усиливающейся вообще со временемъ сухости климата въ предѣлахъ всей внутренней Азіи.

Та часть Енисейскаго бассейна, которая отличается чисто сибирскимъ характеромъ, кончается у Бей-Кемскихъ пороговъ; ниже послѣднихъ страна какъ по климату, такъ и по общему внѣшнему виду, становится уже похожей на Монголію; въ дѣйствительности она, однако, какъ намъ удалось установить это впослѣдствіи, представляетъ изъ себя и здѣсь собственно переходную ступень между Сибирью и Монголіей. Поэтому описаніе центральной части бассейна и Кемчика въ особенности любопытно, такъ какъ оно показываетъ намъ какъ отдѣльныя характеризующіяся своеобразными жизненными условіями зоны, такъ и раздѣляющія эти зоны демаркаціонныя линіи.

Только пройдя Бей-Кемскіе пороги, гдѣ рѣка начинаетъ высвобождаться изъ стѣсняющихъ ее горъ, мы впервые получили возможность наблюдать новыя условія — характеризующія центральную часть бассейна. По мѣрѣ того какъ мы проходили сквозь ущелья, наружный видъ горъ становился постепенно все суше и суше, а обильная растительность по горамъ все болѣе и болѣе рѣдѣла. Сосны стали попадаться рѣже, тогда какъ лиственничные лѣса почти исключительно покрывали попадавшіеся здѣсь холмы. Поздно къ вечеру, медленно прослѣдовавъ по лону водъ сдѣлавшагося теперь спокойнымъ Бей-Кема, мы далеко за собой оставили гористую мѣстность и впереди открылся передъ нами видъ на центральную часть бассейна. Мы были поражены, увидѣвъ, что чистая степная мѣстность, охватившая здѣсь преимущественно долины, начиналась сразу же у самаго подножія горъ.

Къ сѣверу отъ мѣста сліянія рѣки Уйука съ Бей-Кемомъ, мы замѣтили холмы, лишенные древесной растительности по ихъ южнымъ склонамъ; въ то же время сѣверные склоны этихъ холмовъ были покрыты лиственничнымъ лѣсомъ, которому упорно приходится здѣсь бороться, однако, съ засушливостью, благодаря вліянію сухихъ условій, вкрадывающихся съ юга и медленно, но вѣрно побѣждающихъ лѣсъ. Вдоль рѣчныхъ бе-

реговъ росли здѣсь въ небольшомъ количествѣ ряды тополей, березъ и ивняка, обязанные своимъ существованіемъ лишь крайней близости воднаго протока. Южныя предгорья горнаго кряжа служили той поразительной зоной, гдѣ кончаются лѣсъ и покрытыя травою земли, столь типичные для характеристики ландшафта Средней Азіи. Намъ бросились въ глаза фаланги лиственницъ — рядами стоявшихъ вдоль гребней холмовъ и затѣмъ спускавшихся отсюда внизъ по сѣвернымъ, а отнюдь не по южнымъ склонамъ, гдѣ деревья существовать не могутъ. На низкихъ горахъ лѣсъ вовсе отсутствовалъ.

Съ перемѣной характера флоры появляются здѣсь новые виды и фауны, а равнымъ образомъ измѣняются и самыя условія человѣческой жизни. Позади насъ остались олень, бобръ, moose маралъ (wapiti) capercailzie и hazel grouse; всѣ они являются спутниками сѣверныхъ лѣсовъ и не распространяются къ югу отъ Бей-Кемскаго баррьера. Какъ только мы вышли въ окрестности Улу-Кема, мы увидѣли юрты, или войлочныя палатки урянхайцевъ-скотоводовъ, которые сами весьма существенно отличались отъ своихъ сородичей, обитающихъ въ предѣлахъ верхняго бассейна. Эти урянхайцы содержали уже стада овецъ и козъ, вмѣсто оленей, рогатаго скота и лошадей, составляющихъ достояніе племенъ верхняго бассейна, а впервые попавшіеся здѣсь намъ верблюды сильно поразили нѣкоторыхъ изъ сопровождавшихъ насъ русскихъ людей.

На всемъ пространствѣ къ югу передъ нами раскрывалась непрерывная пелена волнистыхъ степей, простиравшихся вплоть до виднѣвшихся вдали слабыхъ очертаній южнаго пограничнаго хребта—Танну-Ола, за которымъ лежитъ огромное пространство безмѣрной Монголіи; въ то же время мы наслаждались болѣе острой и сухой атмосферой открытой мѣстности, послѣ изнуряющей сырости лѣсной чащи.

Перемѣна декораціи сдѣлалась полной когда мы подошли къ широкимъ водамъ р. Улу-Кема. Здѣсь уже ничего не осталось изъ тѣхъ видовъ, къ которымъ мы успѣли привыкнуть во время нашего пребыванія въ предѣлахъ верхняго бассейна; здѣсь впервые познакомились мы съ истиннымъ характеромъ

центральнаго бассейна. Далѣе намъ пришлось слѣдовать по текущему единымъ русломъ Улу-Кему, по которому, покрывъ разстояніе въ 80 миль въ теченіе 25 часовъ, прибыли, наконецъ, въ селеніе Ча-Куль, гдѣ, найдя покрытую травою мѣстность возлѣ рѣки, къ западу отъ селенія, привязали нашъ плотъ къ берегу и разставили свои палатки.

Существованіе Ча-Куля обезпечивается тѣмъ, что онъ находится на Улу-Кемѣ, и именно въ такомъ мѣстѣ, которое служитъ отправной точкой для всей навигаціи вверхъ по теченію этой рѣки, а также тѣмъ, что онъ расположенъ при сліяніи двухъ главнѣйшихъ торговыхъ путей, пересѣкающихъ весь бассейнъ и соединяющихъ Сибирь съ Монголіей. О Ча-Кулѣ можно только сказать, что онъ занимаетъ исключительно важную естественную позицію и является поэтому главнѣйшимъ торговымъ центромъ бассейна; ни красивые виды, ни плодородныя земли не дѣлаютъ его привлекательнымъ въ какомъ либо иномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе окрестности селенія постепенно пріобрѣтаютъ видъ прочно заселенной мѣстности; человѣкомъ мало по малу отвоевываются здѣсь все большія и большія пространства земли, искусственно орошаются и пускаются подъ культуру; даже скотоводы урянхайцы превращаются здѣсь частью въ осѣдлыхъ жителей. Все говоритъ въ дѣйствительности за то, что Ча-Куль въ будущемъ, весьма возможно, превратится въ важный центръ, можетъ быть даже въ столицу урянхайскаго „резерва“.

Въ настоящее время сооружается дорога, которая соединитъ Минусинскъ съ Усинскомъ; если эта дорога будетъ продлена до Ча-Куля, это должно будетъ сильно отразиться на увеличеніи значенія этого мѣста, такъ какъ такое сооруженіе будетъ представлять изъ себя прямую соединительную линію между Енисейской губерніей Сибири и Сѣверо-Западной Монголіей. Все говоритъ за то, что дорога эта сдѣлается могущественной соперницей Алтайской дороги, которая въ настоящее время поглощаетъ всю торговлю съ Монголіей и направляетъ ее къ городамъ, лежащимъ на рѣкѣ Оби — и именно къ Бійску и Барнаулу. Принимая во вниманіе возрастающее для Россіи зна-

ченіе Монголіи, послѣднюю соединительную линію придется въ силу необходимости рано или поздно соорудить, такъ какъ пока не имѣется никакого иного настоящаго и соотвѣтственнаго соединительнаго пути между двумя странами, кромѣ дороги изъ Алтая къ религіозному центру Ургѣ, на разстояніи болѣе 900 миль.

Ча-Кульское селеніе расположено на южномъ берегу Улу-Кема среди безлѣсной степи. На рѣдкость грязные и плохіе домишки смѣшаннаго мѣстнаго населенія придаютъ этому городку невзрачный внѣшній видъ. Однѣ только „посредническія конторы“ русскихъ торговцевъ выдѣляются здѣсь на общемъ сѣромъ фонѣ, представляя изъ себя хорошо построенныя и постоянныя жилища, не лишенныя даже нѣкоторой претензіи на щеголеватость. Такихъ строеній насчитывается всего 10, тогда какъ остальныя представляютъ изъ себя или простыя избы. принадлежащія болѣе мелкимъ торговцамъ, какъ напримѣръ, полукровнымъ татарамъ, или обрусѣлымъ урянхайцамъ, или же чистенькіе домики нѣсколькихъ китайскихъ лавочниковъ. Въ Ча-Кулѣ можно наблюдать замѣчательную картину смѣси людей разныхъ типовъ. Здѣсь собрались воедино люди изъ различныхъ уголковъ отсталой Азіи—монголы, буряты, татары, москвичи, жители Поднебесной Имперіи и полу-дикіе урянхайцы. Русскіе удерживаютъ въ своихъ рукахъ большую часть торговли, которая преимущественно сводится къ продажѣ матерій, кожъ, табака, ружей, домашней утвари и дешевыхъ бездѣлушекъ, отпускаемыхъ туземцамъ въ обмѣнъ на шерсть, кожи и мѣха.

Китайскій элементъ, однако, нельзя также обойти молчаніемъ, такъ какъ онъ примѣтно здѣсь увеличивается, а мѣстные китайцы представляютъ изъ себя, пожалуй, наиболѣе предпріимчивыхъ торговцевъ. Только въ китайскихъ мѣстныхъ лавочкахъ, по крайней мѣрѣ, были мы въ состояніи размѣнять на мелкую монету наши сто-рублевые кредитные билеты. а чистота въ этихъ лавочкахъ бросалась безусловно въ глаза по сравненію съ прочими мѣстными магазинами. Въ Ча-Кулѣ насчитывается свыше 40 китайцевъ и всѣ они явились сюда изъ Улясутая или въ качествѣ частныхъ торговцевъ, или же

въ роли агентовъ крупныхъ торговыхъ фирмъ большихъ городовъ Китая; послѣдніе имѣютъ обыкновеніе посылать своихъ агентовъ въ самые отдаленные уголки Имперіи. Намъ говорили, что эти китайцы начали здѣсь свои дѣла только въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ; если это правда, то указанное обстоятельство несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, съ какой жадностью и пылкостью жители Небесной Имперіи стремятся проникать даже въ предѣлы и подобныхъ удаленныхъ районовъ и насколько быстро съ годами растетъ здѣсь ихъ вліяніе.

Въ Ча-Кулѣ мы могли запастись пищевыми продуктами, какъ то—чаемъ, который ввозится сюда китайцами за поразительно низкую цѣну, мукой, сахаромъ, солью и мясомъ; яйца оказались здѣсь рѣдкостью, а риса невозможно было даже раздобыть вовсе. Намъ очевидно предстояло жить, по примѣру туземцевъ, исключительно продуктами страны. Мы не видѣли ни одной лавочки въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока не прибыли въ Ча-Куль и у насъ не имѣлось никакихъ основаній надѣяться и въ теченіе послѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ увидѣть гдѣ либо лавчонку. По счастью, мы могли теперь воспользоваться трудомъ туземцевъ вмѣсто труда нашихъ, употребляющихъ въ пищу хлѣбъ и мясо русскихъ, иначе я даже не представляю себѣ какой бы огромный размѣръ принялъ нашъ караванъ, если бы намъ пришлось обезпечить пищей также и штатъ нашихъ русскихъ спутниковъ. Туземцы, привыкнувъ сами заботиться о снабженіи себя запасами пищи и будучи въ отношеніи ея крайне малотребовательными, избавили насъ отъ необходимости безпокоиться за успѣшное оборудованіе продовольственнаго вопроса.

Въ Ча-Кулѣ мы занялись своимъ снаряженіемъ для дальнѣйшаго похода, и въ тоже время наносили на карты результаты своихъ съемочныхъ работъ и составляли записки. Мы продали нашъ плотъ одному предпріимчивому китайцу, который купилъ у насъ его: не то имѣя въ виду совершить поѣздку въ Минусинскъ, не то для расколки на дрова. Расплатились мы также и съ нашими русскими прислужниками, которые частью верхомъ, частью пѣшкомъ или же на плотахъ пустились въ обратный путь по своимъ домамъ въ Сибирь; двухъ изъ нихъ, однако, мы

сочли полезнымъ задержать, имѣя въ виду такимъ путемъ предупредить возможность затрудненій при условіи полной зависимости нашей лишь отъ однихъ туземцевъ. На все это потребовалась остановка длительностью въ 5 сутокъ, которыми мы и воспользовались въ то же время для тщательнаго изслѣдованія окрестностей Ча-Куля.

По направленію къ югу примыкающая къ Улу-Кему равнина тянется въ видѣ низкаго пространства къ предгорьямъ хребта Танну-Ола, отстоящимъ отсюда на разстояніи 12 миль. Эти предгорья взгромождаются послѣдовательными ступенями къ ничѣмъ особеннымъ не отличающемуся, прикрытому снѣгомъ, главному хребту Танну-Ола, представляющему изъ себя южную стѣну бассейна и служащему водораздѣломъ между оросительными системами, текущими съ одной стороны въ Ледовитый Океанъ а съ другой—въ предѣлы внутренней Монголіи. Никакихъ слѣдовъ лѣса не наблюдалось по склонамъ этихъ горъ, которыя кажутся оголенными и сухими, хотя, какъ намъ удалось это обнаружить позднѣе, и здѣсь можно встрѣтить зеленыя долины и покрытые лѣсомъ склоны, но не иначе какъ проникнувъ предварительно въ самую центральную часть хребта.

Окрестности Ча-Куля представляли нѣкоторый интересъ также съ точки зрѣнія экономическихъ условій жизни урянхайцевъ. Здѣсь намъ удалось увидѣть урянхайцевъ—уже отказавшихся отъ своей исконной привычки къ кочеванію и даже превратившихся въ настоящихъ осѣдлыхъ жителей. Часто мы натыкались на странныя и непривычныя для глаза сочетанія ихъ войлочныхъ палатокъ, разставленныхъ обычнымъ порядкомъ, съ придаточными, изъ плахъ построенными загонами для скота (хлѣвами) и различными изгородями для стадъ. Но самымъ яснымъ признакомъ осѣдлой ихъ жизни служило наличіе большихъ пространствъ обработанной земли, расположенныхъ къ югу отъ городка и тянущихся на нѣкоторомъ разстояніи вверхъ по долинѣ рѣки Ча-Куль. Излюбленнымъ злакомъ для посѣвовъ служитъ туземцамъ, повидимому, просо, но они не пренебрегаютъ также пшеницей и рожью. Ботаникъ Крыловъ, посѣтившій эти мѣста въ 1892 году, упоминаетъ еще

о высѣваемомъ ячменѣ. Онъ же отмѣчаетъ, что „при достаточномъ количествѣ воды, земля здѣсь густо покрывается посѣвами проса, но въ годы незначительнаго воднаго запаса, объясняемаго высыханіемъ различныхъ развѣтвленій рѣки Ча-Куль, поля принимаютъ самый пустынный видъ".

Это указываетъ на непостоянство воднаго запаса въ означенной мѣстности и служитъ наглядным примѣромъ поразительной разницы въ количествѣ выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ съ одной стороны въ сѣверномъ пограничномъ хребтѣ бассейна—въ Саянахъ и съ другой—въ предѣлахъ южной его горной стѣны—хребтѣ Танну-Ола, въ которомъ беретъ свое начало рѣка Ча-Куль. Между тѣмъ вся эта мѣстность крайне благопріятствуетъ устройству здѣсь искусственнаго орошенія. Самая рѣка Ча-Куль по выходѣ изъ предѣловъ горной страны, раздѣляется на четыре протока и на протяженіи 10 миль извивается по низменной равнинѣ прежде чѣмъ достигаетъ р. Улу-Кема. Два изъ указанныхъ протоковъ вовсе не сливаются съ главною рѣкою, такъ какъ нужда въ искусственномъ орошеніи заставила уже мѣстное населеніе воспользоваться ими для цѣлей ирригаціи. Это плоское пространство, какъ уже отмѣчено выше, отличающееся благопріятными условіями для ирригаціи, въ длину тянется на 5 миль, а въ ширину на 10, причемъ, несомнѣнно, если бы только туземцы отличались нѣсколько большей иниціативой, вся его поверхность могла бы быть использована давнымъ давно подъ культуру. Мы обнаружили здѣсь крупныя площади совершенно невспаханной земли, но сказать, зависитъ ли это отъ отсутствія въ томъ необходимости, или же просто объясняется недостаткомъ затрачиваемыхъ усилій и ослабленіемъ воднаго запаса, мы не можемъ, такъ какъ не располагаемъ для сего достаточно исчерпывающими свѣдѣніями. Лежащее внѣ границъ ирригаціонныхъ каналовъ пространство, представляетъ изъ себя голую степь—совершенно лишенную растительности, а выдающіеся здѣсь отроги хребтовъ, отличаются полнымъ отсутствіемъ травяного и древеснаго покрова, если не считать встрѣчающагося на нихъ колючаго кустарника и ассортимента степного вида растеній.

Здѣсь намъ пришлось окончательно разстаться съ воднымъ сообщеніемъ и возложить свои упованія исключительно на лошадей, причемъ, мы намѣревались, прежде чѣмъ перевалить Танну-Ольскій хребетъ для выхода въ предѣлы Монголіи, посѣтить еще районъ р. Кемчика, лежащій въ западной части разсматриваемаго бассейна. Черезъ одного мѣстнаго вождя мы подрядили людей и животныхъ для сопровожденія насъ въ долину рѣки Чедана, южнаго притока рѣки Кемчика, которая, какъ намъ сообщили, служила резиденціей главы кемчикскихъ племенъ.

Покинувъ Ча-Куль—мы въ теченіе цѣлаго дня вынуждены были совершать переходъ по голой безводной степи, причемъ, нѣкоторую часть пути намъ пришлось идти вдоль большой дороги, которая нами описана въ одной изъ предыдущихъ главъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней (отъ 23 до 29 числа) іюля мы пережили въ этомъ засушливомъ районѣ весьма жаркую погоду; термометръ поднялся до 101^0 въ тѣни, а температура эта усугублялась еще совершенно открытымъ характеромъ мѣстности и полнымъ отсутствіемъ тѣни подъ которой можно бы было укрыться. Нестерпимая жара изнуряюще дѣйствовала какъ на насъ самихъ, такъ и на весь нашъ караванъ, такъ какъ никто изъ насъ не привыкъ къ открытой степи, гдѣ поднимающаяся отъ поверхности теплота настолько же сильно дѣйствуетъ на человѣка, какъ и сами палящіе солнечные лучи; въ теченіе перваго же дня путешествія наши сибирскія лошади оказались настолько истощенными, что многія изъ нихъ совершенно ослабли. Къ вечеру мы взобрались на высоту 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря и только благодаря грозѣ, прочистившей воздухъ, снова имѣли возможность подышать въ теченіе нѣкотораго времени прохладой.

Безводный характеръ мѣстности въ предѣлахъ означеннаго района, служилъ для насъ прекрасной иллюстраціей сухости климата этой части бассейна въ особенности по сравненію съ прочими его частями; маленькій ручеекъ, возлѣ котораго мы расположились лагеремъ, оказался единственнымъ воднымъ запасомъ на всемъ пространствѣ большой дороги между Ча-

Кулемъ и сел. Біаковымъ на р. Кемчикѣ, расположеннымъ отъ Ча-Куля на разстояніи 50 миль. На слѣдующій день мы перевалили одинъ изъ отроговъ хребта Танну-Ола, причемъ, лиственничныя рощицы, встрѣтившіяся на немъ, давали намъ возможность укрываться подъ ихъ благодѣтельной тѣнью. Но затѣмъ путь нашъ снова потянулся по безплодной пустынѣ, пока, наконецъ, съ наступленіемъ сумерекъ, мы не прибыли въ широкую, плодородную долину, гдѣ нѣсколько раскиданныхъ юртъ туземцевъ и большой Буддійскій храмъ ясно говорили о томъ, что мѣсто это служитъ важнымъ центромъ въ урянхайской жизни.

Въ теченіе 6 дней мы простояли лагеремъ возлѣ упомянутаго храма, совершая отсюда боковыя экскурсіи къ сѣверу и югу. Прайсъ посѣтилъ главный Кемчикъ и маленькое озеро, называемое Сутъ-Куль, которое расположено среди горъ къ сѣверу отъ рѣки, а я произвелъ бѣглую съемку Чедана на всемъ его протяженіи вверхъ до истоковъ въ предѣлахъ хребта Танну-Ола.

Вся центральная часть Чеданской долины оказалась прекраснымъ лагернымъ угодьемъ кочевниковъ. Насчитывающая до 3 миль въ ширину низина этой долины настолько низка сама по себѣ, что теченіе рѣки отводится въ ея предѣлы съ большой легкостью и многіе самаго разнообразнаго устройства каналы покрываютъ всю ея поверхность и изрѣзываютъ ее въ различныхъ направленіяхъ, орошая почву и утучняя такимъ путемъ пастбищные запасы. Пастбищныя пространства простираются здѣсь по обѣимъ сторонамъ рѣки, помимо которой имѣются еще 4 боковыхъ протока, причемъ, сама рѣка едва ли содержитъ большее количество воды нежели эти вспомогательные каналы. Послѣдніе показались намъ сооруженными искусственно, такъ какъ отъ нихъ уже завѣдомо искусственно отвѣтвлялись въ свою очередь безчисленные маленькіе арыки (канавки), по которымъ непрерывно пропускалась вода для насыщенія самихъ луговъ. Такимъ образомъ урянхайцы-скотоводы повидимому разумно используютъ обычные методы примитивной ирригаціи для освѣженія и обновленія своихъ пастбищныхъ

земель; благодаря этому они не боятся лѣтней засухи и избѣгаютъ необходимости перемѣнять занятыя ими однажды стойбища. Хорошей землей для скотоводства отличается, однако, лишь сѣверная половина Чеданской долины; южная ея часть залѣсена и для выпаса скота совершенно не пригодна. Въ первой, сѣверной части, зато, имѣется на лицо достаточный запасъ земель какъ для крупнаго, сравнительно, народонаселенія, такъ и для содержанія большихъ овечьихъ стадъ, а также нѣкотораго количества рогатаго скота и лошадей.

Совершенно вплотную отъ нашего лагеря растилалось превосходное луговое пространство, среди котораго и была поставлена Курія, окруженная группой строеній, служившихъ обиталищемъ для ламъ; совсѣмъ близко стояла также большая бѣлая палатка нойона, или главы Кемчика. Все это производило впечатлѣніе величественнаго и довольно оживленнаго зрѣлища, на которое часто приходится натыкаться въ Центральной Азіи, гдѣ жизнь сосредоточивается обычно въ узкихъ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей, вокругъ которыхъ пустыня и только пустыня. Бѣлостѣнный квадратной формы храмъ, стоялъ точно отличительный межевой знакъ на пространствѣ многихъ миль, безусловно придавая характеръ нѣкоторой осѣдлости этой кочевой по существу мѣстности. Вьющіяся дымки обращали на себя вниманіе и указывали на тѣ мѣста, гдѣ живописно, полускрыто подъ тѣнью гигантскихъ лиственницъ, раскинуты были юрты туземцевъ; въ то же время табуны лошадей и стада овецъ паслись среди великолѣпныхъ и изысканно зеленыхъ луговъ, которые сдѣлали бы честь любому англійскому ландшафту, конечно при условіи отсутствія на нихъ урянхайскихъ наѣздниковъ и одѣтыхъ въ краснаго цвѣта одежду буддійскихъ священниковъ. На слѣдующій по прибытіи день мы обмѣнялись визитами съ представителемъ Нойона, такъ какъ самъ глава по служебнымъ обязанностямъ выѣхалъ въ Улясутай. Это дало намъ случай впервые увидѣть мѣстнаго знатнаго и родовитаго человѣка; санъ и родовитость кемчикскаго главы не вызывала никакихъ сомнѣній, что невольно бросилось намъ въ глаза послѣ того, какъ до сихъ поръ мы

неизмѣнно сталкивались лишь съ представителями угасающихъ племенъ верхняго бассейна. Намъ представляется весьма естественнымъ, что здѣсь съ большей легкостью сильный элементъ монгольской крови могъ смѣшаться съ кровью кемчикскаго населенія, такъ какъ районъ этотъ находится въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ Монголіей, нежели остальныя части бассейна. Здѣсь проходятъ караваны, заносящіе сюда новыя идеи и создающіе условія, благодаря которымъ край этотъ имѣетъ возможность поддерживать сношенія съ внѣшнимъ міромъ; значеніе же этого района усматривается изъ того факта, что Кемчикскій Нойонъ провозглашенъ фактически верховнымъ главою всего енисейскаго бассейна.

Обмѣнявшись по китайскому обычаю карточками, мы посѣтили бѣлую войлочную юрту, которая служила, какъ домомъ правосудія, такъ и оффиціальной резиденціей. Возлѣ входа подвѣшены были орудія пытки въ качествѣ служебнаго знака и въ видѣ предостереженія злоумышленникамъ. Между послѣдними какъ мы замѣтили были: тяжелые кожаные (ear-boxer) ушные ударники, раздробители пальцевъ и различнаго сорта плети (хлысты). Внутренность юрты отличалась поразительной чистотою и была украшена голубой матеріей и краснымъ войлокомъ, а по бокамъ стояли диваны и коммоды китайскаго издѣлія.

Представитель Нойона и его свита были одѣты въ свою оффиціальную форму съ китайскими шапочками на головахъ, служившихъ эмблемами ихъ должностнаго ранга. Они поразились, какъ намъ показалось, нашему сообщенію о томъ, что мы прибыли изъ Сибири и тѣмъ не менѣе отказываемся отъ чести быть русскими; равнымъ образомъ, они никакъ не могли понять, почему у насъ не имѣется никакихъ иныхъ бумагъ кромѣ нашихъ внушительнаго вида китайскихъ паспортовъ изъ Пекина. Наша бесѣда велась при помощи перевода съ англійскаго сперва на русскій языкъ, а затѣмъ уже съ русскаго на китайскій и съ китайскаго на урянхайскій, причемъ посредникомъ намъ служилъ мѣстный китайскій торговецъ, который былъ также переводчикомъ нашихъ паспортовъ.

Типы начальниковъ (вождей) кемчинскихъ урянхайцевъ.

Пропускъ тѣмъ не менѣе намъ былъ обѣщанъ, но было ясно, что милость эта оказывалась намъ неохотно и съ нами обращались вообще не съ такимъ уваженіемъ, какъ обращались бы съ любымъ русскимъ, на рукахъ у котораго оказался бы хорошо извѣстный и высокоцѣнимый здѣсь паспортъ. Мы чувствовали себя весьма стѣсненными тѣмъ фактомъ, что находимся еще въ предѣлахъ границъ урянхайскаго края, который совершенно отрѣзанъ отъ внѣшняго міра и разсматривается, какъ резервъ для урянхайскихъ племенъ; исключительное положеніе этого края соблюдается съ такой строгостью, что туземцамъ отнюдь не позволяется выходить за предѣлы линій сторожевыхъ постовъ, представляющихъ южную границу туземной территоріи, тянущуюся вдоль южныхъ склоновъ хребта Танну-Ола. При такихъ условіяхъ обѣщанный намъ пропускъ былъ обезпеченъ лишь до одного изъ такихъ постовъ, расположеннаго на разстояніи трехдневнаго пути отсюда.

Чеданская долина имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ расположена на прямомъ пути, тянущемся поперекъ всего бассейна отъ Минусинскихъ и Абаканскихъ равнинъ плоть до Монголіи; сѣверный край этой долины пересѣкается кромѣ того дорогой, которая направляется къ Улясутаю. Намъ удалось раздобыть кое какія свѣдѣнія относительно долины Верхняго Кемчика, причемъ по всѣмъ даннымъ характеръ ея представился намъ вполнѣ аналогичнымъ характеру Чеданской долины. Повидимому въ цѣломъ она представляетъ изъ себя хорошо населенную мѣстность, отличается лучшимъ климатомъ во всемъ бассейнѣ, а имѣющіяся въ предѣлахъ ея пастбища способны обезпечить существованіе огромнаго числа овецъ и лошадей. Въ сущности говоря, Кемчикская долина представляетъ изъ себя возвышеніе среди болѣе сухого, чѣмъ она, монгольскаго плоскогорья на югѣ и Абаканской степи на сѣверѣ, отличаясь на самомъ дѣлѣ разбросанными въ перемежку холмами и долинами отличающимися болѣе ровной температурой и болѣе умѣреннымъ количествомъ выпадающихъ здѣсь атмосферныхъ осадковъ.

Несмотря на близость Кемчикской долины къ Сибири и на сравнительную легкость проникновенія въ ея предѣлы, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, она до настоящаго времени отличается значительными пространствами, совершенно еще не извѣстными и не нанесенными на карту. Русскіе путешественники проходили по сѣверному ея краю въ направленіи къ центральной долинѣ и вверхъ до ея головныхъ истоковъ; южные же протоки и цѣликомъ всѣ сѣверные склоны хребта Танну-Ола до сихъ поръ остаются незасѣянными. Вся наша энергія поэтому въ теченіи нашей остановки въ предѣлахъ Чеданской долины была направлена къ нанесенію на карту всей рѣчной системы долины, начиная съ истоковъ Чедана внизъ до сліянія его съ рѣкою Кемчикомъ.

Рѣка Чеданъ тянется въ длину свыше чѣмъ на 45 миль и составлена изъ двухъ главныхъ протоковъ, которые текутъ параллельно одинъ другому на протяженіи болѣе 30 миль, послѣ чего сливаются другъ съ другомъ и совмѣстно впадаютъ въ Кемчикъ. Путь въ Монголію проходитъ по западной части долины, называемой Кандагайской, которую мы, въ концѣ концовъ, и засняли на карту, проходя по направленію къ хребту Танну-Ола.

Восточный протокъ не имѣетъ никакого выхода и совершенно повидимому, неизвѣстенъ никому кромѣ скотоводовъ, которые въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ прогоняютъ здѣсь своихъ лошадей вверхъ по направленію къ возвышенностямъ, вздымающимся поверхъ лѣса. Это пространство составляло главную часть Чеданской долины. На протяженіи отъ 15 до 20 миль долина эта сохраняетъ свой плоскій луговой характеръ, затѣмъ, понижаясь, суживается и въ своихъ низовьяхъ становится сплошь покрытой лиственничнымъ и еловымъ лѣсомъ.

Приграничныя горы отличаются полнымъ оголеніемъ своихъ южныхъ склоновъ, но сильно залѣсены по склонамъ сѣвернымъ. Въ роскошныхъ боковыхъ долинахъ, тамъ гдѣ нѣтъ чащи, я обнаружилъ крупныя стойбища туземцевъ, тогда какъ въ главной долинѣ вездѣ, гдѣ только открывались свободныя отъ лѣса пространства, я видѣлъ юрты и случайно даже поля, засѣянныя

Юрты подъ сѣнью лиственнаго лѣса
(Чеданская долина).

просомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ одѣваетъ долину и неимѣется годной для пастбища земли, туземцы не занимаются ихъ использованіемъ и здѣсь только узенькія весьма скверныя тропы кое гдѣ прорѣзаютъ лѣсную чащу. Однако, покрывающіе Танну-Олу, лѣса отличаются по типу отъ лѣсовъ одѣвающихъ Саянскія горы. Даже самыя низкія части покрыты здѣсь зарослями лиственницы и небольшого количества ели; по мѣрѣ поднятія вверхъ, ель исчезаетъ и уступаетъ свое мѣсто кедру, пока, наконецъ, уже въ предѣлахъ самой верхней границы древесной растительности, послѣдній не становится окончательно преобладающимъ даже надъ лиственницей. Самый лѣсъ здѣсь отличался болѣе открытымъ, по сравненію съ видѣнными нами здѣсь до сихъ поръ лѣсами, характеромъ, въ немъ не имѣлось вовсе болотъ и только весьма незначительное количество поваленныхъ деревьевъ служило иногда намъ препятствіемъ въ нашемъ движеніи впередъ.

Предпринявъ длинное дневное путешествіе отъ нашего лагеря возлѣ Куріи, мнѣ удалось достигнуть высоты въ 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря, гдѣ я и провелъ ночь на открытомъ воздухѣ, какъ разъ на границѣ прекращенія древесной растительности. На слѣдующее утро, я совершилъ восхожденіе на одну обнаженную вершину, представляющую выступъ отъ главнаго хребта Танну-Ола. Глядя отсюда, съ высоты бокового отрога, я имѣлъ возможность составить себѣ хорошее представленіе о Танну-Ольскомъ хребтѣ на протяженіи болѣе нежели пятидесяти миль къ востоку и къ западу, а также о кемчикской долинѣ. Хребетъ Танну-Ола показался мнѣ хребтомъ замѣчательно простой конструкціи. Отъ точки, гдѣ я стоялъ, тянется онъ къ востоку и къ западу въ видѣ узкаго плосковерхаго хребта, отличающагося терассовидными склонами. Характеръ этого хребта настолько однообразенъ, что пропадаетъ всякое представленіе объ его высотѣ, такъ что хотя вершины здѣсь и достигаютъ 7.500 футовъ, а въ предѣлахъ самаго западнаго конца даже 9.000 футовъ надъ уровнемъ моря, хребетъ этотъ ни въ коей мѣрѣ не соотвѣтствуетъ своимъ внѣшнимъ видомъ, указаннымъ высотамъ надъ уровнемъ моря.

Мнѣ представляется, что путешественникъ можетъ проѣхать верхомъ въ любомъ мѣстѣ хребта Танну-Ола и вдоль его склоновъ,—настолько ровно устройство этого хребта. Единственными препятствіями, могущими задерживать движеніе здѣсь впередъ, служатъ, пожалуй, скученныя пространства, занимаемыя отдѣльными скалами, образующими плосковерхія вершины, черезъ которыя трудно пробираться даже пѣшкомъ, а ѣзда по нимъ совершенно немыслима. Въ цѣломъ панорама хребта представлялась однообразной по своему характеру какъ въ направленіи къ востоку, такъ и къ западу. На очень большомъ разстояніи, позади самаго западнаго конца хребта, возлѣ истоковъ р. Кемчика я могъ различить огромный снѣжный массивъ, представлявшій первое на нашемъ пути зрѣлище настоящихъ снѣговыхъ горъ. Самая высокая вершина горной группы, впервые увидѣнной нами еще изъ Чеданской Долины, не терялась затѣмъ все время изъ вида и служила намъ оріентировочнымъ знакомъ въ продолженіи нашего послѣдующаго мѣсячнаго путешествія по Сѣверо-Западной Монголіи. Она представляла изъ себя огромный округленной формы очаровательный по внѣшнему виду шпицъ и согласно сдѣланной на нашихъ картахъ отмѣткѣ должна помѣщаться въ предѣлахъ Сайлюгемскаго хребта, къ сѣверу отъ альпійскаго озера, носящаго наименованіе Кендикти-Куль.

Разсматривая съ той же точки высоты Кемчикскую долину, я обнаружилъ суровую горную страну, которая ограничивала рѣку съ сѣвера; болѣе открытымъ характеромъ отличалось пространство, расположенное къ югу отъ рѣки, тогда какъ далеко на западѣ открывшееся моимъ глазамъ пространство производило впечатлѣніе долины, совершенно отгороженной и заполненной суровыми холмами. Какъ бы то ни было, но проѣзжій трактъ, тянущійся приблизительно на 70 миль вверхъ отъ главной долины и отъ мѣста расположенія Куріи и центровъ урянхайской жизни, указывалъ на благопріятныя условія этого района и давалъ поводъ думать, что посреди здѣшнихъ горъ должны находиться превосходныя долины и хорошія пастбищныя земли. Самое существенное различіе между возвышенностями

Танну-Ола и прочими горными массивами бассейна состоитъ въ томъ, что онѣ содержатъ нѣкоторое количество пастбищныхъ пространствъ, пригодныхъ для пастьбы лошадей въ теченіе лѣта. Мы постоянно встрѣчали здѣсь большіе лошадиные табуны, которые находятъ здѣсь себѣ спасеніе отъ назойливыхъ мухъ, изобилующихъ на низинахъ и пасутся, довольствуясь короткой, но зато сочной горной травой.

Съ той вершины, на которой я находился, я не замѣтилъ ни на одной изъ частей хребта Танну-Ола, открывавшихся моему взору, никакихъ слѣдовъ снѣга, вслѣдствіе чего названіе этого хребта, означающаго буквально „Снѣжный", представляется нѣсколько не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Возможно, что, благодаря обнаженности и гладкости вершинъ хребта, тотъ снѣгъ, который выпадаетъ здѣсь въ теченіе зимы, быстро затѣмъ стаиваетъ лѣтомъ. Пониженіе, образуемое озеромъ „Убса", лежащимъ сейчасъ же позади хребта на югѣ, можетъ также служить причиной весьма обильныхъ осажденій снѣга подобно тому, какъ оно, внѣ сомнѣнія, является причиной очень крупнаго снѣгопада въ предѣлахъ Тергёнскихъ горъ, расположенныхъ къ югу отъ озера, что повидимому въ извѣстныя времена года и дѣлаетъ хребетъ Танну-Ола, заслуживающимъ до извѣстной степени пріуроченнаго ему наименованія. Все же путешественника, расчитывающаго полюбоваться прекрасной горной панорамой — увѣнчанныхъ снѣгомъ хребтовъ въ предѣлахъ Танну-Ола, ждетъ несомнѣнное разочарованіе.

По возвращеніи къ главному лагерю, мы занялись составленіемъ плана нашего дальнѣйшаго путешествія и упаковкой снаряженія—въ ожиданіи обѣщаннаго пропуска. Попутно, насъ развлекло посѣщеніе Куріи, которое оказалось весьма поучительнымъ, такъ какъ выяснило намъ не только степень вліянія буддизма на простыхъ поклонниковъ природы—язычниковъ, но и показало намъ до какой замѣчательной тусклости дошелъ уже пресловутый „Свѣтъ Азіи". Курія представляла изъ себя внушительное зданіе, оштукатуренное въ бѣлый цвѣтъ, увѣнчанное фризомъ коричневыхъ и голубыхъ по краямъ линій въ перемѣшку съ бѣлыми. Она имѣла квадратную форму, причемъ, съ

трехъ сторонъ стѣны лишены были оконъ и дверей, а вся четвертая сторона была занята портикомъ, поддерживаемымъ деревянными колоннами, между которыми внутрь храма вели проходы къ четыремъ широкимъ створчатымъ дверямъ. Эмблемы буддизма возвышались надъ строеніемъ по четыремъ его угламъ и были также вырѣзаны на дверяхъ.

Какъ только мы подошли къ храму, толпа негостепріимнаго вида исхудалыхъ молодыхъ ламъ и учениковъ окружила насъ, нахально жестикулируя, но послѣ переговоровъ съ главнымъ ламой, намъ было позволено войти въ храмъ; однако, грязные, похожіе скорѣе на животныхъ мужчины, мальчишки и жрецы такъ сильно напирали на насъ, что мы были вынуждены вскорѣ же покинуть храмъ. Все это представляло изъ себя замѣчательный примѣръ внезапной и полной перемѣны въ людяхъ, которую можетъ произвести такъ называемое вліяніе религіи. Мы съ трудомъ только могли распознать нашего боязливаго, скромнаго, безобиднаго урянхайца среди этой шумливой докучливой и задорной толпы. Животный и чувственный видъ ламъ рѣзко противополагался спокойному, почти боязливому, поведенію ихъ братьевъ мірянъ—дикихъ жителей лѣса и пастуховъ. Намъ сообщили, что свыше 300 ламъ и неофитовъ было объединено возлѣ одной только этой Куріи.

Внутренность храма была задрапирована пестро раскрашенными флагами и самыхъ разнообразныхъ, какіе только себѣ можно представить, оттѣнковъ драпри. Шелковые свертки съ раскрашенными изображеніями Будды висѣли на стѣнахъ, а гигантскія позолоченныя изображенія стояли въ футлярахъ съ стеклянной лицевой поверхностью передъ самымъ строеніемъ. Содержимое Куріи преимущественно состояло изъ дешеваго и дрянного матеріала, привезеннаго изъ Улясутая и Урги. Нѣсколько предметовъ изъ стараго шелка и бронзовыхъ издѣлій привлекли, однако, наше вниманіе, но, несмотря на наши щедрыя предложенія, купить ихъ такъ и не удалось.

Однажды вечеромъ при заходѣ солнца устроена была возлѣ Куріи любопытная религіозная церемонія. Всѣ ламы имѣющіе отношеніе къ храму, образовали процессію и разодѣтые со всею

пышностью въ старые шелковые костюмы (платья), неся хоругви, дуя въ трубы, ударяя въ барабаны и стрѣляя изъ ружей, направились къ тому мѣсту, гдѣ уже былъ заранѣе воздвигнутъ „Обо“, или маленькій алтарь изъ вѣтвей и хвороста. Наряды главныхъ ламъ были покрыты красными и желтыми шелками, а трубы, которыя они несли насчитывали до 12 футовъ въ длину и, будучи сдѣланы изъ бронзы, были настолько тяжелы, что концы ихъ приходилось поддерживать маленькимъ мальчикамъ, тогда какъ сами жрецы дули въ мундштуки этихъ трубъ. Барабаны были всѣ однообразной формы, причемъ кожа, изъ которой они были сдѣланы, была окрашена въ зеленый цвѣтъ съ красными и желтыми девизами, нарисованными по бокамъ. Дойдя до „Обо“, процессія образовала одну линію, люди, несшіе ружья дали два залпа и затѣмъ съ великой церемоніей главный жрецъ предалъ „Обо“ огню, а когда послѣдній хорошо разгорѣлся, вся толпа окружила огонь и стояла вокругъ него, пока „Обо“ совершенно не сгорѣлъ.

Куріи бассейна Верхняго Енисея обычно располагаются вблизи резиденцій Нойоновъ, или вождей и потому находятся въ предѣлахъ наиболѣе населенныхъ мѣстностей. Ихъ насчитывается всего шесть: три изъ нихъ расположены въ различныхъ частяхъ Кемчикской долины, одна находится въ долинѣ Елегесса, простирающейся по южному берегу Улу-Кема, одна въ районѣ верхняго Куа-Кема, возлѣ озера Теринoръ и одна въ округѣ верхняго Бей-Кема. Всѣ онѣ находятся подъ непосредственнымъ контролемъ Ургинскаго Далай-Ламы, а младшіе ламы находятся въ постоянномъ сношеніи съ этимъ важнымъ центромъ Монгольской религіозной жизни. Храмы представляются единственными постоянными зданіями, которыя имѣютъ отношеніе къ повседневной жизни туземцевъ; они, безъ сомнѣнія, играютъ крупную роль въ пріуроченіи туземцевъ къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, которые стекаются къ нимъ какъ по соображеніямъ религіознаго свойства, такъ и потому, что храмы, въ сущности говоря, представляютъ изъ себя центры для обмѣна и торговли.

Только затративъ значительныя усилія и при помощи

взятокъ, мы получили, въ концѣ концовъ, въ пользованіе восемь воловъ и полдюжины людей, что дало намъ возможность подумать о дальнѣйшемъ движеніи экспедиціи. Обширность Кемчикской долины и краткость, оставшагося въ нашемъ распоряженіи времени, заставили насъ рѣшиться покинуть бассейнъ и перевалить въ предѣлы Монголіи. Въ виду этого, мы нагрузили на восемь воловъ все наше снаряженіе, причемъ, каждому волу пришлось нести вдвое большую, нежели лошади, ношу и двинулись медленно по направленію къ Борашскому проходу, черезъ который, по дорогѣ тянущейся по Кандагайской части Чедана, можно достигнуть перевала черезъ хребетъ Танну-Олу.

Кандагайская долина по внѣшнему виду напоминаетъ долину Чеданскую, но по ней проходитъ хорошо извѣстный путь, что дало намъ возможность по легкому уклону безъ труда взобраться до самой верхней точки прохода. Переходъ черезъ хребетъ Танну-Ола оказался чрезвычайно интереснымъ и полнымъ всевозможныхъ неожиданностей. Въ теченіе двухдневнаго перехода мы поднялись съ высоты 3.190 футовъ въ Чеданской долинѣ до 6.854 футовъ по водораздѣлу, а затѣмъ спустились снова внизъ на 5.000 футовую высоту въ предѣлы Монгольскаго плоскогорья, лежащаго по другую сторону хребта. Во время этого странствованія мы имѣли возможность полностью оцѣнить необычайную топографію этого района—терассовидныхъ склоновъ хребта Танну-Ола, длинной постепенной покатости, ведущей вверхъ къ водораздѣлу и рѣзкаго, но легкаго спуска въ предѣлы Монгольскаго плоскогорья на югѣ. Совершая этотъ послѣдній путь въ предѣлахъ Енисейскаго бассейна, мы съ возрастающимъ интересомъ замѣчали, какъ постепенно мѣнялись здѣсь не только внѣшніе виды и флора, но даже и вся окружающая атмосфера района. Хотя намъ и не приходилось подниматься здѣсь на большую высоту и никакихъ трудныхъ переходовъ намъ по пути не встрѣчалось, но мы ясно ощущали, что находимся у преддверія крупныхъ измѣненій въ природѣ, что эта южная стѣна бассейна образуетъ важную раздѣльную линію и что, совершивъ этотъ переходъ, мы очутимся въ совершенно отличной странѣ, среди которой откроются намъ

„Курія“ въ районѣ Верхняго Бей-Кема.

Внизъ по теченію Бей-Кема.

широчайшія перспективы для изслѣдованія новыхъ людскихъ расъ и своеобразныхъ физическихъ условій.

Истинный водораздѣлъ представляетъ изъ себя округленный хребетъ, почти плоскій по вершинѣ. Лѣсъ здѣсь росъ въ видѣ малорослаго кустарника, а миніатюрныя деревья казались истрепанными вѣтромъ и истерзанными бурей. Съ обѣихъ сторонъ поднимались возвышенности въ видѣ плосковерхихъ, терассовидныхъ хребтовъ, возвышавшихся на нѣсколько сотъ футовъ надъ предѣльной линіей древесной растительности. Онѣ служили началомъ Монголіи. Въ то время какъ нашъ смѣшанный караванъ, состоящій изъ воловъ и лошадей, добравшись до верхушки прохода, направился затѣмъ медленно внизъ по южному склону, мы сами повернули къ западу въ намѣреніи забраться на одну изъ вершинъ, съ которой можно было бы взглянуть на новую страну, лежавшую сейчасъ передъ нами. Съ вершины плосковерхаго горнаго хребта мы взглянули также въ послѣдній разъ и назадъ на красочную Сибирь, тогда какъ передъ нами въ видѣ контраста лежали слабо окрашенныя степи и плоскогорья Монголіи, производившія сильное впечатлѣніе обиліемъ свѣта, сухостью и своей загадочностью.

ГЛАВА VIII.

Урянхайцы и ихъ олени.

„Они не имѣютъ лошадей, вмѣсто которыхъ приручаютъ дикихъ животныхъ, называемыхъ ими римами (Reem); эти животныя величиной съ муловъ отличаются грубою шерстью вродѣ ослиной, раздвоенными копытами и вѣтвистыми, подобно оленямъ, но меньшаго размѣра и только съ нѣсколькими отростками, рогами. Я полагаю, что это обстоятельство было отчасти извѣстно и старымъ писателямъ, но излагалось послѣдними, лишь въ формѣ неяснаго и подверженнаго сомнѣнію слуха. Какъ никакъ, но писатели эти тоже сообщаютъ о томъ, что нѣкоторые Sythians ѣздили на оленяхъ (hartes)".

Въ такихъ выраженіяхъ Ричардъ Эденъ не позже 1555 г. сообщалъ впервые на англійскомъ языкѣ свѣдѣнія, которыя ему удалось раздобыть о „сѣверо-восточныхъ холодныхъ моряхъ и государствахъ, лежавшихъ на его пути" и, такимъ образомъ, у него перваго мы находимъ указаніе объ оленеводческихъ племенахъ сѣверной Азіи.

Марко Поло дополнилъ эти свѣдѣнія данными, добытыми имъ во время его путешествія въ (Cathoy) Китай, упоминая о какомъ то народѣ, населяющемъ районъ вдоль сѣверной границы Китайской Имперіи, принадлежащемъ дикой расѣ, живущей продуктами своего скота—оленей, которые используются владѣльцами также для верховой ѣзды [1]). Въ немногочислен-

[1]) Приведенныя выдержки, собственно говоря, относятся къ жившимъ въ лѣсахъ племенамъ возлѣ озера Байкала, въ предѣлахъ Южной Сибири и не могутъ быть поэтому спеціально пріурочены только къ урянхайцамъ района Верхняго Енисея.

ныхъ ссылкахъ объ этомъ народѣ, мы усматриваемъ, что отличительной чертой его отмѣчается своеобразный обычай—содержать и разводить „оленей“ въ цѣляхъ полученія какъ средствъ пропитанія, такъ и для транспорта. Существованіе оленеводческихъ расъ въ предѣлахъ южной Сибири поражало китайскихъ писателей, которые, по всей вѣроятности, никогда не приходили въ соприкосновеніе съ лапландцами, финнами и самоѣдами, представляющими изъ себя оленеводческія племена далекаго Сѣвера.

Несмотря на то, что первыя свѣдѣнія объ оленяхъ встрѣчаются еще въ трудахъ нѣкоторыхъ старыхъ писателей—вплоть до нашего посѣщенія Урянхайскаго края въ 1910 году, повидимому, ничего не было извѣстно о томъ, что въ предѣлахъ Китайской Имперіи существуетъ такая раса, отдѣльная группа которой всецѣло зависитъ въ своемъ существованіи отъ оленьихъ стадъ и что олень водится даже въ дикомъ состояніи по горнымъ хребтамъ, отграничивающимъ Сибирь отъ Монголіи. Русскіе путешественники, однако, знали объ этомъ, но изъ того факта, что свѣдѣнія эти никогда не достигали до остальной Европы, можно усмотрѣть насколько полна наша неосвѣдомленность о русской литературѣ. Исключительный интересъ, представляетъ не только одна указанная особенность обычаевъ этого народца; самый фактъ существованія его, каждая подробность его исторической жизни, каждое свѣдѣніе объ его обычаяхъ, убѣжищахъ и религіозныхъ идеяхъ отличаются чрезвычайной исторической цѣнностью. Не нужно забывать, что урянхайцы представляютъ изъ себя остатки древней расы, обитающіе уединенно въ самомъ сердцѣ величайшаго изъ материковъ.

Въ предыдущихъ главахъ, при описаніи древнихъ жителей Абаканской и Минусинской степей, упоминалось попутно о жизни и о древней исторіи современныхъ урянхайцевъ. Я показалъ тамъ, что исконное населеніе равнинъ, прилегающихъ къ текущему въ предѣлахъ Сибири Енисею, было постепенно вытѣснено болѣе могущественными, вторгнувшимися сюда расами, а именно, уграми и татарами, вслѣдствіе чего ему пришлось

частью удалиться въ предѣлы отдаленныхъ районовъ тундръ далекаго Сѣвера Сибири, частью же разселиться по лѣсамъ бассейна Верхняго Енисея. Въ тѣ отдаленные періоды народныхъ передвиженій древніе енисейцы или тубы, какъ они назывались, подпали вліянію разныхъ другихъ расъ, но отступившіе въ лѣса Верхняго Енисея сохранили свой оригинальный типъ въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ это можно было ожидать, принимая во вниманіе ту уединенность, въ которой имъ приходилось жить. Послѣ различныхъ историческихъ превратностей и окончательнаго ухода урянхайцевъ съ береговъ текущаго въ предѣлахъ Сибири Енисея на верховья послѣдняго, мы снова узнаемъ о нихъ лишь въ XVI столѣтіи, какъ о народѣ, составляющемъ уже одно изъ шести подраздѣленій, на которыя разбивался монгольскій народъ, и къ этому же, повидимому, времени пріурочивается и захватъ этого народа Китайской Имперіей. Внѣ сомнѣнія, въ этомъ же столѣтіи болѣе или менѣе точно обозначились и границы той территоріи, которая оказалась ими занята и съ этого именно времени бассейнъ Верхняго Енисея превратился въ ихъ признанную вотчину.

Слово „урянхаецъ“, или „урянгутъ“,—китайскаго происхожденія. Въ прежнее время оно широко пріурочивалось китайцами ко всѣмъ племенамъ вдоль сибирско-монгольской границы, обитавшимъ здѣсь среди залѣсенныхъ пространствъ; такъ назывались не только тубы бассейна Верхняго Енисея, но и угры—озера Коссогола, а равнымъ образомъ и тунгусы Забайкалья. Слово это въ переводѣ просто означаетъ „обитатель лѣса“. Въ настоящее время „урянхайцами“ называются жители бассейна Верхняго Енисея, а также небольшое племя, живущее по восточнымъ склонамъ Алтая. Лучшимъ наименованіемъ для племенъ Верхняго Енисея могло бы служить ими самими данное себѣ прозвище „Тубы“, такъ какъ послѣднее слово спеціально обозначаетъ одинъ только этотъ народецъ и не можетъ быть распространено ни на какую другую, хотя бы и живущую въ лѣсахъ, человѣческую расу. „Туба“ не есть собственно говоря, наименованіе какого нибудь отдѣльнаго племени, но обозначаетъ собою цѣлую нынѣ разсѣянную самоѣдскую

расу, когда то жившую сплоченно. Слово „сойотъ“, какъ обычно называютъ представителей этого народа русскіе, какъ я себѣ это объясняю, является плодомъ ошибочнаго отождествленія. Дѣло въ томъ, что первые, проникшіе въ эти предѣлы русскіе люди, нашли здѣсь туземцевъ, которые жили въ аналогичныхъ условіяхъ съ настоящими сойотами, обитателями центральной Сибири, и потому, исходя изъ этой аналогіи, поспѣшили назвать и этихъ туземцевъ „сойотами“, тогда какъ въ дѣйствительности оба указанныхъ племени ничего общаго между собою не имѣютъ.

Русскій путешественникъ Клеменцъ утверждаетъ, что тубы представляли изъ себя первоначально самоѣдскую расу, жившую въ предѣлахъ южной Сибири, по имени которыхъ названъ даже одинъ изъ правыхъ притоковъ Енисея—Туба. Потомки этихъ Тубовъ населяютъ теперь лѣвый берегъ Енисея у Минусинска и говорятъ на тюркскомъ нарѣчіи (абаканскіе татары). Наименованіе „Тубы“, впервые упоминается въ китайскихъ лѣтописяхъ — временъ династіи Та: эти, сохранившіяся до насъ, указанія говорятъ о какомъ то племени „Дубо“, жившемъ въ горахъ, и занимавшемся охотой и разбоемъ. Персидскій историкъ Рашидъ-Эддинъ упоминаетъ также объ этихъ племенахъ и говоритъ, что они населяли „лѣса Монголіи“ еще во времена Чингисъ-Хана. Между прочимъ, онъ же сообщаетъ наименованія, которыя пріурочивались когда то современному урянхайскому Клану,—а именно—„ойнаръ“ и „ондаръ“. Другое упоминаніе о тубахъ, или урянхайцахъ было сдѣлано Вильямомъ Ребрекомъ въ 1255 году, включившимъ имя „Оренгай“ въ свой списокъ племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ района, расположеннаго къ сѣверу отъ Монголіи.

Ближайшіе сосѣди тубовъ, живущіе по берегамъ озера Косогола, дѣлятъ себя на два клана, на даркатовъ и урянхайцевъ, причемъ послѣдніе сами себя называютъ „уграми“. Даркаты, однако, принадлежатъ къ одной съ урянхайцами расѣ, но только говорятъ на монгольскомъ нарѣчіи. Абаканскіе татары, обитающіе вблизи Минусинска — въ районѣ, въ древнія времена служившемъ мѣстообитаніемъ енисейцевъ и ихъ по-

томковъ, также имѣютъ нѣкоторую связь съ тубами въ особенности въ отношеніи языка. Между послѣдними двумя народцами наблюдается большое сходство и они несомнѣнно чувствуютъ большую другъ къ другу симпатію, а въ своихъ взаимоотношеніяхъ съ такимъ уваженіемъ относятся одинъ къ другому, съ какимъ могутъ относиться только люди единокровнаго происхожденія. Даже и въ физическомъ строеніи они очень похожи между собою, и не вызываетъ большихъ сомнѣній предположеніе, что когда то они были какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ совершенно тождественны другъ другу. Адріановъ назвалъ языкъ урянхайцевъ „татарскимъ“ и особо отмѣтилъ ту легкость, съ которой татары Абакана объясняются съ туземцами бассейна Верхняго Енисея. Кастренъ, основываясь на лингвистическихъ данныхъ, разсматриваетъ тубовъ какъ особое самоѣдское племя, только подвергшееся тюркскому (угры) вліянію, и усвоившее языкъ послѣднихъ; трудно, однако, установить связь ихъ съ ихъ ближайшими сосѣдями — сойотами, тунгусами и бурятами, такъ какъ всѣ былыя традиціи послѣдними уже забыты.

Урянхайцы или урянгуты, представляющіе остатки племени тубовъ, въ наши дни ограничены предѣлами района, заключеннаго съ сѣвера русско-китайской границей, которая простирается отъ Восточнаго Алтая до озера Коссогола, а съ юга линіей монгольскихъ военныхъ постовъ или карауловъ, тянущихся на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого вдоль южныхъ предгорій хребта Танну-Ола. Все это пространство, главнымъ образомъ, заполнено бассейномъ Верхняго Енисея, какъ то было описано нами въ главѣ третьей, но оно заключаетъ въ себѣ также и часть страны, лежащей уже за предѣлами танну-ольскаго водораздѣла, а именно южные склоны послѣдняго хребта, на протяженіи до выше упомянутыхъ карауловъ [1]). Все пространство, занятое урянхайцами, приблизительно исчисляется

---

[1]) Жители бассейна Коссогола этнографически тѣ же урянхайцы, но только гораздо болѣе омонголенные. Ихъ территорія въ географическомъ отношеніи совершенно отрѣзана отъ бассейна Верхняго Енисея и принадлежитъ къ иному административному подраздѣленію.

болѣе чѣмъ въ 52.555 квадратныхъ миль. Внѣ указанныхъ границъ урянхайцы не бродятъ. На югѣ они ограничены въ своемъ распространеніи монгольскими пикетами и запрещеніемъ выхода; за то на сѣверѣ тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ, предоставлена полная свобода посѣщенія городовъ и деревень Сибири. Въ ограниченіяхъ рѣдко здѣсь представляется надобность, такъ какъ урянхайцы сами по себѣ отличаются весьма скромными потребностями и не часто безпокоятъ внѣ ихъ района расположенный міръ. Не такъ еще давно, однако, урянхайцы спускались по сѣвернымъ склонамъ Саянскаго хребта въ предѣлы района истоковъ рѣкъ—Кандата, Кажира и Тубы, но теперь они ограничиваются только посѣщеніемъ сѣверной половины водораздѣла въ зимнее время, чтобы поохотиться. По всей указанной территоріи урянхайцы живутъ рѣдко раскиданными группами въ своихъ уединенныхъ стойбищахъ. Нѣкоторые районы при этомъ остаются и до сего времени совершенно ненаселенными, тогда какъ другіе, вслѣдствіе благопріятныхъ природныхъ условій, населены сравнительно густо.

Затруднительно указать точно численность всего урянхайскаго населенія. Многія изъ урянхайскихъ племенъ никогда еще не попадались на глаза путешественникамъ, а лѣтомъ, когда легче всего обнаружить урянхайцевъ, ихъ стойбища разбиваются обычно на мелкія, изолированныя группы, разбросанныя среди огромныхъ пространствъ густо поросшихъ лѣсомъ, а также въ предѣлахъ долинъ, о существованіи которыхъ почти не имѣется никакихъ свѣдѣній. М. Павелъ Шалонъ опредѣляетъ общую численность населенія бассейна, максимально въ 100.000 душъ обоего пола, китайцы же считаютъ уряханскій край, составляющимъ одинъ „аймакъ“ или условное территоріальное подраздѣленіе.

Урянхайцы дѣлятся на пять главнѣйшихъ племенъ, наименованія и предѣлы распространенія которыхъ слѣдующія.

I. Племя Тойи,—занимающее весь районъ Верхняго Бей-Кема, расположеннаго въ восточномъ концѣ бассейна; территорія, занятая этимъ племенемъ, на югѣ ограничивается Куа-Кемомъ, а на западѣ рѣкой Утъ; главнымъ центромъ всего про-

странства является Дора-Кемская степь, среди которой находится и резиденція нойна (князя) или главы этого племени, а также расположена и курія.

II. Племя Салжакъ, живущее въ районѣ, расположенномъ къ югу отъ Куа-Кема, и простирающееся къ западу вплоть до долины Елегнеса.

III. Марди, — небольшой кланъ, обитающій въ ограниченномъ пространствѣ, заключенномъ между рѣками Утомъ и Уйукомъ.

IV. Оина, — племя, придерживающееся обоихъ береговъ Улу-Кема—къ сѣверу и къ югу отъ этой рѣки между территоріями племенъ — Салжакъ, Марди и Кемчикъ. Ча-Куль можно смѣло считать западной границей распространенія этого племени.

V. Племя Кемчикъ [1]), — можно разбить въ свою очередь, на одну или двѣ секціи. Населеніе западной части бассейна, занятой долиной рѣки Кемчика, составляетъ почти третью часть населенія всего разсматриваемаго бассейна, взятаго въ цѣломъ.

Это послѣднее племя можно разсматривать или наряду съ другими перечисленными племенами, или же раздѣльно отъ нихъ. Въ прежнія времена два наслѣдственныхъ вождя управляли каждый своей частью этого племени совершенно обособленно; но впослѣдствіи китайцы постарались эти племена объединить и подчинили ихъ одному нойону.

Указанныя главнѣйшія племена, въ свою очередь, подраздѣляются на многочисленные кланы, которые объединяются обычно въ отдѣльныя стойбища и объявляютъ какую нибудь опредѣленную географическую территорію своимъ владѣніемъ. Трудно сказать въ чемъ, собственно, выражается разъединеніе между главнѣйшими указанными племенами, но мы склонны

---

[1]) Кемчикскій районъ былъ во времена Чингисъ-Хана населенъ киргизами и кемъ-кемжуками, близкими другъ другу тюркскими племенами, которыя впослѣдствіи, въ XVII столѣтіи, эмигрировали отсюда въ предѣлы Джунгаріи и далѣе къ западу. Они являются родоначальниками настоящихъ киргизовъ, бурутовъ-черныхъ или горныхъ (скалистыхъ) киргизовъ.

считать, что подраздѣленіе это покоится исключительно на правѣ занятія опредѣленныхъ пастбищъ и мѣстъ для охоты. Внутри бассейна урянхайцы могутъ безпрепятственно бродить гдѣ попало, причемъ, обычно каждая группа или племя придерживается все же своего собственнаго пространства для пастьбы или охоты; за предѣлы границы монгольскихъ пикетовъ переходить урянхайцамъ не разрѣшается. Площадь, предоставленная имъ служитъ какъ бы резерваціей, на что надо смотрѣть какъ на особую привилегію, дарованную урянхайцамъ ихъ китайскими правителями, на точно такихъ же основаніяхъ, на какихъ обезпечивается неприкосновенность территоріи любого монгольскаго вождя въ предѣлахъ Монголіи, или любого калмыкскаго племени въ предѣлахъ, удаленныхъ частей Китая на западѣ, чѣмъ въ то же самое время поддерживается и независимость послѣднихъ.

Всѣ урянхайцы въ настоящее время считаются подъ сюверенитетомъ Китая. Они, вѣроятно, составляли независимый народецъ, вплоть до появленія въ XIII вѣкѣ Чингисъ-Хана. Послѣ этого они превращены были въ подданныхъ этого великаго завоевателя. Чингисъ-Ханъ до настоящаго времени обожествляется урянхайцами. Всѣ добрыя дѣла пріурочиваются этому великому монгольскому предводителю; онъ научилъ ихъ какъ увѣряютъ урянхайцы, искусству сѣять пшеницу и устраивать оросительные каналы. Послѣ смерти Чингисъ-Хана, урянхайцы подпали подъ управленіе его третьяго сына Джессеръ-Хана. Съ образованіемъ же Манчжурской династіи и послѣ паденія монголовъ, урянхайцы были приняты подъ покровительство пекинскаго Императора и съ той поры оставались постоянно подъ управленіемъ китайскаго военачальника,—резиденціей котораго служилъ Улясутай. Урянхайцы отличаются, однако, отъ другихъ вассальныхъ племенъ тѣмъ, что вожди ихъ не обязаны давать отчета и не обязаны личной службой при дворѣ Императора въ Пекинѣ.

Въ каждомъ отдѣльномъ племени имѣется нойонъ или мѣстный вождь, который отвѣчаетъ за исправность поступленія налоговъ съ его племени и за управленіе народомъ. Нойоны

племенъ: Тойи, Салжакъ, Оина и Марди—отвѣтственны передъ главнымъ нойономъ Кемчикскаго племени, преимущества котораго признаются на пространствѣ всего бассейна, и который, въ свою очередь, непосредственно отвѣчаетъ предъ должностнымъ лицомъ (чиновникомъ), живущимъ въ Улясутаѣ какъ за успѣшность обложенія, такъ и вообще за все, связанное съ управленіемъ урянхайскимъ народомъ. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что имѣется еще одинъ посредникъ между кемчикскимъ вождемъ и улясутайскимъ чиновникомъ, въ лицѣ „Амбана“ Тесса—плотно населеннаго района, расположеннаго къ югу отъ Танну-Ольскаго хребта, въ бассейнѣ озера Убсы. Но, такъ какъ районъ этотъ не населенъ урянхайцами, а самъ „амбанъ“ не является уполномоченнымъ пекинской администраціи, трудно себѣ представить, чтобы здѣсь могли ужиться два управителя, и гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется признать единую инстанцію, единую сильную и алчную руку, черезъ которую проходятъ здѣсь налоги и притязающую на свою часть добычи.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ старыя времена „Ханъ Убсинскаго округа“ разсматривался какъ верховный глава этихъ районовъ и власть его простиралась даже далеко въ предѣлы Сибири, а самъ онъ держалъ урянхайцевъ въ полномъ подчиненіи. Hocoorth разсказываетъ, что въ первой половинѣ XVII столѣтія Россія обмѣнивалась многочисленными посольствами съ Алтанъ-Ханомъ, резиденція котораго въ тѣ времена лежала возлѣ озера Убсы. „Алтанъ-Ханъ“—это титулъ всѣхъ хановъ убсинскаго округа. Очевидно онъ былъ пограничнымъ главою, имѣвшимъ крупное значеніе, обмѣнивался многочисленными подарками съ Русскимъ Царемъ и, въ концѣ концовъ, принялъ присягу въ вѣрноподданичествѣ послѣднему. Впослѣдствіи, однако, когда власть этого хана начала падать, абаканскіе и енисейскіе племена откололись отъ него, отошли окончательно подъ власть Россіи, подданными которой остаются и до настоящаго времени, тогда какъ самъ ханъ совершенно устранился отъ всякихъ сношеній съ Царемъ. Владѣлъ ли Алтанъ-Ханъ только Тесскимъ райономъ или же только Тергёнской южной страною, а можетъ

быть и тѣмъ и другою вмѣстѣ, а также возможно ли усматривать слѣды развалинъ его владѣній, сосредоточенными въ рукахъ Далай-Хана-Дурбетскаго, который въ настоящее время держитъ въ своей власти весь Убсинскій бассейнъ, за исключеніемъ только самой Тесской долины, мы ничего рѣшительно сказать не можемъ.

Изъ изложеннаго видно, что за урянхайцами установленъ хорошій надзоръ, и что несмотря на мѣстообитаніе ихъ въ предѣлахъ отдаленнѣйшаго угла Имперіи, они до сихъ поръ обязаны полностью платить ей свою годовую подать. Пекинское правительство утверждаетъ мѣстныхъ вождей въ ихъ власти, а послѣднія заботятся лишь о вздуваніи подати въ отплату за состоявшееся признаніе ихъ полномочій и авторитета. Богатый угнетаетъ здѣсь бѣдняка и сильный обижаетъ слабаго, а это приводитъ въ концѣ концовъ къ тому, что въ странѣ у населенія постепенно усиливается стремленіе обращать свои взоры все чаще и чаще на Россію, какъ на такую страну, гдѣ царитъ справедливость и порядокъ. Съ постепеннымъ усиленіемъ наплыва въ предѣлы района Верхняго Енисея русскихъ и съ ростомъ здѣсь ихъ торговли и вліянія, отмѣченное стремленіе несомнѣнно будетъ все усиливаться и окончательное присоединеніе края къ Россіи лишь вопросъ времени.

Кромѣ нойоновъ,—здѣсь же имѣется значительное количество болѣе мелкихъ вождей—начальниковъ стойбищъ и даже главъ отдѣльныхъ богатѣйшихъ семей, тогда какъ самый низшій, но за то и самый многочисленный слой народонаселенія составляютъ туземцы скотоводы (пастухи). Кромѣ того нужно еще считаться здѣсь и съ религіозной организаціей, которая, какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ буддійскихъ странахъ, объемлетъ большую сравнительно часть населенія. Ламы сохраняютъ здѣсь за собой выдающееся положеніе и оказываютъ большое вліяніе на всѣ дѣла племени, причемъ, пользуясь этимъ вліяніемъ, они способствуютъ обнищанію и безъ того уже обложенныхъ налогами сверхъ мѣры пастуховъ.

Урянхайцы платятъ подать китайскимъ чиновникамъ, но за то избавлены отъ несенія воинской повинности. Шалонъ

утверждаетъ, что годовая подать урянхайцевъ можетъ быть исчислена въ суммѣ до 60.000 рублей, которые цѣликомъ поступаютъ въ распоряженіе Улясутайскаго чиновника. Подать, платимая обыкновеннымъ урянхайцемъ, достигаетъ обычно размѣровъ десятой части принадлежащихъ ему стадъ; предоставляется ему также платить эту подать и мѣхами, но обязательно на сумму, равную части приходящагося съ него по размѣру стада обложенія; однако, приводя эти данныя, мы должны оговориться, что именное взиманіе съ опредѣленныхъ лицъ подати, здѣсь не всегда удается, такъ какъ дикихъ жителей лѣса и въ особенности оленеводовъ трудно бываетъ уловить иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда они пожелаютъ обойти дѣйствующій въ отношеніи ихъ порядокъ. Мѣстныя власти считаютъ своимъ долгомъ также не забывать при этомъ и себя, въ виду чего масса населенія прозябаетъ здѣсь въ полной кабалѣ у вождей, вынужденная непрестанно платить вымогаемую у нихъ подать. Налоги платятся разнообразными предметами. Жители степей приносятъ кобылъ, скотъ, овецъ и козъ; оленеводы доставляютъ мѣха, перья, орлиные хвосты и пухъ водяныхъ птицъ, а жители озерныхъ пространствъ верхняго бассейна платятъ лебедями, утками, гусями и гагарами.

Адріановъ, русскій путешественникъ, представляетъ систему обложенія въ слѣдующемъ видѣ: весь урянхайскій народъ составляетъ одинъ „аймакъ“,—китайскій терминъ, обозначающій крупное территоріальное пространство, обязанное платить въ качествѣ подати, тысячу „оуреговъ“ въ годъ. „Оурегъ“ служитъ условной единицей обложенія за тысячу головъ скота и соотвѣтствуетъ стоимости трехъ соболиныхъ шкурокъ. Урянхайскій народъ оказывается вынужденнымъ оплачивать въ видѣ подати Китаю стоимость 3.000 соболиныхъ шкурокъ въ годъ.

Насколько мнѣ самому удалось это выяснить — система мѣстнаго обложенія представляется слѣдующей: подать налагается согласно общему количеству скота, владѣемаго всѣми лицами вкупѣ, живущими въ данной юртѣ, независимо отъ того, будетъ ли это цѣлая семья, или отдѣльный домохозяинъ. Бѣдные пастухи, у которыхъ нѣтъ ни юртъ, ни скота, освобождаются

отъ обложенія. Всѣ прочіе платятъ по разсчету на „оуреги“ по три соболиныхъ шкурки или по ста двадцати бѣличьихъ шкурокъ за тысячу головъ скота. Такимъ образомъ, подать, начинаясь отъ нѣсколькихъ бѣличьихъ шкурокъ, поднимается вверхъ въ зависимости отъ благосостоянія подлежащихъ обложенію владѣльцевъ.

Если бы, однако, обложеніе оставалось бы такимъ же въ настоящее время, какимъ оно было когда то и количество требуемыхъ соболиныхъ шкурокъ не подвергалось сокращенію въ соотвѣтствіи съ возросшей стоимостью соболя, мы должны въ такомъ случаѣ были бы только пожалѣть нашихъ друзей урянхайцевъ. Думается, однако, что приведенная система расцѣнокъ весьма непостоянна. Любопытно при этомъ сравнить стоимость отдѣльныхъ мѣховъ; одинъ человѣкъ можетъ принести или одного соболя, или 40 бѣлокъ, или шесть волковъ или 6 куницъ. Снѣжный леопардъ считается равноцѣннымъ 20-ти бѣлкамъ, одному волку и одной куницѣ. Шкура лисицы стоитъ столько же, сколько стоятъ 20 бѣлокъ. Таковы были соотвѣтственныя цѣны на отдѣльныя мѣха въ давно прошедшія времена; мы надѣемся, однако, что въ интересахъ обложенныхъ уже и безъ того сверхъ мѣры туземцевъ, будетъ предпринятъ пересмотръ правилъ обложенія насущная необходимость въ чемъ ощущается въ виду неуклоннаго истребленія съ годами доставляющихъ мѣха животныхъ.

Чрезвычайно трудно разобраться въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни урянхайскаго народа, взятаго въ цѣломъ, такъ какъ отдѣльныя, составляющія его племена, весьма различаются между собою, что объясняется различіемъ тѣхъ внѣшнихъ условій, при которыхъ имъ приходится жить. Привычки племени Тойи настолько же отличаются отъ привычекъ племени Кемчикъ, насколько послѣднія не похожи на монголовъ. Самое большее, что мы можемъ сдѣлать—это сгруппировать всѣ племена верхняго бассейна вмѣстѣ и описывать ихъ въ качествѣ наиболѣе типичныхъ и въ то же время наиболѣе предохранившихъ себя отъ внѣшнихъ вліяній туземцевъ. Племена центральнаго и южнаго бассейновъ, въ свою очередь, характе-

ризуются тѣмъ, что они вошли въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ монголами и самая страна, въ которой они живутъ, по своимъ физическимъ особенностямъ также весьма близко приближается къ Монголіи. Племена Тойи, Салжакъ и Марди живутъ въ болѣе или менѣе однородныхъ мѣстностяхъ. Обитали-щемъ ихъ служатъ лѣса; живутъ они или среди непролазной чащи, или по роскошнымъ лугамъ, причемъ, и привычки ихъ цѣликомъ складываются въ зависимости отъ того, что ихъ окружаетъ.

На указанные три урянхайскихъ племени мы должны поэтому смотрѣть какъ на наиболѣе характерныя. Безъ сомнѣнія урянхайцевъ слѣдуетъ отнести къ категоріи кочевыхъ расъ, хотя, въ сущности говоря, ихъ кочевыя свойства выражены не съ достаточной полнотою. Какъ никакъ, однако, характерно для нихъ то, что они имѣютъ возможность мѣнять свое мѣстожительство. Въ виду этого жилища ихъ легко переносимы съ мѣста на мѣсто. Несомнѣнно, въ извѣстныхъ случаяхъ, осѣдлыя жилища представляли бы здѣсь преимущества и постройка ихъ совершенно возможна, тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени урянхайцы не пришли къ необходимости строить постоянные дома. Абаканскіе татары Минусинскаго района давно уже строятъ легкія постоянныя хижины для жилья, точно воспроизводя при этомъ тѣ войлочныя палатки, которыя они употребляли когда то. Но не таковы урянхайцы, которые даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда копаютъ искусственные каналы и засѣваютъ поля просомъ, все же предпочитаютъ располагаться лагерями смежно со своими полями и до сихъ поръ употребляютъ только переносныя палатки.

Размѣры кочеванія зависятъ также отъ размѣровъ обладаемыхъ племенами стадъ и табуновъ, а равнымъ образомъ отъ различія системъ ухода за скотомъ. Оленеводы, напримѣръ, вынуждены посѣщать болѣе высокіе районы въ періодъ лѣтней жары для предохраненія своихъ оленей, которые не выносятъ высокой температуры низменныхъ мѣстъ. Олень хорошо себя чувствуетъ и безусловно требуетъ, чтобы его окружала прохлада и поэтому представляется крайне страннымъ видѣть это

животное здѣсь, водящимся на сравнительно небольшой высотѣ надъ уровнемъ моря, тогда какъ въ сущности говоря, природнымъ его мѣстожительствомъ можетъ считаться районъ, расположенный всего въ какихъ нибудь десяти градусахъ отъ полюса. Только географическое положеніе района въ центрѣ материка и его плоскогорный характеръ возмѣщаютъ недостатокъ высоты мѣста надъ уровнемъ моря и дѣлаютъ возможнымъ здѣсь существованіе оленя. Но даже и при этихъ условіяхъ олени нуждаются въ особомъ уходѣ, въ виду чего кочевыя привычки клановъ, содержащихъ оленей, могутъ быть объяснены необходимостью для нихъ отыскивать прохладныя лѣтнія убѣжища, въ интересахъ нуждающихся въ такихъ убѣжищахъ оленей. Въ то же время владѣльцы скота, лошадей, овецъ и козъ не вынуждаются во чтобы то ни стало кочевать за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда того потребуетъ происшедшее въ пастбищныхъ условіяхъ ухудшеніе. При такихъ условіяхъ становится вполнѣ понятнымъ, почему урянхайцы-оленеводы отличаются наиболѣе кочевымъ характеромъ.

Попытаемся теперь познакомиться съ образомъ жизни вѣтви племени Тойи по временамъ года. Весною, какъ только теплая погода сведетъ снѣгъ, снимаются съ своихъ призимовочныхъ территорій, расположенныхъ по берегамъ озера Тойи-Куль, или вдоль береговъ рѣки Бей-Кема и сами пастухи. Свернувъ свои куски бересты и упаковавъ немногочисленныя принадлежности на спины оленей, они направляются по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ къ роскошнымъ луговымъ пространствамъ, расположеннымъ на высотѣ $3^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Имъ не приходится нести съ собою кольевъ, которымъ поддерживаются ихъ палатки, такъ какъ запасы таковыхъ отдѣльно сохраняются какъ въ призимовочныхъ территоріяхъ, такъ и на лѣтовкахъ.

Эта, казалась бы, незначительная особенность свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ постоянствомъ выполняются ими перекочевки, которыя вовсе не являются слѣдствіемъ поисковъ пастбищъ, какъ это дѣлаютъ многіе другіе кочевники, но представляютъ изъ себя правильно организованныя ежегодныя

передвиженія съ одной опредѣленной лагерной стоянки на другую.

Въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ табуны оленей выдерживаются въ предѣлахъ этихъ высокихъ районовъ. Осенью племена приходятъ снова въ движеніе; мужчины отправляются небольшими партіями охотиться въ предѣлы самыхъ отдаленныхъ горныхъ хребтовъ, или въ лѣса, куда они не заглядываютъ при иныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ женщины и табуны оленей отсылаются обратно въ предѣлы призимовочныхъ территорій. Зима является временемъ года, когда усиленно ведутся торговыя сношенія съ русскими переселенцами, такъ какъ только зимой туземцы располагаютъ свободнымъ временемъ, а стадамъ не нужно удѣлять въ это время года много вниманія. Въ это-же время разбросанныя стойбища туземцевъ встрѣчаются въ предѣлахъ наиболѣе излюбленныхъ зимнихъ убѣжищъ, и здѣсь же завязываются наиболѣе оживленныя дѣловыя и торговыя сношенія между различными племенами. Лѣто, преимущественно, является временемъ года для заботъ о нагуливаніи стадъ и табуновъ.

Остальныя племена, владѣющія стадами и табунами и не располагающія оленями, переносятъ съ мѣста на мѣсто свои становища въ зависимости отъ состоянія пастбищъ, которыя въ большинствѣ мѣстностей здѣсь настолько богаты и обильны, что перекочевки едва-ли находятъ себѣ какое либо оправданіе. Этихъ урянхайцевъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ можно найти въ предѣлахъ главной Бей-Кемской долины, причемъ, палатки ихъ группируются или по открытымъ низменностямъ, или въ лѣсахъ. Однако, все же Туземцы—пастухи-овцеводы предпочитающіе пользоваться открытыми землями, имѣютъ меньшую возможность оставаться постоянно въ одной опредѣленной мѣстности, нежели туземцы-содержатели скота и лошадей, что зависитъ отъ сравнительной рѣдкости пастбищныхъ пространствъ среди степи, вслѣдствіе чего имъ и приходится постоянно мѣнять свои становища; все-же и они, однако, менѣе подвержены кочеванію, чѣмъ туземцы-оленеводы.

Обиліе травы въ верхней части бассейна и среди лѣсныхъ

Урянхайская женщина съ молодыми оленями.

пространствъ служитъ здѣсь причиной разбросанности населенія. Мелкія стойбища встрѣчаются буквально крапинами на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, вслѣдствіе чего туземцамъ обезпечена полная свобода кочеванія въ широкихъ предѣлахъ и они могутъ занимать любое пастбище. Въ низкихъ частяхъ бассейна, въ предѣлахъ болѣе засушливыхъ районовъ, наличное туземное населеніе группируется на пространствѣ болѣе суженныхъ зонъ. Пастбища здѣсь бѣднѣе, а вслѣдствіе этого возрастаетъ и необходимость въ перекочевкахъ съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ за травой. Нѣкоторыя пространства оказываются годными къ содержанію стадъ и табуновъ въ теченіе всего лѣтняго періода, почему на этихъ пространствахъ и сосредоточиваются обычно наибольшія толпы урянхайцевъ; въ предѣлахъ этихъ же мѣстностей наиболѣе выраженными являются и признаки осѣданія туземцевъ.

Нужно еще упомянуть о религіи, какъ о могущественной силѣ, которая также не остается безъ вліянія на тѣ или иныя направленія и побудительныя причины перекочевокъ племенъ. Постройка храмовъ и убѣжищъ для ламъ, единственныхъ очаговъ вполнѣ осѣдлой жизни въ предѣлахъ Урянхайскаго края, обусловливается наличіемъ религіознаго элемента. Храмы и жилища при нихъ ламъ въ свою очередь содѣйствуютъ тому, что постепенно все болѣе и болѣе отучаютъ урянхайцевъ отъ кочеванія. Храмы или куріи служатъ административными и торговыми центрами, не говоря уже о прямомъ ихъ назначеніи быть центрами религіозными. Вожди туземцевъ обычно живутъ по сосѣдству съ храмами, сибирскіе торговцы возлѣ нихъ раскидываютъ свои палатки, возлѣ нихъ же скопляются большія толпы туземнаго населенія въ зимніе мѣсяцы. Мѣстонахожденіе курій, примѣрно, намѣчаетъ главнѣйшія мѣстообиталища каждаго племени и, весьма вѣроятно, служитъ указаніемъ мѣсторасположенія наиболѣе излюбленныхъ туземцами пространствъ.

Домашній обиходъ урянхайцевъ чрезвычайно простъ. Рѣдко можно встрѣтить даже и среди номадовъ такія племена, у которыхъ жизненныя потребности низведены были бы до такого низкаго уровня, какъ у урянхайцевъ-оленеводовъ. Представьте

себѣ народъ, который живетъ продуктами, получаемыми отъ животнаго одного какого-либо опредѣленнаго вида, народъ, зависящій только отъ этого животнаго какъ въ отношеніи пищи, одежды, такъ и транспорта, народъ, который для удовлетворенія всѣхъ своихъ прочихъ нуждъ полагается исключительно на дары лѣса и природы. Ничто другое не вліяетъ на образъ жизни этого народа кромѣ дичи и корней тайги, ничто не нарушаетъ его спокойствія кромѣ злонамѣренныхъ козней злыхъ духовъ въ отношеніи принадлежащихъ ему стадъ, желанія этого народа весьма ограничены и довольствуется онъ весьма малымъ.

Туземцы-оленеводы принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ клану Тойи и распространены преимущественно въ предѣлахъ восточной и сѣверо-восточной частей бассейна; возможно, что небольшая часть племени Салжакъ, обитающая въ верховьяхъ Куа-Кема, также занимается оленеводствомъ, но мы не увѣрены, что имѣются или нѣтъ оленьи становища въ предѣлахъ хребтовъ между указанною рѣкою и Бей-Кемомъ. Кромѣ того, небольшое количество оленеводовъ можно еще встрѣтить среди племени Ойновъ по южной сторонѣ Саянъ. Такимъ образомъ, районъ распространенія домашнихъ оленей въ предѣлахъ бассейна очень невеликъ. На востокѣ границы его тянутся черезъ Саянскія горы въ предѣлы района озера Коссогола, позади котораго уже не встрѣчается никакихъ оленеводческихъ племенъ вплоть до мѣста обитанія тунгусовъ, живущихъ въ лѣсахъ, расположенныхъ въ направленіи къ юго-востоку отъ Байкальскаго озера. Существованіе въ этихъ предѣлахъ дикихъ оленей, повидимому, указываетъ на то, что безъ сомнѣнія оленеводческіе кланы обитаютъ здѣсь въ продолженіи весьма долгаго времени. Безразлично—въ какомъ направленіи происходили здѣсь передвиженія прочихъ инородческихъ племенъ; оленеводы, какъ таковые, даже и въ томъ случаѣ, если они принадлежали первоначально собственно Минусинскому району, должны были во всякомъ случаѣ постоянно обитать по возвышенностямъ Саянскихъ горъ. Весьма возможно, что въ прежнія времена они распространялись гораздо далѣе на сѣверъ, такъ какъ съ этой

стороны не имѣется никакой естественной географической границы, а также никакихъ природныхъ преградъ, которыя могли бы препятствовать ихъ распространенію; возможно также, что жили они и по хребтамъ, съ которыхъ открывается видъ на низменности современнаго Минусинска, гдѣ тогда обитали ихъ сородичи—владѣльцы скота, лошадей и овецъ. Дикіе олени Саянскихъ горъ, разумѣется, послужили запасомъ для туземцевъ, изъ котораго послѣдніе имѣли возможность получить свое прирученное племя этихъ животныхъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы олени были введены въ предѣлы бассейна верхняго Енисея вкочевывавшими сюда туземцами извнѣ.

По этой и по цѣлому ряду другихъ причинъ, мы произвели наиболѣе тщательное изслѣдованіе и подвергли самымъ подробнымъ наблюденіямъ туземцевъ-оленеводовъ въ ихъ стойбищахъ въ предѣлахъ Ала-Суйской долины; послѣдніе оказались настолько грубыми и настолько зависящими отъ окружающей ихъ природы, что трудно было даже себѣ представить, какъ можетъ находиться на такомъ невысокомъ уровнѣ развитія народъ въ настоящемъ столѣтіи, живущій къ тому же въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ прочими цивилизованными расами. Устройство поверхности окружающей его мѣстности предохранило его отъ вторженія всякихъ внѣшнихъ вліяній, почему урянхайцы здѣсь и живутъ совершенно изолированными въ обстановкѣ, не только не допускающей сношеній, но даже и вліянія на нихъ ихъ ближайшихъ сосѣдей. Безъ сомнѣнія, что исключительно лишь благодаря естественнымъ географическимъ трудностямъ, отличающимъ данную страну, взгромождающимся здѣсь горнымъ массивомъ и густому лѣсу, обязанъ бассейнъ Верхняго Енисея тѣмъ, что онъ остался изолированнымъ и что его до настоящаго времени не коснулось еще вліяніе внѣшняго міра. Чужеземцы не пытаются проникать въ эти дикіе пустыри, а туземныя племена, наслаждаясь своимъ уединеніемъ, не обнаруживаютъ, наоборотъ, стремленія покинуть эти пустынныя пространства. Поэтому боязливость, застѣнчивость, осторожность, независимость, боязнь вторженія и суевѣріе составляютъ

характерныя черты урянхайцевъ-оленеводовъ, что и заставляетъ ихъ скрываться въ лѣсныхъ чащахъ и жить исключительно продуктами пасомыхъ ими животныхъ. Они представляютъ племя, которое несомнѣнно въ скоромъ времени обречено на исчезновеніе, благодаря, частью, внѣдренію въ его предѣлы болѣе сильнаго и болѣе передового народа, а частью, вслѣдствіе возростающаго къ нему ввоза опьяняющихъ напитковъ. Въ лицѣ этихъ урянхайцевъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ расою, которая находится на пути къ вымиранію, будучи и сама по себѣ малочисленной и въ то же время, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, лишенной возможности обновлять себя приливомъ свѣжей крови. Тотъ фактъ, что эти мелкія стойбища туземцевъ, находятся въ предѣлахъ такихъ районовъ, которые отличаются избыткомъ роскошныхъ пастбищъ и охватываютъ тысячи квадратныхъ миль незаселенныхъ еще земель, полныхъ самыхъ широкихъ возможностей, доказываетъ, что сами мѣстные оленеводы уже болѣе не въ состояніи увеличить свой родъ.

Живя уединенно и завися исключительно отъ своего охотничьяго искусства и умѣнья воспитывать оленей, урянхайцы въ концѣ концовъ въ своемъ внутреннемъ быту сохранили самостоятельность. Жизнь ихъ не представляется особо тягостной, такъ какъ располагаемыя ими пастбища обширны, пища добывается съ легкостью, а враговъ у нихъ нѣтъ. На примѣрѣ урянхайцевъ мы знакомимся съ одной изъ скотоводческихъ расъ, которой не приходится затрачивать большихъ усилій, болѣе или менѣе придерживающейся опредѣленнаго круга идей, а равнымъ образомъ отличающейся прочно сложившимся житейскимъ обиходомъ,—расой, которой никогда не приходилось ни сражаться, ни вторгаться куда либо, не предпринимать странствованій внѣ предѣловъ своей территоріи.

Урянхайцы проявляютъ самостоятельность только вращаясь въ узкомъ кругу своихъ личныхъ дѣлъ и всегда ощущаютъ нѣкоторую растерянность и сильный страхъ, когда имъ приходится сталкиваться съ предметами, которыхъ они сами отчетливо себѣ не уясняютъ. Выраженіе нѣкоторой грусти и мелан-

ланхоліи всегда запечатлѣно на ихъ лицахъ, что, впрочемъ, и весьма понятно у народа, постоянно, ощущающаго страхъ передъ богами горъ, рѣкъ и лѣсовъ, трепещущемъ при мысли о злыхъ духахъ, которые посѣщаютъ землю, народа, который все время занимается тѣмъ, что старается умилостивить этихъ духовъ, чтобы они причиняли какъ можно меньше зла. Надъ такимъ народомъ съ легкостью можетъ господствовать всякій, отличающійся сильной рукою или обладающій хотя бы только внѣшне высшимъ познаніемъ, и мы дѣйствительно видимъ, что вожди здѣсь угнетаютъ бѣдняковъ, шаманскіе колдуны и знахари также всегда себѣ на умѣ, а буддійскіе ламы полностью живутъ за счетъ своихъ свѣтскихъ братьевъ.

Урянхаецъ лѣнивъ и незапасливъ; онъ работаетъ только тогда, когда онъ хочетъ работать и предпочитаетъ скорѣе рыскать по лѣсамъ, охотясь за козулей или мараломъ и прозябая въ сравнительной бѣдности, чѣмъ работать у русскихъ колонистовъ и зарабатывать хорошее жалованье. Онъ—дитя лѣса и не обнаруживаетъ желанія улучшить сколько нибудь свое положеніе. Эта черта служила всегда препятствіемъ къ развитію урянхайца: ютясь среди горныхъ хребтовъ, въ глубинахъ лѣсныхъ чащъ, урянхаецъ всегда оставался всецѣло внѣ какихъ либо привходящихъ вліяній. Монголы и китайцы съ успѣхомъ брали съ него подати, русскіе же пытались использовать его и достигли сравнительныхъ успѣховъ, наладивъ съ нимъ кое какія торговыя сношенія. Предѣломъ всѣхъ желаній урянхайцевъ служитъ желаніе, чтобы ихъ не трогали, не нарушали ихъ уединенія. Благодаря своей боязливой и дикой натурѣ урянхаецъ неохотно посѣщаетъ деревни и города. Онъ можетъ, правда, не надолго заглянуть въ какой нибудь торговый центръ, чтобы обмѣнять нѣсколько мѣховъ на табакъ или ружейный порохъ, но родные лѣса гораздо сильнѣе привлекаютъ его и онъ снова спѣшитъ обратно съ тѣмъ, чтобы не показываться вновь на свѣтъ божій въ теченіе цѣлаго слѣдующаго года. Русскіе торговцы снабжаютъ его тѣми немногими предметами роскоши, которыми онъ позволяетъ себѣ пользоваться, въ родѣ чая, нюхательнаго и курительнаго табака; такъ какъ

у урянхайцевъ фактически нѣтъ денегъ, то они расплачиваются за полученные товары послѣ какой нибудь удачной охотничьей экспедиціи мѣхами. Любой урянхаецъ можетъ при удачѣ расплатиться со своимъ долгомъ за весь поставленный ему русскимъ торговцемъ въ теченіе года товаръ продуктами удачливой мѣсячной охоты за мѣхами; но такой легкій успѣхъ отнюдь не благопріятствуетъ прогрессу урянхайца.

По внѣшнему виду урянхайцы представляютъ изъ себя людей смѣшаннаго этническаго типа. Въ общемъ—мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ группы, а именно на обитающихъ въ предѣлахъ верхняго бассейна и живущихъ по Кемчику, причемъ, эти естественныя, подмѣченныя нами, подраздѣленія объясняются, помимо всего извѣстными физическими и климатическими особенностями, отличающими районы, въ предѣлахъ которыхъ представители обоихъ подраздѣленій проживаютъ. Жители верхняго бассейна и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ кланамъ оленеводовъ, менѣе всего подверглись процессу омонголенія, тогда какъ обитатели Кемчика болѣе другихъ испорчены вліяніемъ внѣшняго міра. Различія между двумя указанными типами колеблются въ широкихъ предѣлахъ отъ почти чисто-монгольскаго до почти характерно-европейскаго. Указанныя типовыя различія можно наблюдать всюду, какъ въ предѣлахъ верхней, такъ и нижней частей бассейна, но ближе всего къ монгольскому типу подходитъ кемчикское племя.

На примѣрѣ Аласуйскаго стойбища оленеводовъ, мы имѣли возможность убѣдиться воочію насколько крупны типовыя различія даже и въ предѣлахъ одного клана урянхайцевъ. Здѣсь намъ не только не удалось установить какой либо одинъ типъ, но даже съ трудомъ попадались два индивидуума, отличавшіеся совершенно аналогичными особенностями. Въ общемъ туземцевъ этихъ можно скорѣе назвать низкорослыми, худощавыми и юркими, благодаря чему они кажутся проворными и ловкими; однако, нѣкоторые изъ нихъ производили впечатлѣніе сильныхъ и хорошо сложенныхъ людей. Согласно измѣреніямъ Прайса средняя высота роста мужчины колеблется отъ 5 футовъ 4 дюй-

мовъ до 5 футовъ 6 дюймовъ, а женщины — отъ 4 фут. 6 дюйм. до 4 фут. 7 дюйм. По особенностямъ устройства лица, здѣсь можно было встрѣтить какъ обладателя характерныхъ чисто монгольскихъ чертъ, характеризующихся „стянутостью" верхняго вѣка, что придаетъ глазу видъ миндалины и широкими выдающимися скулами, такъ и представителя чертъ чисто европейскихъ съ большими круглыми глазами, часто тонкими, орлинаго вида носами и съ слабо выраженной выпуклостью скулъ. Послѣдній типъ наиболѣе распространенъ въ предѣлахъ верхняго бассейна, тогда какъ первый преобладаетъ по Кемчику. Оленеводческія племена туземцевъ большею частью отличаются темными прямыми и рѣже нѣжными волосами; однако свѣтлые и даже каштановаго цвѣта волосы не представляютъ среди туземцевъ исключенія. Въ особенности это нужно сказать о дѣтяхъ, такъ какъ среди взрослыхъ процентъ каштаново-волосныхъ былъ значительно меньше. Наоборотъ, кемчикскія племена отличаются большой смуглостью, высокорослостью и выпуклостью скулъ, и Клеменцъ утверждаетъ, что ихъ можно всегда легко отличить отъ ихъ сородичей, обитающихъ въ предѣлахъ верхняго бассейна.

Наличіе урянхайцевъ съ волосами каштановаго и бѣлокураго оттѣнковъ представляется фактомъ выдающагося интереса съ точки зрѣнія разрѣшенія неоднократно подвергавшагося обсужденію вопроса о томъ, насколько сильное вліяніе оказываетъ на расовое строеніе окружающая людей обстановка. Наши наблюденія могутъ послужить лишнимъ примѣромъ вѣроятнаго вліянія на измѣненія въ типѣ окружающей обстановки, яркимъ выразителемъ является профессоръ Ridgeway изъ Кембриджа. Я не могу удержаться, чтобы не выставить здѣсь положеній за и противъ этой теоріи, внушенныхъ мнѣ критикой этой теоріи, высказанной самимъ профессоромъ Ridgeway. Коротко онѣ сводятся къ слѣдующему: финны, которые являются родственниками урянхайцевъ, превратились въ рослую, бѣлокурую расу въ предѣлахъ тѣхъ сѣверныхъ широтъ, гдѣ они обитаютъ; равнымъ образомъ, недавнее открытіе эскимосовъ — „блонди-

новъ“ [1]) на Арктическомъ берегу сѣверной Америки служитъ другимъ примѣромъ вліянія окружающей мѣстности на воспроизведеніе этой особенности. Конечно, по этому поводу само собою напрашивается заключеніе, что объясненіемъ ему служитъ внѣшнее вліяніе, а именно—вліяніе сибирскихъ торговцевъ въ отношеніи урянхайцевъ и вліяніе затерянной въ глуши колоніи Norse въ отношеніи эскимосовъ, какъ Стефенсонъ, открывшій послѣднюю и объясняетъ это. Какъ бы то ни было, однако, замѣчателенъ среди урянхайцевъ фактъ, преобладанія людей бѣлокураго типа преимущественно среди представителей оленеводческой группы, которая въ меньшей степени подверглась еще внѣшнимъ вліяніямъ и представляетъ изъ себя наиболѣе примитивно живущую группу туземцевъ, тогда какъ прочіе урянхайцы, которые находятся въ болѣе близкомъ и тѣсномъ соприкосновеніи съ чужеземцами, не обнаруживаютъ вовсе отмѣченной склонности къ обѣлокуренію.

Важнымъ представляется также и фактъ обитанія группа урянхайцевъ-оленеводовъ на большей высотѣ надъ уровнемъ моря по сравненію съ прочими группами племени. Принявъ означенное обстоятельство во вниманіе какъ свидѣтельствующее о томъ, что на образованіе физическихъ особенностей людей вмѣстѣ съ широтою вліяетъ также и высота мѣста надъ уровнемъ моря, почему среди оленеводовъ наблюдается большій процентъ блондиновъ, нежели среди урянхайцевъ, обитающихъ на болѣе низкихъ высотахъ, и это служитъ лишнимъ доказательствомъ вѣрности вышеупомянутой теоріи. Какъ было уже указано въ другомъ мѣстѣ бассейнъ Верхняго Енисея, хотя и расположенъ по 25° широты, отличается въ виду своей большой высоты надъ уровнемъ моря климатическими условіями примѣрно 54° широты, причемъ, высотой здѣсь компенсируется широта и слѣдовательно урянхайцы-оленеводы, примѣрно, живутъ

---

[1]) Я употребляю терминъ „блондины“ въ строгомъ согласованіи съ утвержденіемъ Стефенсона, который говоритъ, что здѣсь изъ числа подвергшихся его изслѣдованію 600—800 индивидуумовъ, болѣе 50 процентовъ имѣютъ бѣлокурыя и свѣтло-коричневыя брови, а многія даже отличаются свѣтлыми бородами и голубыми глазами.

въ условіяхъ, аналогичныхъ условіямъ, при которыхъ приходится жить финнамъ.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что чужеземный элементъ несомнѣнно входилъ въ соприкосновеніе съ урянхайцами и предположеніе о томъ, что чужеземнымъ посѣтителямъ района обязана наблюдаемая среди инородцевъ въ настоящее время бѣлокурость, подтверждается наличіемъ среди нихъ извѣстныхъ болѣзней. Кромѣ того, помимо всѣхъ прочихъ предположеній, напрашивается само собою одно,—а именно—не обязаны ли туземцы своей бѣлокурostью вліянію древнихъ угровъ съ ихъ „свѣтлыми волосами и голубыми глазами", какъ описываютъ послѣднихъ китайскія лѣтописи этого періода.

Какъ мужчины, такъ и женщины отращиваютъ себѣ очень длинные волосы, причемъ, женщины носятъ ихъ заплетенными въ двѣ или три косы, а мужчины убираютъ ихъ въ видѣ свиного хвоста на затылкѣ и сбриваютъ на передней части головы. Вообще же урянхаецъ отличается поразительной безволосостью. Иногда лишь онъ отращиваетъ себѣ небольшіе усы и еще рѣже запускаетъ жидкую бороду. Этой своей особенностью онъ больше всего напоминаетъ монгола.

Урянхаецъ почти постоянно бываетъ одѣтъ въ звѣриныя шкуры, кромѣ жаркаго лѣтняго періода, когда облекается въ просторную одежду, которая напоминаетъ по внѣшнему виду одежду, носимую китайцами, и дѣлается изъ голубой матеріи, покупаемой у китайскихъ же торговцевъ. Фактъ этотъ—продуктъ недавняго прошлаго, а одежда, которую начинаетъ теперь носить урянхаецъ, является единственной для него нетипичной одеждой. Въ холодную погоду эта послѣдняя замѣняется тяжелымъ кафтаномъ изъ овечьей или косульей шкуры, носимой грубо выдубленной кожей наружу и окаймленной полоской изъ чернаго бархата. Обувь у урянхайцевъ довольно странная и очень похожа на обувь эскимосовъ, представляя изъ себя длинные мягкіе сапоги, сдѣланные изъ хорошо выработаннаго мѣха. Сапоги эти шьются изъ большого числа отдѣльныхъ мѣховыхъ шкурокъ, причемъ, самымъ излю-

бленнымъ для этого матеріаломъ являются шкурки, снятыя съ ногъ косули или мускуснаго оленя. Урянхаецъ носитъ на головѣ не то подобіе какой то конической формы мѣховой шляпы не то вообще головной уборъ, какъ мнѣ кажется, исключительно присущій только одному этому народу. Уборъ этотъ состоитъ изъ шапочки, дѣлаемой обычно изъ темнаго астракана (astrakhan), подбиваемой внутри мѣхомъ, а снаружи обертываемой цвѣтной матеріей съ пучкомъ хвостиковъ, сдѣланныхъ изъ голубого и краснаго матеріала, свѣшивающихся внизъ позади. Этотъ головной уборъ обыченъ даже и лѣтомъ на всемъ пространствѣ урянхайской территоріи; за предѣлами бассейна намъ нигдѣ не пришлось видѣть подобнаго головного убора. Кожаный поясъ вокругъ таліи, русскаго издѣлія ножъ, монгольскіе кремень и огниво и китайская трубка дополняютъ снаряженіе урянхайца; послѣдніе въ качествѣ буддійскаго талисмана вѣшаются вокругъ шеи туземца и обезпечиваютъ ему безпрепятственную возможность совершать свои странствованія по всему пространству урянхайскаго края. Износивъ свою одежду, туземецъ возобновляетъ ее или спеціально для этой цѣли отправляясь на охоту на пушного звѣря, или же обмѣниваетъ имѣющіяся у него одну или двѣ мѣховыя шкуры на новую одежду. Когда опорожнивается его сумка, онъ беретъ взаймы табакъ у ближайшаго къ нему торговца съ обязательствомъ возмѣстить свой долгъ изъ продуктовъ своей успѣшной лѣсной добычи и такимъ же путемъ озабочивается снабженіемъ своихъ палатокъ тѣми немногими предметами, въ которыхъ онъ безусловно нуждается. Молоденькія дѣвушки одѣваются почти совершенно одинаково съ мужчинами, но замужнія женщины носятъ болѣе длиннаго и просторнаго покроя одежды.

О поразительной простотѣ жизни этихъ оленеводовъ лучше всего можно составить себѣ представленіе по роду той пищи, которой они удовлетворяются и поддерживаютъ свое существованіе. Лѣтомъ—оленье молоко является для нихъ установленнымъ блюдомъ, дополняемымъ корнями травы, называемой кандикомъ изъ породы лилейныхъ растеній, вырываемыми съ по-

мощью мотыгъ въ лѣсахъ. Зимою они ограничиваются потребленіемъ въ пищу тѣхъ же корней, но растолченныхъ въ порошокъ и соленаго мяса дичи, которую имъ удается убить въ теченіе предшествующей осени. Оленье мясо составляетъ для нихъ рѣдкое лакомое блюдо, такъ какъ убой этихъ животныхъ считается расточительностью, до той поры, правда, пока представляется возможность раздобывать дичь на сторонѣ. У торговцевъ они пріобрѣтаютъ чай и, если представится возможнымъ, то и сахаръ и незначительныя количества пшеничной муки. Пища другихъ урянхайскихъ племенъ состоитъ изъ кобыльяго молока или „кумыса“, молока коровьяго, сыра и баранины, въ зависимости отъ того, какіе продукты даютъ имъ ихъ стада. Они умѣренно предаются куренью и нюханью табака, тогда какъ страсть къ опьяняющимъ напиткамъ не менѣе сильна среди урянхайцевъ, нежели среди монголовъ. Спиртъ они выгоняютъ сами изъ бродящаго кобыльяго молока, примѣняя при этомъ грубые способы дистилляціи. Стоимость и трудность этихъ способовъ дистилляціи, однако, удерживаютъ многихъ отъ употребленія такимъ путемъ получаемаго спирта и благодаря этому послѣдній не могъ еще оказать своего вреднаго вліянія на состояніе всей расы, взятой въ цѣломъ. Однако, подъ вліяніемъ оптоваго ввоза крѣпкихъ напитковъ торговцами, урянхайцы несомнѣнно все болѣе и болѣе поддаются пагубному соблазну. Опасность вырожденія усугубляется еще свирѣпствующими здѣсь неопредѣленными пока болѣзнями, которыя, внѣ сомнѣнія, глубоко укоренились среди всей туземной расы.

Въ виду бѣдности и неприхотливости урянхайцевъ торговцамъ приходится ограничиваться довольно скромными размѣрами торговли и обмѣна съ ними. Народъ, который самъ производитъ почти все то, въ чемъ нуждается и лишенъ желанія улучшить свое состояніе, конечно, не представляетъ большого интереса для тѣхъ, кто заинтересованъ въ изысканіи хорошихъ рынковъ. Какъ уже упоминалось выше — береста употребляется здѣсь для выдѣлки какъ необходимыхъ туземцамъ судовъ, такъ и для стойбищнаго снаряженія; въ тѣхъ

же случаяхъ, гдѣ нельзя обойтись только берестой ея мѣсто занимаютъ шкуры. Туземныя женщины—поразительныя искусницы въ приготовленіи кожъ. Съ помощью молотка и инструментовъ, снабженныхъ деревянными зубьями, онѣ обдѣлываютъ шкуру, пока послѣдняя не сдѣлается совершенно мягкой и настолько же тонкой, какъ будто она подверглась дубленію при посредствѣ самыхъ утонченныхъ промысловыхъ пріемовъ. Палатки туземцевъ обычно сплошь бываютъ увѣшаны шкурами косуль, окончательно изготовленными для шитья изъ нихъ кафтановъ, или кожами оленей, предназначенными для выдѣлки сѣделъ и цыновокъ, маральими и moose skins шкурами, идущими на сбрую и лагерное снаряженіе, и прочими мѣхами, предназначаемыми для сбыта на сторону. Единственными предметами, составляющими продукты чужеземныхъ странъ, употребляемыми оленеводами являются:—чай, голубая матерія, табакъ, порохъ и случайные чугунные горшки для варки или котлы.

Урянхайскій край въ особенности славится своимъ богатствомъ мѣхами, которые сбываются при посредствѣ обмѣна, если бы не мѣха, туземцамъ приходилось бы довольно плохо. Кожи, соль, шерсть и масло, не считая торговли жизненными припасами, составляютъ перечень продуктовъ, высылаемыхъ изъ предѣловъ Урянхайскаго края. Соль, богатыя залежи которой здѣсь имѣются, добывается въ предѣлахъ южныхъ склоновъ хребта Танну-Ола, къ сѣверу отъ озера Убсы. Адріановъ опредѣляетъ экспортъ ея въ 15 тысячъ пудовъ (1 пудъ равняется 36 англійскимъ фунтамъ) по цѣнѣ въ одинъ рубль за пудъ. Золото, которое также должно быть включено въ число предметовъ, составляющихъ богатство этого района, въ дѣйствительности совершенно не обогащаетъ урянхайцевъ, тогда какъ русскіе, занимающіеся здѣсь разработкою розсыпей, могли бы предоставить работу извѣстному количеству урянхайцевъ. Если въ будущемъ туземцы урянхайцы окажутся годными для работы, на ихъ трудъ можетъ развиться здѣсь большой спросъ и притомъ за хорошее вознагражденіе.

Можно еще особо отмѣтить интересныя подробности въ

Меланхоличный урянхаецъ.

обычномъ укладѣ домашней семейной жизни урянхайцевъ. Они, напримѣръ, очень цѣнятъ своихъ женщинъ, отчасти потому, что послѣднія здѣсь не очень многочисленны, но, главнымъ образомъ, потому, что у нихъ особенно сильно развито желаніе имѣть дѣтей. Правда, на женщинахъ лежитъ здѣсь большая часть домашней работы; однако, мужчины, въ свою очередь, несутъ полную отвѣтственность за проступки своихъ женъ. Шалонъ разсказываетъ объ одномъ случаѣ, когда какой-то мужчина былъ приговоренъ къ наказанію палками въ присутствіи своей жены и его били до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не созналась въ совершенномъ ею преступленіи. Общераспространенное желаніе имѣть дѣтей указываетъ на то, что содержаніе ихъ не вызываетъ опасеній среди этихъ жителей лѣса; кормить большое количество дѣтей не считается среди нихъ бременемъ; желаніемъ каждаго является настойчивое стремленіе поддержать дальнѣйшее распространеніе своего рода, въ силу чего у урянховъ замѣчается особая любовь къ мальчикамъ. Дѣвочки же пользуются меньшимъ вниманіемъ. Объясняется это тѣмъ, что, по обычаю страны, имущество, оставшееся послѣ смерти отца, дѣлится поровну между оставшимися послѣ него членами семьи, а потому наличіе въ семьѣ извѣстнаго числа дѣвицъ не только знаменуетъ потерю семьею своего имени, но также и утрату извѣстной части добытаго семьею благосостоянія. Желаніе имѣть преимущественно мальчиковъ объясняется также желаніемъ родителей буддистовъ быть въ состояніи посвятить одного или нѣсколькихъ изъ своихъ дѣтей буддизму.

Повседневный трудъ и борьба за существованіе туземцевъ не настолько уже суровы, чтобы представлялось для нихъ необходимымъ совершенно отказываться и отъ развлеченій. Хотя и расположенный къ меланхоліи туземецъ позволяетъ себѣ иногда заниматься музыкой, которая, безъ сомнѣнія, служитъ внѣшнимъ выраженіемъ его самого. Онъ поетъ, напримѣръ, и играетъ на дудкѣ, причемъ, совершенно своеобразно вдуваетъ въ себя, а не выдуваетъ звуки, почему получаемый музыкальный эффектъ пріобрѣтаетъ самый печальный и патетическій колоритъ. Спеціальнымъ музыкальнымъ инструментомъ туземъ-

цевъ является нѣчто въ родѣ волынки и, кромѣ того, барабаны и трубы волхвовъ и курьезная двухструнная скрипка, дополняющая списокъ музыкальныхъ инструментовъ туземцевъ. Урянхайская музыка представляетъ особый интересъ для изслѣдователя-этнографа, такъ какъ является особенностью этого народа, служа выраженіемъ расовой меланхоліи. Среди монголовъ намъ никогда не приходилось слышать похожей на эту музыки.

Урянхайцы, насколько мы могли въ томъ убѣдиться, почти лишены художественнаго чутья, хотя встрѣчаемыя здѣсь деревянныя издѣлія и рисунки на скалахъ и отличаются извѣстной долей оригинальности. Означенныя художественныя издѣлія употреблялись для украшенія маленькихъ обосовъ, или алтарей тамъ, гдѣ сохранился обычай приношенія жертвъ тѣмъ богамъ, которые являются охранителями стадъ или же спеціальными духами, охранителями самихъ охотниковъ. Среди попадавшихся изображеній намъ удалось различить верблюдовъ, оленей, коровъ, овецъ, краснаго звѣря (deer), соболя и бобровъ. Фигуры, выдѣланныя изъ дерева, въ сущности, говоря отличались оригинальностью замысла, хотя и невольно обращали на себя вниманіе нѣкоторой грубостью исполненія; какъ никакъ, но онѣ крайне интересны въ качествѣ примѣра настоящей урянхайской работы. Всѣ прочія модели, встрѣчаемыя какъ въ украшеніи храмовъ, такъ и на знаменахъ, музыкальныхъ инструментахъ, на облаченіи ламъ и на форменной одеждѣ, носимой вождями, несомнѣнно монгольскаго или китайскаго происхожденія.

Располагая такимъ большимъ количествомъ свободнаго времени, какъ это ни странно, урянхайцы не научились никакому иному роду развлеченія, кромѣ лошадиныхъ скачекъ и борьбы. Послѣднія развлеченія они также заимствовали у монголовъ, причемъ, оба эти вида спорта практикуются только въ тѣхъ мѣстахъ бассейна, гдѣ сильнѣе всего сказалось монгольское или буддійское вліяніе. Туземцы оленеводы не увлекаются этими видами спорта, исключая лишь того случая, когда они одинъ разъ въ году посѣщаютъ куріи съ цѣлью присутствовать на религіозной церемоніи, которая представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ ярмарки или празднества.

Миллеру и Прайсу удалось присутствовать при такой борьбѣ въ концѣ одной изъ религіозныхъ церемоній, происходившей у туземцевъ племени Тойи въ предѣлахъ степного пространства верхняго Бей-Кема; данное ими описаніе этой борьбы можно съ успѣхомъ сопоставить съ сообщеніемъ г. Кампбела объ аналогичной борьбѣ, видѣнной имъ въ Монголіи. Миллеръ разсказываетъ, что по окончаніи дарового угощенія, предложеннаго присутствующимъ при церемоніи, „дюжина молодыхъ людей, совершенно обнаженныхъ, кромѣ небольшихъ поясовъ на бедрахъ, приступили сразу же къ борьбѣ. Два противника выступили въ середину круга съ прыжками и скачками въ то время какъ ихъ секунданты или помощники держали руки поднятыми въ воздухѣ... Все это было похоже на игру, „поймай кто можетъ“, причемъ, суть борьбы состояла въ томъ, чтобы схватить противника за какую-нибудь часть тѣла. По окончаніи схватки побѣдитель исполнялъ какой-то удивительный танецъ вдоль всего круга, шлепая при этомъ руками, сперва о свои бедра, а, затѣмъ, о землю. Распростершись затѣмъ ницъ передъ священною горою, онъ получалъ въ видѣ приза кусокъ сыра изъ рукъ нойона и главнаго ламы; попробовавъ этотъ сыръ, борецъ великодушно кидалъ затѣмъ въ толпу къ великой радости маленькихъ дѣтей, которые, ссорясь между собою, бросались подбирать его“.

Кампбелъ присутствовалъ при игрищахъ борьбы, которыя были устроены по случаю монгольскаго „дерби“, причемъ, борцы упражнялись въ своемъ искусствѣ въ теченіе всего времени, пока продолжались скачки. „Мірянинъ всегда выступалъ противъ ламы“;—пишетъ изслѣдователь; это былъ своего рода турниръ церкви и государства, а симпатіи зрителей обычно были на сторонѣ своего представителя. Удары въ этой борьбѣ допускаются и вообще она представляетъ изъ себя простую демонстрацію физической силы. Время отъ времени внезапная хитрая уловка обнаруживала въ борцѣ или долгую его тренировку или же большое проворство. Въ большинствѣ случаевъ схватка начиналась неизмѣнно разъ установленнымъ пріемомъ захвата противника, шея къ шеѣ и плечо къ плечу, а конча-

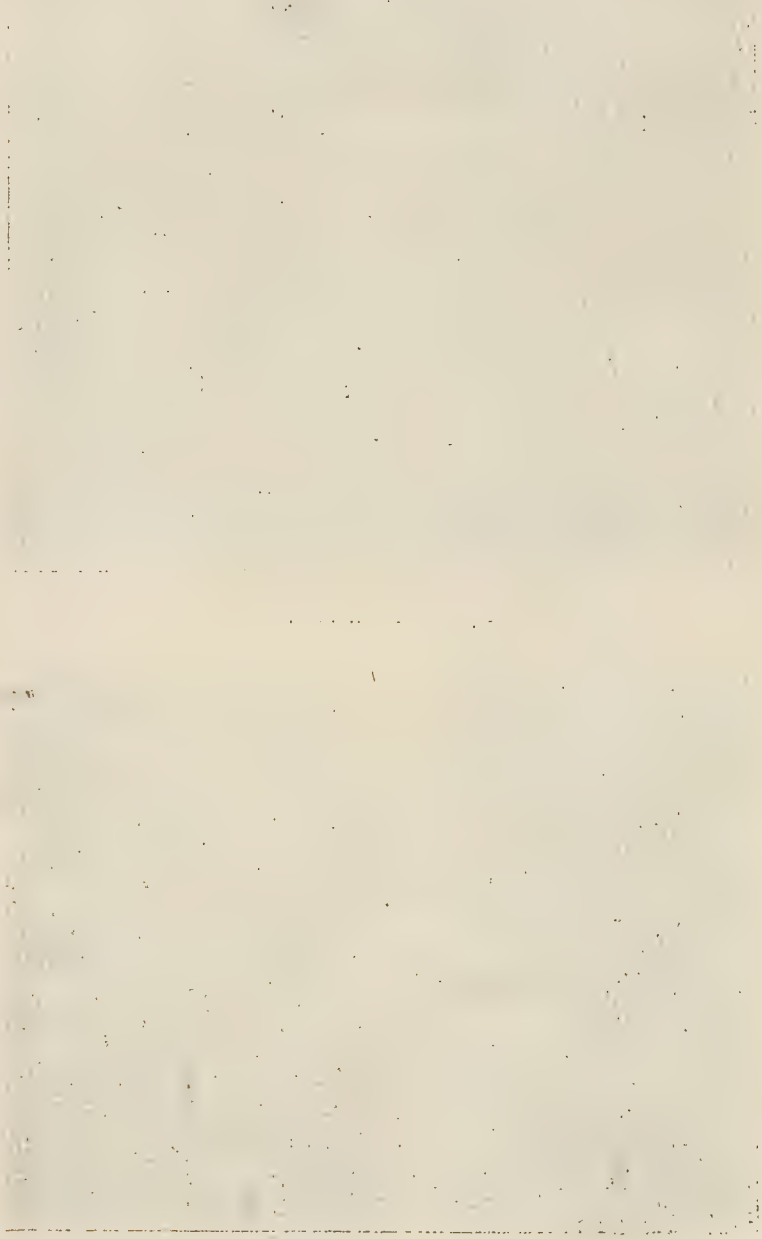
лась или подножкой или сильнымъ броскомъ. Комическій элементъ состязаній заключается въ предварительномъ вызовѣ на поединокъ. Каждый борецъ, появившись изъ отдѣльной палатки и едва завидѣвъ „гегана“ (мѣстнаго начальника), приближался затѣмъ къ палаткѣ особо припрыгивая, дѣлалъ прыжокъ въ воздухъ на такую высоту, на какую только хватало у него силъ, кидался ницъ на землю, ударивъ предварительно въ ладоши, затѣмъ, снова дѣлалъ два большихъ прыжка, поворачивался налѣво кругомъ и останавливался съ грознымъ видомъ въ центрѣ поля, поджидая пока его противникъ не продѣлаетъ такого же представленія“. По окончаніи схватки, „побѣдитель“, прыжками и съ гиканьемъ снова приближался къ „гегану“, снова падалъ ницъ, на него надѣвалась его шляпа и ему выдавали двѣ пригоршни сыра, которыя онъ частью съѣдалъ самъ, а частью разбрасывалъ между зрителями“.

Все это представляетъ замѣчательное и весьма интересное зрѣлище, служащее несомнѣннымъ пережиткомъ одного изъ многихъ древнихъ способовъ испытаній силы и доблести, практиковавшихся монголами въ цвѣтущую пору ихъ величія. Одно обстоятельство въ особенности заслуживаетъ упоминанія въ этомъ наружномъ проявленіи соперничества церкви и государства—именно то, что борьба эта всегда почти оканчивается легкой побѣдой въ пользу церкви (представителя церкви), что, повидимому указываетъ на ламъ какъ на сильнѣйшихъ и болѣе развитыхъ среди туземцевъ представителей, хотя въ то же время въ ламаизмѣ, какъ эти ни странно, мы склонны усматривать причину монгольскаго вырожденія.

Образъ жизни оленевода-туземца состоитъ въ выпасѣ принадлежащихъ ему животныхъ и въ охотѣ, причемъ, эти два занятія отнимаютъ у него все то время, которое онъ не посвящаетъ лѣнивому лежанію у себя въ палаткѣ; такъ какъ, однако, жена и дѣти не только исполняютъ большую часть работъ по лагерю, но также и помогаютъ управляться со стадами, владѣлецъ любой палатки въ предѣлахъ бассейна Верхняго Енисея имѣетъ всегда большое количество празднаго времени въ своемъ распоряженіи. Тѣмъ не менѣе, занятіе охо-

Урянхайскій Лама.

Схватка борцовъ.



той составляетъ все же цѣль существованія туземца и способомъ проявленія его хитроумнаго искусства, а что касается знанія лѣса, то въ этомъ отношеніи, урянхаецъ врядъ ли кѣмъ нибудь можетъ быть превзойденъ. Совершенно нерѣдкость наблюдать здѣсь какъ пара-другая мальчугановъ, не достигшихъ еще и четырнадцатилѣтняго возраста, отправляется изъ лагеря на охоту, которая и длится нерѣдко по нѣскольку дней. Верхомъ на своихъ маленькихъ юркихъ лошадкахъ они углубляются въ лѣсныя чащи не имѣя ничего съ собою, кромѣ одѣтой на себѣ одежды, перекинутыхъ за спинами длинныхъ ружей, мѣшковъ съ закисшимъ оленьимъ или кобыльимъ молокомъ и привязанныхъ къ сѣдламъ.

Ружья, употребляемыя туземцами, представляютъ изъ себя обыкновенныя длинностволки, заряжаемыя съ дула, на подобіе тѣхъ, которыми пользуются повсемѣстно въ приграничныхъ округахъ Китая; но урянхайскія ружья отличаются отъ ружей, которыя намъ вообще гдѣ бы то ни было приходилось видѣть, замѣчательно длинными привязанными къ передней части стволовъ въ видѣ поддержекъ вилками. Правда, туземные охотники на всемъ пространствѣ центральной Азіи употребляютъ такого же рода поддержки, но только значительно меньшихъ размѣровъ. Повидимому, величина этихъ поддержекъ у урянхайцевъ обусловливается густой и буйной растительностью, поверхъ которой имъ приходится здѣсь обычно стрѣлять. Въ своемъ грязномъ кожанномъ неопредѣленнаго цвѣта одѣяніи, съ головой, повязанной чѣмъ то въ родѣ стараго носового платка, и въ мягкихъ мѣховыхъ мокассинахъ, урянхаецъ охотникъ ухитряется пробираться такъ же неслышно и незамѣтно по лѣсамъ, какъ это дѣлаетъ и та дичь, за которой онъ охотится. Къ такому образу жизни онъ пріучается съ дѣтства; въ тайгѣ онъ чувствуетъ себя не хуже, нежели въ своемъ родномъ вигвамѣ (шалашѣ). Необычными охотничьими способностями урянхаецъ обязанъ своей полной зависимости отъ дичи, не только въ отношеніи запасовъ мяса, но также и одежды; доставляемые ему оленями продукты вполнѣ удовлетворяютъ его требованія; олень же служитъ урянхайцу и орудіемъ для транспорта.

До ввоза огнестрѣльнаго оружія урянхайцы великолѣпно владѣли своими луками, но въ настоящее время луки и стрѣлы совершенно уже выведены изъ употребленія и намъ только съ большимъ трудомъ удалось раздобыть по одному экземпляру этого оружія, которымъ туземцы когда то широко пользовались для убоя дичи. Нужно замѣтить, что они были, повидимому, великолѣпными стрѣлками, если имъ удавалось подстрѣливать, даже и такую крупную дичь, какъ козъ и мараловъ, и притомъ, въ глухой чащѣ, такъ какъ подстрѣлить такого звѣря стрѣлой несомнѣнно требуетъ огромнаго искусства. Луки дѣлались обычно около четырехъ футовъ въ длину и изготовлялись изъ одного цѣлаго куска ели. Урянхайскій способъ спуска стрѣлы съ тетивы отличался также своеобразіемъ, напоминая, въ общемъ, стрѣльбу изъ самострѣловъ, причемъ, тетива натягивалась особымъ приспособленіемъ, съ помощью котораго достигался несомнѣнно большій эффектъ, нежели при натягиваніи ея невооруженной рукой, стрѣла же спускалась давленіемъ спеціально прилаженнаго курка (собачки).

Охота непремѣнно за крупной дичью не составляетъ главнаго интереса для лѣсного обитателя; онъ стремится раздобыть прежде всего запасы шкуръ и мяса для своего собственнаго употребленія, мѣхъ же ему нуженъ для продажи. Roe-eder идетъ у туземцевъ главнымъ образомъ на мясо, musk-deer снабжаетъ его не только хорошими шкурами (мы видѣли, напримѣръ, прекрасно сдѣланные изъ снятыхъ съ ногъ этого животнаго шкуръ сумки и кобуры для ружей), но и доставляютъ ему запасы мускуса, который продается съ большой прибылью. Коза и маралъ прельщаютъ туземцевъ своей мясистостью, а также цѣнностью мягкихъ роговъ молодняка этихъ животныхъ, которые служатъ ходкимъ товаромъ въ торговомъ оборотѣ съ Китаемъ. Мараловъ урянхаецъ или застрѣливаетъ лѣтомъ, когда ихъ рога находятся въ періодѣ линянія, или же онъ ловитъ ихъ зимою въ западни, приманивая для этого животныхъ солью. Маралы затѣмъ содержатся живыми и передаются въ русскія селенія, въ которыхъ практикуется здѣсь цѣлый промыселъ — содержанія жеребятъ въ особыхъ загород-

Урянхайскіе охотники.

Музыканты, принимающіе участіе въ одной изъ религіозныхъ церемоній.

кахъ въ цѣляхъ полученія отъ нихъ годовой дани въ видѣ ихъ цѣнныхъ роговъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ, дичь, за которой урянхаецъ охотится, состоитъ исключительно ихъ мѣховыхъ животныхъ. Послѣднихъ онъ промышляетъ преимущественно ранней зимою, предпочитая при этомъ пользоваться ружьемъ и собаками, а не западнями. Собаки, которыхъ мы видѣли въ урянхайскихъ лагеряхъ, совершенно особой породы и проявляютъ, какъ говорятъ, замѣчательныя охотничьи способности. Онѣ представляютъ изъ себя тощихъ, небольшого размѣра, лукаваго вида, животныхъ съ остроконечными ушами и заостренными мордами (носами). Почти возлѣ каждой палатки было привязано обычно по одной такой собакѣ и мы смѣло можемъ завѣрить, что всѣ онѣ превосходные сторожа. Съ этими то собаками охотники-туземцы прекрасно выслѣживаютъ и преслѣдуютъ соболей, куницъ, лисицъ, рысей и вѣкшъ, пока тѣ убѣгаютъ отъ нихъ по землѣ или не взбираются на деревья, когда ужъ ихъ легко убить или изъ ружья, или же выкопавъ изъ земли. Урянхайскіе охотники обычно выходятъ на промыселъ небольшими партіями и, затѣмъ, дѣлятъ между собою общую добычу. Въ теченіе столѣтій, неизмѣнно ведя подобный образъ жизни, урянхайцы достигли совершенства въ своемъ искусствѣ: они не жалѣютъ на эту работу, когда нужно, ни времени, ни труда.

Туземцамъ приходится раздобывать мѣха какъ для продажи, такъ и для уплаты дани; спросъ на мѣха заставляетъ урянхайцевъ добывать ихъ. Китайцы до сихъ поръ требуютъ, чтобы часть податей уплачивалась имъ по меньшей мѣрѣ девятью сортами мѣха, а именно: рысьяго, выдры, собольяго, лисьяго, бѣличьяго, куницы, волчьяго, россомахи и снѣжнаго леопарда. Такой способъ взиманія податей представляется пережиткомъ древняго обычая, который настойчиво поддерживается оффиціальными чиновниками, потому что при этомъ имъ безъ большого труда удается удѣлять изъ добычи кое-что и въ свою пользу, принимая во вниманіе, что мѣха, цѣна на которыя стоитъ высоко въ Пекинѣ, сравнительно ничего не стоятъ по мнѣнію простодушныхъ лѣсныхъ обитателей туземцевъ. Въ

спискахъ предметовъ, принимаемыхъ въ уплату дани, стоятъ также кобылицы, причемъ, экземпляры свѣтло-кофейнаго цвѣта изъ нихъ, водящіеся въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, пользуются большимъ спросомъ у китайскихъ чиновниковъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ видовъ животныхъ въ предѣлахъ Енисейскаго бассейна водится еще заслуживающій особаго упоминанія бобръ, пополняющій своимъ присутствіемъ здѣсь списокъ представителей сѣверной фауны, которая какъ можно изъ этого усмотрѣть, распространяется довольно далеко къ югу. Небольшое количество бобровъ до сего времени водится еще въ предѣлахъ верхнихъ притоковъ Бей-Кема; но они уже стали рѣдкостью и ихъ шкурки только въ видѣ исключенія поступаютъ иногда на рынки. Въ давно прошедшія времена, однако, бобры были включены повидимому даже въ число предметовъ дани, высылавшейся ханомъ Убсинскаго района, тогдашнимъ верховнымъ повелителемъ всѣхъ урянхайскихъ племенъ, русскому Царю. По крайней мѣрѣ въ спискѣ предметовъ этой дани мы читаемъ „сто соболей и два бобра“.

Будучи искусными охотниками и ловельщиками звѣрей, урянхайцы отнюдь не рыболовы; обильныя рыбныя угодья, окружающія ихъ становища, совершенно пренебрегаются и почти остаются неиспользуемыми туземцами, кромѣ небольшой части племени Тойи, которая даже носитъ спеціальное наименованіе „озерного народа“. Рыболовствомъ, какъ промысломъ, урянхайцы никогда не занимались, хотя за послѣдніе годы, нѣкоторые, наиболѣе предпріимчивые изъ нихъ приступили, наконецъ, къ ловлѣ рыбы въ озерѣ Тойи-Куль для продажи ея сибирскимъ переселенцамъ. Обычно же урянхайцы довольствуются лишь уловомъ въ верховьяхъ рѣкъ и въ небольшихъ притокахъ такого количества рыбы, которое необходимо имъ для ихъ собственныхъ потребностей при этомъ они употребляютъ сѣти, сплетенныя изъ лошадинаго волоса.

Равнодушіемъ урянхайцевъ къ рыболовству, по всей вѣроятности, объясняется и ихъ полная неприспособленность къ пользованію водою, какъ средствомъ для транспорта; во всякомъ случаѣ, необходимо отмѣтить, въ качествѣ характернаго въ

жизни этого народа факта, что, несмотря на обиліе въ странѣ озеръ и рѣчекъ и вопреки постоянно ощущаемой потребности въ пользованіи воднымъ транспортомъ, урянхайцы такъ и не сумѣли возвыситься до примитивнаго искусства постройки лодокъ и, будучи замѣчательными знатоками въ использованіи бересты, даже никогда не пытались сооружать челноковъ изъ этого матеріала. Урянхайцы считаютъ большимъ для себя рискомъ, когда отваживаются плыть по водному протоку, или когда необходимость заставляетъ ихъ, противъ желанія, пересѣкать какую нибудь рѣку. Для случайныхъ рыболовныхъ экскурсій по озеру, или для перевозки товара внизъ по теченію, они обычно пользуются услугами небольшихъ плотовъ.

Спускаясь внизъ по рѣкѣ Бей-Кему, мы какъ то случайно встрѣтили слѣдовавшаго на плоту стараго урянхайца; плотъ его отличался весьма небольшими размѣрами и управлялъ онъ имъ единственнымъ весломъ. Грузъ, который онъ везъ, состоялъ изъ связки кожъ. Когда мы согласились принять его въ свою компанію и пришвартоваться къ борту нашего плота, онъ запѣлъ вдругъ, въ благодарность за это разрѣшеніе, меланхолическаго напѣва пѣсню; втягивая въ себя предварительно воздухъ полнымъ дыханіемъ, онъ затѣмъ издавалъ изъ глубины гортани, медленно выпуская воздухъ, звуки, похожіе на звуки волынки. Такой способъ пѣнія составляетъ своеобразную особенность урянхайцевъ и это пѣніе не только производитъ впечатлѣніе на слушателя, но и вполнѣ согласуется съ меланхолическимъ, въ общемъ, характеромъ туземцевъ.

При перевозкахъ товаровъ черезъ рѣки, урянхайцы пользуются обыкновенно лошадьми, которыхъ они заставляютъ буксировать свои плоты. При этомъ совершенно свободную отъ сбруи, съ помощью веревки, однимъ концомъ привязанной къ плоту, продѣтой затѣмъ сквозь петлю, прикрѣпленную къ лошадиному хвосту и держа въ рукахъ другой ея конецъ, урянхаецъ заставляетъ лошадь пересѣкать рѣку. Когда лошади грозитъ опасность, веревка съ легкостью отпускается и лошадь дѣлается свободной; не желающую идти по требуемому направленію лошадь урянхаецъ остроумно принуждаетъ къ тому посредствомъ

вожжи, прикрѣпленной къ длинному шесту. Способъ этотъ грубъ, но весьма продуктивенъ. Плотъ можетъ быть сооруженъ безъ затрудненій, а лошади у туземцевъ всегда подъ рукою. При переправахъ черезъ рѣки безъ груза туземцы обычно пускаются сами вплавь рядомъ со своими лошадьми, управляя послѣдними и въ то же время слегка придерживаясь за ихъ гриву или спину.

Уходъ за оленями отнимаетъ остальную часть времени, которую туземцы посвящаютъ работѣ, такъ какъ оленьи стада служатъ главнѣйшей статьею въ хозяйственномъ обиходѣ туземныхъ лагерей. Поразительное зрѣлище представляютъ изъ себя эти животныя, бродящія между палатокъ или пасущіяся по окружающимъ лагери лугамъ. Имъ предоставляется полная свобода передвиженія по своему усмотрѣнію и они нерѣдко пропадаютъ на нѣсколько дней и подолгу не возвращаются къ палаткамъ своихъ владѣльцевъ. Прирученность оленей чувствовалась на каждомъ шагу: то и дѣло какой нибудь слишкомъ дружелюбно настроенный олень нарушалъ наше безмятежіе, дергая за веревки нашихъ палатокъ, а случайно просыпанная нами соль, составлявшая часть нашего багажа, привлекла такое количество оленей, что мы только съ трудомъ могли отъ нихъ отдѣлаться. На соль олени очень падки и любовь къ послѣдней проявляется у нихъ въ гораздо большей степени, чѣмъ у другихъ животныхъ; здѣсь совершенно обычна картина—вечерняго кормленія баловней-оленей,—возвращающихся на ночь къ палаткамъ, женщинами солью, которую онѣ достаютъ изъ небольшихъ кожанныхъ мѣшковъ.

Владѣльцы отмѣчаютъ своихъ животныхъ, прорѣзая у нихъ отверстія въ ушахъ и уродуютъ старыхъ особей, обладающихъ большими рогами, коротко отрѣзая, чтобы облегчить оленю проходъ черезъ густой лѣсъ, вѣтвистые отростки. Вотъ, что по этому поводу удалось наблюдать Миллеру.

„Ко времени нашего посѣщенія рога оленей были еще покрыты пушкомъ, хотя уже настолько подросшими, что мы могли ясно различать какой изъ оленей будетъ впослѣдствіи отличаться превосходными рогами. Рога избавляются отъ пушка

лишь къ концу августа, а сбрасываются животными въ мартѣ. Они толсты и коротки, весьма вѣтвисты и отличаются большимъ количествомъ рѣзцовъ. Олени, которыхъ намъ пришлось здѣсь наблюдать, значительно больше и тяжелѣе норвежскихъ оленей. То же можно сказать и относительно прочихъ, водящихся въ Сибири породъ, какъ, напримѣръ, о тунгусской, превосходящей по описаніямъ породу, которою владѣютъ лапландцы [1]).

Мы замѣтили, что въ концѣ іюня стада состояли здѣсь изъ страннаго сочетанія животныхъ двухъ оттѣнковъ—бѣлаго сѣровато-коричневаго, причемъ послѣдняя масть замѣтно преобладала. Такъ какъ мы своими собственными глазами видѣли особей обѣихъ мастей и притомъ разныхъ возрастовъ и половъ, мы охотно склоняемся вѣрить туземцамъ, утверждающимъ, что эти двѣ части слѣдуетъ рѣзко отличать одну отъ другой. Такъ это или не такъ—на самомъ дѣлѣ—составляетъ пока загадку, которую придется еще рано или поздно доказать, но одно несомнѣнно, что намъ ни разу не удалось видѣть помѣси этихъ двухъ породъ. Бѣлая порода оленей цѣнится гораздо дороже, и животныя этой масти больше и сильнѣе. Въ отношеніи прочихъ оленьихъ странъ, напримѣръ, Норвегіи, я не знаю никакихъ указаній на существованіе тамъ оленей бѣлой породы, правда, однако, отдѣльные случаи, когда какой нибудь олень принимаетъ вдругъ чистую бѣлую окраску шерсти на практикѣ извѣстны и возможны. Такъ Дю-Шалью въ своей книгѣ „Страна долгой ночи“, слѣдующимъ образомъ описываетъ стадо ручныхъ лапландскихъ оленей зимою: „шерсть большинства этихъ оленей отличалась сѣрой окраской, была очень груба и толста и принимала бѣлый оттѣнокъ на брюхѣ. Нѣкоторыя животныя этого стада были бѣлаго цвѣта. Конечно, бѣломастные олени хорошо извѣстны на далекомъ сѣверѣ Си-

---

[1]) Размѣры пятилѣтняго самца, коричневой масти опредѣлились: въ вышину по плечу въ 3 фут. 6 дюйм., длина роговъ—27 дюйм., окружность лобнаго отростка—5 1/2 д., число рѣзцовъ—свыше 30 въ періодъ свободный отъ размягченія. Другой самецъ тоже коричневой масти измѣрялся въ 3 фут. 5 д. въ вышину по плечу, тогда какъ прекрасный экземпляръ бѣлой масти, возрастомъ старше 9 лѣтъ насчитывалъ въ вышину по плечу 3 фута 8 1/2 дюйм.

бири, такъ какъ въ самоѣдскомъ фольклорѣ, напримѣръ, часто упоминается молочно-бѣлый олень".

Дикій олень, видѣнный въ Саянахъ у верховьевъ рѣки Чапсы, отличался, какъ мнѣ показалось, густо-коричневой, скорѣе даже темной мастью. Шея и туловище у него были почти бѣлые, бока коричневые, а темная полоска тянулась вдоль всей спины. Переднія ноги спереди—темно-коричневыя, сзади были покрыты бѣлой шерстью. Заднія—отличались болѣе свѣтлой, коричневой окраской съ лицевой стороны. Этотъ экземпляръ переживалъ несомнѣнно пору перемѣны своей зимней шкуры на лѣтнюю. На всѣхъ кустахъ, возлѣ которыхъ онъ пасся, или случайно останавливался—виднѣлись его бѣлые волосы. Въ полномъ своемъ зимнемъ одѣяніи онъ вѣроятно былъ, подобно бѣлой ручной породѣ, совершенно бѣлаго цвѣта. Я видѣлъ его въ состояніи переходномъ. Его морда и ноги первыми перемѣнили окраску и пріобрѣли темный лѣтній оттѣнокъ, тогда какъ бѣлые зимніе волосы все еще продолжали держаться на туловищѣ и скрывали пока отъ глазъ болѣе темную шерстяную поросль животнаго. Судя по этому единственному экземпляру, можно, пожалуй, сказать, что дикій олень одѣвается въ свою лѣтнюю одежду нѣсколько раньше оленя домашняго. Въ іюлѣ его длинная зимняя шерсть на мордѣ приняла почти темную окраску, шея осталась бѣлой, туловище сдѣлалось сѣровато-коричневымъ;—ноги, спереди и снаружи—совсѣмъ темно-коричневыми, а изнутри бѣлыми; бѣлымъ же оставалось у него все еще брюхо. Такого же рода лѣтней окраской характеризуется и домашняя бѣлая порода оленей. Послѣднее свое заключеніе я, однако, построилъ исключительно на основаніи нѣсколькихъ экземпляровъ, изслѣдованныхъ мною здѣсь въ іюнѣ, у которыхъ отдѣльные куски лѣтней шерсти можно было еще замѣтить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выпали зимніе жесткіе волосы. Темная порода въ своемъ лѣтнемъ нарядѣ отличается темно-коричневой окраской туловища, сѣровато-коричневымъ оттѣнкомъ шерсти на шеѣ и почти темными мордою и ногами.

Если мое утвержденіе относительно лѣтней окраски оленей обоихъ типовъ правильно, они, слѣдовательно, гораздо меньше

Саянскій олень (бурой масти).

Саянскій олень (бѣлой масти).

отличаются между собою въ это время года, чѣмъ зимою, хотя даже и тогда болѣе свѣтлый типъ, благодаря своей бѣлой шеѣ и сѣро-коричневому туловищу, отличается значительно большей свѣтлостью, нежели типъ оленя темной масти. Конечно, я не гарантирую точности моихъ описаній окраски оленей, такъ какъ наблюдать мнѣ ее пришлось въ самое худшее для сего время года. Только при условіи изученія ряда экземпляровъ уже полностью одѣвшихся въ свои лѣтнія одежды и съ совершенно развившимися рогами, если бы таковыхъ мнѣ удалось раздобыть, я бы имѣлъ возможность установить, какими особенностями въ этомъ отношеніи отличается (если только онъ, вообще отличается) саянскій олень отъ оленя сѣверной Сибири.

Условія жизни дикаго саянскаго оленя весьма отличаются отъ условій жизни его сѣверныхъ сородичей. Послѣдніе вынуждены блуждать по огромнымъ пространствамъ моховыхъ тундръ, почти лежащихъ на одномъ уровнѣ съ поверхностью моря, гдѣ не растетъ ничего похожаго на деревья, кромѣ развѣ хилыхъ березъ, а также, вѣроятно, случайныхъ группъ обвѣянныхъ вѣтромъ сосенъ, но только по южнымъ склонамъ встрѣчающихся въ тундрѣ мелкихъ хребтовъ; саянскіе олени водятся на вершинахъ горъ, на высотѣ приблизительно отъ 6 до 8 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Въ лѣтніе мѣсяцы ихъ чрезвычайно трудно найти, такъ какъ они живутъ въ это время по самому верхнему краю древесной растительности, среди кустарниковъ—кедра и рододендрона. Съ приближеніемъ зимы, когда снѣгъ, задерживаясь между густой растительностью, ложится здѣсь слоемъ толщиною въ нѣсколько футовъ, олени взбираются вверхъ, на открытыя вершины, съ которыхъ снѣжный покровъ обычно сдувается вѣтромъ. Въ это время года они исключительно питаются оленьимъ мохомъ, который на этихъ вершинахъ растетъ въ изобиліи.

Изложенное даетъ мнѣ право утверждать, что условія жизни саянскаго оленя отличаются отъ условій жизни оленя приполярной Сибири въ томъ же направленіи, въ какомъ разнятся эти условія для горнаго Карибу водящагося въ верховьяхъ Юконга и Карибу, блуждающаго по голымъ пространствамъ

Сѣверной Канады. Несмотря на то, что намъ удалось видѣть только одного дикаго оленя въ предѣлахъ верхней Чапсы, несомнѣннымъ доказательствомъ тому, что значительно большее число ихъ скрывается вдоль краевой полосы лѣса, служили для насъ слѣды на мѣстахъ ихъ остановокъ и прочно проложенныя тропы. Вѣроятнѣе всего наиболѣе многочисленны дикіе олени въ предѣлахъ восточныхъ хребтовъ, такъ какъ тамъ расположены самыя подходящія для ихъ пребыванія огромныя пустыя пространства.

Въ іюлѣ женщины въ лагеряхъ туземцевъ были заняты уходомъ за молодыми оленями, которые, повидимому нуждаются въ большомъ къ нимъ вниманіи. Въ теченіе круглаго дня эти молодыя животныя держались привязанными подъ тѣнью лиственничныхъ деревьевъ, или подъ навѣсомъ спеціально сооруженныхъ возлѣ палатокъ балагановъ. Привязь состояла изъ веревокъ, обернутыхъ вокругъ шеи животныхъ и другимъ концомъ прикрѣпленныхъ къ особымъ крючкамъ, врытымъ въ землю рядами, чтобы облегчить возможность родителямъ животныхъ, по возвращеніи съ пастьбы къ вечеру, легко его отыскать и на ночь лечь рядомъ со своимъ дѣтенышемъ. Болѣе старыя животныя, казалось, сильно страдали отъ жары и не выходили на пастьбу ранѣе конца дня; день же они обычно проводили, задыхаясь отъ жары, лежа скрытыми подъ лѣсной тѣнью. Послѣдніе, наоборотъ, совершенно не требовали никакихъ заботъ со стороны туземцевъ; недаромъ олень считается самымъ неприхотливымъ среди домашнихъ животныхъ въ цѣломъ мірѣ.

Олень используется урянхайцемъ, главнымъ образомъ, для цѣлей транспорта. Всѣ перекочевки, предпринимаемыя туземцами, объясняются единственнымъ желаніемъ отыскать наиболѣе подходящее пастбище для оленьихъ стадъ; эти же стада используются для транспорта, такъ какъ, несмотря на медленность хода, они съ успѣхомъ могутъ покрывать большія разстоянія. Въ верхней части бассейна лошадьми совершенно нельзя пользоваться, какъ вслѣдствіе мягкости мѣстами грунта, такъ и благодаря скудности здѣсь травяного покрова; наоборотъ, олень

въ этихъ районахъ чувствуетъ себя въ своей родной стихіи. Благодаря ему урянхайцы имѣютъ возможность проходить на большія пространства, одолѣть которыя при иныхъ обстоятельствахъ было бы для нихъ крайне затруднительно. Отправляются на охоту туземцы осенью также верхомъ на своихъ оленяхъ и съ помощью послѣднихъ же семьи такихъ охотниковъ, а равно и ихъ домашняя утварь, доставляются внизъ на зимнія квартиры. Свертки бересты и прочія принадлежности незатѣйливаго туземнаго хозяйства не представляютъ изъ себя тяжелой или большой ноши, а съ маленькими вьюками олени легко могутъ двигаться вдоль узкихъ лѣсныхъ тропинокъ.

Женщины и дѣти ѣздятъ верхомъ не хуже мужчинъ. Здѣсь ежедневно можно видѣть вполнѣ обычную картину, какъ какой нибудь крошечный мальчуганъ вдругъ вспрыгиваетъ на перваго попавшагося ему подъ руку оленя и направляется верхомъ на другой конецъ лагеря навѣстить какого нибудь своего сверстника или полюбоваться происходящей тамъ игрой. Никакихъ уздечекъ или недоуздковъ для управленія животнымъ туземцы не знаютъ; для этого служитъ попросту веревка. Во время путешествій подушка, сдѣланная изъ грубо выдубленныхъ шкуръ, деревянное сѣдло и стремена, обезпечиваютъ туземцамъ нѣкоторыя удобства при ѣздѣ верхомъ; мы, однако, считаемъ, что сидѣть на такихъ деревянныхъ сѣдлахъ гораздо хуже, чѣмъ попросту на голой спинѣ животнаго.

Помимо своей роли вьючныхъ и верховыхъ животныхъ, олени снабжаютъ своихъ владѣльцевъ также молокомъ и изрѣдка мясомъ. Оленье молоко очень вкусно, и въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ служитъ туземцамъ главнымъ пищевымъ продуктомъ, поддерживающимъ ихъ существованіе. Лишь только мы выставили на показъ образчики нашихъ „товаровъ“ какъ-то,—иголокъ, булавокъ, табака и чая, какъ намъ уже былъ обезпеченъ на все время нашей остановки запасъ молока въ количествѣ, превышавшемъ даже нашу въ немъ потребность. Однако, какъ мною было уже отмѣчено выше, купить животное у туземцевъ оказалось нелегкимъ дѣломъ; нежеланіе ихъ разстаться даже и съ однимъ, достигшимъ зрѣлаго возраста, сам-

цомъ какъ бы свидѣтельствовало о томъ громадномъ значеніи, которое они придавали вообще самцамъ, повидимому, въ виду возможности полученія отъ послѣднихъ приплода [1]). Оленей урянхайцы, вѣроятно, никогда не убиваютъ на мясо, развѣ лишь при особо исключительныхъ обстоятельствахъ. Сосѣднія съ ихъ обиталищами округа изобилуютъ дичью, которую гораздо легче и дешевле убить, нежели воспитать и вырастить оленя. Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ открытыхъ мѣстностяхъ, въ степяхъ, гдѣ недостатокъ дичи не можетъ удовлетворять спросу на мясо, а номады всецѣло зависятъ отъ продуктовъ ихъ стадъ и вынуждены или скудно довольствоваться однимъ молокомъ и сыромъ, или же, будучи въ достаточной степени богатыми, не отказываютъ себѣ въ употребленіи мяса, которое имъ поставляютъ ихъ табуны и стада.

Въ этомъ отношеніи особенно разительна разница между урянхайцами оленеводами, которыхъ я только что описалъ, и прочими племенами, живущими на всемъ остальномъ пространствѣ бассейна Верхняго Енисея, въ весьма отличающихся по природѣ мѣстностяхъ и при совершенно иныхъ условіяхъ. Всѣхъ остальныхъ урянхайцевъ, за исключеніемъ оленеводовъ, можно смѣло объединить въ одну общую группу. Описываемъ ли мы часть племени Тойи, обитающую удаленно на востокѣ, или же говоримъ о туземцахъ Кемчика, живущихъ на западѣ, опредѣленныя условія, въ которыхъ и тѣмъ и другимъ приходится жить, дѣлаютъ ихъ весьма похожими другъ на друга какъ по обычаямъ, такъ и по характеру. Наиболѣе могущественную роль въ установленіи этого сходства играютъ условія мѣстности. Этимъ урянхайцамъ, напримѣръ, не представляется надобности подниматься въ горы на лѣтнее время, имъ не нужно равнымъ образомъ заглядывать и въ лѣса, такъ какъ выпасать своихъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ и козъ они вполнѣ могутъ и въ

[1]) Весьма вѣроятно, что у урянхайскихъ оленей дѣло съ приплодомъ обстоитъ не совсѣмъ благополучно, такъ какъ недавно путешественникъ (г. Базеттъ Дижби), совершившій поѣздку къ тунгусамъ, увѣряетъ, что олень не можетъ хорошо размножаться въ такихъ южныхъ широтахъ и что туземцы этихъ широтъ вынуждены ввозить въ свои предѣлы лучшихъ животныхъ съ далекаго сѣвера, за плату, достигающую шести фунтовъ стерлинговъ за голову животнаго.

предѣлахъ открытыхъ пастбищныхъ пространствъ, расположенныхъ на низкихъ долинахъ. Поэтому то мы и видимъ ихъ распространенными преимущественно по главнымъ долинамъ, въ родѣ долины Верхняго Бей-Кема, гдѣ прекрасныя луговыя земли и открытаго характера лиственныя рощицы образуютъ настоящій „пастушій рай", а также по всѣмъ степнымъ пространствамъ, на всемъ протяженіи центральной и западной частей Енисейскаго бассейна.

Легко доступная открытая мѣстность способствуетъ тому, что живущіе въ ея предѣлахъ люди дѣлаются менѣе осторожными и болѣе честолюбивыми и постоянно озабочены вопросомъ объ улучшеніи своего быта. Они соприкоснулись уже съ внѣшнимъ міромъ и подпали вліянію народа, болѣе мощнаго чѣмъ они сами. Ихъ жилища носятъ типичный монгольскій отпечатокъ, а ихъ одежда наполовину китайская; они уже могутъ пользоваться русской кухонной посудой и имѣютъ понятіе объ Ургѣ—своемъ религіозномъ центрѣ и о Сибири, гдѣ продаются ихъ мѣха. Сношеніе съ внѣшнимъ міромъ, лежащимъ за предѣлами ихъ отдаленнаго бассейна, повлекло за собой къ крупному позаимствованію монгольской крови, которой и объясняется ихъ расхожденіе въ типѣ съ прочими своими сородичами, обитающими въ предѣлахъ верхняго бассейна. Нечего, при такихъ условіяхъ удивляться, что урянхайцы не оленеводы, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ самыхъ западныхъ частяхъ бассейна, гораздо болѣе омонголены, нежели ихъ братья—истые лѣсные обитатели.

Эти, не занимающіеся оленеводствомъ урянхайцы, которые, между прочимъ, образуютъ собственно главную массу урянхайскаго населенія, ведутъ полу-кочевой характеръ жизни и занимаются выпасомъ лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ и отчасти верблюдовъ. Обиліе пастбищъ на востокѣ исключаетъ для нихъ необходимость въ частыхъ перекочевкахъ, но въ предѣлахъ центральной части бассейна, земля гораздо бѣднѣе и потому перекочевывать приходится соотвѣтственно чаще. Всѣ эти кочевники пользуются обыкновенными войлочными юртами, искусство устройства которыхъ вѣроятнѣе всего было занесено

къ нимъ монголами. Имѣющая форму жилища палатка, сдѣланная изъ деревянныхъ брусьевъ и представляющая изъ себя попросту рѣшетку, покрытую полотнищами, тяжелаго войлока, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна и не нуждается въ особомъ описаніи. Урянхайскія юрты совершенно сходны съ юртами, которыя можно повсюду встрѣтить на всемъ пространствѣ Центральной Азіи. Отличаются онѣ лишь небольшими размѣрами, загрязненностью и плохой постройкой; въ общемъ это плохое воспроизведеніе хорошихъ жилищъ зажиточныхъ корейцевъ или номадовъ кочевниковъ киргизовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Алтайскихъ и Тянь-Шанскихъ пастбищъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ урянхайцевъ богаты своими стадами, и если они предпочитаютъ жить въ такомъ убожествѣ, то объясняется это только ихъ нечистоплотностью и полнымъ равнодушіемъ къ комфорту, что, конечно предопредѣляетъ имъ постоянный удѣлъ жить такимъ образомъ. Всѣ монголы и калмыки отличаются такимъ же точно равнодушіемъ къ опрятности, въ виду чего селенія ихъ и представляютъ изъ себя огромный контрастъ съ селеніями номадовъ магометанъ. Насколько сильно вліяютъ на эти привычки религіозныя вѣрованія—представляется въ настоящее время открытымъ для споровъ вопросомъ.

Въ отличіе отъ нерыночнаго характера имущества оленьихъ пастуховъ, табуны и стада прочихъ урянхайцевъ доставляютъ имъ нѣкоторый избытокъ, который можно обращать въ продажу. Повидимому у нихъ практикуется вывозъ масла и возможна продажа лошадей, рогатаго скота и овецъ, что, вѣроятно обусловливается близкимъ сосѣдствомъ сибирскихъ городовъ. Кожи и шерсть составляютъ главные продукты въ спискѣ ихъ рыночныхъ товаровъ. Туземная овца отличается прекрасной, шелковистой шерстью, а „астраханка“ доставляемая ихъ баранками вполнѣ по качеству заслуживаетъ высокой цѣны. Рогатый скотъ бассейна невеликъ и коротконогъ, но здѣсь же встрѣчается и весьма доброкачественная порода спеціально акклиматизировавшаяся въ степяхъ Кемчика и Абакана, неизмѣнно портящаяся, будучи вывезенной на какія либо иныя пастбища. За кожи этого скота можно получать очень хорошую цѣну на русскихъ рынкахъ.

Туземная урянхайская лошадь—монгольскаго происхожденія. Она представляетъ изъ себя небольшое, но довольно стройное коренастое и весьма выносливое животное. Среднихъ размѣровъ урянхайская лошадь достигаетъ тринадцати четвертей. Главная ея особенность—большая голова и плечи, а также круглая морда. Недостатки своей наружности урянхайская лошадка искупаетъ, однако, своей крайней нетребовательностью въ смыслѣ питанія и она прекрасно приспособлена переносить продолжительные капризы непогоды. Своеобразной иноходью она можетъ цѣлый день безъ устали проносить своего всадника. Изобиліе лошадей пріучило, однако, туземцевъ никогда не пользоваться одной лошадью безъ перемѣны въ теченіе болѣе чѣмъ одного дня. Благодаря этому туземныя лошади не достаточно тренированы и теряютъ обычно свои силы послѣ перваго же перегона. Наиболѣе распространены бѣломастныя и свѣтлокофейнаго цвѣта лошади; кромѣ того, мы замѣтили не мало и пѣгихъ; большой процентъ отличается также полосатыми ногами.

Причиняемыя слѣпнями и мошкарой страданія вынуждаютъ владѣльцевъ лошадей изыскивать на время лѣтней жары открытыя пастбища, по возможности подальше или повыше лѣсовъ, хотя, несмотря на это, намъ попадались лагери, правда, отличавшіеся обычно небольшими стадами скота и табунами лошадей, ютящіеся и въ лѣсныхъ чащахъ. При этомъ, однако, повидимому, туземцы проявляютъ большую заботливость о томъ, чтобы обезпечить своимъ животнымъ безмятежное здѣсь пребываніе, такъ какъ послѣднихъ почти всегда окружали ряды дымящихся костровъ. Возможно, однако, что все это были лишь временныя остановки туземцевъ въ лѣсахъ, попадавшихся имъ случайно на пути перекочевокъ и весьма вѣроятно, лѣсъ не служитъ для нихъ обычнымъ мѣстопребываніемъ. Изъ-за мошкары и мухъ туземцы благосклонно стараются щадить и хвосты своихъ животныхъ, хотя въ то же время они имѣютъ обыкновеніе остригать гривы всѣмъ своимъ лошадямъ безъ исключенія, такъ какъ на русскихъ рынкахъ конскій волосъ всегда въ большомъ спросѣ.

Употребляемая наѣздниками туземцами сбруя, въ сущности говоря,—чисто монгольскаго типа; мы въ ней не замѣтили никакихъ особенностей. Насъ заинтересовалъ, однако, фактъ употребленія этими скотоводами лассо и мы попытались узнать получилъ ли свое начало обычай притягиванія лошадей веревкой непосредственно въ Азіи. Невѣроятно, чтобы обычай этотъ былъ занесенъ сюда откуда нибудь; никакой другой народъ въ Азіи, насколько намъ извѣстно, не употребляетъ лассо, за исключеніемъ монголовъ. Безъ сомнѣнія въ Монголіи, въ давно прошедшія времена, первобытный человѣкъ впервые поймалъ и приручилъ для собственнаго употребленія первую лошадь; способъ и практика ловли дикихъ лошадей, выработанные здѣсь, были затѣмъ переданы другимъ народамъ съ помощью, главнымъ образомъ, тѣхъ племенъ, которыя большую часть времени проводятъ верхомъ, нежели на своихъ собственныхъ ногахъ.

Другое, бросающееся въ глаза различіе въ хозяйственномъ обиходѣ между урянхайцами-обитателями западной части бассейна и восточными племенами заключается въ томъ, что первые занимаются земледѣліемъ, что несомнѣнно вліяетъ на измѣненіе въ корнѣ и самыхъ условій ихъ жизни. Туземцы, вспахивающіе землю становятся полу-осѣдлыми, такъ какъ на дѣлѣ они еще далеки отъ того, чтобы строить себѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ постоянныя жилища. Условія жизни урянхайцевъ центральной и западной частей Енисейскаго бассейна, занимающихся культивированіемъ своихъ полей, приблизительно одинаковы съ условіями жизни наиболѣе передовыхъ татаръ, Абаканской равнины. Привычка къ полу-осѣдлости, медленно къ нимъ прививающаяся, указываетъ на ихъ постепенный переходъ на высшія ступени культуры и обезпечиваетъ возможность этимъ урянхайцамъ превратиться современемъ въ весьма полезную и наиболѣе способную національность. Это конечно означаетъ также, что они подпадаютъ несомнѣнно подъ вліяніе болѣе интелигентнаго народа и что, если только ихъ соприкосновеніе съ цивилизаціей не деморализуетъ ихъ, а ввозъ крѣпкихъ напитковъ и болѣзни не повліяютъ разрушительно на ихъ

организмъ—урянхайцы рано или поздно могутъ сдѣлаться настоящимъ народомъ. Свѣжая струя крови вольется въ этихъ туземцевъ и вмѣстѣ съ расширеніемъ объема и съ облегченіемъ условій торговли и транспорта, безслѣдно исчезнетъ для нихъ опасность окончательнаго вырожденія.

Вопросъ о томъ, насколько сильно вліяютъ условія мѣстности на выработку характера и привычекъ народа, уже много разъ былъ доказанъ съ несомнѣнностью; теперь намъ осталось показать лишь, какъ сильно это вліяніе сказывается также на выработкѣ человѣческой мысли и идей, и на оформленіи первоначальныхъ суевѣрныхъ вѣрованій народа. Урянхайцы представляютъ любопытный примѣръ народа, живущаго въ полной зависимости отъ природы, народа, религіозныя представленія котораго, повидимому, базируются на системѣ умилостивленія боговъ, къ каковой вынуждаетъ ихъ несомнѣнное стремленіе во что бы то ни стало избѣжать вреда, который можетъ быть причиненъ человѣку злыми духами, и получить милости отъ боговъ благодѣтельныхъ. Культъ этихъ туземцевъ, носящій названіе „шаманизма“ или „черной магіи“, въ настоящее время практикуется лишь нѣкоторыми сибирскими племенами и урянхайцами; но въ прежнее время всѣ рѣшительно племена сибирской Азіи, какъ тунгусскія такъ и монгольскія, а равно тюркскія—безъ исключенія были послѣдователями шаманистской вѣры. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ случаяхъ даже и въ настоящее время шаманизмъ у нихъ въ большомъ ходу, хотя и прикрывается наружно нововведенными религіями.

Въ Сибири „черной магіи“ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ распространеніемъ христіанства и теперь эта религія запрещена здѣсь закономъ; тюркскими племенами настолько полно завладѣлъ исламъ, что среди нихъ едва-ли даже возможно теперь отыскать хотя бы и слѣды шаманизма, тогда какъ въ Урянхаѣ исповѣдываемою религіей является въ настоящее время буддизмъ. Однако вѣра въ шаманистскіе обряды и церемоніи такъ сильно внѣдрилась въ урянхайцахъ, что ее можно смѣло и до сего времени считать за истинную религію этихъ туземцевъ. Нужно при этомъ отмѣтить, что, какъ показываетъ изученіе

вѣрованій этого народа, послѣднія содержатъ въ себѣ гораздо болѣе высокіе идеалы, нежели только преклоненіе подъ руководствомъ тираническаго духовнаго сословія шамановъ, геніямъ природы. Нельзя поэтому отказаться отъ разсмотрѣнія этихъ идей, такъ какъ онѣ несомнѣнно сильно вліяютъ какъ на историческія судьбы, такъ и на выработку характера всего народа. Чтобы исчерпывающе усвоить себѣ урянхайскія вѣрованія необходимо вообще прослѣдить постепенность развитія религіозныхъ идей человѣка отъ грубаго фетишизма до теизма. Такимъ образомъ явится возможность не только познакомиться съ исторіей происхожденія болѣе высокихъ вѣрованій, но передъ нашими глазами вскроются также и самыя раннія попытки человѣка, направленныя къ распознанію сущности царящей надъ нимъ сверхъестественной силы.

На самыхъ раннихъ ступеняхъ своего религіознаго міровоззрѣнія, первобытный человѣкъ искренно олицетворялъ всѣ окружающіе его предметы. Онъ видѣлъ во всѣхъ этихъ предметахъ и явленіяхъ природы проявленіе чего то сверхъестественнаго и почиталъ ихъ такими существами, въ чьихъ рукахъ жизнь человѣческая не болѣе какъ простая игрушка. Каждая физическая особенность,—каждая гора, холмъ или ложбина, быстро текущая рѣка и водопадъ, ливень и снѣжная пурга, громъ, молнія и роса, солнце, луна и звѣзды,—въ глазахъ первобытнаго, жаждавшаго познаній человѣка, — казались существами живыми, обладающими способностью мыслить и облеченными въ опредѣленныя реальныя формы. Конечно духи эти дѣлились на добрыхъ и злыхъ; нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно избрали своей спеціальностью постоянно безпокоить и огорчать или преслѣдовать человѣка и причинять ему всякія несчастія. Другіе, наоборотъ, всегда помогали, посылали милости и веселили его. Всѣхъ этихъ существъ, однако, приходилось бояться, всѣхъ ихъ нужно было умилостивлять приношеніями, взывать къ нимъ о помощи, молить ихъ объ отвращеніи несчастій и болѣзней или благодарить за оказанныя благодѣянія и милости. Постоянная боязнь оскорбить чѣмъ нибудь злыхъ духовъ или недостаточно угодить духамъ благодѣтельнымъ, опасеніе, что такъ или

иначе, но человѣкъ всегда легко можетъ впасть въ ошибку и, разгнѣвавъ божество, поплатиться за это своей жизнью — эта боязнь и послужила основаніемъ, на которомъ покоились первоначальныя религіозныя представленія человѣка, выработался даже цѣлый культъ, носящій наименованіе тотемизма или поклоненія природѣ. Культъ этотъ нужно признать повсѣмѣстнымъ и его исповѣдывали всѣ первобытныя расы отъ Сибири до Патагоніи и отъ Лапландіи до Греціи. Всѣ народы пережили это религіозное состояніе, но теперь остались лишь очень немногіе изъ нихъ, которые попрежнему чувствуютъ суевѣрный страхъ передъ великимъ богомъ—Паномъ.

На слѣдующей ступени развитія религіозныхъ идей человѣкъ, перестаетъ видѣть въ окружающихъ его предметахъ живыя существа, но онъ вѣритъ, что каждый изъ нихъ находится подъ покровительствомъ особыхъ божествъ, и что сноситься съ этими божествами возможно лишь черезъ посредство шамановъ или спеціальныхъ жрецовъ. Съ этого времени получаетъ свое начало жреческое сословіе. Шаманизмъ, какъ обычно называется означенное состояніе религіозныхъ вѣрованій человѣка, представляетъ изъ себя поэтому нѣкоторый шагъ впередъ—по сравненію съ грубымъ поклоненіемъ природѣ, такъ какъ тутъ уже оказываются распознанными человѣкомъ спеціальные боги. Позднѣе человѣкъ постепенно пришелъ къ сознанію, что на самомъ дѣлѣ число различныхъ боговъ не должно быть очень велико и что въ дѣйствительности всюду въ природѣ царятъ единообразіе и гармонія; это сознаніе мало-по-малу и привело его къ вѣрѣ въ Единое Верховное Существо. Тѣмъ не менѣе древнія вѣрованія въ многообразіе второстепенныхъ божествъ все же остались прочно заложенными въ человѣкѣ и являются въ немъ пережитками давно прошедшей старины. Олицетвореніемъ этихъ то божествъ и служатъ идолы и всевозможныя изображенія, въ лицѣ которыхъ человѣкъ, придавая имъ человѣческій образъ и пытается воплотить свои смутныя идеи о духахъ-покровителяхъ.

Въ настоящее время урянхайцы представляютъ любопытное явленіе народа, религіозныя представленія котораго, пови-

димому, являются смѣсью указанныхъ различныхъ ступеней развитія религіозной идеи человѣка вообще, начиная отъ чистѣйшаго поклоненія природѣ до идолопоклонства и, наконецъ, теизма. Мы на самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ здѣсь пережитокъ истиннаго поклоненія природѣ или вещамъ, главнымъ образомъ, въ видѣ обожествленія предметовъ природы, какъ то: деревьевъ, горъ и т. п. Изъ этихъ суевѣрныхъ религіозныхъ представленій урянхайцевъ можно видѣть, какъ близки они еще къ природѣ и насколько прочно придерживаются они еще и до настоящаго времени этого стараго культа, несмотря на достигнутые ими нѣкоторые успѣхи въ развитіи идей въ иныхъ направленіяхъ. Примѣромъ слѣдующей ступени въ развитіи религіозныхъ представленій—можетъ служить наличіе у урянхайцевъ шамановъ—жреческаго сословія, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ сношенія съ сверхъестественными силами и потустороннимъ міромъ. Идолопоклонство представлено обычаемъ урянхайцевъ созидать идолы и различныя изображенія въ честь второстепенныхъ божествъ, въ родѣ отдѣльныхъ духовъ, охранителей стадъ и табуновъ, а также, какъ это ни странно, культомъ поклоненія предкамъ. Уваженіе къ памяти предковъ лежитъ, обычно, въ основаніи большей части азіатскихъ вѣрованій. Предки, приэтомъ, разсматриваются заступниками за своихъ живыхъ потомковъ на томъ свѣтѣ, и жрецы-шаманы обладаютъ силой вызывать ихъ и обращаться къ нимъ съ мольбами о помощи. Между урянхайцами и другими исповѣдывающими шаманизмъ племенами культъ предковъ принимаетъ иногда самыя разнообразныя формы, какъ это было описано нами въ главѣ II настоящей книги. Надъ всѣми этими вѣрованіями стоитъ также прочно укоренившаяся въ урянхайцахъ вѣра въ Единое Верховное Существо—являющееся Богомъ Неба и Управителемъ всей Вселенной.

Теперь я покажу болѣе детально степень распространенія среди урянхайцевъ культа чистѣйшаго вида поклоненія природѣ, такъ какъ этотъ культъ лежитъ безусловно въ основѣ ихъ вѣрованій. Среди народа, живущаго постоянно въ сумеркахъ темныхъ и сырыхъ лѣсовъ или заброшенныхъ въ уединеніи от-

Шаманъ—заклинатель.

даленныхъ долинъ, совершенно отрѣзанныхъ отъ вліянія внѣшняго міра, народа, подавляемаго мощью природы и всецѣло отъ нея зависящаго, суевѣріе, конечно, находитъ для себя самую подходящую почву. Урянхаецъ въ своемъ простодушномъ и несложномъ вѣрованіи видитъ себя постоянно со всѣхъ сторонъ окруженнымъ какими то тайнами и всегда переживаетъ ощущенія чего то сверхъестественнаго. Такому его состоянію не приходится вовсе удивляться. Окружающіе его покрытые лѣсомъ холмы, мрачныя молчаливыя долины и горные массивы, выбрасывающіе свои вершины надъ лѣсной чащей и таинственность связываемая со всѣми этими предметами преисполняютъ его благоговѣнія и подавляютъ таинственностью. Завывающій вѣтеръ представляется туземцу несомнѣннымъ разгнѣваннымъ божествомъ; боги быстро текущихъ рѣкъ—препятствуютъ ему переправляться черезъ эти рѣки и заставляютъ его рисковать своей жизнью; уединенныя вершины гранитныхъ глыбъ, расколотыя бурями и исчерченныя сугробами снѣговъ, рисуются ему мѣстообиталищами боговъ, совершенно недоступными для человѣка. Наименованія въ родѣ „Богдо“, что означаетъ—„священный“, или „Ханъ“—въ переводѣ „вождь“, пріурочиваемыя обычно горамъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильно урянхайцы и монголы чтутъ прекрасныя, изолированныя снѣжныя вершины, которыя дѣйствительно возвышаются точно настоящіе царскіе троны среди широкихъ плоскогорій.

Къ суровымъ горнымъ массивамъ, поднимающимся въ предѣлахъ бассейна Верхняго Енисея надъ лѣсной чащей, урянхайцы относятся съ такимъ благоговѣніемъ, что не рискуютъ даже никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, взбираться на нихъ. Они называютъ эти массивы „тайгой“, т. е. чѣмъ то дикимъ, неизвѣстнымъ и считаютъ ихъ мѣстонахожденіемъ духовъ. Часто случающіяся здѣсь внезапныя бури, сопровождаемыя громомъ и молніей, еще болѣе завораживаютъ туземцевъ. Ужасъ передъ великимъ Паномъ—проникаетъ все и вся. Послѣдняго урянхаецъ видитъ въ каждомъ деревѣ, въ каждой скалѣ и въ каждомъ камнѣ; онъ слышитъ его среди ночного безмолвія и чувствуетъ его близость съ наступленіемъ дня. Кто же иной, какъ не злой

духъ причиняетъ ему страданія. Кто-же, какъ не тотъ же духъ мѣшаетъ ему удачно охотиться. Что такое Счастье, какъ не вмѣшательство какого-нибудь бога въ судьбу человѣка. Народъ, который настолько всецѣло зависитъ отъ природы, само собою понятно для осуществленія всѣхъ своихъ желаній долженъ преклоняться предъ какой-то невидимой щедродающей рукою, а изъ этого нельзя не усмотрѣть, что чистѣйшее поклоненіе природѣ до сихъ поръ прочно держитъ въ своихъ объятіяхъ завороженную мысль этого народа.

Суевѣрный страхъ передъ богами, въ одинаковой степени передъ добрыми и злыми, заставляетъ урянхайца, можно сказать, извѣстную часть своей жизни посвящать умилостивленію духовъ, чтобы злыя силы не одолѣли его. Всѣми зависящими отъ него средствами каждый житель лѣса старается сохранять добрыя отношенія съ злыми духами. Если встрѣчается ему какая-нибудь опасность въ пути, въ родѣ хотя бы рѣки, которую приходится переходить вбродъ, или горы, которую нужно перевалить, и вообще при столкновеніи съ малѣйшимъ природнымъ затрудненіемъ, поклонникъ природы обязательно прибѣгаетъ по обѣту къ умилостивительнымъ приношеніямъ, которыми онъ надѣется усмирить злого духа „Ерликъ-хана“. Обѣтные шесты, увѣшанные кусками разноцвѣтныхъ тряпокъ, можно здѣсь встрѣтить повсюду, что наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько настоятельною признаетъ урянхаецъ свою обязанность оказывать подобное почтеніе духамъ, чтобы только обезпечить себѣ душевное спокойствіе. Въ стойбищахъ урянхайцевъ-оленеводовъ намъ бросились въ глаза маленькіе колышки, на которыхъ болтались бѣлыя тряпочки; эти колышки были вбиты въ землю передъ входнымъ отверстіемъ каждой палатки и предназначались для отпугиванія отъ нея демоновъ, носителей болѣзней. Охранителями оленьихъ стадъ отъ вреда служили другіе такіе же колышки, которые помѣщались возлѣ мѣстъ пребыванія животныхъ. При каждомъ нашемъ восхожденіи на вершину какой-нибудь горы, мы, прослѣдовавъ вдоль единственно доступной обычно тропы, обязательно находили ее увѣнчанной кучею камней и безчисленнымъ количествомъ разноцвѣтныхъ

лоскутковъ, или привязанныхъ на особыхъ шестахъ, или же висящихъ на сосѣднихъ деревьяхъ.

„Обосы“ воздвигаются обычно въ такихъ мѣстахъ, священность которыхъ заставляетъ обращать на нихъ особое вниманіе. Мы видѣли эти жертвенники разбросанными на всемъ пространствѣ Енисейскаго бассейна и сѣверо-западной Монголіи. Эти сооруженія настолько обычны здѣсь и такъ часто служатъ единственными признаками существованія человѣка въ предѣлахъ какой-нибудь дикой и ненаселенной мѣстности, что наименованіе „Обо“ нерѣдко даже ставится на нашихъ современныхъ географическихъ картахъ для обозначенія такихъ районовъ, которые не имѣютъ еще никакихъ другихъ наименованій. Многія пустынныя пространства размѣчены на перегоны по этимъ „обосамъ“, сооруженнымъ ревностными приверженцами культа поклоненія природѣ. „Обосы“ представляютъ изъ себя первобытную попытку оказанія должнаго уваженія божествамъ,—(идея, которая медленно развивалась по мѣрѣ того, какъ мужали, все болѣе и болѣе совершенствуясь и усложняясь, цивилизація и религіозные культы). Въ дикой Монголіи, гдѣ люди живутъ въ палаткахъ, единственными попытками сооруженія постоянныхъ зданій—являются эти небольшіе храмы, посвящаемые поклоненію божествамъ, тогда какъ въ Европѣ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей населенія предназначаются самыя совершенныя въ архитектурномъ отношеніи зданія.

Въ залѣсенныхъ районахъ „обосы“ дѣлаются изъ сосновыхъ сучьевъ и хвороста—и издали они похожи на огромныя, конической формы сложенныя для костра кучи, совершенно готовыя для поджога. Иногда они принимаютъ форму хижинъ, сдѣланныхъ изъ сучьевъ, внутрь которыхъ надо вползать на четверенькахъ. Съ внутренностью „обосовъ“ можно было познакомиться лишь путемъ освѣщенія ея послѣдовательно зажигаемыми спичками. Тѣ „обосы“, въ которые мы входили, или содержали различныя приношенія пищи богамъ, или же священные буддійскіе рисунки, или, наконецъ, безчисленное количество деревянныхъ воспроизведеній животныхъ, которыя выпасались въ предѣлахъ смежной съ „обосомъ“ округи, какъ-то:

овецъ, рогатаго скота и оленей, а также дикихъ и пушныхъ животныхъ, за которыми туземцы охотятся. Въ сущности говоря, „обосъ" предназначается служить складочнымъ мѣстомъ для различнаго рода приношеній духамъ, которые считаются охранителями стадъ, а также тѣмъ богамъ, отъ которыхъ зависитъ удача охотниковъ. Обычай приношенія также и деревянныхъ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ, весьма возможно, является простымъ пережиткомъ старинныхъ обрядовъ жертвоприношеній, которыя представляли изъ себя столь обычное зрѣлище во всѣхъ первобытныхъ культахъ религіознаго поклоненія. Въ древности различныя племена были достаточно богатыми, чтобы удѣлять для жертвоприношенія извѣстное число животныхъ изъ состава своихъ стадъ; но они, конечно, уже не въ состояніи дѣлать этого теперь. Единственный примѣръ жертвоприношеній живыхъ животныхъ въ наши дни въ предѣлахъ этого района—мы имѣемъ у бурятъ, которыми ежегодно справляется особое празднество, когда приносятся ими въ жертву лошади, и затѣмъ съѣдаются окружающими. Нѣкоторыя детали этихъ церемоній, какъ онѣ по крайней мѣрѣ, описаны профессоромъ Куртинымъ, не исключая при этомъ и любопытной подробности — вершины холма, на которомъ обязательно происходитъ дѣйствіе, а также борьбы, которая неизмѣнно сопровождаетъ подобныя празднества, напоминаютъ намъ урянхайскія религіозныя собранія, свидѣтелями которыхъ намъ удалось быть.

Существуютъ помимо временныхъ обиталищъ бога также и постоянные „обосы", которые обычно сооружаются надъ какимъ-нибудь почитаемымъ туземцами предметомъ. Шалонъ упоминаетъ между прочимъ о большомъ „обосѣ" въ Джа-Кулѣ, который построенъ надъ небольшимъ отмершимъ уже древеснымъ пнемъ, пользовавшимся особымъ, въ качествѣ священнаго предмета, почитаніемъ. Мы тоже видѣли рядъ обѣтныхъ кольевъ въ предѣлахъ той же мѣстности, стоявшихъ разукрашенными передъ какимъ то склепомъ, въ которомъ хранятся рисунки буддійскаго орнамента.

„Обосы" обыкновенно ставятся на вершинахъ холмовъ,

Урянхайскій „обосъ“. (Въ бассейнѣ Верхняго Енисея).

„Обо“ и обѣтныя приношенія. (Въ Монголіи).

которые почитаются избранными убѣжищами боговъ. Добрые духи обнаруживаютъ склонность, однако, современемъ мѣнять мѣсто своего обитанія и церемонія, которая по случаю пріема бога въ новое убѣжище выполняется урянхайцами, представляетъ огромный интересъ. Миллеру и Прайсу посчастливилось присутствовать на одномъ изъ такихъ празднествъ въ районѣ верхняго Бей-Кема и я поэтому сошлюсь здѣсь попросту на описанныя Миллеромъ необычайныя сцены, которыя были въ честь этого событія исполнены жрецами и міранами. Дѣйствіе происходило на покрытой травой вершинѣ холма, съ котораго открывался широкій видъ на преріи и лиственичные лѣса, расположенные по лѣвому берегу Верхняго Бей-Кема, къ западу отъ Куріи, служащей религіознымъ центромъ племени Тойи.

На вершинѣ холма находилось квадратной формы сложенное изъ плахъ строеніе, увѣнчанное конусообразной крышей, совершенно сверху заваленное большими сучьями деревьевъ и лиственичными кольями, украшенными полотнищами бѣлой матеріи. Внутрь этого зданія вели два дверныхъ отверстія. Съ сѣверной и южной сторонъ возвышались еще шесть аналогичныхъ, но только меньшаго размѣра, конической же формы „обосовъ“, сдѣланныхъ изъ сучьевъ и хвороста и украшенныхъ „обѣтными“ кольями. Внутренность центральнаго „обоса“ была заполнена низкой платформочкой, на которой положены были одна на другую еще четыре, но только меньшія по размѣрамъ, платформочки. Ихъ увѣнчивала деревянная пирамида, со всѣхъ сторонъ испещренная какими-то священными надписями. Платформа была уставлена подарками и приношеніями, что должно было служить выраженіемъ радушія по отношенію къ ожидаемому прибытіемъ богу; тутъ же находились глиняные диски со сдѣланными на нихъ надписями и изображеніями Будды. Всѣ главнѣйшіе виды животныхъ, водящихся въ округѣ были представлены въ формѣ деревянныхъ изображеній; не забыто также приношеніе пищи богу, къ услугамъ котораго приготовленъ былъ и лучшій кумысъ, помѣщавшійся въ мѣдныхъ чашахъ.

Люди начали стекаться къ этому мѣсту и съ возвышенія, на которомъ мы стояли и съ котораго открывался широкій

видъ на окружающую мѣстность, мы могли наблюдать, какъ со всѣхъ рѣшительно сторонъ по направленію къ священному холму мчались кавалькады всадниковъ. Нойонъ, или глава клана, раньше всѣхъ занялъ здѣсь свое мѣсто со своей свитой. Одѣтый въ шелковую одежду, съ позолоченой шапочкой на головѣ, онъ усѣлся подъ тѣнью навѣса, спеціально сооруженнаго въ сторонѣ отъ „обоса“ и, по мѣрѣ того, какъ собирались его однокланники, держалъ въ рукахъ „дурбаръ“. Все время стоялъ неумолчный говоръ; прибывающіе пили „аракъ“ (особый спиртъ, выкуриваемый изъ забродившаго молока), обмѣниваясь нюхательными табакерками и такъ продолжалось вплоть до того момента, пока не раздался кликъ послушниковъ, возгласившихъ о прибытіи главнаго ламы, лошадь котораго послушники ввели на вершину холма и остановили у самаго входа въ алтарь. Этотъ лама представлялъ изъ себя внушительнаго вида человѣка и отличался наголо обритой головой и страшно морщинистымъ лицомъ. Его одежда вовсе не соотвѣтствовала высокому сану. Для верховнаго жреца такая одежда казалась даже постыдной, такъ какъ на немъ висѣла какая-то грязная кожанная хламида, на которой хвастливо выглядывали жалкіе остатки мѣховыхъ обшлаговъ и воротника; на головѣ у него была надѣта ермолка, сдѣланная изъ такого же матеріала.

Тѣмъ временемъ собралось нѣсколько сотъ туземцевъ и по мѣрѣ того, какъ „аракъ“ мало-по-малу начиналъ дѣйствовать, крики и смѣхъ становились все громче и громче. Не обошлось дѣло и безъ забавнаго приключенія. Одинъ изъ младшихъ должностныхъ лицъ, котораго вождь отправилъ съ какимъ-то порученіемъ къ жрецу, жившему на значительномъ разстояніи, попросту заѣхалъ въ ближайшій лагерь и тамъ упился до пьяна. Онъ былъ изловленъ, однако, и приведенъ къ нойону для наказанія. Получивъ нѣсколько сильныхъ ударовъ по ушамъ, онъ былъ затѣмъ положенъ на землю и ему всыпали двадцать ударовъ березовой тростью, кстати, выдернутой на время изъ священнаго „обоса“.

Когда съ этимъ развлеченіемъ, которое, казалось, доставило большое удовольствіе всѣмъ присутствующимъ, было по-

кончено, началась самая религіозная церемонія. Ламы усѣлись по рангу двумя рядами, лицами другъ къ другу, а верховный лама занялъ головное мѣсто на правомъ флангѣ. Въ центрѣ, между двумя рядами ламъ, было положено сваренное мясо и разставлены мѣшки съ кумысомъ, предназначавшіеся для пиршества, которымъ должна была завершиться церемонія. Затѣмъ подъ аккомпаниментъ двухъ гигантскихъ размѣровъ мѣдныхъ роговъ, насчитывавшихъ до 10 футовъ въ длину, цимбалъ, барабана, чешуйчатыхъ роговъ, которые обладаютъ способностью издавать самые печальные музыкальные звуки и какого то подобія флейты, напоминающей по звукамъ волынку, жрецы пропѣли свои молитвы и совершили затѣмъ „полнымъ хораломъ“ въ продолженіи примѣрно полу-часа свое богослуженіе.

Въ это именно время, какъ я полагаю, и происходитъ прибытіе бога въ его новое жилище, такъ какъ по окончаніи богослуженія всѣ члены собранія падаютъ ницъ и бормочатъ заклинанія передъ входомъ въ „обосъ“; послѣ этого толпа расходится и направляется къ подножію холма, чтобы повеселиться. Здѣсь начинается угощеніе, безъ сомнѣнія, служащее главной приманкою для кочевниковъ, живущихъ на большихъ разстояніяхъ. Ламы и міряне выстраиваются теперь соотвѣтственно по разрядамъ, причемъ, нойонъ становится во главѣ послѣднихъ, а главный жрецъ—во главѣ первыхъ и пища, въ видѣ кусковъ мяса и кумыса, распредѣляется между ними. Тутъ появляются женщины, которыя до этого момента не могли присутствовать при церемоніи и садятся позади нойона, не принимая, однако, никакого участія въ происходящемъ. Послѣ угощенія начинается борьба между молодыми людьми, въ то время, какъ старики продолжаютъ возсѣдать за своимъ кумысомъ и нюхать табакъ.

Вся церемонія представляла изъ себя поразительную смѣсь шаманистскихъ и буддійскихъ обрядностей, что указываетъ, какъ сильно смѣшаны среди этой своеобразной общины, состоящей частью уже изъ обращенныхъ поклонниковъ природы, обѣ указанныя религіи.

Вотъ насколько еще сильна и до настоящаго времени въ урянхайцахъ самобытная потребность поклоненія природѣ. Посмотримъ теперь насколько полно овладѣлъ этимъ народомъ шаманизмъ, т. е. система колдовства, практикуемая жрецами. Здѣсь прежде всего приходится отмѣтить, что вліяніе его чрезвычайно сильно, несмотря даже на серьезныя попытки буддизма и усилія цивилизаціи въ Сибири остановить дальнѣйшее развитіе практики шаманистскихъ врачевателей-колдуновъ. Шаманы пользуются огромнымъ вліяніемъ въ народѣ, въ ихъ сокровенныя силы до настоящаго времени люди слѣпо вѣрятъ, а въ новыхъ религіяхъ, повидимому, не имѣется ничего такого, что могло бы восполнить вѣками привитыя инородцамъ религіозныя обрядности.

Глубокая тайна окутываетъ этотъ культъ, такъ какъ придерживающіяся шаманизма племена всемѣрно стараются скрывать отъ посторонняго глаза свои завѣтныя религіозныя идеи. Шамановъ, собственно говоря, скорѣе боятся, нежели любятъ. Жречество это наслѣдственно и самое искусство и тайна волшебства считаются переходящими отъ отца къ его сыну или дочери помимо ихъ воли. Шаманы держатъ народъ въ своей власти, такъ какъ только съ ихъ помощью можно сноситься съ загробнымъ міромъ, только они одни обладаютъ способностью поддерживать добрыя отношенія съ злыми духами, только имъ однимъ знакомо искусство поддерживать тѣсную связь между живущими и умершими, что считается очень важнымъ въ виду необходимости оказанія почестей предкамъ. Жрецы эти приносятъ жертвы въ случаяхъ несчастій или смерти, исполняютъ требы и моленія; они же являются вѣщателями, врачевателями и предсказателями погоды—однимъ словомъ, людьми, которые умѣютъ изъ суевѣрія народа извлекать личныя для себя выгоды.

Но въ чемъ особенно скрывается первобытность шаманизма,—такъ это въ домашней жизни урянхайцевъ. Простодушный лѣсной житель всегда охотно готовъ предоставить исполненіе религіознаго ритуала въ распоряженіе своихъ болѣе образованныхъ, чѣмъ онъ, руководителей. Однако, когда демоны болѣзни на-

чинаютъ тревожить его домъ, или призракъ смерти витаетъ надъ его вигвамомъ, урянхаецъ не можетъ отказать себѣ въ обращеніи къ тайнамъ вѣдовства и на сценѣ появляется для борьбы съ злыми духами искушенный колдунъ-врачеватель. Миллеръ и Прайсъ однажды имѣли случай наблюдать такую борьбу шамана-доктора съ какой-то лютой болѣзнью.

Въ одну изъ ночей они вдругъ услышали глухой звукъ барабана [1]), по которому узнали, что въ сосѣдней палаткѣ „работаетъ“ шаманъ. Пробравшись къ этой палаткѣ, они откинули немного пологъ, который представлялъ изъ себя дверь и при мерцающемъ свѣтѣ дымящаго огня могли наблюдать странное зрѣлище. „Внутри по сторонамъ палатки сидѣли двое мужчинъ и одна женщина, а въ самомъ удаленномъ концѣ палатки стоялъ спиною къ нимъ колдунъ-врачеватель. Онъ былъ одѣтъ въ длинную, сдѣланную изъ оленьей кожи, рубаху, украшенную безчисленнымъ множествомъ кусочковъ разноцвѣтныхъ тряпокъ, а вдоль спины его и съ рукъ, ниспадая внизъ до самыхъ ногъ, болтались полоски тесемокъ краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣта. Черезъ плечи у него были перекинуты два желѣзныхъ прута съ привязанными къ нимъ въ несмѣтномъ количествѣ металлическими висюльками. Его барабанъ былъ сдѣланъ изъ кожи марала, а ударялъ онъ въ него крѣпкой барабанной палкой, одинъ конецъ которой былъ обитъ какимъ то рѣдкимъ мѣхомъ. Шаманъ стоялъ обернувшись лицомъ къ куску желтой матеріи, украшенному разноцвѣтными тряпочками, высоко висѣвшему на стѣнѣ палатки. Творя заклинанія, онъ не переставая билъ въ барабанъ, ударяя при этомъ то по правой, то по лѣвой его сторонѣ и ухитряясь бить въ него даже стоя къ нему спиною. При этомъ онъ соотвѣтственно то усиливалъ, то

---

[1]) Барабанъ, вѣроятно, служитъ наиболѣе обычнымъ музыкальнымъ инструментомъ, употребляемымъ при религіозныхъ церемоніяхъ. Въ шаманизмѣ же онъ играетъ исключительную роль. Изъ всего наряда и снаряженія колдуна-врачевателя ничто, собственно говоря, не имѣетъ реальнаго значенія, кромѣ его барабана. Безъ послѣдняго не можетъ состояться никакой церемоніи. Только съ помощью барабана шаманъ и обладаетъ даромъ вызывать умершихъ. Барабанъ служитъ наружнымъ выразителемъ ранга жреца-шамана и представляетъ изъ себя наслѣдственно передаваемую отъ отца къ сыну или дочери принадлежность, вмѣстѣ съ нимъ передаются также искусство и тайна вѣдовства.

ослаблялъ издаваемые звуки и тонъ. Изрѣдка онъ начиналъ вдругъ гудѣть низкимъ голосомъ заклинательную пѣсню, раскачиваясь при этомъ изъ стороны въ сторону и потряхивая плечами, чтобы брянчали на немъ желѣзки. Затѣмъ, перемѣнивъ тактику, онъ вдругъ умолкалъ, усиливая за то жестикуляцію, пока его не начало конвульсивно трясти отъ сильнаго напряженія. Лицо его исказилось, на лбу выступилъ потъ и въ этомъ состояніи бѣшеннаго экстаза онъ возбудилъ себя до такой степени, что началъ съ видомъ сумасшедшаго бредить и такъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока напряженіе его не переступило окончательно границъ и тогда онъ повалился въ изнеможеніи на землю. Одинъ изъ зрителей воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и перетянулъ барабанъ шамана черезъ огонь. Послѣ небольшого отдыха шаманъ врачеватель снова принялся за свою „работу“, однако, его тяжелое дыханіе и случайные стоны свидѣтельствовали о томъ, что онъ все еще чувствовалъ себя весьма измученнымъ. Такимъ способомъ происходятъ заклинанія и изгнаніе духовъ болѣзней шаманомъ-врачевателемъ, который можетъ быть безразлично, мужчина или женщина. По близости отъ Джа-Куля мы были свидѣтелями подобной же церемоніи, въ которой роль шамана-врачевателя исполняла женщина.

Когда кто-либо умираетъ, урянхайцы обычно кладутъ его тѣло на вершинѣ какого-нибудь холма, на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Никакихъ погребальныхъ обрядовъ они не знаютъ. По ихъ суевѣрнымъ представленіямъ тѣло человѣка, проведшаго свою жизнь хорошо—благополучно истребляется птицами и служитъ добычей дикимъ звѣрямъ; наоборотъ, тѣла людей, проведшихъ жизнь, съ точки зрѣнія туземцевъ, неблагочестиво, неудостаиваются, по ихъ мнѣнію, подобной сомнительной чести. „Кладбище“ часто отмѣчается бѣлымъ флажкомъ, который предостерегаетъ чужеземцевъ отъ приближенія на слишкомъ близкое разстояніе къ мѣсту, гдѣ нашелъ себѣ успокоеніе какой-нибудь недавно умершій урянхаецъ, который въ жизни своей слылъ за человѣка, отличавшагося сомнительной репутаціей.

Теперь коснемся самаго интереснаго вопроса о томъ, какъ

Флагъ, обозначающій мѣсторасположеніе урянхайскаго кладбища.

Буддійскія знамена.
(Религіозная церемонія Чеданской куріи).

Урянхайскій обычай „погребенія“.

уживается здѣсь съ шаманизмомъ туземцевъ идолопоклонство или антропоморфизмъ. Повидимому, въ этомъ народѣ сильна жгучая потребность изображать въ видѣ идоловъ и образовъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ боговъ, которые все еще держатся въ большомъ почетѣ. Любопытное смѣшеніе въ религіозномъ культѣ этого народа идолопоклонства съ вѣрой въ Бога Неба всегда обращало на себя вниманіе даже самыхъ раннихъ посѣтителей монголовъ и племенъ южной Сибири. Напримѣръ, Карпини отмѣчаетъ, что монголы „имѣютъ сдѣланныхъ изъ войлока идоловъ, которые изображаются съ человѣческими лицами; этихъ идоловъ они ставятъ въ своихъ юртахъ по обѣимъ сторонамъ отъ входной двери. Монголы вѣрятъ, что эти идолы являются хранителями стадъ и что благодаря только идоламъ у нихъ не бываетъ недостатка въ молокѣ и родъ ихъ можетъ увеличиваться. Нѣкоторые идолы выдѣлываются изъ кусковъ шелка и пользуются особымъ уваженіемъ; приступая къ ѣдѣ или собираясь пить, монголъ прежде всего старается предложить часть своей трапезы или питья этимъ идоламъ“.

Самой существенной заботой въ жизни скотоводовъ является забота о благополучіи ихъ стадъ; вотъ почему представляется вполнѣ естественнымъ то почтеніе, которое оказывается ими духу-хранителю этихъ стадъ. Еще у Марко Поло находимъ мы подтвержденіе справедливости означеннаго заключенія, но онъ приписываетъ этому идолу, помимо его прямой обязанности— служить охранителемъ стадъ, также еще попеченіе о своихъ дѣтяхъ и урожаѣ. „Туземцы считаютъ своей обязанностью оказывать ему поклоненіе и весьма чтутъ его“, говоритъ онъ, „и каждый глава семьи обязательно держитъ у себя въ домѣ его изображеніе, сдѣланное изъ войлока или матеріи. Когда туземцы ѣдятъ, то жиромъ отъ мяса смазываютъ также ротъ этого бога. Послѣ этого они берутъ немного отвара и окропляютъ имъ входъ въ свое жилище. Совершивъ этотъ обрядъ, они считаютъ, что богъ и его семья получили также причитающуюся имъ часть трапезы“.

Туземцы олицетворяютъ еще бога-охоты. Для изображенія

божества охоты употребляется грубо набитая заячья шкурка, которую можно всегда видѣть въ палаткѣ туземца висящей бокъ-о-бокъ съ какимъ-нибудь современнымъ китайскимъ изображеніемъ будды и прочими бездѣлушками, составляющими своеобразную коллекцію реликвій, наглядно свидѣтельствующихъ о поразительной путаницѣ въ религіозныхъ идеяхъ современнаго шаманиста.

Всѣ эти второстепенныя божества распредѣляются по категоріямъ и, въ общемъ, называются земными богами; систему примитивнаго суевѣрія и идолопоклонства, однако, объединяетъ опредѣленная вѣра во-единую Верховную силу, управляющую всей Вселенной. Урянхайцы, и мнѣ думается, всѣ безъ исключенія шаманисты, признаютъ одного Великаго Духа, уразумѣть смыслъ котораго они, однако, не пытаются и называютъ его „Тенгри"—или Богомъ Неба. Карпини увѣряетъ, говоря о шаманистахъ монголахъ, что они: „вѣрятъ въ Единаго Бога Творца всего видимаго, во власти котораго находится какъ все въ мірѣ хорошее, такъ и все дурное, но не совершаютъ въ его честь богослуженій, не возносятъ ему ни моленій, ни восхваленій и вообще не поклоняются Ему". Еще болѣе любопытнымъ представляется то, что они не дѣлаютъ никакихъ попытокъ къ олицетворенію этого творца.

Поражающимъ своей набожностью западнымъ миссіонерамъ монголы XIII вѣка казались „отличающимися отъ всѣхъ націй міра, такъ какъ они не могли похвастать никакимъ закономъ, дарованнымъ имъ отъ бога, какъ это ошибочно думаютъ и дѣлаютъ многія другія націи. Они просто, инстинктивно, въ силу какого-то велѣнія природы, вѣрили, что несомнѣнно существуетъ нѣчто, обладающее верховнымъ могуществомъ надъ вселенной и что есть Богъ. Подобная вѣра не представляется особенно знаменательной. „Просто, инстинктивно, въ силу какого-то велѣнія природы" — гласитъ приведенная выписка изъ книги. Не любопытно ли, что самъ францисканскій монахъ нашелъ возможнымъ признать, что эти варвары-язычники пришли по собственной иниціативѣ къ заключенію „что есть Богъ".

Въ наше время старыя вѣрованія эти постепенно замѣняются въ Сибири христіанствомъ, а въ Монголіи и Урянхайскомъ краѣ — самой упадочной формой буддизма. Трудно опредѣлить насколько глубоко обѣ эти религіи уже успѣли оказать вліяніе на шаманизмъ или какая часть оригинальнаго поклоненія природѣ до сихъ поръ остается еще лежать въ основѣ наружнаго выраженія сравнительно недавно введенныхъ вѣрованій среди туземцевъ. Къ шаманамъ-врачевателямъ попрежнему продолжаютъ послѣдніе прибѣгать въ различныхъ случаяхъ болѣзней, а приношеніе въ жертву лошадей и теперь все еще практикуется среди сибирскихъ бурятъ. Врядъ-ли, однако, христіанство въ Сибири имѣло большій успѣхъ въ дѣлѣ уничтоженія черной магіи, нежели буддизмъ въ предѣлахъ Монголіи. И тамъ и тутъ многое отъ нея еще сохранилось. Однако, вліяніе на туземныя сибирскія племена присутствіе среди нихъ представителей иной расы, въ частности русскихъ переселенцевъ, оказалось гораздо болѣе продуктивнымъ, нежели присутствіе среди монголовъ буддійскихъ миссіонеровъ.

Первоначальная форма поклоненія природѣ въ высокой степени соотвѣтствовала характеру монгола. Оно представляло изъ себя прочное и въ тоже время простое вѣрованіе ни въ какой степени не обезсиливавшее расы, вѣрованія, которое было, какъ увѣряетъ Ратцель, „поэтическимъ по вызываемымъ имъ переживаніямъ и художественнымъ въ своемъ наружномъ выраженіи“. Однако, увеличеніе числа жрецовъ и постепенное порабощеніе ими народа, создали мало-по-малу такое положеніе вещей, что ко времени введенія буддизма, новая вѣра не могла не отлиться сразу же въ форму, которая носитъ теперь наименованіе ламаизма. Ламаизмъ этотъ подорвалъ силу и разрушилъ независимость этого народа. Вотъ почему онъ уже не пользуется теперь такой же хорошей репутаціей, какой пользовался будучи еще приверженцемъ чистаго шаманизма когда-то, въ періодъ роста своей мощи и своихъ титаническихъ завоеваній. Въ Монголіи буддійское вліяніе заставило изъять изъ употребленія второстепенныя божества и удержало

только одного „Тенгри“—добраго духа, Бога Неба. Но среди урянхайцевъ и сибирскихъ шаманистовъ нѣкоторые остатки идолопоклонства еще сохранились. Въ заключеніе всего я думаю, что пройдетъ еще очень много времени, прежде чѣмъ какое-либо вѣроисповѣданіе сможетъ, наконецъ, замѣстить среди урянхайцевъ-оленеводовъ ихъ своеобразный культъ почитанія боговъ природы.

Въ Саянскихъ горахъ

Видъ на сѣверо-востокъ—вдоль главнаго хребта.

ГЛАВА IX.

Тергенскія возвышенности и вліяніе Монголіи.

Послѣ перевала черезъ хребетъ Танну-Ола начались совершенно новыя условія нашего путешествія. Мы разстались съ тѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ природы, которыми отличается вообще Сибирь и вступили въ предѣлы малопривѣтливой и открытой дѣйствію вѣтровъ центральной части великаго материка. Передъ нами развернулись огромныя пространства, самымъ необычайнымъ и страннымъ образомъ созданныя природой. Здѣсь мы обречены были на безконечныя блужданія и на совершенно вольную жизнь; никакія препятствія, въ родѣ только что испытанныхъ,—не мѣшали намъ здѣсь свободно двигаться впередъ. Вмѣсто густыхъ порослей и узкихъ долинъ, передъ нами лицомъ къ лицу предстала широкая пустыня Гоби и мы имѣли возможность въ продолженіи долгаго путешествія по ней испытать на себѣ въ полной мѣрѣ результатъ близкаго соприкосновенія съ ея обитателями. Мы очень хорошо поняли, что значитъ пересѣкать эти неизмѣримыя и безплодныя равнины, гдѣ номады принуждены гораздо чаще, чѣмъ это дѣлаютъ лѣсныя племена, обладающія обширными пастбищами, мѣнять мѣста расположенія своихъ становищъ; здѣсь же мы очарованы были зрѣлищемъ сонливаго движенія верблюдовъ,

способныхъ совершать длительные переходы по безмѣрнымъ степямъ и пересѣкать совершенно безводныя пустыни.

День за днемъ, путешествуя по этимъ безграничнымъ пространствамъ Средней Азіи, мы видѣли картины, обладающія несомнѣнно волшебнымъ свойствомъ навѣвать на человѣка великія думы и будить въ немъ не менѣе великія желанія. Застоявшаяся атмосфера болотистой тайги смѣнилась здѣсь бодрящимъ воздухомъ, въ родѣ эфира. Темная и мрачная окраска лѣсовъ сибирскихъ уступила свое мѣсто самымъ яркимъ контрастамъ свѣта и тѣни, разнообразной игрѣ тоновъ, отличающей блѣдную степь отъ усѣянныхъ цвѣтами плоскогорій—контрастамъ, говоря короче, которые капризная природа приблизила одинъ къ другому и которые въ особенности заслуживаютъ вниманія здѣсь, въ этомъ сердцѣ огромнаго Азіатскаго материка.

Мы взобрались на вершины хребта Танну-Ола и смотрѣли внизъ на Монголію, полные ожиданія и энтузіазма. Съ чувствомъ благоговѣнія, а это чувство долженъ былъ бы испытать въ нашемъ положеніи даже и самый невосторженный человѣкъ, достигли мы наконецъ вершины этого „Великаго Водораздѣла“. Здѣсь происходитъ распредѣленіе водъ: дождь выпадающій по склонамъ горъ, на которыхъ мы стояли, скопляется затѣмъ въ видѣ ручейковъ, стремнинъ и гигантскихъ рѣкъ, которыя и текутъ отсюда въ далекій сѣверный Ледовитый океанъ; тотъ же дождь, но выпадающій только по другую сторону хребта обреченъ на процессъ медленнаго испаренія въ предѣлахъ самобытныхъ соляныхъ бассейновъ собственно Монголіи.

Мы стояли на гребнѣ южной Стѣны бассейна Верхняго Енисея и посылали свое послѣднее „прости“ тому малоизвѣстному и уединенному району, изслѣдованіе котораго составляло главную цѣль нашего путешествія. Позади насъ раскинулся Енисейскій бассейнъ съ его лѣсами, лугами, быстро мчащимися рѣчками, окутанными облаками мрачными хребтами и пасмурными грозовыми тучами. Непроходимый районъ съ его своеобразными обитателями, уже лежалъ *позади* насъ на сѣверѣ. Впереди, и пока у нашихъ ногъ, распростирались безграничныя пространства Монголіи, открытое царство равнинъ и плоско-

Монгольскій лагерь во время перекочки.

горій, легко доступныхъ, свободныхъ отъ всякихъ пришельцевъ, ярко сверкавшихъ подъ покровомъ безоблачнаго небеснаго свода. Врядъ-ли гдѣ-либо въ мірѣ можно еще наблюдать такіе два контраста, которые раздѣлялись бы другъ отъ друга только шириной одного горнаго хребта. Великолѣпіе открывшагося намъ ландшафта не поддается никакому описанію; нужно самому непосредственно пережить эти впечатлѣнія.

Лежавшій впереди насъ районъ охватываетъ весь видимый горизонтъ, обширный какъ море и какъ послѣднее — безпредѣльный. Глазъ блуждаетъ здѣсь по пространствамъ, пройти которыя можно лишь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; однимъ взглядомъ улавливается сразу нѣсколько горныхъ хребтовъ. Равнины, величиной съ любое англійское графство, раздѣляютъ отдѣльные горные массивы, высота которыхъ, пожалуй, не уступаетъ Альпамъ. Похожіе на облака, лишенные основаній хребты, казалось, висятъ въ воздухѣ, такъ какъ глазъ видитъ ихъ, но не улавливаетъ самыхъ подножій, настолько они удалены и стоятъ ниже истиннаго изгиба земной поверхности.

Вызываемое этимъ поразительнымъ пространствомъ безпокойное чувство, усугубляется еще полнѣйшимъ отсутствіемъ въ этихъ предѣлахъ осѣдлыхъ жилищъ. Жители этой страны часто мѣняютъ свое мѣстопребываніе, подобно вѣтрамъ, гуляющимъ на просторѣ по этимъ плоскогоріямъ. „Сегодня здѣсь, а завтра тамъ“ — служитъ девизомъ монголовъ, и это такъ на самомъ дѣлѣ, потому что ихъ кочеванія не оставляютъ обыкновенно позади себя никакихъ слѣдовъ. Можно путешествовать здѣсь въ теченіе цѣлыхъ недѣль и не натолкнуться на какой-нибудь признакъ жилья; изрѣдка развѣ пронесется въ отдаленіи всадникъ или покажется вдругъ на горизонтѣ вереница верблюдовъ. Невзначай, можно натолкнуться здѣсь вдругъ и на какое-нибудь благословенное мѣстечко, отличающееся обиліемъ травы и воды, гдѣ благодаря этому, можно наблюдать сгруппированныя сжато расположенныя палатки монгольскихъ номадовъ, вокругъ которыхъ неизмѣнно пасутся, по обильнымъ въ такихъ мѣстахъ пастбищамъ, безчисленные стада и табуны.

Мы въѣхали въ предѣлы этой „новой“ страны въ пролив-

ной дождь. Монголія встрѣтила насъ негостепріимно. Проведя ночь неподалеку отъ какихъ-то пастушьихъ юртъ, мы на слѣдующее утро подошли къ одному изъ монгольскихъ карауловъ, или сторожевокъ, которыя образуютъ южную границу Урянхайской территоріи. Мѣстный чиновникъ снабдилъ насъ новой перемѣной вьючныхъ животныхъ; здѣсь мы получили уже лошадей вмѣсто нашихъ сильныхъ, испытанныхъ воловъ, послѣ чего озаботились отсылкой нашихъ кемчикскихъ наемниковъ обратно въ предѣлы ихъ родной страны, такъ какъ даже и въ томъ случаѣ, когда урянхайцы состоятъ на службѣ у именитыхъ иноземцевъ, имъ все же не разрѣшается переходить границъ своей территоріи. Здѣсь впервые, намъ пришлось столкнуться съ представителями настоящей монгольской расы; они показались намъ послѣ сдержанныхъ и нѣсколько боязливыхъ урянхайцевъ настоящими, свирѣпаго вида, дикарями. Естественное вліяніе дикой и свободной жизни въ предѣлахъ открытаго монгольскаго плоскогорія наложило на нихъ свою печать и явно проглядывало въ ихъ небрежныхъ и безпечныхъ манерахъ. Они представляли изъ себя говорящихъ громкимъ голосомъ, грубыхъ воиновъ, привыкшихъ къ тяжелымъ условіямъ жизни, склонныхъ задирать тѣхъ, кто стоитъ ниже ихъ, но почтительныхъ къ своимъ начальникамъ.

Караулы цѣпью тянутся, вдоль южныхъ подножій хребта Танну-Ола на протяженіи почти 500 миль. Сами по себѣ они представляютъ собой небольшія поселенія изъ простыхъ войлочныхъ юртъ, обычно употребляемыхъ овцеводами пастухами и только отличаются нѣсколько большими размѣрами. Наименованія этихъ карауловъ, однако, печатаются обычно крупными буквами на картахъ, какъ будто они и на самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя постоянныя поселенія. Благодаря этому путешественникъ можетъ здѣсь легко обмануться въ своихъ расчетахъ, такъ какъ любой караулъ, до котораго онъ рѣшитъ добраться—можетъ легко оказаться перемѣщеннымъ на значительное разстояніе отъ того мѣста, которое по картѣ обозначено его обычнымъ пребываніемъ. Каждое звено въ этой цѣпи сторожевокъ приблизительно опредѣляется въ 30 миль и каж-

„Монгольскій караулъ“ по южному склону хребта Танну-Ола.

дая пятая по счету сторожевка считается важнѣе другихъ, ей предшествующихъ, такъ какъ служитъ резиденціей чиновника, которому подчиненъ контроль надъ четырьмя остальными.

Только на южной сторонѣ хребта Танну-Ола мы впервые очутились въ предѣлахъ настоящаго монгольскаго плоскогорья. Нашъ путь шелъ вдоль южныхъ предгорій на высотѣ, примѣрно, 4500 футовъ надъ уровнемъ моря. Къ югу открывалось пространство, которое тянулось вдаль въ видѣ длиннаго гладкаго склона, вплоть до пониженія, среди котораго расположено озеро Убса, отчетливо бросавшееся въ глаза въ видѣ голубой полосы на желтомъ фонѣ степи. За этимъ озеромъ мѣстность снова превращается въ плоскогорье, изборожденное мѣстами узкими хребтами скалистыхъ холмовъ. Южные склоны Танну-ольскаго хребта не только плохо орошены, но и недостаточно залѣсены. Многія долины здѣсь совершенно безводны, хотя ряды лиственницъ и тополей окаймляютъ все же высохшія русла ихъ былыхъ рѣкъ. Даже и въ предѣлахъ главнаго хребта отдѣльныя пятна лѣса свисаютъ только по склонамъ внутреннихъ долинъ, отличающихся сѣвернымъ характеромъ; всѣ же прочіе выступы несутъ на себѣ явный отпечатокъ недостатка выпадающихъ здѣсь атмосферныхъ осадковъ. Тѣмъ не менѣе мѣста эти все же представляютъ изъ себя, повидимому, хорошія пастбища, такъ какъ мы обнаружили здѣсь, среди долинъ, много монголовъ и огромныя овечьи стада, пасшіяся по южнымъ равнинамъ. Обиліе пастбищъ обязано здѣсь лѣтнимъ дождямъ, которые, хотя и выпадаютъ преимущественно только среди горныхъ хребтовъ, тѣмъ не менѣе не могутъ не оказывать вліянія и на расположенныя на незначительныхъ разстояніяхъ къ югу, прилежащія къ горамъ равнины. Пелена клубистыхъ облаковъ нависаетъ надъ горными хребтами, окружающими бассейнъ озера Убсы, свидѣтельствуя о томъ, что даже и въ Августѣ мѣсяцѣ, эта часть Монголіи отличается сухостью.

Мы теперь находились, наконецъ, въ предѣлахъ такой страны, гдѣ къ нашимъ паспортамъ относились уже съ большимъ почтеніемъ, такъ какъ здѣсь намъ приходилось имѣть дѣло непосредственно съ китайскими властями. Мѣстные на-

чальники отрядили людей намъ въ помощь, транспортъ могъ быть обезпеченъ при условіи заявленія за нѣсколько часовъ и въ нашемъ распоряженіи всегда имѣлся штатъ людей, готовыхъ оказывать намъ различныя услуги и исполнять всевозможныя порученія по первому нашему требованію. Караулъ Боргушайту, на который мы впервые наткнулись и гдѣ намъ пришлось вести переговоры съ монгольской стражей, относится къ числу второстепенныхъ сторожевокъ и тѣмъ не менѣе здѣсь нашъ транспортъ былъ снабженъ двадцатью людьми, тридцатью лошадьми и восемью волами. Въ сопровожденіи такой кавалькады мы поспѣшили перебраться къ главному караулу данной мѣстности, — Бодхонъ-Холою, до котораго и доѣхали въ тотъ же день. Связанныя съ передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто трудности, испытываемыя внутри Енисейскаго бассейна, здѣсь совершенно отсутствуютъ, чему доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что для совершенія нашего перваго перегона вдоль и черезъ отдѣльные выступы хребта Танну-Ола, длиною въ 30 миль, несмотря на тяжелую нагрузку лошадей, потребовалось затратить всего лишь 12 часовъ.

Въ Бодхонъ-Холоѣ мы расположились лагеремъ возлѣ маленькаго глинобитнаго строенія, служащаго резиденціей китайскому приграничному чиновнику. Вангъ-фу, какъ звали этого чиновника, оказался весьма пріятнымъ и прекраснымъ господиномъ. Мы обѣдали у него и онъ приходилъ къ намъ пить чай нѣсколько разъ въ продолженіи нашей остановки по сосѣдству съ его постомъ. Онъ содержалъ цѣлый штатъ людей; его китайскіе слуги и жена были привезены изъ родной его провинціи, а домъ, въ которомъ онъ жилъ, представлялъ изъ себя настоящее миніатюрное китайское зданіе. Подарокъ, который онъ соблаговолилъ намъ преподнести, состоялъ изъ ящичка китайскихъ лакомствъ, которыя, несомнѣнно, получены были изъ столичныхъ городовъ собственно Китая. Онъ угощалъ насъ неуклонно съ соблюденіемъ привычнаго ему, какъ истому жителю Поднебесной Имперіи, этикета.—Вообще этотъ маленькій аванпостъ имперіи производилъ

впечатлѣніе, относительно крупнаго селенія, благодаря наличію китайскихъ торговцевъ, которые лѣтомъ пріѣзжаютъ сюда обычно торговать съ Монголіей, а затѣмъ отправляются отсюда къ монгольскимъ зимнимъ поселеніямъ Уланкома, вблизи Убса-Норъ.

Присутствіе китайскаго чиновника въ Бодхонъ-Холоѣ, обратило на себя наше вниманіе потому, что обстоятельство это, какъ намъ кажется, служитъ доказательствомъ съ какимъ все растущимъ рвеніемъ китайцы стремятся продвигаться все ближе и ближе къ монгольской границѣ съ Сибирью. Вангъ-фу непосредственно подчиненъ губернатору Кобдо, главнаго города сѣверо-западной Монголіи, и его обязанность состоитъ единственно въ охранѣ границы. Онъ попросту является чѣмъ то вродѣ пограничнаго агента. Онъ совершенно не касается монголовъ, которые непосредственно подчинены своимъ собственнымъ ханамъ и входитъ въ соприкосновеніе съ отдѣльными ханствами лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждается въ транспортѣ, или въ помощи мѣстныхъ жителей, какъ для своихъ личныхъ поѣздокъ, такъ и для обезпеченія проѣзда путешественниковъ. Для насъ онъ раздобылъ быковъ и лошадей и старался оказывать намъ посильную помощь; какъ ни какъ, но мы были пріятно удивлены тѣмъ радушіемъ и вниманіемъ, которыя были намъ оказаны при первомъ же нашемъ вступленіи въ предѣлы этого весьма отдаленнаго уголка Поднебесной Имперіи.

Въ теченіе нашей остановки въ „Караулѣ“ мы не преминули заняться изученіемъ его окрестностей. Прайсъ и я поднимались вверхъ по долинѣ Сакліи, чтобы еще разъ взобраться на Танну-ольскій водораздѣлъ. Саклія представляетъ изъ себя типичнѣйшую изъ долинъ, на общемъ фонѣ дренажа южныхъ склоновъ хребта Танну-Ола; ея поверхность довольно просторна и отличается весьма легкимъ уклономъ [1]).

---

[1]) Собственно долина Сакліи служитъ наглядным примѣромъ тому насколько своеобразны здѣсь условія дренажа съ горъ въ предѣлы равнины. Въ верхнемъ теченіи р. Сакліи въ нее вливаются многочисленные притоки, берущіе свое начало въ хребтѣ Танну-Ола, хотя ни одинъ изъ этихъ притоковъ не достигаетъ главной рѣки по земной поверх-

Мы слѣдовали по ней на протяженіи 20 миль, считая отъ Бодхонъ-Холоя самой верхушки перевала и при этомъ не ощущали даже, что такимъ путемъ мы поднимаемся съ 5000 футовой до 8000 футовой высоты надъ уровнемъ моря. Самый перевалъ, расположенный въ верхней части долины, и ведущій къ одному изъ верхнихъ притоковъ Кемчика, раздѣляетъ хребетъ Танну-Ола отъ хребта Саклія. Пройти черезъ этотъ водораздѣлъ оказалось даже гораздо легче нежели черезъ Борашскій перевалъ. Прорывъ въ горахъ шириною до пяти миль, заполненный, правда, гладкими — округленной формы, покрытыми травянымъ ковромъ холмами, тянется здѣсь между двумя указанными хребтами. Съ южной стороны совершенно не встрѣчается никакихъ преградъ, но зато спускъ по сѣверной сторонѣ, какъ намъ показалось, гораздо круче, выраженъ болѣе рѣзко, и ведетъ въ предѣлы дикаго вида всхолмленной страны, что, конечно, не можетъ особенно благопріятствовать развитію торговли при посредствѣ вьючныхъ животныхъ. Въ западной части этого прохода мы взобрались на высоту 10000 футовъ надъ уровнемъ моря и обнаружили при этомъ, что и здѣсь, въ значительной своей части, хребетъ Танну-Ола отличается тоже типичными для него плосковерхими вершинами и терассовидными склонами горъ. Наоборотъ, хребетъ Саклія, расположенный отъ насъ къ югу, рѣзко выдѣлялся своими грубыми, зазубренными шпицами и глубокими долинами, что указываетъ на совершенно иную формацію и возрастъ этого хребта.

ности: всѣ они исчезаютъ подъ поверхностнымъ слоемъ почвы, тотчасъ же по выходѣ ихъ изъ холмистыхъ предѣловъ. Долина состоитъ изъ широкихъ складокъ въ сѣверной своей части, а самая рѣка протекаетъ у подножія холмовъ, которые ограничиваютъ долину съ юга. Въ низовьяхъ рѣки природныя условія рѣзко мѣняются: здѣсь уже не вливается никакихъ ручьевъ съ сѣвера, но зато большое число ихъ несетъ свои воды съ расположеннаго на югѣ саклійскаго горнаго хребта. *Южная* сторона долины поэтому образуетъ гигантскія складки, которыя указываютъ направленіе теченія потоковъ, такъ какъ и здѣсь ни одинъ изъ нихъ не течетъ по земной поверхности. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина, расширяясь, сливается съ открытой степью, вода главной рѣки тоже постепенно начинаетъ теряться подъ поверхностнымъ слоемъ почвы, чтобы затѣмъ снова показаться наружу по достиженіи „Убсинскаго“ водохранилища.

Линія деревьевъ тянется здѣсь вдоль направленія теченія рѣки, но эта линія мѣстами прерывается, что не могло бы имѣть мѣста, если бы самое теченіе рѣки было непрерывнымъ.

Миллеръ, который направился въ предѣлы южной части Саклійскаго хребта, рѣшительно заявлялъ потомъ, что такой суровой страны ему еще никогда раньше не приходилось видѣть. Это заявленіе человѣка, который насчитываетъ въ числѣ своихъ заслугъ—изученіе наиболѣе трудно доступныхъ долинъ Тянь-Шаня, несомнѣнно указываетъ, что въ геологическомъ отношеніи хребетъ Саклія представляетъ по сравненію съ хребтомъ Танну-Ола много особенностей. Приходится также отмѣтить и перемѣну въ фаунѣ, такъ какъ Миллеру въ теченіе его предварительныхъ работъ по съемкѣ этого хребта, неоднократно попадались здѣсь не только стада ибексовъ, но и большія партіи снѣжныхъ пѣтуховъ, два вида животныхъ, наталкиваться на которые намъ до сихъ поръ еще ни разу не приходилось. Этотъ районъ, повидимому, служилъ когда то убѣжищемъ для дикихъ монгольскихъ овецъ, но весьма возможно, что теперь ихъ уже здѣсь больше не водится.

Верхняя половина долины р. Сакліи принадлежитъ урянхайцамъ кемчикскаго племени, которыхъ мы здѣсь встрѣчали въ большомъ количествѣ. Пастбища въ ней обильны и доставляютъ пропитаніе огромнымъ стадамъ овецъ и козъ и немногочисленнымъ лошадямъ и рогатому скоту, выпасомъ которыхъ занимаются владѣльцы этихъ животныхъ, совершенно ничѣмъ не отличающіеся по внѣшнему виду отъ монголовъ нижней части долины; не видѣли мы здѣсь только ни одного верблюда. Саклійская долина должно быть всегда представляла изъ себя, судя по обилію раскиданныхъ по ней могильныхъ холмовъ, испещряющихъ ее на всемъ протяженіи вверхъ отъ „караула“, излюбленную мѣстность. Нѣкоторыя изъ этихъ могилъ отличаются своеобразіемъ формы и вообще обращаютъ на себя вниманіе своей оригинальностью. Кругами изъ камней, діаметромъ до 60 ярдовъ, окружены центральные холмы, заваленные, въ свою очередь, гладкими закругленными камнями. Другимъ придана форма квадрата, но такіе попадаются рѣдко, такъ какъ огромное большинство холмовъ просто представляютъ изъ себя сравнительно небольшія каменныя возвышенія. Нельзя здѣсь не отмѣтить, что послѣднія рѣзко отличаются по своей структурѣ

отъ гигантскихъ земляныхъ кургановъ Минусинской степи, съ ихъ неизбѣжными принадлежностями, въ видѣ отвѣсно поставленныхъ каменныхъ плитъ, и относятся, вѣроятно, къ тому періоду, когда еще монголы, а не урянхайцы, владѣли верхней частью Саклійской долины.

Къ 10 Августа мы всѣ возвратились къ мѣсту стоянки нашего лагеря возлѣ „караула“ и занялись составленіемъ плановъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Наше путешествіе было сорганизовано исключительно въ цѣляхъ изученія и обслѣдованія одного только Урянхайскаго края. Теперь, очутившись за предѣлами означенной страны, передъ нами лицомъ къ лицу открылось совершенно неожиданное пространство Монголіи, которое казалось намъ такимъ интереснымъ и такимъ огромнымъ для производства въ немъ работъ, что мы рѣшительно затруднялись выборомъ пути, по которому лучше всего намъ бы было отправиться въ дальнѣйшее странствованіе. Мы не могли выработать никакихъ иныхъ плановъ, кромѣ одного первоначальнаго нашего намѣренія—пересѣчь сѣверо-западное плоскогоріе внѣшней Монголіи отъ бассейна Верхняго Енисея до Великаго Алтая и затѣмъ, переваливъ послѣдній горный хребетъ, спуститься въ предѣлы низинъ Джунгаріи; но мы очень мало знали объ этомъ районѣ и о его особенностяхъ; въ виду этого, отказавшись отъ опредѣленія заранѣе линіи своего слѣдованія, мы и рѣшили попросту руководствоваться стеченіемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ. Миллеръ, возвратившись съ экскурсіи въ предѣлы Саклійскаго хребта, въ яркихъ краскахъ описывалъ намъ о какомъ-то высокомъ снѣжномъ хребтѣ на югѣ, которымъ ему пришлось любоваться издали съ вершины горы. Позднѣе, когда мы съ нашимъ караваномъ направились по всхолмленнымъ возвышенностямъ въ направленіи къ югу и пересѣкли на своемъ пути горы, раздѣляющія бассейны Убсинскій и Иріунорскій, намъ также удалось увидѣть этотъ отдаленный хребетъ. Великолѣпіе шпилей послѣдняго, его ледники и увѣнчанные льдами вершины заставили насъ поворотить нашихъ монгольскихъ всадниковъ и пуститься по низинамъ въ направленіи къ этому хребту. Первый же взоръ, брошенный нами на

эти вѣчные снѣга пробудилъ въ насъ такое чувство энтузіазма, котораго намъ еще ни разу не приходилось испытывать раньше, и нами овладѣло „жгучее желаніе извѣдать мѣстности, лежащія за его снѣговой линіей“. Съ этого момента единственнымъ нашимъ намѣреніемъ было забраться на эти горныя вершины и оттуда окинуть взглядомъ Монголію. Такимъ образомъ, обязанные случаю, мы узнали о существованіи Тергенской или Кунделунской группы [1]), горнаго массива, поразительно очаровательнаго, занимающаго совершенно исключительное положеніе среди Монгольскаго плоскогорья и крайне интереснаго главнымъ образомъ тѣмъ, что въ его предѣлахъ кочуютъ въ лѣтнее время дурбеты [2])—типичное монгольское племя.

11 Августа мы пустились въ дальнѣйшій путь къ югу по степному пространству, чередовавшемуся съ холмами и представлявшему изъ себя хорошія пастбища; на 3-й день къ вечеру нашъ караванъ, состоявшій изъ лошадей и быковъ, спустился въ предѣлы обильной, богато-орошенной темнозеленой Кунделунской долины, по которой проходитъ дорога черезъ лиственничные лѣса вверхъ къ блестящимъ снѣжнымъ полямъ и высокимъ шпицамъ Тергенскихъ горъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ

---

[1]) Названіе Тергенской группы и ея главнѣйшихъ вершинъ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе: русская 40-верстная карта, служившая вплоть до момента нашихъ межевыхъ работъ единственною образцовою картою всего района, именуетъ словомъ „Тергенъ“ главную сѣверную, а словомъ „Харкиръ“ главную южную вершину группы, оставляя совершенно безымяннымъ весь горный кряжъ какъ таковой. Сами дурбеты всю эту мѣстность обычно называютъ „джуселанъ“, что означаетъ въ переводѣ „лѣтнее убѣжище“, а собственно горы на ихъ языкѣ именуются „менгу-тсасонъ“ или область вѣчныхъ снѣговъ. Главныя рѣки названы по тѣмъ высотамъ, съ которыхъ онѣ берутъ свое начало какъ то—Харкиръ, Тергенъ. Наименованіе Тергенъ, однако, пріурочивается только къ одному самому верхнему притоку, тогда какъ остальное теченіе рѣки называется Кунделунъ, по имени куріи, называющейся „Кунде“. Омываемая послѣдней рѣкой долина, вѣроятно, представляетъ изъ себя не только самую большую долину, расположенную въ предѣлахъ разсматриваемаго хребта, но, пожалуй, и самую важную, т. к. здѣсь находится резиденція Далай-Хана и религіозное общежитіе туземцевъ. Поэтому мы и придали этимъ горамъ еще второстепенное наименованіе Кунделунскія, назвавъ этимъ же именемъ и одну до сего времени не имѣвшую наименованія вершину.

[2]) Это наименованіе различными авторами пишется различно. Племя это называютъ дарбетами, дорботами или дурбетами, оно относится къ западной вѣтви монголовъ и первоначально составляло лишь часть племенной группы, объединявшей также джунгаровъ и хойтовъ, причемъ тогда эта племенная группа носила общее родовое наименованіе—чоросы.

рѣка выходитъ изъ предѣловъ ограниченной по бокамъ отвѣсными горами узкой горной долины, оказалась большая курія, носящая наименованіе „куріи Кунде“ съ неизбѣжнымъ при ней убѣжищемъ для ламъ. Нѣсколько ниже, тамъ, гдѣ долина, расширяясь, превращается уже въ настоящее луговое пространство, сгруппировались большія войлочныя палатки бѣлаго цвѣта, принадлежащія Далай-Хану или „Великому вождю“, наслѣдному князю дюрбетскаго племени. Большое число окружавшихъ ихъ юртъ, стада яковъ и овецъ и табуны лошадей, свидѣтельствовали о наличіи здѣсь крупнаго поселенія. Равнымъ образомъ здѣсь же, какъ это обычно можно наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточенно живутъ люди, намъ бросились въ глаза памятники былыхъ въ этой мѣстности народженій. Погребальные курганы самаго оригинальнаго вида, а также каменныя изображенія длинноголовыхъ монгольскихъ вождей усѣиваютъ разсматриваемую часть Кунделунской долины, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что она издавна уже служила важнымъ лѣтнимъ убѣжищемъ для туземцевъ.

Окрестности этой долины отличаются исключительной красотой и очарованіемъ. Лагери номадовъ ютятся среди зеленой муравы, возлѣ прозрачно-бѣлѣвшихъ, быстро текущихъ по своему скалистому ложу ледниковыхъ ручьевъ. Холмы внизу, служащіе овечьими пастбищами, постепенно возвышаясь, покрываются по склонамъ—лѣсами и ихъ прорѣзаютъ, въ видѣ трещинъ, узкія долины, открывающія путешественнику видъ на лежащія за ними скалистыя, покрытыя снѣгомъ пространства. Стада и табуны, скачущіе взадъ и впередъ всадники и важно прохаживающіеся ламы, оживляли Кунделунскую долину и несомнѣнно свидѣтельствовали о ея крупномъ значеніи въ жизни туземцевъ. Роскошь ландшафта, разрѣженный воздухъ мѣстности, лежащей на высотѣ 6000 фут. надъ уровнемъ моря и наличіе типичнаго племени, принадлежащаго когда-то могущественнымъ монголамъ и представляющаго остатки расы, когда-то заставлявшей трепетать весь западъ—дѣйствовали на наше воображеніе и преисполняли насъ страстнымъ желаніемъ постичь во что бы то ни стало и разгадать загадочность всего того, что насъ окружало.

Стадъ „яковъ“ въ Тергенскихъ горахъ.

Намъ пришлось выполнить обычную церемонію вѣжливости по отношенію къ Далай-Хану. Верховые посланцы послѣдняго нѣсколько разъ проскакали взадъ и впередъ отъ мѣста расположенія нашего лагеря возлѣ рѣки къ бѣловерхой юртѣ вождя. Явившаяся къ намъ первая депутація привезла съ собою голубые шелковые шарфы [1])—какъ бы въ знакъ уваженія къ намъ и приступила къ подробнымъ разспросамъ—кто мы такіе и что у насъ имѣется для продажи. Единственными чужеземцами, посѣщавшими до насъ эти районы, и о которыхъ поэтому только и имѣли понятіе и съ которыми только и совершали до сихъ поръ сдѣлки туземцы—были сибирскіе торговцы, ежегодно объѣзжающіе монгольскія становища, съ цѣлью обмѣна русскихъ товаровъ на кожи, шерсть и мѣха. Велико было изумленіе этихъ номадовъ, когда мы заявили имъ вдругъ, что мы не только не русскіе, но и ничего не имѣемъ для продажи. О томъ, что мы явились изъ страны, лежащей не только за границами Сибири, но даже внѣ предѣловъ Россіи, съ острова, расположеннаго среди моря, намъ удалось втолковать имъ лишь путемъ сравненія нашей родины съ Японіей, о которой они кое-что знали. Тѣмъ не менѣе, все же большое смущеніе вызвало въ нихъ наше заявленіе о томъ, что мы не состоимъ въ подданствѣ русскому царю. Этого они никакъ не могли понять, такъ какъ по ихъ представленіямъ, всѣ бѣлокожіе люди, если только они не китайцы, должны быть непремѣнно русскими.

Монголы эти такъ и не разгадали—кто же мы такіе, но въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ нашего углубленія къ западу страны, нѣкоторые ламы, имѣвшіе новѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Лхассѣ и о бѣгствѣ Далай-Ламы въ Индію, узнали въ насъ „Инглисовъ“, правителей Индостана, и не преминули немедленно же забросать насъ вопросами о томъ—гдѣ же находится теперь Далай-Лама и собирается ли онъ снова возвратиться въ

---

[1]) Означенные, прекрасно вытканные куски голубого шелка, называемые „хаттаками“, употребляются на всемъ пространствѣ Монголіи въ качествѣ мѣнового знака. Ихъ же дарятъ и ими же украшаютъ священныя изображенія. Каждый монголъ, обращаясь съ ходатайствомъ къ крупному чиновнику, считаетъ своею обязанностью непремѣнно прежде всего преподнести послѣднему одинъ изъ такихъ „хаттаковъ“.

Тибетъ. Религія обладаетъ свойствомъ оказывать самое существенное вліяніе на расширеніе круга идей. Только ламы знаютъ здѣсь о существованіи другихъ странъ кромѣ Монголіи, но даже и ихъ знаніе внѣшняго міра не простирается далѣе Лхассы и Урги. Въ этомъ отношеніи, любопытно также отмѣтить, что и среди представителей мусульманскихъ скотоводческихъ племенъ, которыхъ мы здѣсь впервые встрѣтили въ предѣлахъ сѣверо-западной Монголіи, запасъ познаній о внѣшнемъ мірѣ всецѣло зависитъ отъ степени религіознаго рвенія, подъ вліяніемъ котораго они и предпринимаютъ свои паломническія путешествія въ Мекку. Старые „ходжи“, встрѣченные нами здѣсь, кое-что слыхали объ Англіи, но совершенно не представляли себѣ мѣста расположенія нашего отечества, и знали только, что оно гдѣ-то находится далѣе къ западу отъ Стамбула.

Далай-Ханъ былъ нездоровъ во время нашей остановки въ мѣстѣ его жительства. Сперва мы рѣшили, что это просто благовидный предлогъ съ его стороны избѣжать всякихъ безпокойствъ по пріему и по отдачѣ намъ необходимыхъ визитовъ. Но вскорѣ убѣдились, къ сожалѣнію, въ ошибочности нашего подозрѣнія. Въ убѣжищахъ для ламъ надрывались изо всѣхъ силъ, чтобы изгнать и зачурать его болѣзнь; ламы цѣлые дни проводили въ томъ, что взадъ и впередъ бродили между храмами и палаткою своего вождя, и звуки ихъ унылыхъ пѣснопѣній доносились черезъ отдѣлявшую насъ отъ нихъ луговину. Такимъ образомъ намъ такъ и не удалось увидѣть хана, о чемъ мы весьма сожалѣемъ, такъ какъ онъ представляетъ изъ себя рѣдкій типъ наслѣдственнаго князя древняго рода, родоначальникомъ коего считается самъ великій Чингизъ-Ханъ.

Однажды вечеромъ насъ посѣтили два его сына, по которымъ мы могли составить себѣ представленіе о наличіи среди монголовъ, также и людей знатнаго происхожденія. Привыкнувъ до сего времени въ своихъ сношеніяхъ, сталкиваться только съ туземной чернью, или собственно пастухами, съ грубыми воинами и первобытными охотниками, въ насъ само собою разумѣется, сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что монголы должны быть обязательно нескладно сложенными, грубыми,

плохо воспитанными, уродливыми и съ морщинами на лицѣ, но эти два монгольскихъ аристократа поразили насъ своей безусловной породистостью и манерой держаться. Средняго роста, стройные, съ чистыми, ясно выраженными чертами лица, мягкой, смуглой оливковаго цвѣта кожей и маленькими руками, они составляли поразительный контрастъ по сравненію со своими провожатыми. Они отличались изысканностью, вѣжливостью въ обращеніи и крайней любезностью, присущими лишь монголамъ, привыкшимъ повелѣвать. Они осмотрѣли всѣ наши принадлежности, особенно заинтересовались нашими записками и фотографическими камерами и мы разстались съ ними лучшими друзьями. Несомнѣнно въ монголахъ живъ еще до сего времени былой ихъ „духъ“, если только объ этомъ можно судить по описаннымъ нами двумъ ихъ родовитымъ представителямъ; въ послѣднихъ мы отнюдь не обнаружили никакихъ признаковъ вырожденія. Если бы только сумѣть помочь монгольскимъ ханамъ въ опредѣленномъ направленіи, они, конечно, не преминули бы использовать свое могущество для блага подвластной имъ націи. Какъ разъ теперь происходитъ движеніе въ странѣ и если этимъ номадамъ удастся организовать свое войско и вернуть себѣ прежнее самоуправленіе, они конечно смогутъ возстановить и былую свою независимость.

Мы уже раньше упоминали о куріи и о ламахъ, составляющихъ такой значительный процентъ представителей религіи среди туземнаго населенія; эти представители, по отношенію къ прочему населенію въ Монголіи, еще болѣе многочисленны и болѣе рѣзко выдѣляются нежели въ Урянхаѣ—въ бассейнѣ Верхняго Енисея. Ламаизмъ и присущее ему вредное вліяніе. представляютъ изъ себя въ особенности интересную проблему въ отношеніи монголовъ; въ слѣдующей главѣ, въ которой будетъ идти рѣчь о вліяніи ламаизма на монгольскую расу въ прошломъ, будетъ сдѣлана также попытка освѣтить и современное состояніе монголовъ, все еще находящихся подъ этимъ вліяніемъ.

Курія представляла изъ себя крупное, пышно разрисованное деревянное зданіе, построенное въ смѣшанномъ русско-ки-

тайскомъ стилѣ и обнесенное высокимъ частоколомъ изъ лиственничныхъ жердей. Возлѣ нея были расположены—6 другихъ храмовъ, много разныхъ строеній и безчисленное количество отгороженныхъ мѣстъ, внутри которыхъ были разставлены обыкновеннаго вида юрты, служащія обиталищами ламамъ. Монголъ всегда предпочитаетъ пользоваться своей войлочной палаткой, даже и тогда, когда онъ живетъ осѣдло въ какомъ-нибудь устроенномъ поселеніи. Внѣ этихъ священныхъ предѣловъ—стояло нѣсколько домиковъ, принадлежавшихъ китайскимъ купцамъ, которые ведутъ здѣсь оживленную торговлю съ туземцами—сбывая послѣднимъ предметы одежды, трубки, нюхательный табакъ, чай, табакъ курительный и женскія украшенія. Совсѣмъ рядомъ находился также дворецъ Далай-Хана, представляющій построенное изъ кирпича зданіе, чистѣйшей китайской архитектуры. Однако, вождь никогда не живетъ въ этомъ дворцѣ, предпочитая подобно своимъ сородичамъ, пользоваться привычной ему палаткой; дворецъ этотъ, какъ намъ сообщили, полонъ разныхъ старинныхъ книгъ, оружія, благовонныхъ мазей и *сокровищъ*! На значительномъ разстояніи отъ грязныхъ кварталовъ, населенныхъ ламами (даже и въ томъ случаѣ, когда номады переходятъ къ осѣдлости, среди нихъ не наблюдается стремленія сдѣлаться чистоплотными и они не пытаются улучшать санитарныхъ условій жизни) мы замѣтили нѣсколько юртъ, принадлежащихъ одному русскому торговцу. Послѣдній со своей женой, ведетъ оригинальный образъ жизни, переѣзжая отъ одного монгольскаго становища къ другому и устраиваясь осѣдло лишь на время лѣтнихъ мѣсяцевъ, возлѣ главныхъ лѣтовокъ племени и вступая въ торговыя сношенія со всѣми монголами, съ которыми ему при его странствованіи приходится встрѣчаться. На зиму онъ съ женой возвращается въ свой Бійскъ, въ предѣлы южнаго Алтая, съ тѣмъ чтобы пополнить запасы торговыхъ товаровъ и доставить на сибирскіе рынки добычу въ видѣ кожъ, шерсти и мѣховъ. Юрты этого торговца оказались наполовину наполненными шкурками сурковъ, которые, какъ мы думаемъ составляютъ главные виды промысловой добычи монгольскихъ охотниковъ.

Типичное каменное изваяніе въ Монголіи.

Хотя Ханъ племени и былъ боленъ и не могъ лично вести съ нами переговоровъ, онъ все же прислалъ, по своей собственной иниціативѣ, нѣсколько человѣкъ для оказанія намъ разныхъ услугъ и охотно снабдилъ насъ всѣмъ необходимымъ для нашего дальнѣйшаго путешествія. Мы обмѣнялись съ нимъ многочисленными подарками. Овцы здѣсь совершенно обезцѣнены и такъ какъ ихъ мы регулярно получали ежедневно въ видѣ подарка, у насъ всегда имѣлся большой запасъ этихъ животныхъ, привязанныхъ въ хвостѣ каравана и покорно ожидающихъ своей печальной участи. Въ числѣ подарковъ, присланныхъ Ханомъ, оказалось, между прочимъ, и монгольское сѣдло, на которомъ я и совершилъ затѣмъ весь мой переходъ вплоть до Кашмира. Въ свою очередь съ нашей стороны въ числѣ преподнесенныхъ Хану подарковъ преобладали: свертки шелковой матеріи, синій бархатъ, бутылки съ водкой и разноцвѣтныя бусы.

Районъ, въ которомъ мы находились представляется крайне характернымъ на всемъ пространствѣ сѣверной Монголіи, такъ какъ Тергенскія возвышенности служатъ типичнымъ лѣтнимъ убѣжищемъ монголовъ. Вся сѣверо-западная Монголія, частью которой въ политическомъ отношеніи является этотъ округъ, раздѣлена на племенныя пространства, числомъ до тридцати восьми и всѣ онѣ принадлежатъ и до сихъ поръ находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ независимыхъ наслѣдственныхъ хановъ. Китай сохраняетъ сюзеренитетъ надъ всей этой страною взятой въ цѣломъ [1]), причемъ особо назначенное должностное лицо военный генералъ-губернаторъ, штабъ квартира котораго находится въ Улясутаѣ, служитъ лишь посредникомъ между упомянутыми ханами и китайскимъ императоромъ [2]).

---

[1]) Всѣ сообщенія касающіяся политическаго и административнаго положенія дѣлъ въ Монголіи, изложенныя нами въ настоящей главѣ, пріурочены только къ концу 1911 г.

[2]) Вся внѣшняя Монголія раздѣлена на 2 административныхъ единицы. Въ Ургѣ проживаетъ китайскій императорскій чиновникъ, который управляетъ восточными подотдѣлами халхасскихъ племенъ, тогда какъ въ Улясутаѣ находится резиденція военнаго губернатора (или Дзянь-дзюня), которому поручено контролировать дѣла народовъ западной Халхи, охватывающихъ 38 племенныхъ подраздѣленій монголовъ и Урянхайскій народъ. Общее же административное управленіе всей внѣшней Монголіи находится въ рукахъ высшаго центральнаго управленія въ Пекинѣ.

Дурбетскій кланъ составляетъ одно изъ указанныхъ выше 38 подраздѣленій и занимаетъ очень значительное пространство богатой и пограничной земельной площади, а Ханъ этого клана пользуется почетной приставкой „далай", означающей, что въ ряду прочихъ монгольскихъ племенъ, дурбетскому клану принадлежитъ выдающееся мѣсто.

Согласно утвержденію Владимірцева, русскаго путешественника, посѣтившаго дурбетовъ въ 1908 г. племя это раздѣляется на 6 „хошуновъ" или административныхъ группъ, причемъ каждая изъ этихъ группъ управляется своими наслѣдственными князьями, носящими только различные титулы и отличающимися другъ отъ друга рангами. Первымъ по порядку является Далай-Ханъ, который правитъ всей западной частью страны дурбетовъ. Второе подраздѣленіе находится въ завѣдываніи Ванга, управляющаго дѣлами восточной части страны. Ниже этихъ двухъ хановъ по рангу—остальные четыре младшихъ дурбетскихъ вождя. Старинный правящій родъ дурбетовъ въ настоящее время уже прекратился и современный ханъ—пріемышъ послѣдняго представителя линіи наслѣдственныхъ Далай-хановъ Дурбетскихъ. Тѣмъ не менѣе ему присвоены полностью какъ титулъ, такъ и права прежнихъ Далай-хановъ, а его 6 сыновей несутъ обязанности вождей—управителей племени.

Въ грубыхъ цифрахъ дурбеты владѣютъ 16.000 кв. милл. страны, составляющихъ въ общемъ районъ весьма благопріятный для скотоводства, и потому плотнѣе чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Монголіи населенный кочевниками. Дурбетская территорія простирается отъ озера Убсы до горъ Малаго Алтая и охватываетъ цѣликомъ всю Тергенскую горную группу, а также Барменскія горы и южную часть Сайлюгемскаго хребта, не считая въ томъ числѣ промежуточныхъ равнинъ и плоскогорій. На сѣверѣ линія монгольскихъ карауловъ опредѣляетъ границу Дурбетскихъ владѣній и Урянхайскаго края, а на югѣ верхнее теченіе р. Кобдо и оз. Киргизъ-Норъ грубо намѣчаютъ предѣлы распространенія дурбетовъ къ югу. Озера Убса, Ургу и Ашитъ-Норъ цѣликомъ находятся въ предѣлахъ страны дурбе-

товъ. Изъ всего указаннаго пространства треть, составляющая западную часть страны, заключающую въ себѣ бассейнъ озера Ашитъ-Норъ и половину Тергенской горной группы, принадлежитъ Далай-Хану, тогда какъ остальныя двѣ трети, составляющія восточную часть страны, заключающую въ себѣ восточные склоны Тергенскихъ горъ и Убсинскій бассейнъ находятся подъ управленіемъ Ванга. Резиденціей Далай-Хана служитъ Кунделунская долина, гдѣ зимовкой его является вышеупомянутое поселеніе при куріи Кунде, а лѣтомъ онъ живетъ здѣсь въ смежной съ послѣднимъ поселеніемъ части долины. Вангъ—въ зимнее время проживаетъ въ Уланкомѣ, а на лѣто перебирается въ предѣлы Харкирской долины, гдѣ раскинулась главная оросительная система восточной половины горнаго хребта.

Такимъ образомъ, земля дурбетовъ разбита на двѣ главныхъ административныхъ группы. Мы лично имѣли случай посѣтить одного только Далай-Хана и намъ не пришлось войти въ соприкосновеніе съ Вангомъ. Для того, однако, чтобы дать полное описаніе страны дурбетовъ, я рѣшился включить въ мою работу также подробности объ округѣ Ванга, заимствовавъ ихъ изъ трудовъ Потанина и изъ современныхъ наблюденій Владимірцева.

Дурбетская территорія отличается разнообразіемъ какъ климатическихъ, такъ и физико-географическихъ условій. Представители племени дурбетовъ, благодаря своей близости къ низко лежащимъ бассейнамъ озеръ Уоса-Норъ и Киргизъ-Норъ, располагаютъ весьма удобными зимними убѣжищами. Уланкомъ, незначительное поселеніе, расположенное къ юго-западу отъ Убса-Норъ, служитъ главной зимовкой подданныхъ Ванга и, находясь на прямой дорогѣ, соединяющей Кобдо съ Енисейскимъ райономъ Сибири, помимо того играетъ роль передаточнаго пункта проходящихъ черезъ него транзитомъ товаровъ. Уланкомъ, согласно имѣющихся о немъ свѣдѣній (сами мы не имѣли возможности посѣтить его), является важнымъ торговымъ центромъ всего Убсинскаго бассейна, заключающаго въ себѣ не только хорошо населенную долину Тесса, но также и

цѣлый рядъ дурбетскихъ отдѣльныхъ стойбищъ. Онъ расположенъ въ районѣ, обезпечивающемъ существованіе значительнаго кочевого населенія и на всемъ пространствѣ, вплоть до Кобдо и Улясутая, не имѣетъ равныхъ себѣ соперниковъ въ торговлѣ. Поэтому Уланкомъ является важной экономической единицей всего разсматриваемаго округа, и его значеніе несомнѣнно могло бы еще и, трудно сказать до какихъ предѣловъ, возрасти, если бы въ одинъ прекрасный день торговый путь черезъ Кемчикскую и Абаканскую долины былъ приведенъ въ удовлетворительное состояніе, что дало бы возможность безпрепятственно пользоваться имъ наиболѣе предпріимчивымъ торговцамъ. Потанинъ отмѣчаетъ, что въ Уланкомѣ находятся величайшія по всей Монголіи кладбища, состоящія изъ старыхъ могилъ и погребальныхъ оградъ, свидѣтельствующія о томъ, что мѣстность эта всегда, повидимому, служила центромъ монгольской жизни.

Въ настоящее время въ Уланкомѣ живутъ нѣсколько китайскихъ и русскихъ торговцевъ, и значительное количество дурбетовъ, численность которыхъ увеличивается въ зимнее время, такъ какъ кочевники привыкли зимою сосредоточиваться на низкихъ, а потому сравнительно теплыхъ берегахъ озера Убса, гдѣ помимо того солончаковыя пастбища обезпечиваютъ ихъ стада зимними кормами. Наличіе домовъ, принадлежащихъ указаннымъ выше торговцамъ, а также резиденція Ванга дурбетскаго представляютъ изъ себя чистаго китайскаго вида постройку, и придаютъ Уланкому, въ глазахъ привыкшихъ къ обитанію въ палаткахъ кочевниковъ, значеніе какъ бы города. Послѣдній не терпитъ недостатка и въ водѣ, потому что стекающій съ ледниковъ и снѣжныхъ полей Тергенскихъ горъ скрытый подъ землею потокъ, по выходѣ изъ горныхъ предѣловъ, какъ разъ возлѣ Уланкома, просачивается вверхъ на земную поверхность и способствуетъ образованію здѣсь прекрасныхъ луговыхъ и даже заболоченныхъ пространствъ. Здѣсь можно наблюдать робкія попытки населенія заниматься земледѣліемъ, такъ какъ благопріятныя условія способствуютъ въ этой мѣстности вызрѣванію пшеницы и овса; кочевники нахо-

дятъ, однако, болѣе выгоднымъ для себя, въ виду засоленности, въ общемъ, почвы, использовать здѣсь пастбища для откармливанія своихъ огромныхъ овечьихъ стадъ.

Не менѣе хорошо обезпечены дурбеты и лѣтними пастбищами, такъ какъ въ предѣлахъ принадлежащей имъ территоріи находятся прекрасныя Тергенскія горы, 1000 квадратныхъ миль которыхъ, занятыя травянистыми холмами, залѣсенными долинами и блестящими альпійскими пастбищами, образуютъ идеальныя условія для лѣтованія кочевниковъ съ ихъ стадами. Прохладныя возвышенности служатъ убѣжищемъ лошадямъ кочевниковъ отъ назойливыхъ нападеній мушиныхъ роевъ и въ то же время здѣсь же эти лошади имѣютъ возможность кормиться самыми питательными сортами травы; по этимъ же пространствамъ бродятъ стада яковъ, совершенно невыносящихъ жары, наличіе которыхъ здѣсь убѣждаетъ насъ въ томъ, что мѣстность эта представляется въ высокой степени, подходящей для обитанія означенныхъ любопытныхъ животныхъ, для которыхъ эти горы, служатъ крайней сѣверной границей ихъ распространенія[1]); здѣсь же благоденствуютъ и нагуливаютъ себѣ великолѣпную шерсть огромныя стада овецъ, составляющія главный источникъ благосостоянія монголовъ.

---

[1]) Яки (Bos grunniens), согласно утвержденію Клеменца, являются единственными домашними животными племени даркатовъ, обитающихъ въ предѣлахъ района, прилежащаго къ озеру Коссоголу. Послѣдній районъ, при этихъ условіяхъ, нужно считать собственно наиболѣе сѣвернымъ предѣломъ распространенія этого вида животныхъ. Яковъ не имѣется внутри бассейна Верхняго Енисея. Мѣстообиталище ихъ въ разсматриваемой отдѣльной труппѣ монгольскихъ горъ, представляется вполнѣ изолированнымъ и совершенно отрѣзаннымъ отъ прочихъ мѣстностей центральной Азіи, гдѣ еще водятся яки. Они встрѣчаются въ Тергенскихъ горахъ и въ предѣлахъ восточнаго Алтая. Въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи мы встрѣтили ихъ въ Карликъ-тагскихъ горахъ въ самомъ удаленномъ восточномъ концѣ Тянь-Шанской системы, въ мѣстности, которую отдѣляетъ отъ Тергенскихъ горъ 500 миль степей и пустынь. Здѣсь, однако, ихъ очень немного и крупное количество этихъ животныхъ мы увидѣли не раньше чѣмъ достигли настоящаго мѣста природнаго ихъ обитанія—Малаго Тибета. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ нигдѣ въ Монголіи не имѣется яковъ въ дикомъ состояніи. Любопытно отмѣтить при этомъ, что первые путешественники въ эти предѣлы, Ребрекъ (Rubruck) и Карпини (Carpini), совершенно не упоминаютъ о якахъ, говоря о Монголіи, но Ребрекъ, однако, по слухамъ, описываетъ ихъ водящимися въ странѣ тангутовъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, гдѣ, какъ онъ увѣряетъ „моулы“ („Moul“)—монголы употребляютъ ихъ для перевозокъ своихъ огромныхъ жилищъ, устраиваемыхъ на повозкахъ.

Дурбеты хорошо обезпечены доставшеюся имъ территоріей. Въ ихъ распоряженіи имѣются какъ равнины, такъ и плоскогорія. За Тергенскими горами по направленію къ западу принадлежащая дурбетамъ территорія тянется еще на сотни миль, причемъ большая часть означенныхъ пространствъ представляетъ изъ себя настоящія кочевыя угодья, вполнѣ пригодныя для выпаса неограниченнаго количества стадъ. Здѣсь встрѣчаются рѣки, озера и скрытыя долины, служащія вѣрными убѣжищами номадамъ отъ рѣзкихъ вѣтровъ и бурановъ. Наконецъ, не можетъ быть также обойдено молчаніемъ и то обстоятельство, что дурбетская территорія служитъ главнымъ соединительнымъ звеномъ между Монголіей и Сибирью, въ виду чего для дурбетовъ значительно облегчена возможность сбыта ихъ продуктовъ, по сравненію съ прочими племенами, обитающими въ предѣлахъ отдаленныхъ районовъ.

Тергенскія горы, фактическое мѣстообиталище племени, представляютъ изъ себя наиболѣе поразительную особенность всей западной Монголіи. Здѣсь надъ залѣсенными долинами и травянистыми плоскогоріями съ гордымъ величіемъ вздымаются снѣжныя вершины горъ. Откуда ни посмотрѣть, на разстояніи многихъ дней пути, неизмѣнно будетъ бросаться здѣсь въ глаза главная вершина хребта, издали кажущаяся ледянымъ конусомъ, и возвышающаяся на 13000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ теченіе нѣсколькихъ дней моихъ межевыхъ работъ я постоянно пользовался этой вершиной, какъ исходной и опредѣленной точкой моего планшета; она ни разу не терялась изъ вида и всегда выручала меня въ минуты затрудненій. Съ этихъ возвышенностей можно смѣло любоваться безграничными, окружающими ихъ пространствами и сразу, однимъ взглядомъ, окидывать три раздѣльныхъ, самостоятельныхъ водныхъ бассейна, образуемыхъ озерами Иріу, Ашитъ и Убса. Между тѣмъ Тергенскій хребетъ служитъ фактически частью водораздѣла системъ указанныхъ трехъ бассейновъ, а его растопляемые снѣга стекаютъ въ соотвѣтствующихъ пропорціяхъ въ предѣлы бассейновъ Убсы и Кобдо. Узеро Убса расположено въ видѣ бирюзоваго моря среди степи цвѣта охры, представляя изъ

себя чистѣйшаго вида озеро пустыни, берега котораго обезпечиваютъ, однако, существованіе, въ опредѣленные времена года, довольно значительному населенію. Сравнительно небольшой бассейнъ озера Уріу-Норъ тянется смежно съ суровыми и крутыми вершинами Саклійскаго хребта въ сѣверо-западномъ направленіи, тогда какъ Ашитъ-Норъ представляетъ изъ себя чистѣйшее плоскогорное озеро, расположенное на высотѣ 4600 футовъ надъ уровнемъ моря, выводнымъ протокомъ котораго къ югу, служитъ р. Кобдо, впадающая въ своемъ конечномъ пунктѣ въ озеро Киргизъ-Норъ.

Тергенская горная группа въ грубыхъ цифрахъ охватываетъ площадь 3500 кв. миль, занимая, такимъ образомъ, $^1/_5$ часть всей дурбетской территоріи. Орографически горный массивъ этотъ соединенъ съ Сайлюгемскимъ концомъ, Алтайской горной системы, плоскогорнаго характера хребтомъ, называемымъ Барменскимъ, а также и съ хребтомъ Саклійскимъ, при посредствѣ значительно пониженной впадины. Въ направленіи къ югу передовые холмы Тергенскихъ горъ выдаются далеко впередъ и теряются среди однообразнаго волнистаго плоскогорія, тянущагося на протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль вплоть до Великаго Алтая. Представляя изъ себя альпійскаго характера увѣнчанные снѣгомъ горы, Тергенскій кряжъ уединенно и рѣзко возвышается надъ окружающими его со всѣхъ сторонъ степными пространствами и пустынями.

Тѣмъ, что горы эти отличаются особой привлекательностью и являются родиной дюрбетскаго племени, объясняется тотъ фактъ, что въ ихъ предѣлы заглядывало нѣсколько изслѣдователей. Въ числѣ послѣднихъ, однако, кромѣ Аткинсона, кстати вовсе объ этихъ горахъ не упоминающаго, мы не встрѣчаемъ ни одного англичанина, который бы не только рѣшился взглянуть на непротоптанныя еще здѣсь снѣжныя поля, но хотя бы ограничился осмотромъ расположенныхъ внизу прекраснаго вида долинъ. Рекогносцировочно районъ этотъ обслѣдованъ русскими путешественниками, которымъ мы и обязаны тѣми общаго характера свѣдѣніями о физіографіи Тергенскаго хребта, которыми до сихъ поръ располагали, но и изъ числа этихъ

путешественниковъ только однимъ, на сколько мы можемъ судить объ этомъ, была сдѣлана попытка забраться на вершины этого хребта, а вѣрнѣе заглянуть въ расположенныя въ верхнихъ его ярусахъ долины. Имя этого путешественника—Потанинъ, о трудахъ и изслѣдованіяхъ котораго нами уже упоминалось и комментировалось выше во введеніи. Между 1876—1879 гг. Потанинъ, повидимому, неоднократно посѣщалъ Тергенскій хребетъ, или, во всякомъ случаѣ, его окрестности, но хотя онъ и приводитъ детальное описаніе произведенныхъ имъ здѣсь по отдѣльнымъ днямъ работъ, все же этимъ описаніямъ недостаетъ сколько-нибудь исчерпывающей обобщающей сводки свѣдѣній, какъ о самомъ хребтѣ, такъ и его обитателяхъ. Труды Потанина исключительно охватываютъ восточные склоны хребта,—и именно Харкирскую долину; поэтому то западная и южная части хребта до самаго послѣдняго времени, оставались совершенно неизвѣстными. Прочіе путешественники въ предѣлы Тергенскихъ горъ ограничивались попросту тѣмъ, что проходили по слѣдамъ Потанина, въ виду чего все то, что мы до сихъ поръ знали объ этомъ районѣ, обязано только трудамъ или самого Потанина, или его непосредственныхъ спутниковъ. Западная и юго-западная части хребта настойчиво требовали отъ насъ вниманія и какъ бы напрашивались сами подъ изслѣдованіе. Это заставило насъ заняться, пока мы находились въ предѣлахъ прелестной Кунделунской долины, выработкой плана работъ по изученію какъ горныхъ высотъ, взгромождающихся возлѣ истоковъ рѣкъ Кунделуна и Тергена, такъ и всей западной половины хребта, спускающаго свои воды къ озеру Ашитъ-Норъ.

На нашу просьбу обезпечить насъ перевозочными средствами, Далай-Ханъ отозвался очень любезно, назначивъ спеціальное должностное лицо, которому и было особо поручено прислуживать намъ и снабжать насъ всѣмъ тѣмъ, въ чемъ мы только нуждались. На наше ходатайство о 12 быкахъ—немедленно было отвѣчено пригономъ этихъ животныхъ, вмѣстѣ съ которыми въ наше распоряженіе было предоставлено также нѣсколько верховыхъ лошадей и цѣлый штатъ монгольскихъ прислужниковъ. Слово этого „царскаго посланца“—было закономъ на всемъ

пространствѣ страны. Въ качествѣ отличительнаго знака своего ранга и въ подтвержденіе предоставленныхъ ему для исполненія спеціальныхъ полномочій Ханомъ, на головѣ этого посланца была надѣта шляпа, которую обычно носятъ китайскіе чиновники. Если ему нужно было временно передать завѣдываніе нашими дѣлами другому какому либо лицу, онъ просто мѣнялся съ послѣднимъ шляпами. На комъ надѣта эта шляпа, тотъ и имѣетъ право распоряжаться, требовать пищу и пріютъ въ любомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни очутился. Внѣ сомнѣнія эти правомочныя лица полностью используютъ предоставленную имъ такимъ путемъ свободу обязывать въ своихъ интересахъ другихъ людей и живутъ, вѣроятно, не дурно.

Такое даровое снабженіе средствами для транспорта по Монголіи было для насъ полной неожиданностью и мы настойчиво старались торговаться съ монголами относительно ихъ жалованья, тѣмъ самымъ пытаясь показать имъ, что вовсе не желаемъ требовать отъ нихъ услугъ по праву. Однако, намъ скоро же пришлось убѣдиться въ томъ, что обычай страны уполномочивалъ насъ, въ качествѣ чужеземцевъ, пользоваться въ полной мѣрѣ всѣми вьючными животными. При иныхъ условіяхъ и не могутъ передвигаться путешественники по этой обширной странѣ, гдѣ лошадей больше чѣмъ людей, и гдѣ за лошадь запрашивается обычно столько же, сколько у насъ на родинѣ стоитъ одна спичка. Больше того, обезпеченіе средствами транспорта составляетъ, по мнѣнію китайскихъ управителей, какъ бы налоговую повинность туземцевъ. Любому человѣку здѣсь можетъ быть предложено предоставить лошадей, быковъ, или верблюдовъ, чтобы обезпечить проѣздъ чиновниковъ и ихъ свитѣ до слѣдующаго поселенія, гдѣ происходитъ обычно новая такая же смѣна, т. е. появляются на сцену животныя, пріуроченныя къ этой новой мѣстности.

Наши пекинскіе паспорта обезпечивали намъ возможность путешествовать на правахъ китайскихъ чиновниковъ и къ намъ вездѣ относились съ большимъ почтеніемъ. Цѣной нѣсколькихъ полезныхъ подарковъ, предложенныхъ нами вождю, мы могли располагать даровыми услугами безчисленнаго количества людей

и лошадей. Далай-Ханъ приказалъ своимъ людямъ слѣдовать съ нами до границы его владѣній, и эти люди, въ свою очередь, находили для услугъ намъ новыхъ людей и новыхъ лошадей. Намъ просто достаточно было заявить, что требуется столько-то и столько-то лошадей, верблюдовъ или быковъ, и послѣдніе немедленно появлялись. Обычно насъ сопровождало 2 проводника, въ распоряженіи которыхъ состояло еще отъ 6 до 8 человѣкъ всадниковъ. Слово Хана было закономъ и его посланцы были правомочными въ отношеніи всего того, что имъ по пути попадалось. Одинъ изъ проводниковъ обыкновенно слѣдовалъ впереди насъ и озабочивался заблаговременно приготовленіемъ потребнаго намъ количества людей и животныхъ—въ ближайшемъ становищѣ; любопытная черта—монголъ никогда не прослѣдуетъ мимо какого-нибудь поселенія, не перемѣнивъ въ немъ своихъ лошадей. Располагая несмѣтнымъ запасомъ послѣднихъ, онъ не стѣсняется и скоростью передвиженія, такъ какъ безъ большого для себя ущерба можетъ всегда бросить на произволъ судьбы любое усталое животное.

Единой заботой всѣхъ этихъ кочевниковъ было желаніе какъ можно скорѣе доставить насъ до слѣдующаго по порядку стойбища и такимъ путемъ отвязаться отъ насъ. Временами мы совершали наше путешествіе настолько быстро, что почти не останавливались для отдыха. Новая смѣна лошадей перебрасывала насъ отъ одного мѣста до слѣдующаго за нимъ съ быстротою, какую только возможно было развить при этомъ. Для насъ такъ и осталось невыясненнымъ откуда появлялись эти новыя смѣны животныхъ. Вдругъ на однообразномъ фонѣ плоскогорія выростала группа верблюдовъ и лошадей; нашъ измученный караванъ останавливался, разгружался и уже черезъ какихъ-нибудь полчаса обновленный составъ снова поднимался въ дальнѣйшій путь. Мы съ нашимъ утомленнымъ караваномъ располагались лагеремъ обычно поздно по вечерамъ; въ теченіе ночи появлялись новые лошади и люди, а рано по утру, безъ малѣйшихъ промедленій, караванъ снова пускался въ дальнѣйшее странствованіе. Все это совершалось точно по мановенію волшебнаго жезла; нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ дней намъ

не приходилось видѣть ни юртъ, ни стадъ, ни какихъ-либо признаковъ жилья. Иногда, наоборотъ, нашъ лагерь окружало отъ 20 до 25 человѣкъ монголовъ, причемъ послѣдніе также быстро появлялись, какъ и исчезали—ни разу не потребовавъ отъ насъ уплаты имъ денегъ. Волей Хана было предоставить намъ возможность видѣть всю его страну, и мы пересѣкали Монголію подобно настоящимъ принцамъ. Кочевники, повидимому, еще или не оцѣниваютъ значенія денегъ, или же вообще въ ихъ привычки не входитъ оказывать транспортныя услуги за вознагражденіе. Они не нуждаются ни въ серебрѣ, ни въ золотѣ и едва-ли придаютъ деньгамъ большое значеніе. Въ качествѣ кабальныхъ холоповъ они мирно уживаются съ царящей здѣсь феодальной системой и не проявляютъ склонности и страсти къ любостяжанію. Серебряные рубли не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія и они интересовались ими лишь постольку, поскольку ихъ можно было употребить на украшеніе своихъ женъ. Грубыя лица этихъ монгольскихъ всадниковъ расплывались въ самодовольныя широкія улыбки лишь тогда, когда мы послѣ какого-нибудь длиннаго перегона, надѣляли ихъ кусочками кирпичнаго чая.

Мы выступили въ походъ изъ Кунде-куріи 15-го Августа, имѣя въ виду заняться изслѣдованіемъ верховьевъ Кунделунской долины и отдѣльныхъ горныхъ вершинъ, возвышающихся возлѣ истоковъ верховьевъ ручьевъ долины. Нижнія части предгорій хребта представляли изъ себя очаровательный контрастъ покрытыхъ травою низинъ и залѣсенныхъ, въ общемъ, горныхъ склоновъ. Номады не преминули, конечно, въ изобиліи раскидать здѣсь свои палатки, а ихъ стада въ предѣлахъ этихъ роскошныхъ долинъ—конечно были вполнѣ обезпечены наилучшими кормами. Лѣсная полоса здѣсь не особенно широка и сосредоточивается исключительно по обращеннымъ къ сѣверу склонамъ.

Сдѣлавъ привалъ на лѣсной границѣ растительности и нагрузивъ лошадей хворостомъ, мы начали подниматься вверхъ и снова остановились лагеремъ уже на высотѣ 8300 футовъ надъ уровнемъ моря, у самаго основанія морены замыкающей ледники.

Морену эту мы считали главнымъ питательнымъ истокомъ р. Кунделуна, тогда какъ соотвѣтствующую послѣдней рѣкѣ долину русскій изслѣдователь Потанинъ назвалъ Тергенской и воображали, что горная вершина Тергенъ, являющаяся кульминаціонной точкой всего хребта, находится въ самой верхней части этой долины. Однако здѣсь, въ верховьяхъ долины, возвышается столько отдѣльныхъ горныхъ вершинъ и притомъ сравнительно одинаковыхъ по размѣрамъ, что опредѣлить, которая изъ нихъ заслуживаетъ наименованіе Тергена весьма затруднительно. Впослѣдствіи намъ удалось установить, что высочайшая изъ этихъ вершинъ отнюдь не самая выдающаяся, и, кромѣ того, она даже и не дренируетъ вовсе въ предѣлы Тергенской долины, въ виду чего полагая, что наименованіемъ Тергена имѣлось въ виду отмѣтить все же кульминаціонную точку хребта, мы оставляемъ это наименованіе за опредѣленной нами высочайшей вершиной, изъ уваженія къ упомянутому великому изслѣдователю, но всѣ прочія вершины называемъ уже независимо отъ него. Всѣ эти горныя вершины, на которыхъ берутъ свое начало верховья рѣки Кунделуна, представляютъ безусловныя новинки на географической картѣ; вообще же, альпійскій районъ Тергенскихъ горъ требуетъ тщательнаго переобслѣдованія.

Слѣдующіе три дня ушли у насъ на изученіе ледниковъ и отдѣльныхъ горныхъ вершинъ, возвышающихся возлѣ истоковъ Тергена. Думаемъ, что намъ здѣсь удалось правильнымъ путемъ добраться до самой выдающейся, если ее нельзя назвать самой высокой, вершины хребта,—вершины, которая еще издали привлекла наше вниманіе, благодаря тому, что самая верхняя часть ея имѣетъ форму почти пирамиды. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что эта вершина одна изъ самыхъ высокихъ въ хребтѣ и служитъ конечнымъ пунктомъ полукруга снѣжныхъ вершинъ, окружающихъ истоки р. Тергена. Мы попытались было забраться на эту вершину, но, проблуждавъ трое сутокъ возлѣ нея и тщательно прорекогносцировавъ ея склоны какъ съ этой, такъ и съ южной сторонъ, къ прискорбію убѣдились, что ледяная шапка этой горы рѣшительно недоступна и на нее можетъ под-

Монгольскіе всадники.

няться развѣ какой-нибудь самый искушенный альпинистъ. Трудъ послѣдняго не пропалъ бы даромъ и онъ вполнѣ вознаградилъ бы себя, добравшись до этой ледяной шапки, увѣнчивающей вершину горы, названной нами Кунделуномъ, по имени главной долины, которая спускается съ этой горы.

Мы провели нѣсколько дней на двухъ ледникахъ, образующихъ истоки Тергена и отсюда, съ выступа горы Кунделуна увидѣли внизу подъ нами третій ледникъ, расположенный возлѣ начала притока Харкира, ледникъ, который, пожалуй, можно считать величайшимъ въ предѣлахъ всего хребта. Въ изгибѣ этого ледника стоитъ высочайшая точка хребта Тергенъ, каковое названіе по горѣ, мы дали и самому леднику. Ледникъ этотъ, какъ мы опредѣлили, тянется въ длину на 3 мили. Два ледника, образующихъ истокъ р. Тергена соотвѣтственно насчитываютъ двѣ и полторы мили въ длину и свыше полумили въ ширину каждый. Оба они находятся въ процессѣ отступанія. Современная головная часть перваго изъ нихъ, а именно того, который спускается съ вершины Кунделуна, отстоитъ на разстояніи до одной мили вверхъ отъ конца своей заключительной морены. Основаніе этого ледника лежитъ на высотѣ 9758 футовъ надъ уровнемъ моря и самъ онъ расположенъ на 1000 футовъ ниже снѣговой линіи. Поверхность этого ледника преимущественно гладкая, но зато ледникъ восточнаго Кунделуна, отличается поверхностью изборожденной фантастическими нагроможденіями (seracs).

Во время нашей экскурсіи мы достигли вершины ледника восточнаго Кунделуна, очутившись, такимъ образомъ, на узкомъ, похожемъ на остріе ножа, ребрѣ образующемъ водораздѣлъ Кунделунской, Харкирской и Эндертинской рѣчныхъ системъ. Мѣстность эта представляетъ изъ себя истинный центръ всего хребта. Насъ окружало здѣсь множество снѣжныхъ вершинъ, изъ числа которыхъ шесть особенно выдѣлялись своею высотою; но всѣхъ ихъ превосходила бросавшаяся въ глаза своеобразнымъ великолѣпіемъ Кунделунская вершина.

Нѣсколько интересныхъ, но трудныхъ дней мы употребили на карабканье и картографическую работу въ предѣлахъ этихъ

альпійскихъ районовъ. Изъ своего лагеря, расположеннаго у подножія морены, мы совершали экскурсіи рѣшительно по всѣмъ направленіямъ. Обычно намъ приходилось ходить однимъ, такъ какъ наши монгольскіе всадники далеко не чувствовали себя здѣсь, въ этихъ льдахъ и снѣгахъ, какъ дома, да они, пожалуй, и не могутъ совсѣмъ ходить пѣшкомъ, благодаря своей неуклюжей походкѣ и огромнымъ, очень длиннымъ, сапогамъ. При такихъ условіяхъ, снабженные мятыми мѣшками, провизіей, фотографическими камерами и инструментами, мы въ теченіе долгихъ дней пѣшкомъ исходили на сколько только было въ нашихъ силахъ большія пространства этой горной страны, причемъ не смотря на дурную погоду, были весьма вознаграждены за свои труды добытыми результатами. Такъ какъ большая часть страны лежитъ здѣсь выше снѣговой линіи и въ виду значительной обледенѣлости хребта, мы очень затруднялись въ опредѣленіи высоты мѣста. Цѣной настойчивыхъ усилій и только послѣ многократныхъ гипсометрическихъ и клинометрическихъ (такимъ путемъ пришлось опредѣлять высоту вершинъ, на которыя мы не могли взобраться) наблюденій, намъ удалось-таки установить, что высочайшая точка этой горной группы не превышаетъ 13350 футовъ надъ уровнемъ моря, хотя кромѣ нея здѣсь же имѣется множество вершинъ въ среднемъ насчитывающихъ до 12500 футовъ надъ уровнемъ моря каждая. Такимъ образомъ, представляется непонятнымъ, почему эта, несмотря на свою незначительную высоту, группа Тергенскихъ горъ отличается все же характерными признаками альпійскаго района. Сперва мы рѣшительно не могли себѣ этого объяснить, но послѣ изслѣдованій, произведенныхъ въ Тергенской долинѣ—обстоятельство это стало для насъ совершенно яснымъ. Дѣло въ томъ, что обиліе осѣвшаго на Тергенахъ снѣга, который придаетъ этимъ горамъ такой красивый видъ, зависитъ непосредственно отъ положенія хребта возлѣ Убсинскаго бассейна. Послѣдній вліяетъ несомнѣнно на климатическія условія, часто въ лѣтніе мѣсяцы характеризующіяся здѣсь пасмурной погодой, которая и предохраняетъ лежащій на горахъ снѣгъ отъ таянія.

Въ теченіе нашего августовскаго пребыванія на вершинахъ

Тергенскаго хребта, работа наша неоднократно прерывалась изъ за дурной погоды. Нѣсколько стоявшихъ здѣсь подрядъ темныхъ облачныхъ дней сильно затрудняли намъ карабканье по горамъ, а о фотографированіи въ это время не могло быть и рѣчи. Августъ, очевидно, отличается здѣсь весьма непостоянной погодой; дождь выпадаетъ случайно, но тѣмъ не менѣе скучные облачные дни составляютъ здѣсь въ это время года, повидимому, вполнѣ обычное явленіе, причемъ одновременно вся эта часть страны, которая лежитъ на высотѣ болѣе 8000 футовъ надъ уровнемъ моря, окутывается густымъ туманомъ.

Читая отчеты Потанина, я обнаружилъ, что имъ отмѣчены аналогичныя же явленія здѣсь въ іюнѣ и въ іюлѣ. Это и даетъ мнѣ право высказать предположеніе, что сумрачная погода, которую намъ пришлось здѣсь наблюдать, стоитъ въ этихъ горахъ обычно въ теченіе всего лѣтняго періода. Потанинъ производилъ регулярно свои метеорологическія наблюденія въ предѣлахъ равнины, расположенной съ восточной стороны хребта и въ Харкирской долинѣ съ 27 іюня по 19 іюля, т. е. въ теченіе 23 дней; изъ нихъ семь—хотя и отличались, пасморностью, но были все же хорошими, тогда какъ облачность остальныхъ 16 дней сопровождалась неизмѣнно дождями, одиннадцать разъ бушевала гроза и два раза шелъ градъ. Потанинъ отмѣтилъ также и температуры. Средняя полдневная температура опредѣлилась, по его даннымъ, въ 74° Фар., тогда какъ вечерняя (9 часовъ) всего лишь въ 43° Фар. Безъ сомнѣнія, при такой температурѣ градъ и дождь въ предѣлахъ равнины долженъ выпадать въ видѣ снѣга на тѣхъ Тергенскихъ возвышенностяхъ, которыя насчитываютъ отъ 12 до 14 тыс. въ высоту. Облака и туманъ служатъ лучшими охранителями снѣга и льда; лѣтній сезонъ, подобный сезону Тергенъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ какъ онъ опредѣлился на основаніи нашихъ наблюденій, и наблюденій Потанина, какъ разъ характеризуется всѣмъ тѣмъ, что необходимо для созданія альпійской зоны и притомъ въ предѣлахъ хребта отличающагося массовыми скопленіями снѣга и сильной обледенѣлостью.

Указанную причину можно считать главнѣйшей непосред-

ственной причиной, вліяющей на сохраненіе Тергенскими горами ихъ альпійскаго характера. Но кромѣ того, необходимо указать еще, что и самое положеніе горъ надъ Убсинскимъ бассейномъ, въ свою очередь, несомнѣнно оказываетъ вліяніе и придаетъ своеобразный оттѣнокъ климатическимъ условіямъ всей данной мѣстности, и косвеннымъ образомъ способствуетъ осажденію и сохраненію снѣга на этихъ вершинахъ. Бассейнъ Убсы считается самымъ низкимъ мѣстомъ въ сѣверозападной Монголіи. Само озеро расположено на высотѣ 2370 футовъ, а его бассейнъ представляетъ изъ себя низкую, теплую впадину среди высокихъ и холодныхъ плоскогорій, окружающихъ ее. Тергенская горная группа, вздымаясь какъ бы на стражѣ этой впадины, расположена отъ береговой линіи озера болѣе чѣмъ въ 60 миляхъ. Близкое сосѣдство возвышеннаго и холоднаго альпійскаго района—съ теплой низменностью, вѣроятно и служитъ здѣсь причиной часто случающихся бурь и пасмурной погоды. Аналогичный примѣръ мы видимъ и въ сочетаніи горъ Богдо-Оло съ Тергенской низиной, гдѣ отмѣчены точно такія же своеобразныя климатическія особенности. Согрѣтый воздухъ Убсинскаго бассейна поднимается вверхъ и, сгущаясь въ предѣлахъ прохладныхъ Тергенскихъ возвышенностей способствуетъ тому, что здѣсь, въ теченіе всего лѣта, можно наблюдать неизмѣнно нависающіе надъ хребтомъ и проносящіеся облака и туманы, благодаря которымъ здѣсь и образовались не имѣющія себѣ соперниковъ снѣжныя поля и ледяныя вершины, не только придающія странѣ дурбетовъ чарующій видъ, но и обезпечивающія кочевниковъ, косвеннымъ образомъ блещущими изобиліемъ кормовъ, пастбищами [1]).

Заснявъ на карту всѣ тѣ части страны, до которыхъ намъ только удавалось добираться изъ предѣловъ верхней Тергенской

---

[1]) Взятая въ цѣломъ сѣверная Монголія отличается въ общемъ довольно суровой лѣтней погодой. Это обстоятельство было еще подмѣчено самыми ранними путешественниками. Карпини (Carpini) напримѣръ: посѣтившій этотъ районъ въ началѣ XIII вѣка пишетъ: „климатъ въ этой странѣ очень дурной; часто среди лѣта здѣсь случаются сильныя грозы съ громомъ и молніями, благодаря которымъ многіе люди здѣсь косѣютъ. Въ это же время эти районы характеризуются огромными количествами выпадающаго снѣга. Случаются здѣсь страшныя бури, порывами вѣтра срывающія всадниковъ съ сѣделъ".

долины, гдѣ мы расположились лагеремъ, совершили медленное путешествіе въ обходъ хребта сперва въ западномъ направленіи, а затѣмъ завернули къ югу и дошли до долинъ, служащихъ стокомъ водъ съ западной части горнаго хребта въ предѣлы Ашитъ-Норскаго бассейна. Такимъ образомъ мы поднялись до перевала, расположеннаго на высотѣ 8700 футовъ надъ уровнемъ моря, который раздѣляетъ воды рѣкъ Тергена и Ендерти. Здѣсь мы устроили двухдневную лагерную стоянку на большой относительно высотѣ, на южной сторонѣ Барменскаго хребта, чтобы еще разъ провѣрить свои картографическія работы. Въ это же время мы не могли удержаться также чтобы не побывать хотя бы и на скорую руку на Уріу-Норъ. Выполненіе послѣдней задачи взялъ на себя Прайсъ, который употребилъ на это двое сутокъ, вернувшись обратно измученнымъ послѣ перенесенныхъ лишеній, среди ничѣмъ незащищенной мѣстности. За время его странствованія рѣзкіе холода и сѣверныя сіянія дали намъ возможность убѣдиться въ томъ, что представляетъ изъ себя Монголія въ Августѣ мѣсяцѣ.

Посѣщеніе Прайсомъ Уріу-Норъ оказалось весьма цѣннымъ, такъ какъ выводы, полученные изъ его наблюденій въ предѣлахъ низинъ этого озера, точно совпали съ выводами, добытыми нами лично въ предѣлахъ другого изолированнаго же здѣсь озернаго бассейна, расположеннаго въ плоскогорномъ районѣ, лежащемъ къ востоку отъ Уріу-Норъ. Многочисленные остатки старыхъ береговыхъ отложеній указывали на то, что когда-то водныя поверхности бассейновъ лежали здѣсь примѣрно на 30 футовъ выше поверхностей нынѣшнихъ озеръ, а это обстоятельство, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ наглядно о томъ, что бассейны, расположенные въ предѣлахъ сѣверо-западной Монголіи, то же переживаютъ процессъ пониженія водъ, аналогичный процессу, переживаемому вообще всѣми прочими внутриматериковыми самостоятельными бассейнами на всемъ пространствѣ внутренней Азіи. Эти же бассейны служатъ какъ-бы естественными, созданными самой природой, приборами для опредѣленія относительнаго количества выпадавшихъ здѣсь когда то дождей, и свидѣтельствуютъ наглядно о тѣхъ минув-

шихъ временахъ, когда болѣе влажный и еще болѣе прохладный климатъ, способствовалъ болѣе обильному скопленію здѣсь атмосферныхъ водъ и благопріятствовалъ образованію среди этихъ широтъ лучшихъ чѣмъ теперь и болѣе надежныхъ пастбищъ. Вокругъ Уріу-Норъ Прайсъ не видѣлъ ни одного кочевника, и даже не обнаружилъ никакихъ слѣдовъ, которые бы указывали, что земля эта все же въ настоящее время используется человѣкомъ. Бросилась ему также въ глаза и скудость здѣсь пастбищъ, которыя бы могли служить приманкой номадамъ. Тѣмъ не менѣе древнія погребальныя ограды и монолиты свидѣтельствовали несомнѣнно о томъ, что когда то вся эта мѣстность была довольно плотно населена. Вода въ озерѣ Уріу-Норъ оказалась прѣсной и озеро кишащимъ рыбою, которая привлекаетъ теперь лишь безчисленныя стаи птицъ, какъ то: чаекъ, троекъ и баклановъ.

Изъ нашего лагеря на южной сторонѣ Барменскаго хребта мы отправили главную часть каравана впередъ, поручивъ ей ожидать нашего прибытія у береговъ Ашитъ-Норъ, тогда какъ сами, въ сопровожденіи небольшого каравана и нѣсколькихъ монголовъ, занялись изслѣдованіемъ западной части Тергена. Въ предѣлы горной страны съ запада для насъ представлялась возможность подняться лишь вдоль единственной долины Яма-шу, притока рѣки Ендерти, которая течетъ прямо въ озеро Ашитъ-Норъ. Эта прекрасная, открытаго характера, долина прорѣзывается широкимъ каменистымъ ложемъ рѣки, впрочемъ не особенно многоводной. Ее окаймляютъ голые, покрытые травой холмы и здѣсь же узкое пространство лиственичнаго лѣса жалко лѣпится въ предѣлахъ обращенной къ сѣверу части долины. На второй день нашего путешествія, достигнувъ границы, гдѣ кончались травяная растительность и запасы топлива, мы очутились подлѣ низовьевъ неприступной Кунделунской горной вершины и расположились лагеремъ въ разстояніи одной мили ниже морены Яма-шу'нскаго ледника. Мы питали слабую надежду на то, что Кунделунъ окажется, можетъ быть, доступнымъ съ южной стороны, но, къ прискорбію, убѣдились теперь, что и южная его половина представляетъ изъ себя крупную

скалистую стѣну, прямо спускающуюся къ леднику. Яма-шу'нскій ледникъ насчитываетъ до $^3/_4$ мили въ длину и заполняетъ узкое ущелье, образовавшееся между Кунделунской и Яма-шу'нской горными вершинами. Самый ледникъ упирается въ отвѣсную скалу и ледяной утесъ, соединяющій обѣ вершины у его изголовья. Благодаря окаймляющимъ ледникъ утесамъ вся его застывшая поверхность, а равно и поверхность огромной терминальной морены, лежащей у его хоботка, были испещрены несмѣтнымъ количествомъ обломковъ скалъ и щебнемъ.

Взобравшись на верхушку скалистаго ребра, окаймляющаго долину въ южной ея части, мы были поражены великолѣпнымъ контрастомъ открывшейся нашимъ взорамъ за этимъ ребромъ панорамы, представлявшей изъ себя слегка волнистое, покрытое травою плоскогоріе. Работа наша по мѣрѣ движенія впередъ все болѣе и болѣе усложнялась; передъ нами вырастали все новыя и новыя географическія задачи, требовавшія къ себѣ вниманія; за долгіе дни проведенные нами съ планшетомъ— мы были за то вознаграждены сторицею.

Изслѣдованіе Тергена представляется мнѣ теперь самой тяжелой работой, которую мнѣ когда-либо приходилось выполнять. Продолжительная планшетная съемка сама по себѣ не можетъ быть названа легкой работой. Но здѣсь такое огромное пространство еще совершенно не извѣдано, оно настолько неотразимо заставляетъ изслѣдователя стараться во что бы то ни стало заснять на карту фактически больше того, что онъ можетъ сдѣлать, что и я на себѣ самомъ испыталъ такое же ненасытное желаніе, удовлетворить которое врядъ-ли бы мнѣ удалось вполнѣ и оно лишь заставляло меня напрягать до крайности усилія и придавало мнѣ бодрость въ непрерывной моей работѣ. Этой работѣ не предвидѣлось ни конца, ни облегченія, ни благополучнаго завершенія. Не въ томъ суть, сколько удалось мнѣ здѣсь сдѣлать самому, а въ томъ, что еще больше того осталось осуществить въ будущемъ. Неописуемая прелесть планшетной работы при помощи лучшихъ инструментовъ въ предѣлахъ открытаго пространства, откуда

открываются широкія перспективы, еще болѣе усиливали острое желаніе идти въ этомъ направленіи все дальше и дальше. Выполненіе съемокъ по мѣрѣ нашего движенія впередъ, сдѣлалось въ концѣ концовъ просто обычной ежедневной нашей работой. Приходилось: опредѣлять высоты, писать путевыя замѣтки, дѣлать фотографическіе снимки, не считая, кромѣ того, необходимости коллекціонировать породы птицъ и ловить мелкихъ млекопитающихся, которыхъ сейчасъ же приходилось потрошить и презервировать. Спать я могъ благодаря этому только въ теченіе того недолгаго времени, которое оставалось мнѣ, чтобы позволить себѣ эту, при такихъ условіяхъ, роскошь. Во время работъ въ предѣлахъ возвышенныхъ тѣснинъ на Тергенѣ, провести 15 часовъ подрядъ верхомъ въ сѣдлѣ, или такое же количество времени проработать съ планшетомъ, казалось мнѣ совершенно обычнымъ дѣломъ. Въ сопровожденіи верхового монгола, несшаго инструменты, собаки и ружья, я старался пользоваться каждымъ драгоцѣннымъ моментомъ и даже, переходя отъ одной стоянки до другой, стрѣлялъ въ каждый предметъ, который почему-либо представлялся мнѣ птицей.

По возвращеніи въ главный лагерь пришлось заниматься оборудованіемъ разныхъ мелочей для дальнѣйшаго слѣдованія, заходить къ вождю и отпускать слугъ, награждая ихъ подарками. Затѣмъ, когда умолкалъ лагерь и даже засыпали собаки, я принимался за обработку результатовъ моего дневного коллекціонированія и при колеблющемся свѣтѣ свѣчи занимался потрошеніемъ, обдѣлкою вчернѣ и упаковкою шкурокъ добытыхъ птицъ и животныхъ. Всю эту работу было бы невозможно выполнить, если бы я не встрѣчалъ поддержки и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ со стороны моихъ не менѣе пытливыхъ товарищей по путешествію, ибо если и справедливо утвержденіе будто „заставь человѣка работать больше того, что онъ можетъ, онъ все же работу выполнитъ“, то еще болѣе справедливо положеніе, что „тяжелыя жизненныя условія, большая высота надъ уровнемъ моря, недостатокъ въ продовольствіи и пылкость честолюбія, заставляютъ человѣка обычно

во что бы то ни стало, и несмотря ни на какія преграды, достигать осуществленія поставленныхъ имъ себѣ цѣлей". Миллеръ работалъ съ помощью призматическаго компаса, безконечно фотографировалъ и охотился за каждымъ животнымъ, которое ему попадалось на пути, тогда какъ Прайсъ, постоянно былъ занятъ своими ботаническими и геологическими работами.

И здѣсь, въ предѣлахъ Тергенскихъ возвышенностей, я полагаю, мы совершили максимумъ той работы, которую можно было осуществить въ теченіе времени, которымъ мы располагали.

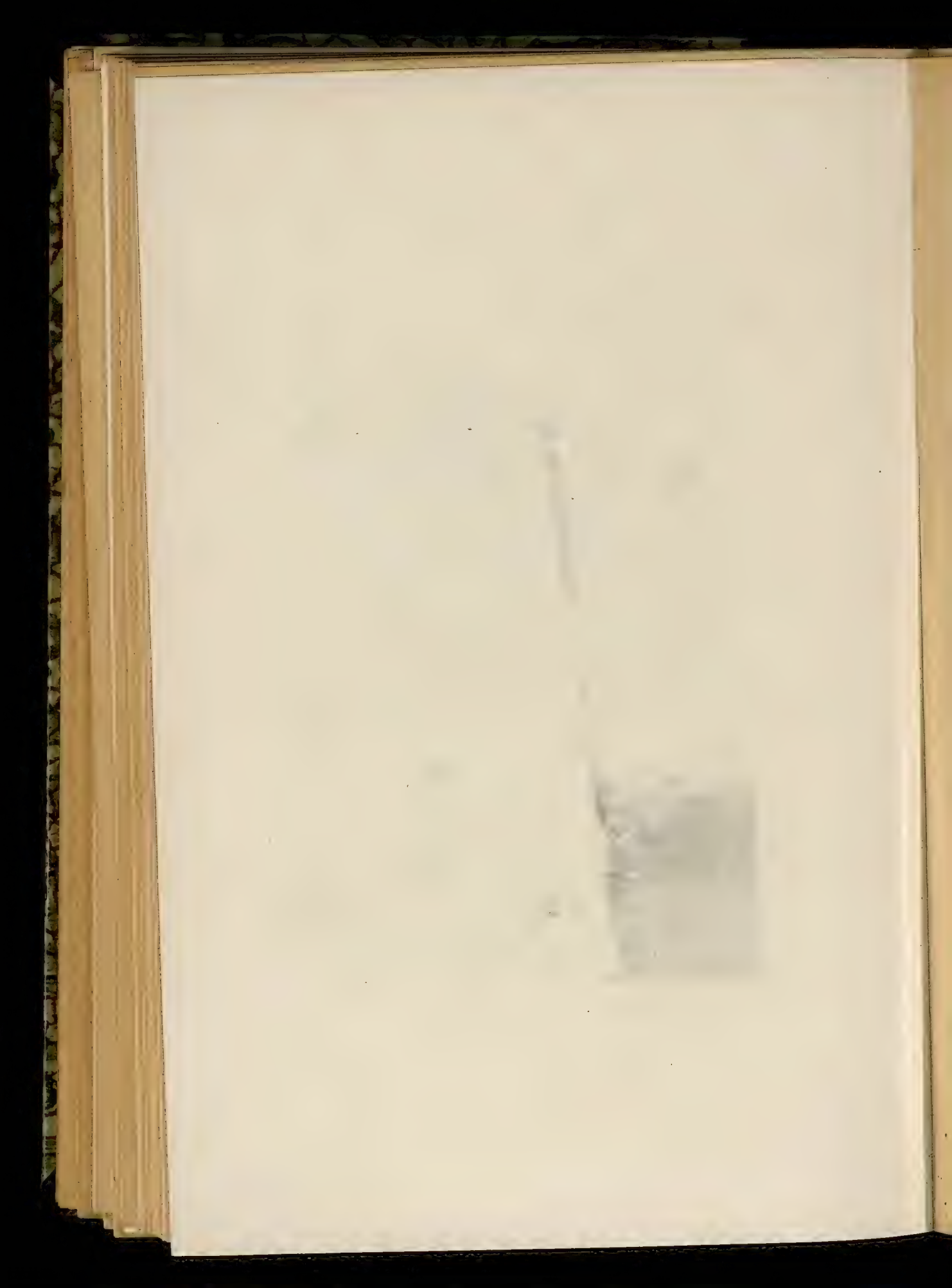
Яма-шу оказалось однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ мѣстъ, видѣнныхъ нами въ сѣверозападной Монголіи. Пространство волнистой мѣстности, покрытой обильной золотисто-желтой травою и украшенное голубыми пятнами озерковъ, лежали здѣсь вокругъ насъ—безлюдные и привлекательные. Позади нихъ на югѣ, возвышался новый горный хребетъ, которому мы и дали названіе по имени плоскогорія. На востокѣ мы видѣли спину коническаго, увѣнчаннаго льдами Кунделуна. Средняя высота этого плоскогорія надъ уровнемъ моря—8200 футовъ и эта высота выдерживается имъ вплоть до того мѣста, гдѣ оно вдругъ, въ видѣ рѣзкихъ скатовъ, начинаетъ падать прямо по направленію къ Ашитъ-Норской равнинѣ. Безчисленное множество озеръ служитъ пріютомъ многочисленныхъ дикихъ птицъ, но пастбища здѣсь до сихъ поръ остаются еще неиспользованными человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, насколько намъ позволяютъ судить о томъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія, плоскогоріе Яма-шу, по неизвѣстнымъ причинамъ, не привлекаетъ кочевниковъ-дурбетовъ, хотя его пастбища относятся къ числу богатѣйшихъ. Сами собой напрашиваются при этомъ вопросы: почему монголы уменьшаются въ численности, обладая такой хорошей землей? Въ чемъ кроется причина монгольскаго упадка, если ее нельзя объяснить недостаткомъ у нихъ полезныхъ для практическаго использованія площадей?

Съ высоты плоскогорія Яма-шу мы спустились по крутымъ и короткимъ склонамъ въ предѣлы сухой и безлюдной Ашитъ-

Норской равнины и, въ концѣ концовъ, добрались до того мѣста, гдѣ стекающая съ горъ вода просачивается уже на поверхности земли, способствуя образованію болотъ, луговъ и произрастанію кустовъ акацій. Эта мѣстность представляетъ изъ себя уже вполнѣ подходящее для овцеводовъ убѣжище. Мы раскинули наши палатки совершенно вплотную возлѣ озера. Насколько только охватывалъ глазъ—видъ этой мѣстности представлялся крайне характернымъ для сѣверной Монголіи, а самое озеро, изобилующее пернатыми и оживленное рыбой, окружаютъ заболоченные берега, вдоль которыхъ раскинуты засоленныя пастбища съ безграничнымъ запасомъ кормовъ для огромныхъ овечьихъ стадъ и табуновъ двугорбыхъ бактріанскихъ верблюдовъ. Здѣсь сосредоточено много животныхъ и живетъ многочисленное населеніе коренастыхъ монголовъ. Позади этого пространства тянется зона болѣе безплодной степи, которая постепенно ведетъ по направленію къ возвышенностямъ, гдѣ снова встрѣчаются въ изобиліи плоскогорія и пастбищныя долины, гдѣ прелестные лиственичные лѣса служатъ съ успѣхомъ для защиты отъ зимнихъ холодовъ и придаютъ въ лѣтнее время такое милое разнообразіе горному ландшафту. Еще выше располагаются альпійскія пастбища и области скалъ и снѣга, т. е. такія уже особенности въ ландшафтѣ сѣверной Монголіи, которыя не только придаютъ красоту послѣднему, но и имѣютъ огромное значеніе для овцеводовъ, всецѣло зависящихъ отъ нихъ въ отношеніи пастибщныхъ угодій въ лѣтніе мѣсяцы.

О Монголіи сложилось весьма невѣрное представленіе. Поэтому рядовому читателю, который привыкъ считать Монголію голодной страною, такой страною, гдѣ люди живутъ въ крайней бѣдности и самыми характерными особенностями которой служатъ единственно верблюды да песокъ, настоящее наше описаніе можетъ показаться нѣсколько преувеличеннымъ. Насъ, однако, ничуть не удивляетъ то несомнѣнно хорошее впечатлѣніе, которое на насъ произвела Монголія, такъ какъ популярныя свѣдѣнія объ этой странѣ сложились лишь благодаря тому, что она описывалась до сего времени только по ея южнымъ областямъ, да по отчетамъ путешественниковъ, видѣвшихъ однѣ ея

Типъ монгольской дѣвушки.



безплодныя примыкающія къ Великой-Китайской стѣнѣ, пространства. Тѣ люди, которые пересѣкали ея негостепріимные центральные районы, лежащіе на пути отъ Пекина къ Ургѣ, видѣли фактически только весьма незначительную часть той истинной Монголіи, въ предѣлахъ которой древніе Монголы не только просто обитали и преуспѣвали, но и численно возрастали и постепенно входили въ силу. Г. Францискъ Енгезбандъ, который проѣхалъ на протяженіи 1000 миль по Монголіи и пересѣкъ районъ, не очень далеко къ югу расположенный отъ арены нашихъ географическихъ работъ, былъ бы, вѣроятно, тоже пораженъ нашимъ описаніемъ о прелестныхъ районахъ сѣверо-западной части этой страны, съ ея горами и лѣсами многочисленными племенами кочевниковъ, Енгезбандъ самъ путешествовалъ только на верблюдѣ по почти ненаселенному раойону и ему ни разу не встрѣтилось на пути ни одного деревца. Но та Монголія, которую описываемъ мы,— совершенно невѣдомая Монголія. Мы развертываемъ передъ читателемъ картину богатой и роскошной страны, занятой большими кочевыми племенами, существованіе которыхъ обезпечивается огромными стадами, страны, населенной расой, которая до сего времени остается многочисленной, до сего времени сохранила еще въ себѣ, несмотря на наружную упадочность, добрыя былыя начала, и которая, внѣ сомнѣнія, можетъ въ одинъ прекрасный день снова сдѣлаться расой, съ которой придется считаться.

Мы описываемъ районъ равнинъ и плоскогорій, горъ и озеръ, прекрасныхъ пастбищныхъ угодій и лѣса, районъ расположенный, ни гдѣ либо заброшенно и отрѣзано отъ внѣшняго міра, какъ многіе могутъ себѣ это прдоставить, а въ близкомъ сосѣдствѣ съ Сибирью, которая представляется сама страной неограниченныхъ возможностей, страной, которая въ концѣ концовъ должна будетъ оказать свое вліяніе на положеніе дѣлъ и на существованіе Монголіи.

Монголія настолько огромна по пространству, и охватываетъ столько градусовъ широты, что различныя ея части вполнѣ естественно отличаются крайнимъ разнообразіемъ кли-

матическихъ условій и соотвѣтственно съ симъ ея ландшафты не могутъ не отличаться крупными контрастами. Въ широкомъ смыслѣ всю Монголію можно раздѣлить на 4 зоны. На югѣ лежитъ зона, которая находится подъ вліяніемъ климатическихъ условій Великаго океана и потому представляетъ изъ себя—страну пастбищъ, удачно называемую китайцами „землей съ высокою травою"... Эта зона когда-то все-цѣло принадлежала монголамъ, но въ настоящее время она быстро переходитъ въ руки китайцевъ; вмѣсто проживавшихъ въ палаткахъ номадовъ и безчисленныхъ стадъ, тамъ можно видѣть теперь фермеровъ и колонистовъ, поспѣшно разлыхляющихъ почву и строящихъ свои поселенія. Въ результатѣ этого южная Монголія въ скоромъ времени, вѣроятно, будетъ окитаена и за нею останется только ея монгольское наименованіе.

Къ сѣверу отъ описанной зоны лежитъ пустынная Монголія—представляющая вторую зону, обычно называемую Гоби или Шамо. Китайцы называютъ этотъ районъ Ханъ-Хай, что въ переводѣ означаетъ „сухое море". — Подъ этимъ выраженіемъ нужно понимать однако не море, которое высохло, но такой районъ, которой великъ какъ море, и совершенно бездожденъ—сухъ. Этотъ безплодный не имѣющій цѣнности районъ занимаетъ почти четвертую часть всей монгольской территоріи; вотъ почему присущія этому району сухость и пустынность такъ часто распространялись на всю страну, взятую въ цѣломъ. Гоби заполняетъ центральную часть Монголіи и представляетъ по своему характеру простое пониженіе среди обширнаго плоскогорія. Въ своей сѣверной части она возвышается въ среднемъ на 3500 футовъ надъ уровнемъ моря и отличается жесткой и крѣпкой поверхностью. На югѣ она понижается до минимальныхъ своихъ размѣровъ высоты (2400 фут.), и здѣсь огромныя пространства покрыты только песками. Окружающіе пограничные горные хребты преграждаютъ доступъ въ ея предѣлы атмосфернымъ осадкомъ, вслѣдствіе чего Гоби совершенно безвлажна и потому безполезна для человѣка, кромѣ развѣ весеннихъ мѣсяцевъ. Пастбища образуются здѣсь весною даже въ предѣлахъ самыхъ сухихъ округовъ и въ это

время года здѣсь можно наткнуться на перекочевывающихъ по этой худшей зонѣ Монголіи номадовъ, использующихъ ее къ вящей для себя выгодѣ.

Третья зона Монголіи тянется вдоль сѣверной границы Гоби, между самой пустыней и сѣверными пограничными горными хребтами. Эта часть страны представляетъ изъ себя снова картину пастбищъ, гдѣ племена находятъ достаточно кормовыхъ запасовъ, чтобы существовать въ ея предѣлахъ въ теченіе круглаго года. Наконецъ, послѣднее пространство незамѣтно переходитъ въ четвертую зону, такъ называемую сѣверную Монголію, которая граничитъ уже съ Сибирью. Здѣсь монгольское плоскогоріе достигаетъ высшихъ предѣловъ своего поднятія и здѣсь же страна эта подвергается вліяніямъ Сибирскаго климата. Плоскогоріе въ этихъ широтахъ усыпано и изрѣзано хребтами увѣнчанныхъ снѣгомъ горъ; благодаря этому здѣсь часты лѣтніе дожди и нѣтъ недостатка въ пастбищахъ. Мы видимъ тутъ лѣса лиственницы и ели, раскошные луга, блещущіе обиліемъ дикихъ цвѣтовъ, однимъ словомъ, страну, которую до сихъ поръ описывали. Эта зона представляетъ изъ себя истинную Монголію, первобытную колыбель расы, которая, будучи кочевой, спустилась съ своихъ родныхъ плоскогорій, выросла физически и окрѣпла, и, въ концѣ концовъ, превратилась въ отдѣльную націю. Здѣсь она когда то построила свою столицу, Каракорумъ. Здѣсь же только въ предѣлахъ одной этой зоны существуютъ и въ наши дни монгольскіе города. Какова бы ни была численность всего монгольскаго населенія, болѣе чѣмъ вѣроятно, что двѣ его трети обитаютъ въ предѣлахъ сѣверной зоны, гдѣ отдѣльныя племена уединенно живутъ каждое въ своей изстари доставшейся ему округѣ, подъ управленіемъ своихъ наслѣдственныхъ хановъ, располагая обширными пространствами доброкочественной земли и имѣя подъ бокомъ готовые рынки. *Важное значеніе Сибири для Монголіи и наоборотъ — не поддается даже приблизительному учету. Монголія должна будетъ имѣть будущее, должна будетъ расти въ своемъ значеніи, по мѣрѣ роста и развитія Сибири и сами монголы могутъ рано или поздно занять весьма успѣшную и выгодную для нихъ позицію.*

Это самая важная зона Монголіи, зона, которая заслуживаетъ особаго вниманія. Въ теченіе почти восьми вѣковъ она оставалась за кулисами сцены. Когда-то доблестные монголы низверглись съ своего высокаго пьедестала. Управляемые ламами и вымогаемые китайцами, монголы продолжаютъ терпѣливо оставаться въ услуженіи своихъ повелителей. Но племена уже приходятъ въ движеніе. Недовольство охватываетъ отдѣльныя становища. Монголія понемногу выступаетъ снова на міровую арену.

ГЛАВА X.

Монголія въ прошломъ и настоящемъ *).

Очутившись въ предѣлахъ древняго обиталища великихъ монгольскихъ племенъ, путешествуя неизмѣнно въ сопровожденіи монгольскихъ всадниковъ и располагаясь по ночамъ лагеремъ въ сосѣдствѣ куполообразныхъ палатокъ, разсѣянныхъ какъ пчелиные ульи, среди открытыхъ плоскогорій, мы конечно не могли не интересоваться всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе касается жизненнаго обихода монголовъ. Мы воочію наблюдали жизнь монголовъ, изучали ихъ бытъ и формы управленія, а это изученіе въ свою очередь не могло не пробудить въ насъ стремленія заглянуть по возможности также и въ глубины вѣковъ давно прошедшихъ. Мы интересовались всякой подробностью проливающей свѣтъ на исторію монголовъ и, получивъ нѣкоторое представленіе о замѣчательномъ прошломъ этого народа, не могли удержаться отъ соблазнительной попытки набросать попутно картину и возможнаго будущаго этого загадочнаго народа, такъ какъ все то, что касается монголовъ и ихъ

*) Эта глава составляетъ добавленіе къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ надъ Монголіей, имѣвшимъ мѣсто въ 1910—11 г.г., т.-е. до ея освобожденія изъ подъ власти манчжурскаго суверенитета. Вопросъ разсматривается здѣсь внѣ какихъ-либо политическихъ соображеній. Я пытаюсь въ этой главѣ только теоретически обосновать всѣ возможныя практическія послѣдствія, къ коимъ происшедшая перемѣна можетъ повести монголовъ.

жизни должно, по нашему мнѣнію, интересовать всякаго занимающагося изученіемъ историческихъ перспективъ Азіи и разрѣшеніемъ вопросовъ Восточной политики.

Рѣчь здѣсь будетъ идти о племени пастуховъ-воителей, которые, внезапно набравшись силъ, „порвали съ традиціями своего привычнаго образа жизни“, покинули родныя степи и покоряя царство за царствомъ опустошили послѣдовательно всю Азію, а затѣмъ, заставили трепетать отъ ужаса и всю Европу. Повѣствованія объ этомъ народѣ представляютъ страницы непревзойденнаго еще въ исторіи. Вліяніе подобнаго безотчетнаго передвиженія народовъ преисполнено глубочайшаго значенія. Какая сила внезапно осѣнила этихъ номадовъ? Какой взрывъ честолюбивыхъ замысловъ заставилъ ихъ вдругъ двинуться въ предѣлы невѣдомаго для нихъ внѣшняго міра, лежавшихъ позади занятыхъ ими пустынныхъ твердынь? Было ли то фанатической вспышкой, недовольствомъ, страстью къ грабежу, или же просто на просто естественнымъ выходомъ наружу скопившихся въ народѣ воинственнаго пыла и отваги? Перешли ли монголы за предѣлы своихъ исконныхъ границъ, вынужденные къ тому уплотненіемъ своего населенія и испытывая въ виду этого острую потребность двигаться впередъ въ цѣляхъ отысканія новыхъ земель—иначе говоря, они быть можетъ жаждали новыхъ пространствъ, давимые избыткомъ своего благосостоянія и богатствомъ? Или наоборотъ, причиной ихъ передвиженія было явленіе діаметрально противоположное? Возможно, что монголы вынуждены были домогаться новыхъ земель, толкаемые на то бѣдностью и необезпеченностью своего существованія. Когда борьба за существованіе принимаетъ тяжелыя формы, люди дѣлаются отчаянными. Весьма возможно, что монголы своей численностью превзошли имѣвшіеся въ ихъ распоряженіи земельные запасы, обезпечивавшіе имъ средства къ существованію и обречены были такимъ образомъ на блужданія.

Подобнаго рода вопросы вставали передъ нами при видѣ одѣтыхъ въ красныя одежды монгольскихъ всадниковъ, ѣхавшихъ рядомъ съ нами въ дневное время и сидѣвшихъ въ нашей компаніи вокругъ лагерныхъ костровъ по ночамъ. Они

сами не могли ничего разсказать намъ о своемъ прошломъ. Имъ неизвѣстенъ фактъ ихъ былого величія. Только имя Чингизъ-Хана осталось запечатлѣннымъ въ ихъ памяти, котораго они почитаютъ божествомъ и о которомъ говорятъ съ уваженіемъ.

Вопросъ о причинахъ передвиженій монголовъ заслуживаетъ самого настойчиваго вниманія и самъ по себѣ представляется вопросомъ, требующимъ наиболѣе подробнаго и тщательнаго изученія. Однако насъ, интересующихся сравненіемъ положенія монголовъ въ прошломъ и настоящемъ занимаетъ сейчасъ особенно спеціальный вопросъ *о причинѣ способствовавшей ихъ упадку и угасанію.* Эта причина, какъ то легко можно себѣ представить, внѣ сомнѣнія будетъ, вѣроятно, вліять и на будущее монголовъ, а если принять во вниманіе современное броженіе, охватившее послѣднихъ и возможность появленія на сценѣ новой автономной Монголіи, затронутая нами тема пріобрѣтаетъ исключительный интересъ.

Намъ необходимо только упомянуть о состояніи ихъ мощи въ періодъ расцвѣта и сравнить это состояніе съ ихъ теперешнимъ положеніемъ, чтобы теоретически обосновать причину происшедшей съ этимъ народомъ перемѣны и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказать возможныя послѣдствія этой перемѣны въ будущемъ. Оглянувшись назадъ въ глубины прошедшихъ временъ, мы ясно увидимъ, какое сильное вліяніе оказала Монголія на Европу въ XIII столѣтіи. И только путемъ сравненія дней ея величія съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ она сейчасъ находится, получимъ возможность судить о томъ, до какой степени паденія она дошла. Только усвоеніе того, что было и того, что есть, можетъ помочь намъ нѣсколько освѣтить грядущія возможности, связанныя съ существованіемъ этого замѣчательнаго народа.

Мы европейцы, почти не отдаемъ себѣ отчета о томъ, что существованіе монголовъ представляется выдающимся факторомъ въ міровой исторіи. Трудно теперь повѣрить, чтобы монголы когда то могли быть величайшей человѣческой силой, которую Провиденію угодно было использовать для пробужденія къ новой

жизни угасающаго запада. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что великія переселенія и связанныя съ ними неурядицы вносятъ обычно запасы свѣжихъ силъ и пробуждаютъ къ новой жизни страны, готовыя уже погрузиться въ летаргію, чему примѣромъ въ тѣ дни могли служить несомнѣнно Китай и Европа. Природа неуклонно слѣдуетъ необходимости время отъ времени очищать одряхлѣвшія, пришедшія въ состояніе застоя, націи; способъ которымъ она осуществляетъ это, остается неизмѣнно однимъ и тѣмъ же—войною.

XIII-ое столѣтіе выдѣляется въ ряду прочихъ столѣтій и составляетъ совершенно особую эпоху въ исторіи Европы и Азіи. Въ это время оба упомянутые континенты пришли впервые въ тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ. Само по себѣ внѣдреніе монголовъ въ Европу и крестоносцевъ въ Азію приходится признать относительно незначительными событіями, по сравненію съ тѣми огромными послѣдствіями, которыя произвело въ Европѣ внезапное открытіе тѣхъ огромныхъ пространствъ міра, которыя смутно рисовались до того времени воображенію европейцевъ подъ наименованіемъ „Востока“. Тѣмъ не менѣе сыгранную монголами роль въ происшедшемъ затѣмъ возрожденіи, нужно внѣ сомнѣнія поставить въ особую заслугу послѣднимъ. Монголы фактически казались бичемъ человѣчества, но они въ то же время скрыто несли съ собою Божье благословеніе. Существованіе Китая въ видѣ Имперіи, въ теченіе столь продолжительнаго промежутка времени, является всецѣло результатомъ его исключительной исторіи, изобилующей періодическими смѣнами династій, революціями и крушеніями. Періодъ монгольскаго нашествія совпалъ для Китая съ періодомъ его наибольшаго упадка, но съ воцареніемъ Кублай-Хана, перваго его императора изъ монголовъ—для Китая началась новая жизнь. Весь этотъ періодъ можетъ быть названъ въ его исторіи—эпохой энергичныхъ усилій и омоложенія націи.

То же самое происходило и на западѣ. Феодальный правопорядокъ и междоусобныя войны обезсилили и заставили закоснѣть Европу. Однако внезапное появленіе безчисленныхъ

толпъ азіатовъ, которые угрожая поглотить весь материкъ, принудили Европу объединиться для ихъ отраженія.

Монголы оказали свою услугу человѣчеству и затѣмъ исчезли съ міровой сцены. Метеорообразная карьера этихъ номадовъ кажется, въ общемъ, съ начала до конца обязанной какимъ-то сверхъестественнымъ силамъ. Полчища ихъ исчезли съ горизонта такъ же быстро, какъ и появились на немъ. Подобно прекращенію вспышки какой-нибудь чумы монгольская опасность сошла быстро на-нѣтъ. Однако въ Монголіи, старѣйшей родинѣ нѣкогда знаменитой расы и до настоящаго времени сохраняются еще остатки древняго клана, который когда-то былъ въ состояніи потрясти міръ.

До насъ сохранились лишь немногія свѣдѣнія о монголахъ періода ихъ величія; мало знаемъ мы также о ихъ характерѣ и условіяхъ жизни того времени. Объясняется это тѣмъ, что монголы, подобно всѣмъ прочимъ кочевникамъ, не оставили по себѣ никакихъ лѣтописей, которыя свидѣтельствовали-бы о былыхъ ихъ подвигахъ. Ихъ владычество было поразительно быстротечно, ихъ огромныя завоеванія не были ими упрочены и они исчезли такъ же спокойно и также быстро, какъ и появились. Остатки сохранившихся до настоящаго времени выродившихся монгольскихъ племенъ, населяющихъ изолированное пространство, разбросанныя на протяженіи всей Азіи и даже восточной части Европы, грубо намѣчаютъ предѣлы границъ ихъ былого государства. Объ ихъ изумительныхъ завоеваніяхъ и необычайной предпріимчивости свидѣтельствуетъ намъ съ очевидностью наличіе Великой Китайской стѣны—этой дани ихъ храбрости и могущества. Почти кажется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе только современное состояніе монголовъ, чтобы огромный трудъ, котораго несомнѣнно стоило сооруженіе Великой стѣны, могъ быть когда то предпринятъ единственно лишь въ цѣляхъ огражденія наплыва въ Китай варварскихъ толпъ монголовъ.

Другимъ доказательствомъ честолюбивыхъ замысловъ монголовъ и достигнутыхъ ими въ періодъ мощи успѣховъ, служитъ также существованіе имперіи „монгола“ въ Индіи. Теперь уже

ничего не сохранилось отъ этой Имперіи въ Индіи, что могло бы указывать на ея монгольское происхожденіе, ибо и здѣсь какъ, впрочемъ, и въ другихъ покоренныхъ монголами странахъ, присущія этому народу особенности съ теченіемъ времени оказались всецѣло сглаженными мѣстными вліяніями. Кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія о былomъ могуществѣ монголовъ заключаются еще въ сохранившихся до насъ отъ XIII вѣка немногихъ разсказахъ, въ которыхъ мы читаемъ о дняхъ величія монголовъ и о тѣхъ способахъ, которыми народъ этотъ производилъ въ свое время впечатлѣніе на европейцевъ.

Вниманіе народовъ запада монголы начали привлекать къ себѣ не ранѣе начала XIII столѣтія, несмотря на то, что они къ этому времени успѣли почти уже наводнить всю Азію отъ береговъ Тихаго океана до береговъ Чернаго моря и грозныя ихъ передвиженія—потрясли уже до основанія восточныя государства. Европа продолжала оставаться спокойной и индифферентной, очевидно будучи совершенно неосвѣдомленной о надвигающемся монгольскомъ нашествіи. Повидимому только тогда, когда восточныя части Европы оказались уже подъ натискомъ врага и послѣдній началъ непосредственно угрожать центральнымъ частямъ материка—Европейскія правительства, казалось, впервые ощутили наличіе монгольской опасности. Доказательствомъ полнаго невѣдѣнія тогдашней Европы о народахъ Азіи, могутъ служить тѣ слухи, росказни и легенды, которые предшествовали въ это время надвигавшимся съ востока толпамъ татаръ. Болѣе нелѣпыхъ и лживыхъ сказокъ, чѣмъ эти послѣднія—трудно себѣ теперь даже представить. Внезапное появленіе монголовъ въ предѣлахъ Европы, пробудило ее къ новой жизни и заставило ее живо заинтересоваться этими непрошенными завоевателями. Кто такіе были эти безчисленныя толпы дикихъ людей, явившихся съ крайнихъ предѣловъ востока, и обуреваемыхъ ненасытнымъ стремленіемъ къ завоеваніямъ?

Вотъ одно изъ наиболѣе раннихъ описаній монголовъ преподнесенныхъ Европѣ въ XIII столѣтіи *):

*) Матью Пэрисъ (Mattew Paris), какъ это цитировано въ книгѣ „Путешествіе Вильяма Ребрека (William Rubruck), изданной Обществомъ Haklywut.

„Для того, чтобы человѣческія радости не могли быть особенно продолжительными и чтобы міровое благополучіе не длилось слишкомъ долго безъ „Воплей“, писалъ Матью Пэрисъ“, „въ этомъ году, (т. е. въ 1240) отвратительныя порожденія самого сатаны, т. е. безчисленныя толпища татаръ, прорвавшись, ринулись изъ предѣловъ своихъ горами окруженныхъ стойбищъ.

Стелясь на подобіе саранчи по земной поверхности, они причинили ужасныя опустошенія въ восточныхъ частяхъ Европы, и обратили ихъ съ помощью огня и меча въ пустыню. Они безчеловѣчны и звѣроподобны, представляютъ изъ себя скорѣе чудовищъ, нежели людей, всегда жаждутъ крови, которой и упиваются, рвутъ на части и пожираютъ собачье и человѣчье мясо. Одѣваются въ бычьи шкуры, вооружены желѣзными пластинами, малорослы, дородны, дюжи, сильны, непобѣдимы, съ незащищенными ничѣмъ спинами и грудями, покрытыми доспѣхами. Они съ наслажденіемъ пьютъ чистую кровь животныхъ своихъ стадъ, лошади ихъ толсты, сильны и ѣдятъ сучья и даже деревья; на этихъ лошадей имъ приходится влѣзать съ помощью трехъ ступенекъ, въ виду короткости ихъ бедръ... Они не знаютъ человѣческихъ законовъ, совершенно не имѣютъ понятія о комфортѣ и отличаются большей свирѣпостью, нежели львы или медвѣди... Они не щадятъ ни возраста, ни пола, ни положенія. Не знаютъ никакого другого разговорнаго языка, кромѣ своего собственнаго, котораго никто больше не понимаетъ, такъ какъ вплоть до самаго послѣдняго времени къ нимъ не было никакого доступа, и сами они, въ свою очередь, не показывались внѣ предѣловъ своей страны. При такихъ условіяхъ не имѣется никакихъ свѣдѣній объ ихъ обычаяхъ и личности, которые узнаются путемъ взаимныхъ сношеній людей другъ съ другомъ. Они бродятъ со своими стадами и женами, причемъ, послѣднія пріучены сражаться не хуже мужчинъ. Эти то существа появились вдругъ съ быстротою молніи на поруганіе христіанства, опустошая и избивая все на своемъ пути, наводя на всѣхъ ужасъ и внушая къ себѣ невообразимое отвращеніе“.

Вотъ какова была репутація монголовъ, когда имя ихъ впервые достигло Европы, сопутствуемое ощущеніемъ ужаса, которое предшествовало ихъ движенію впередъ. Самое слово татаринъ заставляло всякаго содрогаться. Ихъ считали „Божьимъ наказаньемъ". Старые писатели называли ихъ „испытаніемъ Божьимъ", демонами, посланными въ наказаніе людямъ.

Европа не считала монголовъ за людей,—она имъ отказывала въ чести быть врагами или обычными непріятелями, а считала ихъ какими то сверхестественными существами. Въ тѣ времена люди въ Европѣ искренно вѣрили, что у монголовъ собачьи головы, и что они питаются человѣчьимъ мясомъ. Вотъ какой дикій ужасъ охватилъ всю Европу, предшествуя появленію здѣсь татаръ. Грозящая человѣчеству опасность понималась здѣсь настолько преувеличенно, что даже датскіе рыбаки не рисковали пускаться въ море изъ боязни монголовъ.

Одну и ту же картину приходится наблюдать въ это время. какъ въ предѣлахъ крайняго востока, такъ въ предѣлахъ крайняго запада—какъ по берегамъ Тихаго Океана, такъ и по берегамъ Чернаго моря. Одинъ изъ китайскихъ историковъ этого періода восклицаетъ съ отвращеніемъ, что „со времени сотворенія міра ни одна изъ націй не была еще никогда настолько могущественной, насколько могущественны сейчасъ монголы. Они истребляютъ цѣлыя государства съ большой легкостью, нежели кто либо вздумалъ бы вырывать траву. Отчего же небеса терпятъ это!" Другой писатель, изображая послѣдствія монгольскаго верховенства, слѣдующими знаменательными словами, отмѣчаетъ, что „въ Азіи и въ восточной Европѣ врядъ-ли и собака можетъ лаять безъ разрѣшенія монгола".

Монгольское нашествіе, которое, пронесясь по всей Азіи, достигло преддверія Европы, оказалось настолько подавляющимъ, что правители послѣдней начали оживленно совѣтоваться другъ съ другомъ о томъ, какія мѣры имъ слѣдуетъ предпринять противъ грозящей опасности. Рѣшено было прибѣгнуть къ содѣйствію совмѣстныхъ выступленій, чтобы задержать этотъ человѣческій потокъ, такъ какъ ни одно государ-

ство не могло въ одиночку справиться съ нимъ. Ничто такъ отчетливо не свидѣтельствуетъ о боязни, внушенной ордами монголовъ даже и въ предѣлахъ величайшихъ европейскихъ государствъ того времени, какъ призывъ Фредерика II, Священнаго Римскаго императора, ко всему христіанскому міру, въ цѣляхъ отраженія нашествія ужасныхъ монголовъ. Представьте только себѣ посланіе адресованное „Германіи,—пылкой въ бояхъ, Франціи,—вскармливающей на своей груди неустрашимое воинство, воинственной Испаніи, Англіи—могущественной своими воинами и кораблями, Криту, Сициліи, дикой Иберніи и холодной Норвегіи—съ призывомъ организовать интернаціональный крестовый походъ противъ кочевниковъ—завоевателей, явившихся въ Европу изъ далекой Монголіи".

Выдержки изъ этого посланія, краснорѣчиво оттѣняютъ тотъ „монгольскій ужасъ", который охватилъ Европу въ 1240 году. „Народъ", писалъ Императоръ „вышедшій изъ крайнихъ предѣловъ свѣта, гдѣ онъ долгое время скрывался въ обстановкѣ ужасающаго климата, вдругъ жестоко обрушился на сѣверныя страны и усѣялъ ихъ на подобіе саранчи. Никто не знаетъ откуда эта свирѣпая раса получила свое наименованіе татаръ, но несомнѣнно одно, что не безъ явнаго промысла Божія послѣдніе были сохранены съ незапамятныхъ временъ въ качествѣ орудія для наказанія людей за ихъ прегрѣшенія и, можетъ быть, даже на гибель христіанства. Эта свирѣпая и варварская нація не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о законахъ человѣчества. Они, однако, имѣютъ вождя, котораго чтутъ и приказанію котораго слѣпо подчиняются, называя его земнымъ богомъ. Люди же низкорослы, дюжи, сильны, выносливы, и отличаются непоколебимой вѣрностью и по малѣйшему знаку своего вождя бросаются съ стремительной храбростью на самыя невообразимыя опасности. У нихъ широкія лица, скошенные глаза и они издаютъ самые ужасные крики и вой, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ обуревающимъ ихъ сердца чувствамъ. Они не знаютъ иныхъ одеждъ, кромѣ воловьихъ, ослиныхъ и лошадиныхъ шкуръ и вплоть до настоящаго времени у нихъ не имѣлось никакого иного воору-

женія, кромѣ грубыхъ, скверно сплоченныхъ желѣзныхъ пластинъ. Но уже теперь, — и мы не можемъ произнести этого безъ стона — они начинаютъ улучшать свое снаряженіе раздобывая его грабежомъ у христіанъ. Скоро, повидимому, гнѣвъ Божій разразится надъ нами и насъ эти варвары начнутъ постыдно убивать нашимъ же собственнымъ оружіемъ. Татары ѣздятъ верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ и въ настоящее время отъѣдаются самыми лакомыми кушаньями и одѣваются богато и изысканно. Они безподобные стрѣлки, говорятъ, что ихъ лошади въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣется подъ руками иного корма, могутъ питаться листьями, корой и корнями деревьевъ и несмотря на это сохранять свою бодрость силы и проворство".

Такимъ образомъ, ни разстояніе въ 4000 миль отъ своей родины по прошествіи менѣе чѣмъ 30 лѣтъ, послѣ своихъ первыхъ незначительныхъ и безцѣльныхъ набѣговъ успѣли же пріобрѣсти замѣчательную и незаслуженную репутацію. Они сумѣли вселить страхъ въ сердца всѣхъ людей отъ предѣловъ Китая и до Венгріи, отличаясь жестокостью въ сношеніяхъ, и были прирожденными воинами, особенно приспособленными для похода по открытымъ равнинамъ. Ихъ закаленныхъ въ лишеніяхъ и безпрекословно послушныхъ своимъ вождямъ, конечно, никакая сила остановить не могла; трудно было также помѣшать имъ, въ концѣ концовъ, рѣшительно завоевать Европу. Изъ этихъ грубыхъ простоватыхъ номадовъ, вышедшихъ изъ предѣловъ степей, отдаленнаго востока, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ блужданій и походовъ выработалась настоящая воинственная раса.

Въ тѣ времена монголы представляли самый подходящій элементъ, какой только можно вообразить для веденія Азіатской войны. По рожденію—бродяги, прекрасные природные наѣздники, они въ то же время отличались полной невзыскательностью, довольствовались малымъ, съ легкостью переносили всевозможныя тяготы и не знали усталости. Карпини отмѣчаетъ, что „они весьма выносливы, и даже послѣ однодневнаго и двухдневнаго вынужденнаго голоданія иногда распѣваютъ и прево-

сходно себя чувствуютъ, какъ будто брюхо ихъ и въ самомъ дѣлѣ набито пищей до отвала". Каждый человѣкъ у нихъ былъ воиномъ и численность этого народа была велика. Они въ высокой степени отличались благородными качествами и воинской доблестью. Монгольскіе пѣвцы (барды) предпочитали воспѣвать великаго сильнаго физически Чингизъ-Хана,—своего вождя, нежели его поразительныя побѣды. Они „величали въ своихъ пѣснопѣніяхъ его громкій голосъ, который, по ихъ увѣренію, звучалъ на подобіе грома въ горахъ и его сильныя руки, подобныя лапамъ медвѣдя, которыми онъ могъ сломать любого человѣка на двое съ такой же легкостью, съ какой сломалъ бы тонкую стрѣлу". Всѣ писатели въ одинъ голосъ отдаютъ монголамъ должное за ихъ истую храбрость, безпрекословное послушаніе и терпѣніе. Въ тѣ дни, монгольская раса должна была отличаться мужествомъ силой и физической крѣпостью. Многія различныя племена должны были тогда связаться воедино, подъ началомъ же единой власти и образовать одно родственное братство, отличающеся непреодолимой силой, горящее однимъ общимъ желаніемъ и поставившее себѣ единую общую цѣль, а именно—завоевать, умерщвлять и разрушать все то, что только попадалось ему на его пути.

По мѣрѣ того, какъ монгольскія орды продвигались все далѣе и далѣе къ западу и входили постепенно въ соприкосновеніе съ цивилизованными государствами, они начали принимать мало-по малу великолѣпіе и пышность завоеванныхъ ими странъ. Богатство сокровища и предметы роскоши внезапно оказались предоставленными къ ихъ услугамъ и они едва-ли усваивали себѣ, что съ этими предметами нужно дѣлать. Наиболѣе современные отчеты, свидѣтельствуютъ о томъ, что съ этого именно времени начались въ лагеряхъ монгольскихъ вождей хвастовство и расточительность, совершенно несоотвѣтствующіе суровой природѣ монголовъ. Забавно теперь читать какъ, напримѣръ, Карпини описываетъ великолѣпіе происходившей послѣ смерти Чингизъ-Хана церемоніи избранія Великаго Хана. Но это же лишній разъ указываетъ на огромность вліянія и расцвѣтъ силъ монголовъ въ кульминаціонный періодъ

ихъ мощи, что съ трудомъ вяжется съ послѣдующимъ ихъ упадкомъ.

„Этотъ съѣздъ, разсказываетъ Хьюкъ", всполошилъ всѣхъ Азіатскихъ князьковъ, вслѣдствіе чего дороги, которыя вели со всѣхъ концовъ континента къ центру татаріи, кишмя закишѣли стекавшими отовсюду къ этому мѣсту путешественниками". Затѣмъ онъ перечисляетъ принцевъ крови, явившихся сюда со своими воинскими конвоями (свитами, управители монгольскихъ владѣній въ Китаѣ верховныхъ повелителей Персіи, Туркестана и Трансъ-Оксіаны, упоминаетъ о русскомъ великомъ князѣ, о посланцахъ отъ Калифа Богдатскаго. Всѣ они явились сюда съ великолѣпными приношеніями и соперничали другъ передъ другомъ богатствомъ и блескомъ своего вооруженія. Купцы Персіи, Индіи и Китая собрались здѣсь же въ огромномъ количествѣ, привозя съ собою наиболѣе драгоцѣнныя произведенія различныхъ странъ востока". Царственная палатка Великаго Хана была малиноваго цвѣта съ позолотой, и изготовлена въ Китаѣ. На кругломъ диванѣ былъ сооруженъ тронъ изъ слоновой кости тщательно вырѣзанный и украшенный золотомъ и драгоцѣнными каменьями". Изумленіе вызвали также груда подарковъ, преподнесенныхъ Хану послами, состоявшихъ изъ шелковъ, порфиръ, отдѣланныхъ золотомъ шелковыхъ поясовъ, роскошныхъ мѣховъ и прочихъ предметовъ. Въ числѣ ихъ находился также подаренный Хану предметъ, походившій на зонтикъ, который обычно носился надъ головой императора. Зонтикъ этотъ весь былъ унизанъ драгоцѣнными каменьями". Все это происходило при дворѣ Хана Сѣверной Монголіи среди дикой скотоводческой мѣстности, гдѣ тѣ же самые монголы незадолго передъ тѣмъ занимались мирно выпасомъ своихъ стадъ и жили въ относительной бѣдности.

Нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ примѣровъ доблести, силы, пышности и могущества, которыми отличались монголы семь столѣтій тому назадъ. Нечего и говорить, что имперія монголовъ, простиравшаяся отъ Китая до Центральной Европы, отличалась гигантскими размѣрами и никогда еще не

была превзойдена какимъ-либо другимъ государствомъ, которое было бы создано однимъ человѣкомъ и притомъ въ такой короткій промежутокъ времени. Ея изумительной ростъ не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ и отличается такой же непреложностью, какъ и внезапность ея паденія. Недолговѣчная имперія скоро раскололась на отдѣльныя части, и понемногу монголы, какъ отдѣльная народность, исчезли во всѣхъ частяхъ Азіи, расположенныхъ внѣ предѣловъ родины собственно Монголіи.

Если эти первыя свѣдѣнія о монголахъ и можно заподозрить въ преувеличеніи, то во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ остается фактъ, что народъ этотъ не только господствовалъ въ Азіи, но даже диктовалъ свои условія правителямъ Европы. Мы хотимъ опредѣлить истинное значеніе монгольской мощи въ XIII столѣтіи и важное значеніе въ этомъ отношеніи приводимыхъ нами свѣдѣній разсѣивать всякія сомнѣнія, ясно свидѣтельствующія о томъ, что всѣ западныя націи вынуждены были объединиться для того, чтобы быть въ состояніи изгнать монголовъ изъ Европы, и что сила монголовъ была настолько велика, чго смогла потрясти весь тогдашній міръ ужасомъ и почти завоевать его. Насъ изумляетъ скорѣе фактъ внезапнаго исчезновенія съ міровой арены этого могущественнаго скотоводческаго народа. Гдѣ теперь монгольскія войска. До какихъ размѣровъ къ настоящему времени сократились ихъ когда то безчисленныя толпы. Что уцѣлѣло отъ обширно когда то раскинувшейся имперіи Чингизъ-Хана? Представителей этой расы, о которой когда то писалось, что она „пожираетъ государства точно траву“, можно въ наши дни видѣть лишь въ предѣлахъ открытыхъ вѣтрамъ и отдаленныхъ округахъ, составляющихъ исконную родину этихъ воителей, обратившихся снова къ безмятежной и незатѣйливой жизни пастушескаго народа, среди котораго не сохранилось и слѣдовъ былого желанія къ военнымъ предпріятіямъ и къ набѣгамъ на чужеземныя страны.

Займемся теперь разсмотрѣніемъ современныхъ монголовъ. Всякій человѣкъ, путешествующій по Монголіи и хорошо озна-

комленный съ исторіей и былымъ величіемъ народа населяющаго эту страну, усмотритъ несомнѣнно и въ теперешнемъ его состояніи многое изъ того, что приписывалось Монголіи въ приведенныхъ только что старинныхъ описаніяхъ. Онъ замѣтитъ, что они и до сихъ поръ остались такими же храбрецами, способными превосходно переносить усталость, холодъ и голодъ. Пожалуй въ физическомъ отношеніи современнаго монгола можно поставить въ ровень съ монголами, сражавшимися когда то подъ предводительствомъ Чингизъ-Хана. По всей вѣроятности, они продолжаютъ и теперь вести свой былой образъ жизни, при неизмѣнившихся съ теченіемъ времени физическихъ условіяхъ окружающей ихъ природной обстановки. Наряду съ тѣмъ, однако, самое существенное различіе наблюдается въ степени теперешняго соціальнаго и экономическаго благополучія народа съ таковымъ же благополучіемъ его въ былые дни. Вмѣсто того, чтобы остаться безпокойнымъ племенемъ, подвластнымъ благодаря воинской вѣрности своимъ предводителямъ, народомъ, который въ цѣломъ составлялъ единое братское сообщество, исповѣдующее единообразныя идеи, люди эти въ настоящее время—холопы своихъ управителей, угнетены, обложены податями сверхъ мѣры и лишены былой энергіи, безстрашія и воинскаго духа, который когда то служилъ предметомъ удивленія всему міру.

Существенно важнымъ фактомъ въ жизни монгола нужно признать совершившуюся за это время перемѣну имъ своей религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ происшедшая на протяженіи послѣднихъ 6 вѣковъ перемѣна и въ соціальныхъ условіяхъ также внесла значительныя преобразованія и завершилась въ концѣ концовъ экономическимъ истощеніемъ страны.

Обдумывая эти происшедшія измѣненія, передъ нами снова встаетъ неотступно вопросъ о причинѣ монгольскаго упадка. Повидимому, самыя различныя вліянія сыграли въ этомъ дѣлѣ свою посильную роль, а именно:—ухудшеніе климата, введеніе новой религіи, наконецъ, тяготы бремени чужеземнаго ига. Каждую изъ этихъ причинъ мы и разсмотримъ въ отдѣльности, потому что онѣ лучше всего смогутъ отмѣтить наблюдаемую

разницу въ условіяхъ существованія современныхъ и древнихъ монголовъ.

Ухудшеніе пастбищныхъ угодій Монголіи, объясняемое измѣненіемъ къ худшему климатическихъ условій страны, служитъ весьма вѣроятной причиной наблюдаемаго обѣдненія монгольской расы. На основаніи наблюденій проф. Хентинтона въ Китайскомъ Туркестанѣ, гдѣ доказано, что центральная Азія отличается въ настоящее время гораздо большей сухостью, нежели въ былыя времена, вполнѣ возможно предположить, что то же самое явленіе—усыханіе происходитъ и въ дальнѣйшихъ округахъ Азіи, не исключая въ этомъ числѣ и Монголіи. Намъ самимъ пришлось наблюдать и притомъ весьма наглядно, по старымъ берегамъ озерныхъ вмѣстилищъ, вліяніе сокращенія въ выпаданіи въ районахъ этихъ съ теченіемъ времени атмосферныхъ осадковъ. Не вызываетъ ни малѣйшихъ сомнѣній тотъ фактъ, что огромное пространство Монголіи, теперь представляющее изъ себя лишь весьма скудныя пастбищныя угодья, могло бы, при условіяхъ, хотя бы нѣсколько болѣе обильныхъ лѣтнихъ дождей, пріобрѣсти значительно большую, чѣмъ теперь цѣнность. На широкой зонѣ страны, расположенной между собственно Гоби и приграничными горными районами, это сокращеніе въ дождепадѣ отразилось несомнѣнно. Возвышенныя холмистыя части страны, поднимающіяся надъ пустынными равнинами, простираются на огромномъ протяженіи вдоль южныхъ границъ внѣшней Монголіи, и всѣ онѣ въ прежнія времена не могли не быть используемы жившими здѣсь монгольскими племенами. Присоединеніе пространствъ этихъ холмистыхъ частей Монголіи, расположенныхъ на высотѣ отъ 4-хъ до 6 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря, къ настоящимъ используемымъ монголами пастбищнымъ угодьямъ, повлекло бы за собой почти удвоеніе наличной площади, способной обезпечивать существованіе людского населенія; въ настоящее же время пространства эти не считаются вовсе пастбищными пространствами.

То, что Монголія потеряла съ теченіемъ времени большія пространства когда то хорошихъ земель, не исключаетъ однако

того обстоятельства, что современное ея населеніе далеко не занимаетъ еще всѣхъ остающихся здѣсь годными для использованія человѣкомъ земельныхъ площадей. Въ предѣлахъ Монголіи имѣется еще большой запасъ совершенно незанятыхъ пространствъ. Высказывая означенное положеніе, я беру на себя отвѣтственность, такъ какъ утверждаю это только на основаніи нашихъ личныхъ наблюденій. Частичныя особенности, которыя намъ пришлось изучать, могутъ и не оказаться свойственными всей Монголіи. Я говорю только о ея сѣверо-западной части. Конечно, окончательное заключеніе можетъ быть достигнуто лишь путемъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. При этомъ я не могу не упомянуть для примѣра о Тергенскихъ возвышенностяхъ и не остановиться особо на вопросѣ о пространствѣ пастбищъ съ указаніемъ соотношенія здѣсь находящихся въ использованіи и еще необитаемыхъ площадей. Мы посѣтили эти районы уже въ концѣ лѣта, или въ такой сезонъ, когда азіатскіе скотоводы группируются обычно въ предѣлахъ наиболѣе возвышенныхъ мѣстъ, на которыя они имѣютъ обыкновеніе взбираться. Не смотря на это, однако, а также и на то, что весь этотъ горный районъ занимаетъ центральную часть большого пространства, находящагося во владѣніи сильнаго племени численно превосходящаго всѣ прочія групповыя подраздѣленія монголовъ, мы обнаружили здѣсь очень большое число горныхъ пастбищъ, не только не населенныхъ, но явно даже никѣмъ не используемыхъ. Далѣе, къ западу намъ опять-таки пришлось въ теченіе цѣлой недѣли охотиться въ предѣлахъ очаровательной пастбищной страны, и мы ни разу не увидѣли здѣсь ни овечьяго стада, ни лошадинаго табуна. Изъ этого я заключаю, что скудость монголовъ не вызывается недостаткомъ у нихъ удобныхъ для использованія земель, такъ какъ если-бы только они смогли это осуществить, то для собственнаго размноженія имъ не было бы никакой надобности расширять границы своихъ владѣній.

Обращаясь теперь къ вопросу о роли чужеземнаго ига, которое часто выдвигается изслѣдователями въ качествѣ основной причины отсталости опредѣленныхъ, подпавшихъ ему, на-

родовъ, долженъ замѣтить, что какъ разъ въ отношеніи монголовъ утвержденіе это не можетъ имѣть подъ собой почвы, такъ какъ послѣдніе никогда не испытывали особыхъ притѣсненій со стороны своихъ иноземныхъ правителей—манчжурской династіи. Эти правители сохранили въ ненарушаемой цѣлости привилегіи монголовъ, запретили колонизацію и скупку ихъ земель китайцами и обезпечили монголамъ мирную и ничѣмъ не тревожимую жизнь. Манчжурское иго, вплоть до самаго послѣдняго времени было несомнѣнно для нихъ легкимъ игомъ. Монголамъ, какъ и въ былыя времена предоставлена была свобода управляться собственными вождями, надъ которыми только стоялъ представитель китайскаго правительства, дѣйствовавшій въ качествѣ посредника между вождями и пекинскими чиновниками.

Въ послѣдніе годы, однако, послѣ сверженія манчжурской династіи, китайцы сдѣлались болѣе энергичными и болѣе рѣзкими въ смыслѣ поддержанія своихъ интересовъ въ Монголіи. Благодаря собственной перенаселенности и усиливающемуся непрестанно желанію со стороны безчисленнаго множества землепашцевъ отправляться на поиски новыхъ пристанищъ за предѣлы Великой стѣны мало-по-малу получила свое начало медленная, но вѣрная китайская колонизація всѣхъ годныхъ для землепашества земель въ Монголіи. Въ направленіи къ сѣверу потянулись энергичныя толпы упорныхъ китайскихъ колонистовъ. Они перешли границы и вступили въ предѣлы внутренней Монголіи, гдѣ отняли земли и потѣснили назадъ туземцевъ—монголовъ, пересѣкли зону пустыни, раздѣляющую внутреннюю Монголію отъ внѣшней и, въ концѣ концовъ, съ жадностью устремились въ предѣлы наиболѣе привлекательныхъ для нихъ земель, расположенныхъ вдоль монгольско-сибирской границы. Этимъ колонистамъ помогаетъ государство и они перевозятся до мѣста своего назначенія при содѣйствіи китайскаго правительства. Въ ихъ числѣ встрѣчаемъ не только фермеровъ и хлѣбопашцевъ, но и торговцевъ, жадныхъ до наживы и лелѣющихъ тайное намѣреніе—совершенно поработить монгольскихъ пастуховъ. При такихъ условіяхъ, уже и теперь всѣ тѣ про-

дукты Монголіи, которые только не отправляются въ Сибирь, доставляются китайскими посредниками на китайскіе же рынки. Овцы и рогатый скотъ, напримѣръ, который можно встрѣтить на рынкахъ сѣвернаго Китая, за безцѣнокъ пріобрѣтаются въ Монголіи китайцами и продаются затѣмъ послѣдними съ баснословной прибылью въ предѣлахъ ихъ родныхъ провинцій. Не смотря на послѣдовавшее открытіе Монголіи сами монголы пока еще ничего отъ этого не выиграли, говорятъ, будто китайцы постарались даже захватить небольшія пространства обработанныхъ земель въ Монголіи, и мало-по-малу стремятся теперь лишить владѣній наслѣдственныхъ князей Монголіи при помощи неблаговиднаго способа ссуженія послѣднимъ денегъ.

Роль Китая въ Монголіи за послѣдніе годы пріобрѣла несомнѣнно громадное вліяніе. Появленіе представителей болѣе мужественнаго и болѣе передового народа среди монголовъ, конечно, могло причинить имъ нѣкоторую долю вреда. Однако, обнищаніе этихъ кочевниковъ нельзя все же объяснять исключительно вліяніемъ только деспотическаго и строгаго чужеземнаго правленія. Даже двухгодовая вербовка, къ которой привлечены монголы, обязанность содержанія ими пограничныхъ карауловъ, несеніе транспортной повинности въ отношеніи проѣзжающихъ путешественниковъ, повинности продовольственной въ отношеніи правительственныхъ чиновниковъ, а равно и уплата податей, которыми они обложены, сами по себѣ не могли бы послужить причиной чрезвычайной бѣдности этого народа, если бы онъ не несъ на себѣ еще другихъ тяготъ, болѣе неумолимыхъ и изнурительныхъ нежели всѣ эти подати, которыми монголъ обязанъ своимъ властителямъ. Нашею задачей мы и ставимъ себѣ показать, что эти тяготы послужили причиной не только тому, что монголы прозябаютъ теперь въ бѣдности, но что онѣ повліяли на сокращеніе рождаемости этого народа и сыграли несомнѣнно крупную роль въ дѣлѣ загадочнаго превращенія монголовъ, бывшихъ когда-то гордыми, непобѣдимыми воинами, въ миролюбивыхъ, лишенныхъ былыхъ честолюбивыхъ замысловъ, пастуховъ-овцеводовъ.

Если бы какой-нибудь монголъ, современникъ Чингисъ-

Хана, воскресъ теперь внезапно, онъ почувствовалъ бы себя среди современныхъ монголовъ—въ родной семьѣ. Онъ бы увидѣлъ, что покрой одежды, которую онъ когда-то носилъ самъ, съ теченіемъ времени не измѣнился, узналъ бы свои родныя палатки и сразу же освоился бы съ хорошо знакомыми ему самому способами выпаса животныхъ и повседневной будничной обстановкой кочевой жизни. Но при всемъ томъ онъ бы не преминулъ замѣтить также и одну весьма существенную перемѣну, которую на первыхъ порахъ, вѣроятно, не былъ бы совершено въ состояніи объяснить себѣ. Онъ поразился бы—почему вокругъ стойбищъ не видно почти работающихъ молодыхъ людей, и почему такъ мало пастуховъ занимается выпасомъ своихъ стадъ. Вмѣсто привычной ему картины шумливыхъ группъ трудящихся до пота лица мужчинъ, ему бы бросились вдругъ въ глаза многочисленныя толпы тѣхъ же мужчинъ, но только одѣтыхъ въ платья совершенно неизвѣстнаго ему покроя, мужчинъ, лѣниво предающихся бездѣлью въ непринадлежащихъ имъ самимъ юртахъ и живущихъ въ лагеряхъ, къ которымъ ихъ не привязываетъ никакая трудовая забота. Очутившійся въ обстановкѣ современной Монголіи, монголъ XIII-го столѣтія былъ-бы также немало пораженъ видомъ многочисленныхъ строеній, которыя за это время возникли въ каждомъ, мало-мальски крупномъ центрѣ монгольской жизни; строенія эти называются убѣжищами для ламъ (кумирнями), въ которыхъ подъ одной кровлей проживаютъ теперь толпы лѣнивыхъ здоровыхъ людей. Только изъ разспросовъ ему бы выяснилось, что строенія эти представляютъ изъ себя храмы новой вѣры и онъ сразу же почувствовалъ бы, что его собственныя шаманистскія идеи—являются идеями прошлаго, что новый культъ явился здѣсь уже на смѣну, стараго ему знакомаго культа. Онъ понялъ бы также почему здѣсь исчезли тѣ былые всадники, постоянной заботой которыхъ было упражненіе въ отвагѣ и которые находились всегда въ полной боевой готовности, такъ какъ вмѣсто нихъ появились здѣсь теперь на сцену страннаго вида, одѣтые въ желтаго цвѣта одежды ламы, дрожащіе за свою жизнь, защитники идеи мира, а не войны.

Короче говоря, самымъ существеннымъ различіемъ между современными монголами и ихъ сородичами тринадцатаго столѣтія является фактъ подчиненія первыхъ могущественной религіозной организаціи, охватывающей теперь пространства равныя, если не большія, тѣхъ, которыми когда-то повелѣвали воинственные монгольскіе вожди. Этой то религіозной организаціи я и приписываю наиболѣе существенную роль въ дѣлѣ измѣненія условій монгольской жизни и думаю, что не грѣшу при этомъ противъ истины. Только познакомившись съ доктринами ламаистическаго вѣроученія, можно усвоить—что за огромную силу оно представляетъ изъ себя.

Вѣроученіе это мало—по малу вылилось въ цѣлую систему, играющую въ настоящее время роль главнѣйшаго соціальнаго фактора монгольской жизни—для насъ стало яснымъ также, почему такъ сильно измѣнился теперь и характеръ монголовъ.

Насажденію ламаизма въ Монголіи старались благопріятствовать и всемѣрно развитіе его здѣсь поощряли китайцы, которые прекрасно понимали значеніе вліянія подобной организаціи среди кочевого народа. Китайцы покровительствовали монастырямъ, щедро одаряли ихъ и устанавливали особыя привилегіи для ламъ, хорошо зная, что усиліемъ вліянія жрецовъ, обезпечивается покорность подвластныхъ народа и его вождей. Фактъ этотъ служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, въ чемъ слѣдуетъ искать главную причину происшедшей въ монголахъ перемѣны со времени XVI столѣтія. Съ очень давнихъ поръ, какъ о томъ гласятъ китайскія лѣтописи, китайцы всегда старались сбуздывать задорныя племена, жившія въ предѣлахъ пограничныхъ съ ними—земель, но дѣло это не ладилось, пока на помощь не явилась живая могущественная сила въ лицѣ религіи, которой и удалось въ нѣсколько лѣтъ смягчить энергичный, воинственный пылъ и хищническіе инстинкты монголовъ.

Трудно себѣ представить еще болѣе могущественную силу, которая съ большимъ успѣхомъ могла бы укоренить въ сознаніи боевой расы твердыя начала мира. Сущность этой религіи—спокойствіе. Тамъ, гдѣ становится ненужнымъ орудіе—ему на

смѣну является ламаизмъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ принятія буддизма—воины превратились въ жрецовъ и монголы стали подданными Китая.

Процессъ перерожденія въ настоящее время завершенъ. Люди, предковъ которыхъ міровая исторія называетъ убійцами своихъ родныхъ братьевъ и самыми кровожадными воителями, теперь, подъ вліяніемъ буддизма, совѣстятся лишать жизни человѣка и даже считаютъ священной жизнь животныхъ и насѣкомыхъ! Буддизмъ же учитъ индифферентному отношенію къ вопросамъ прогресса, знанія, предпріимчивости и успѣха; онъ обладаетъ способностью подавлять честолюбіе и потому всегда влечетъ за собою отсталость народа, его исповѣдывающаго.

Но дурныя послѣдствія, вытекающія изъ ламаизма, сказываются, однако, не только въ области духовной, они сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ также и на физическія условія существованія человѣка. Ламаизмъ поглощаетъ большую часть мужского населенія, заставляя огромное большинство людей, которые при обычныхъ жизненныхъ условіяхъ могли бы стать хорошими кормильцами и работниками, превращаться въ сущихъ паразитовъ. Монгольскіе мальчики, напримѣръ, которые въ былые дни посвящали свое время воинскимъ и физическимъ упражненіямъ, работамъ по лагерю и выпасу стадъ животныхъ, теперь въ самомъ раннемъ возрастѣ поступаютъ въ качествѣ учениковъ въ кумирни и вся ихъ жизнь проходитъ цѣликомъ въ соблюденіи установленныхъ обрядовъ и въ прислуживаніи во время богослуженій. Выростая, они мало-помалу привыкаютъ къ лѣнивой, безполезной жизни и вполнѣ впадаютъ въ зависимость отъ другихъ людей, тогда какъ при иныхъ условіяхъ могли бы оставаться независимыми и самостоятельно заботиться объ обезпеченіи своего существованія. Эта то огромная армія ламъ и является бременемъ Монголіи. Здѣсь не прекрекращаются постоянные споры относительно доли участія мирянъ въ снабженіи своихъ собратьевъ—паразитовъ лучшими, какіе только у нихъ имѣются, продуктами. Безпечная жизнь, царящая при кумирняхъ, становится жизнью народа вообще,—а инертность, какъ слѣдствіе такой жизни,

служитъ ея характерной особенностью. Ламѣ никогда не приходится работать, такъ какъ всѣ его нужды исполняютъ за него другіе; онъ даже избавленъ отъ обязанности нести военную службу, которая для рядового монгола является принудительной. Эта льгота сама по себѣ можетъ служить уже крупнымъ стимуломъ—для монголовъ къ посвященію себя ламской профессіи, такъ какъ военная служба настолько для нихъ сдѣлалась противной, что даже и тѣ, которые должны подлежать призыву, часто пытаются избѣжать его посредствомъ подкуповъ. Наблюдательный Пржевальскій отмѣчаетъ, что китайскія оффиціальныя власти весьма благосклонно относятся къ этому явленію, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о томъ, что воинственный пылъ кочевниковъ, съ которымъ китайскимъ властямъ когда-то приходилось очень считаться, въ настоящее время годъ отъ году все болѣе и болѣе угасаетъ.

Другимъ факторомъ, на которомъ нельзя также не остановиться, говоря о вліяніи ламаизма на монголовъ, служатъ вытекающія, изъ предполагаемаго целибата почти половины всего наличнаго мужского населенія, послѣдствія. Само по себѣ явленіе это не можетъ особенно сильно вліять на сокращеніе рождаемости; но фактъ, о которомъ уже упоминалось выше, наличія среди монголовъ большого числа лѣнтяевъ, ослабляетъ несомнѣнно экономическія условія, отражаясь прежде всего на ограниченіи приплода стадъ и вытекающаго изъ сего сокращенія жизненныхъ рессурсовъ страны. Это сокращеніе настолько велико, что въ Монголіи ощущается даже избытокъ населенія по сравненію съ ея рессурсами, а это влечетъ за собою вполнѣ естественно нужду, бѣдность и, по всей вѣроятности, необходимость искусственно ограничивать рождаемость.

Приведенные доводы, пожалуй, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ вліяніемъ ламаизма утрачена монголами храбрость и смягчены ихъ нравы; на основаніи этихъ же доводовъ нельзя не признать, что въ ламаизмѣ кроется главнѣйшая разгадка современнаго бѣдственнаго состоянія монгольскихъ кочевыхъ племенъ. Другое, вспомогательное доказательство справедливости этого утвержденія мы усматриваемъ на примѣрѣ племени,

которое живетъ по близости, не исповѣдываетъ буддизма и ни въ какомъ случаѣ не обнаруживаетъ признаковъ упадочности. Бокъ-о-бокъ съ монголами обитаетъ въ предѣлахъ того же территоріальнаго округа кочевое тюркское племя — киргизовъ — кирейцевъ—по быту своему совершенно схожихъ съ монголами; однако степень благосостоянія этого племени и безостановочный прогрессъ его, составляютъ прямой контрастъ — монголамъ. Кирейцы—эти исповѣдываютъ магометанство.

Монголію мы посѣтили до революціи 1911. года. Послѣ этого произошли такія поразительныя перемѣны въ политическомъ устройствѣ внѣшней части этой страны, что въ настоящій моментъ будущее ея находится какъ-бы въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Пало владычество манчжуровъ; китайская революція представила случай монгольскимъ вождямъ сговориться объ объявленіи независимости Монголіи. Монголы считаютъ себя вассалами императоровъ манчжурской династіи. Разъ послѣдніе свергнуты съ престола, тѣмъ самымъ отпадала значитъ для монголовъ и безусловная необходимость подчиняться новому режиму въ Китаѣ. Шагъ, предпринятый монголами, невольно наводитъ на мысль, что народъ этотъ вовсе не такой ужъ погибшій и безсильный, какъ это можно было бы легко себѣ представить.

Несмотря на то, что мѣстныя мнонгольскія власти, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, обязаны были китайской поддержкѣ, представители и той и другой высказались за необходимость отложенія Монголіи отъ Китая. Безъ сомнѣнія, это событіе въ значительной мѣрѣ вызвано не изгладившимся еще изъ памяти высокомѣрнымъ въ отношеніи монголовъ поведеніемъ правительства, которое само побудило монгольскихъ князей порвать съ вѣрноподданническими чувствами и заставило ихъ обратиться къ чужеземной помощи. Помимо этой нанесенной монголамъ обиды оказали вліяніе на отложеніе Монголіи еще слѣдующія обстоятельства: энергичныя усилія Китая обосноваться болѣе прочно въ предѣлахъ своихъ сѣверныхъ приграничныхъ округовъ, вводъ въ Монголію китайскихъ гарнизоновъ, вербовка

монгольскихъ эскадроновъ и, въ особенности, отмѣна закона, запрещавшаго колонизацію Монголіи китайцами. Никакая другая обида не повергаетъ съ такой быстротою кочевой народъ въ недовольство и возмущеніе, какъ медленное ограничиваніе его прерій и превращеніе его пастбищныхъ угодій въ пагини. Вожди усмотрѣли въ этомъ не только частичную утрату своихъ полномочій, но и предугадывали полную потерю своей власти, въ томъ случаѣ, если китайцы такимъ же темпомъ впредь будутъ продолжать проводить въ жизнь свою агрессивную въ отношеніи Монголіи политику. Народъ, конечно, не преминулъ поддержать въ этомъ случаѣ своихъ управителей. Аналогичное поведеніе представителей церкви не поддается, однако, такому же ясному анализу, потому что въ случаѣ распространенія на Монголію русскаго вліянія, это неизбѣжно должно будетъ повлечь за собою какъ попытку ослабить значеніе здѣсь духовныхъ властей, такъ и обѣдненіе существующихъ въ Монголіи убѣжищъ для ламъ.

Считая совершившимся фактомъ установленіе автономіи Монголіи подъ протекторатомъ Россіи [1]), мы можемъ смѣло предсказать неизбѣжность крупныхъ и коренныхъ перемѣнъ въ образѣ жизни монголовъ и всего будущаго монгольской расы. Монголія сдѣлается, а фактически можетъ быть она уже и сдѣлалась—страной оживленной дѣятельности и прогресса, тогда какъ до сего времени она была страною застоя и подавленности. Русскіе купцы нахлынутъ въ предѣлы страны, здѣсь будутъ построены желѣзныя дороги, а незанятыя сейчасъ никѣмъ земли будутъ отведены для нуждъ земледѣлія и пустыня оживетъ. Создадутся облегченныя условія для торговли, выгодныя какъ для монголовъ, такъ и для русскихъ. Что касается будущаго монголовъ, то мы склонны видѣть его въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Монгольская масса представляется для того весьма благопріятнымъ матеріаломъ и если наладятся только добрыя торговыя сношенія—будущее монгольскихъ пастуховъ—несомнѣнно обезпечено. Никакая человѣческая раса не могла бы

[1]) См. текстъ русско-монгольскаго протокола соглашенія.

просуществовать въ теченіе такого большого промежутка времени при тѣхъ суровыхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя нами были описаны выше, въ особенности, если принять во вниманіе безконечные поборы, которые ей приходилось уплачивать своимъ вождямъ, правительству и церкви.

Эксплоатація минеральныхъ богатствъ Монголіи Россіей сама по себѣ явится нововведеніемъ колоссальной важности и произведетъ крупный переворотъ въ смыслѣ измѣненія отношеній монгольскаго народа къ его управителямъ. Со временемъ хана Кублая, съ XII вѣка незыблемо соблюдался—считавшійся божественнымъ законъ, воспрещавшій кому бы то ни было, подъ страхомъ смертной казни, копать землю и извлекать изъ нея сокровища. Китай усиленно поддерживалъ этотъ законъ. Только правительство, да князья церкви—воплощавшіе собою Будду на землѣ — имѣли право распоряжаться драгоцѣнными металлами. Цѣлыя поколѣнія монголовъ покорно сжились съ этой монополіей. Теперь, съ подобной традиціей будетъ, конечно, покончено разъ навсегда, и священный законъ Тибетскаго Будды отойдетъ въ область преданія. Иностранцы займутся разработкой золотыхъ мѣсторожденій, а это будетъ означать утрату китайскимъ суверенитетомъ и церковью большой доли ихъ былого престижа. Благодаря этимъ, новымъ для Монголіи, оживленію и дѣловитости, ея прошлая летаргія, внѣ сомнѣнія, будетъ нарушена и, мы надѣемся, рано или поздно совершенно исчезнетъ. Податные запросы къ монгольскому народу—сократятся и самъ онъ освободится оть обязательства платить дань китайцамъ и отъ необходимости исполнять граничащіе съ вымогательствомъ поборы составляющаго въ настоящее время народную тяготу сословія ламъ. Значеніе ламаизма само собою умалится, потому что согласно русскимъ порядкамъ, избирать своей спеціальностью ламскую профессію разрѣшается только $^1/_5$ части всего наличнаго мужского населенія.

Въ этомъ отношеніи прецедентомъ можетъ послужить исторія бурятъ, народа монгольскаго происхожденія, подданнаго Россіи, проживающаго въ предѣлахъ Сибири и исповѣдывающаго

тоже буддійскую религію. Опытъ этого народа, если только онъ будетъ повторенъ, даетъ поводъ надѣяться на такое же будущее и для монголовъ. Буряты, со времени ихъ подчиненія Россійской имперіи, воздѣлываютъ землю, занимаются разными видами торговли, изучаютъ русскій языкъ, занимаютъ государственныя должности, переходятъ, правда случайно, въ христіанство и вообще живутъ хорошо и зажиточно. Результатомъ новаго русско-монгольскаго соглашенія является—для Россіи пріобрѣтеніе возможности использованія цѣнныхъ земель, тогда какъ монголы такимъ путемъ обезпечили себѣ близкій и вполнѣ опредѣленный рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ, дружбу купцовъ и поселенцевъ, понимающихъ ихъ и гораздо благосклоннѣе къ нимъ расположенныхъ, нежели китайцы.

Вліяніе Россіи, внѣ сомнѣнія, имѣетъ въ Монголіи значительное преимущество по сравненію съ вліяніемъ Китая. Между русскими и монголами быстро устанавливается братаніе, а расовыя различія между ними не такъ рѣзко подчеркнуты, нежели между китайцами и монголами. Есть основаніе надѣяться, что монголы современемъ подпадутъ всецѣло такому же вліянію и это даетъ намъ возможность предчувствовать неизбѣжность умаленія главнаго гнета Монголіи—тиранніи кумиренъ, каковая, какъ мы уже указывали выше, является основной причиной упадка монгольской расы.

Я вполнѣ отчетливо представляю себѣ этотъ народъ живущимъ въ новыхъ для него условіяхъ, возрождающимся къ новой жизни, какъ бы вновь воскресающимъ, для того, чтобы стать попрежнему достойнымъ уваженія и зажиточнымъ кочевымъ народомъ, играющимъ роль государства буфера между двумя великими имперіями—Россіей и Китаемъ.

Оглавленіе.

Стр.

Отзывъ о трудѣ Д. Каррутерса лорда Керзона III

Отъ автора VII

Невѣдомая Монголія.

Введеніе 1

Глава I. По Сибири къ границамъ Монголіи 27

„ II. Древняя Сибирь 49

„ III. Сибирскіе дѣвственные лѣса 76

„ IV. Бассейнъ Верхняго Енисея 99

„ V. Убѣжища урянхайцевъ 125

„ VI. Центральная часть бассейна Верхняго Енисея 154

„ VII. Центральная часть бассейна и Кемчикъ 187

„ VIII. Урянхайцы и ихъ олени 208

„ IX. Тергенскія возвышенности и вліяніе Монголіи 273

„ X. Монголія въ прошломъ и настоящемъ 315

КАРТОГРАФ. ЗАВ. А. ЯКОВЕНКО КРОНВЕРКСКІЙ ПР. 63, ПЕТРОГРАДЪ.

А 29
4—110.

Каррутерс, Д.
Неведомая Монголия
1914.

610

Екатерининская типографія. Звенигородская ул., с. д., № 30.

Проверено
1953 г.